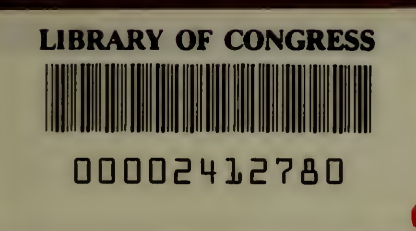

LIBRARY OF CONGRESS
00002412780

THE LIBRARY OF CONGRESS

СКАЗКИ

КОТА-МУРЛЫКИ

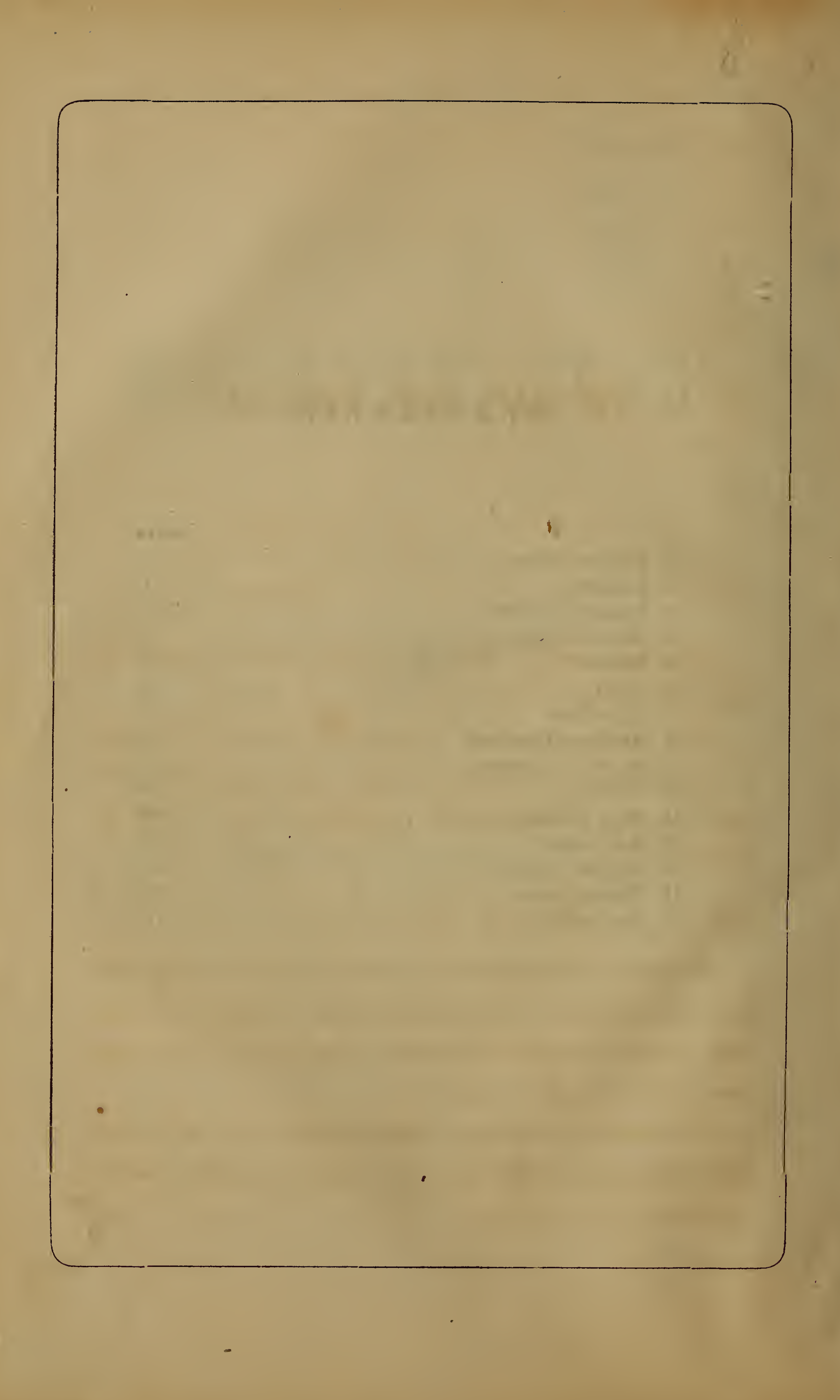
собранныя

Николаемъ Вагнеръ.

Изданіе Стасовой и Трубниковой

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. Траншеля, на уг. Невск. и Вл. пр., д. № 45—1.
1872.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КТО БЫЛЪ КОТЪ МУРЛЫКА?

Жилъ Котъ-Мурлыка,
Былъ Котъ Сибирскій...

Жуковскій.

Издавая сказки Кота-Мурлыки, необходимо сказать хоть нѣсколько словъ объ ихъ авторѣ.

Это былъ старый и весьма почтенный Котъ, но, къ сожалѣнью, полный всякихъ противурѣчій. Онъ былъ старъ и постоянно напѣвалъ одну и ту же пѣсню:

Nicht alles was altes ist gut!...

Такимъ образомъ онъ никакъ не могъ сдѣлаться ни антикваріемъ, ни архиваріусомъ, хотя бы въ какомъ нибудь коммисаріатскомъ архивѣ и существовали самыя жирныя крысы.

Онъ былъ, безспорно, почтенный Котъ, но всегда вооружался противъ всякаго почтенья, называя его китайской церемоніей.

Онъ любилъ науку, и терпѣть не могъ ученыхъ. Любилъ искусство, и ненавидѣлъ искусниковъ: въ особенности такихъ, которые всю свою жизнь пѣли фальшивыя ноты.

Однимъ словомъ—это былъ очень оригинальный Котъ, хотя всякую оригинальность не любилъ и преслѣдовалъ: во-первыхъ уже потому, что никакъ не могъ отличить оригинальнаго отъ моднаго, а главное, потому что все оригинальное, по его мнѣнію, заслоняетъ отъ насъ все обыкновенное, простое, что мы должны изучать или что требуетъ нашей помощи.

Бѣдный Котъ былъ немного помѣшанъ. У него была одна idée fixe, отъ которой не могли освободить его всѣ европейскіе и американскіе эскулапы.

— Я, говорилъ онъ, родился на свѣтъ внизъ головой, и съ тѣхъ поръ все на свѣтѣ мнѣ кажется вверхъ ногами.

— На верху стоятъ сильные и прекрасные золотые тельцы, передъ которыми многіе преклоняются, или по крайней мѣрѣ скачутъ и пляшутъ на заднихъ лапкахъ, а мнѣ кажется, что на верху стоятъ тѣ самые маленькіе червячки, которые весь день-деньской роются въ землѣ изъ-за насущнаго хлѣба, и стоятъ потому, что первые должны же быть когда нибудь послѣдними...

— На верху стоитъ человѣколюбивое братство и отдаетъ своему ближнему послѣднюю собственную рубашку,—а мнѣ кажется, что на верху стоитъ именно та самая собственная рубашка, которая ближе къ тѣлу, чѣмъ всякая другая.

— На верху стоитъ столбъ прогресса, съ рукой, указующей, куда идти людямъ,—а мнѣ кажется, что этотъ столбъ давно лежитъ на боку, а на немъ лежатъ люди, твердя въ умиленіи сердецъ: chi va piano, va sano!

— На верху стоитъ свѣтильникъ міра, потому что никто не ставитъ его подъ столъ, — а мнѣ кажется, что онъ именно стоитъ подъ тѣмъ столомъ, за которымъ пируетъ добрая богиня Глупость и ворожитъ всѣмъ, кому хорошо живется на свѣтѣ.

— На верху стоитъ истина, вѣчно влекущая на свободу сознанный фактъ,—а мнѣ кажется, что на верху курятся тѣ самыя старыя курильницы, которыя стоятъ тамъ со временъ древнихъ авгуровъ, а внизу... Но внизу нельзя ничего разобрать за облаками одуряющаго дыма...

— Ахъ! скоро ли же мнѣ представится, что люди ходятъ вверхъ головами и не болтаютъ ногами по воздуху?

И бѣдный Котъ усиленно махалъ хвостомъ, желая отогнать отъ себя неотвязную idée fixe. Но это средство, разумѣется, не помогало, и онъ принимался

мурлыкать безконечныя пѣсни и сказки. Его окружали и слушали дѣти, среди которыхъ его старому сердцу было тепло и пріютно.

Но и тутъ онъ не зналъ покоя. И тутъ къ нему приставали разные „крючкотворы“, которые разбирали каждую его мысль, каждое слово.

— Что это ты сентиментальничаешь, говорилъ одинъ крючкотворъ. Развѣ идутъ эти нѣжности къ твоимъ сѣдымъ усамъ?

— Поди выдуби свою кожу, говорилъ Котъ — и сердце также, если тебѣ покажется это лучше. — Я тебѣ не мѣшаю.

— Что это ты самъ себѣ противорѣчишь? говорилъ другой крючкотворъ.

— Только одна палка не знаетъ противурѣчій, ворчалъ Котъ, я не хочу быть палкой.

— А зачѣмъ ты разсказываешь дѣтскимъ языкомъ не дѣтскія сказки? спрашиваетъ третій крючкотворъ. Развѣ могутъ понимать тебя дѣти?..

Но тутъ Котъ терялъ всякое терпѣнье. Онъ вскакивалъ и съ яростью накидывался на всѣхъ крючкотворовъ:

— Да вы кто?!.. кричалъ онъ. Развѣ вы сами не дѣти въ общемъ ростѣ того ребенка, котораго зовутъ человѣчествомъ, ребенка съ уродливой, тя-

желой головой, которая постоянно перевѣшиваетъ его внизъ?

— Оно, ваше великое человѣчество, прожило столько вѣковъ, и до сихъ поръ не знаетъ: который ему годъ?

— До сихъ поръ оно не можетъ освободиться отъ старыхъ пеленокъ, или отъ помочей, на которыхъ его водятъ...

— Оно до сихъ поръ гоняется за красивыми бабочками, или за блуждающими огоньками, которые вспыхиваютъ надъ каждымъ болотомъ.

— Каждую минуту оно готово драться, царапаться до крови, за каждый клочокъ дрянной земли, за всякую пустую погремушку.

— Оно хвастаетъ своимъ знаніемъ, и до сихъ поръ не можетъ прочесть одного слова: „Человѣчность", перваго всеміpнаго слова, которому училъ его болѣе восемнадцати вѣковъ тому назадъ Великій Учитель...

— Подите же вы прочь съ вашими вопросами. Подите и поучитесь у этихъ малыхъ изъ малыхъ, на которыхъ вы смотрите съ фарисейской снисходительностью. Въ ихъ сердцахъ сама природа, простая, прямая, великая. Они старше васъ цѣлымъ поколѣніемъ; выше васъ цѣлой головой, потому что въ этой головѣ уже сложились тѣ пути, до которыхъ добивались ваши отцы и дѣды и все-таки не добились!...

Чтожъ!.. Можетъ быть сумасшедшій Котъ и былъ правъ,—хоть немножко?... А впрочемъ, предоставимте лучше рѣшить этотъ вопросъ — нашимъ дѣтямъ.

Н. Вагнеръ.

Пѣсенка Земли.

Солнце такъ сильно грѣетъ. Отъ земли идетъ паръ. Куда летитъ онъ выше и выше? Вонъ, смотри, вѣдь это онъ сталъ облачкомъ бѣлымъ, блестящимъ и облачко уходитъ въ глубь, таетъ въ голубомъ небѣ. Оно совсѣмъ улетѣло далеко.... Можетъ быть опять вернется.

А какая славная травка! Маленькая, чистая, зеленая. Ей только всего три дня. Назадъ тому три дня вездѣ была голая земля. Но она вскормила, вспоила зерно. Она напоила всѣ корешки, всѣхъ травокъ, кустовъ, деревьевъ, вспоила ихъ чистой водой изъ снѣга, изъ теплаго весенняго дождичка и все пошло рости, зеленѣть—травка, кусты, деревья.

А птицы!? Посмотри сколько прилетѣло большихъ птицъ и маленькихъ птичекъ. Вотъ ходятъ по пашнѣ грачи съ бѣлыми носами. Они кричатъ карр.. карр.. и роются въ черной землѣ. Вотъ летитъ и щебечетъ ласточка, хорошенькая ласточка. Она прилетѣла къ

намъ изъ далекихъ земель, изъ заморскихъ странъ. Вездѣ по кустамъ и лугамъ налетѣло множество веселыхъ маленькихъ птичекъ, зеленыхъ чижей и желтыхъ овсянокъ, красногрудыхъ чечетокъ и пестрыхъ скворцовъ. Ахъ, какъ всѣ они свистятъ, пищатъ, чирикаютъ! И всѣ веселы, всѣ радуются и порхаютъ на солнцѣ.

А тамъ, вонъ высоко, высоко, изъ самой синей глубины синяго неба летятъ къ намъ журавли и звонко курлычутъ. А тамъ, ужъ неизвѣстно откуда, какъ будто отъ самаго солнца, несутся звонкія, веселыя пѣсни и трели.

Вонъ, посмотри, изъ домика, вывели маленькую, хорошенькую дѣвочку. Бѣдная дѣвочка больна! Ее за руку ведетъ няня, ея прежняя кормилица, а подлѣ нея идетъ мама.

И садятъ маленькую дѣвочку, на теплый коверъ на лужайку. — «Мама, говоритъ она, какъ хорошо мнѣ здѣсь, на чистомъ воздухѣ, подъ теплымъ солнышкомъ. Какъ все здѣсь весело! Свѣтлыя облачка плывутъ въ голубомъ небѣ. Вездѣ такая отличная бархатная зеленая травка и бѣлые цвѣты. Ахъ! нарви ихъ мама. Они такъ весело смотрятъ на солнце и солнце на нихъ. А сколько маленькихъ птичекъ; и какъ онѣ всѣ поютъ и щебечутъ, милыя птички. Но отчего это, скажи мнѣ милая мама, отчего я слышу, какъ будто отвсюду, и съ неба и съ луговъ и съ цвѣтовъ кто-то поетъ чудную пѣсню? И въ груди моей, въ больной груди, такъ сильно раздается эта прекрасная пѣсня.»

— Это земля, говоритъ мама, это земля поетъ свою пѣсенку!

И дѣвочка наклоняется къ землѣ и слушаетъ, а маленькое сердце у ней бьется въ груди. И слышитъ дѣвочка, какъ говоритъ ей земля.

— Ты моя! Маленькая, хорошенькая дѣвочка, ты моя. Я вскормила, вспоила тебя. Я дала твоей кормилицѣ и травъ и кореньевъ и хлѣба и мяса и всякихъ плодовъ. Все что она ѣла, все я дала ей, и все она отдала тебѣ въ своемъ молокѣ. Я всѣхъ кормлю, когда солнце меня грѣетъ. И мнѣ такъ тепло, такъ хорошо подъ теплымъ солнышкомъ. Ты моя! маленькая, хорошенькая дѣвочка!

Крѣпко задумалась дѣвочка надъ тѣмъ, что сказала ей земля. Долго думала она. Наконецъ мама говоритъ ей: «Пойдемъ въ комнаты, тебѣ нельзя быть долго на воздухѣ, онъ вреденъ тебѣ этотъ весенній воздухъ!» И увели маленькую дѣвочку.

А дни шли за днями и становились все длиннѣе и длиннѣе. Только что смеркнется и не погаснетъ еще вечерняя зорька, а съ другой стороны неба занимается ужь новая зорька и снова всходитъ красное солнышко.

И жарче и ярче свѣтитъ и грѣетъ оно, свѣтлое солнце. Вся земля точно принарядилась и убралась зеленью и цвѣтами.

Маленькая дѣвочка какъ будто совсѣмъ выздоровѣла. Она бѣгаетъ веселая, розовая по лугамъ и рощамъ. Она слушаетъ, какъ громко поютъ соловьи и кукуютъ кукушки. Сколько всякихъ цвѣтовъ цвѣтетъ по полямъ и лугамъ! И высокая рожь качаетъ свои колосья, точно кланяется маленькой дѣвочкѣ.

И бѣгутъ по небу синія тучки, все выше и выше, синѣе и темнѣе становятся онѣ и вотъ блеснула молнія и ударилъ, загремѣлъ, загрохоталъ громъ. А какой дождикъ полился, запрыгалъ, забарабанилъ по крышѣ, по листьямъ, по лужамъ!

Пронеслася тучка, снова выглянуло солнце и заблестѣла яркая, разноцвѣтная радуга. Лѣсъ и луга умылись. Листики такъ весело сверкаютъ на солнцѣ, и птички, маленькіе птички снова запорхали, запѣли, защебетали. Все блеститъ, свѣтитъ, сіяетъ, радуется.

— Мама, говоритъ дѣвочка, это земля поетъ свою пѣсенку!

— Я дала дождь, говоритъ земля, солнце нагрѣло меня и пошелъ отъ меня паръ въ небо, и онъ сталъ облаками, а облака стали тучей, и она пролилась дождемъ. Что я даю, то опять получаю.

Устало наконецъ свѣтить солнышко, рано оно ложится спать, поздно встаетъ, короче становятся дни, и длиннѣе холодныя темныя ночки.

Сколько за то ягодъ въ лѣсу, сколько всякихъ грибовъ! Поспѣли яблоки, вишни и груши. Созрѣли арбузы и дыни.

Холодно и сыро на дворѣ, холодно въ комнатѣ. Опять стала больна бѣдная маленькая дѣвочка и не выходитъ уже больше изъ комнаты.

Солнце прячется въ сѣрыя тучи, а онѣ все ближе и ближе опускаются къ землѣ.

И дождь, дождь безъ конца; онъ стучитъ въ окна и они горько плачутъ; слезы бѣгутъ, бѣгутъ по нимъ въ три ручья. А вѣтеръ такъ и злится, холодный вѣтеръ. Онъ свиститъ, гудитъ, плачетъ и воетъ и вихремъ несется по опустѣлымъ полямъ, по голымъ лѣсамъ.

И чутко прислушивается дѣвочка къ гулу вѣтра и слышится въ немъ голосъ земли:

«Я лечу, я несусь на невидимыхъ крыльяхъ, на крыльяхъ могучихъ. Я лечу и кружусь въ пустыняхъ безграничныхъ. Я стремлюсь... Куда?.. Сама я не знаю. Ночь и день, зима и лѣто, горе и радость, жизнь и смерть—все мелькаетъ на мнѣ въ быстромъ круговоротѣ, все летитъ мимо, мимо и остается только то, что не можетъ исчезнуть.

— Мама, говоритъ дѣвочка, слышишь какъ что-то ноетъ и плачетъ у меня въ груди.

— Это земля поетъ свою пѣсенку!

Вездѣ бѣлый иней, опушилъ всѣ деревья. Побѣлѣла, озябла земля. Ужъ не грѣетъ ее холодное солнце.

— Мама, говоритъ дѣвочка, мнѣ легче теперь, я совсѣмъ выздоравливаю.

— Хорошо мой другъ! говоритъ мама и крѣпко цѣлуетъ дѣвочку, а сама горько плачетъ. Она знаетъ, хорошо знаетъ, что не выздоровѣетъ ея бѣдная дѣвочка, что она умретъ непремѣнно, и скоро умретъ.

А маленькая дѣвочка сидитъ улыбаясь на большомъ зеленомъ креслѣ, положивъ голову на подушку. Ей хорошо и покойно, какъ въ маленькой люлькѣ, какъ будто кто-то качаетъ ее и поетъ надъ ней колыбельную пѣсенку.

И кажется дѣвочкѣ, что кругомъ ее зеленая молодая травка. Ей только три дня. Вонъ летитъ бѣлый паръ и становится чистымъ, свѣтлымъ облакомъ, а облако таетъ въ голубомъ небѣ, улетаетъ далеко. Вернется ли оно снова къ намъ? А птички поютъ, поютъ и щебечутъ. Веселые птички!

— Полетимъ со мной! говоритъ бѣлый паръ дѣвочкѣ. И они полетѣли.

Вотъ зеленыя луга и рощи, бѣлые цвѣты. Ахъ не рви ихъ милая мама!

Мимо, мимо!

Вонъ черные грачи роются въ черной землѣ и тучи скворцовъ несутся на пашню. Щебечетъ быстрая ласточка.

Мимо! Мимо!

Вонъ бѣлыя блестящія облачка, точно барашки!

Мимо! мимо!

Вотъ синее небо и ничего нѣтъ кромѣ чистаго, синяго неба, а бѣлый паръ улетѣлъ; дѣвочка одна, совсѣмъ одна, въ широкомъ, широкомъ синемъ небѣ. Она вся вздрагиваетъ и открываетъ глаза.

— Мама! говоритъ она, милая мама! у меня голова кружится, я полетѣла туда высоко, высоко! Мнѣ такъ было хорошо!—Скажи милая мама, вѣдь опять будетъ тепло и земля запоетъ свою веселую пѣсенку и я увижу бѣлые цвѣты и голубое небо, быструю ласточку и маленькихъ птичекъ!

— Да ты все увидишь, говоритъ мама, ты можетъ быть больше увидишь!

И дѣвочка смотритъ въ темную залу, а вьюга колотитъ снѣгомъ въ окна. И вспоминаетъ дѣвочка что такъ же колотила она въ окна, когда въ этой залѣ стояла нарядная елка. Смотритъ дѣвочка и кажется ей, что стоитъ она передъ этой елкой, убраной въ хорошенькія игрушки, конфекты и вся блеститъ и горитъ высокая елка, веселыми огоньками.

«Что тамъ, на самомъ верху?» думаетъ дѣвочка.

И кажется ей что она тихо поднимается отъ полу и летитъ, летитъ кверху. Мелькаютъ передъ ней конфекты, игрушки и огоньки, огоньки безъ конца. Выше и выше несется дѣвочка, исчезли огоньки, не видать елки, она одна, одна маленькая дѣвочка въ темномъ холодномъ небѣ, а вьюга свиститъ и воетъ вокругъ нее.

Вздрагиваетъ дѣвочка и открываетъ глаза.

— «Мама! шепчетъ она, мнѣ такъ хорошо и страшно! Я все летаю высоко, высоко! Мама, милая мама, принеси мнѣ маленькую свѣчку отъ елки, мнѣ такъ хочется посмотрѣть: какъ она будетъ горѣть».

И мама отыскала маленькую восковую свѣчку съ прежней елки, свѣчку съ розовой ленточкой, завязанной бантикомъ. Она ставитъ свѣчку на столикъ передъ дѣвочкой и зажигаетъ ее.

Но дѣвочка ужъ не смотритъ на свѣчку, она лежитъ безъ движенія, она умираетъ. И стоятъ подлѣ ея кресла мама и кормилица. Онѣ горько плачутъ, навзрыдъ, но не слышитъ ихъ маленькая дѣвочка, а свѣчка ярко и скоро горитъ.

Потускли глазки бѣдной дѣвочки, голубые, умные глазки, которые такъ ласково блестѣли, они ничего ужъ не видятъ. И только дышетъ она тяжело всей больной грудью, полной нестерпимой боли, Она съ жадностью старается глотать воздухъ и не можетъ. Она задыхается.

А свѣчка таетъ, плыветъ, догораетъ но не хочется огоньку потухнуть. Онъ вспыхиваетъ, вспыхиваетъ изъ послѣднихъ силъ и наконецъ, тихо погасаетъ.

Потухла свѣчка! Умерла хорошенькая дѣвочка!

Со стономъ наклоняется надъ ней мама и цѣлуетъ ее въ высокій холодный лобикъ. Стоитъ передъ ней на колѣняхъ ея кормилица и рыдая, цѣлуетъ маленькіе худенькіе ручки мертвой дѣвочки.

И еслибъ не было этихъ слезъ и рыданій, то еще тяжелѣе было бы и мамѣ и кормилицѣ.

И вотъ одѣваютъ дѣвочку въ бѣлое платьице, подпоясываютъ ее розовой лентой и кладутъ въ маленькій гробикъ — и лежитъ въ немъ она, какъ маленькая восковая свѣчка, перевязанная розовой ленточкой.

— Истаяла ты, моя ненаглядная крошечка, плачетъ надъ ней кормилица, истаяла и потухла моя ясная свѣчечка!

И берутъ маленькій гробикъ, берутъ и несутъ далеко, далеко, а вѣтеръ свиститъ и бьетъ и рветъ со всѣхъ платки и шубы и всѣхъ торопитъ: скорѣе, скорѣе!

Тамъ ждетъ глубокая могила, въ холодной замерзлой земли. Тамъ ждетъ земля свою хорошенькую дѣвочку.

Священникъ читаетъ надъ гробомъ молитвы, онъ говоритъ: «отъ земли ты взята и въ землю обратилась!»

И опускаютъ наконецъ гробъ въ землю. Рыдая бросаетъ на него горсть земли кормилица. Забрасываетъ его землей—могильщикъ.

И земля съ грохотомъ падаетъ на маленькій гробикъ. «Ты моя, ты моя!» глухо повторяетъ она. «Ты моя и скоро возвратилась ко мнѣ, потому что на мнѣ не можетъ жить слабое и больное, оно умираетъ и я строю изъ него сильное и крѣпкое».

Ушли всѣ. Осталась одна могилка подъ маленькой зеленой елкой и заноситъ могилку снѣгомъ. Онъ идетъ, идетъ, летитъ безъ конца, а вѣтеръ злится и

воетъ, хохочетъ и стонетъ. Въ его звукахъ и горе и радость, смѣхъ и слезы. Въ нихъ все смѣшано въ свободномъ, безразличномъ просторѣ, все что выше и шире всего, что есть въ человѣкѣ.

Это земля поетъ свою пѣсенку!

Курилка.

Жилъ былъ Курилка. Тотъ самый Курилка, про котораго пѣсенка поется:

Какъ у нашего Курилки
Ножки тоненьки,
Душа коротенька!

Курилка былъ изъ чистой сосновой лучинки съ черной головкой.

Разъ собралось въ большую залу на святки много нарядныхъ дѣтей, дѣвочекъ въ бѣлыхъ и розовыхъ платьицахъ и мальчиковъ въ хорошенькихъ курточкахъ и рубашечкахъ. Сѣли всѣ въ кружокъ, зажгли курилку и пошелъ онъ переходить изъ рукъ въ руки. Каждый поскорѣе передавалъ курилку сосѣду и всѣ весело пѣли:

Живъ, живъ Курилка
Живъ, живъ не умеръ.

— Видишь какъ всѣ боятся чтобъ я не умеръ! думалъ Курилка, значитъ я хорошій человѣкъ. И онъ

отъ удовольствія пускалъ всѣмъ дымъ въ глаза. Но у одного мальчика съ большой бѣлой головой онъ погасъ.

— Ахъ дрянной Курилка, сказалъ мальчикъ, не могъ ты погаснуть у сосѣда!

Курилка обидѣлся и какъ только снова попалъ къ этому мальчику, онъ опять нарочно уже погасъ.

— Ну! сказалъ мальчикъ, гадкій Курилка надоѣлъ, будемте играть въ фанты».—И онъ бросилъ Курилку, да такъ ловко, что тотъ изъ залы полетѣлъ въ гостиную, изъ гостиной въ диванную и тамъ упалъ въ уголъ съ игрушками.

— «Здорово живете, какъ поживаете!?» закричалъ Курилка, «а я пріѣхалъ съ экстреннымъ поѣздомъ прямо изъ большой залы. Тамъ очень много народу, славное большое освѣщеніе и все это для меня. Тамъ каждый старался подержать меня въ рукахъ, потому что, согласитесь, вѣдь это большая честь. Всѣ радовались, что я еще не умеръ и пѣли: «живъ, живъ Курилка!» Я очень люблю такое вниманіе. Меня подчивали яблоками, конфектами, вареньемъ, но я ничего этого не ѣлъ, потому что нехотѣлъ, я только курилъ дорогіе, хорошіе сигары,—пуф, пуф, пуфф, и всѣ восхищались моимъ куреньемъ. Наконецъ всѣ мнѣ надоѣли и я пріѣхалъ сюда съ самымъ скорымъ поѣздомъ, на крыльяхъ вѣтренной мѣльницы, какъ птица—шшш!»

— Какой тамъ болтунъ мнѣ спать не даетъ, сказала глиняная уточка. Я цѣлый день свищу—хоть

бы вечеромъ мнѣ дали уснуть немного. Какая-то дрянная лучинка прилетѣла и шумитъ какъ незнаю что.»

— Сударыня! Позвольте вамъ замѣтить, что я вовсе не лучинка. Такъ какъ вы простая глиняная утка, то и не можете меня оцѣнить. Я никогда не былъ лучинкою. У меня дѣдушка былъ Курилка, бабушка Курилка и самъ я настоящій Курилка, графъ Курилка. Вотъ какъ!

— Послушайте графъ Курилка, сказала кукла у ногъ которой на полу лежалъ Курилка. Вы всѣхъ насъ крѣпко обязали бы, еслибъ немножко помолчали.»

— Ахъ! мадмуазель! Прошу тысячу извиненій, что незамѣтилъ васъ тотчасъ же. Но вы просто меня ослѣпили! такой прекрасной дамы, я еще не видывалъ. Вы вѣроятно были въ большой залѣ; тамъ всѣ барышни носили меня на рукахъ, но ни у одной нѣтъ такой прекрасной лайковой ручки, какъ у васъ. Я лежу у вашихъ ногъ, неужели вы не тронетесь этимъ и не отдадите мнѣ вашей руки. Вы не смотрите, что на мнѣ нѣтъ ботинокъ. Я обутъ по модѣ, вѣдь у меня ножки тоненьки, душа коротенька. Разъ я пошелъ купить себѣ ваксы для лайковыхъ сапожекъ, въ самый лучшій магазинъ. Почемъ говорю стоитъ банка самой лучшей ваксы-стираксы, просите дороже, потому что я самъ богачъ.—«Двѣ копѣйки съ гривной»—«Это дешево. Отрѣжьте мнѣ на полтинку одну половинку».—«Съ большимъ бы удовольствіемъ, говорятъ; но у насъ теперь нѣтъ отрѣзалокъ, всѣ вышли....

— Уймите вы этого пустомелю закричалъ барабанъ, никому онъ покою недаетъ. Всѣхъ оглушилъ!

— Позвольте вамъ замѣтить! М. Г.! Что я вовсе не пустомеля. Я князь Курилка и притомъ очень храбрый. Разъ я подрался съ толстымъ полѣномъ. Оно легло мнѣ поперегъ дороги, и сказало: Пахъ! А я его трахъ! И оно тырррр... все разлетѣлось въ мелкія дребезги. Вотъ какъ!

— Ну погоди! сказалъ деревянный солдатикъ, только бы всѣ улеглись спать. Я тебѣ покажу такой трахъ, какого ты еще никогда не видалъ.

— Что же! Я уважаю всѣхъ солдатъ. Я самъ, солдатъ. Когда я былъ генераломъ Курилка, то я вскочилъ на печку и тотчасъ же всѣ ко мнѣ. Шумятъ, кричатъ «живъ, живъ, Курилка, живъ, живъ не умеръ!» Веди насъ въ огонь и мы всѣ за тобой: въ огонь и въ воду. И я тотчасъ же бросился въ самый огонь; на всѣ пушки. Вдругъ бумъ, бахъ, ядро сквозь меня, я сквозь ядро, грохъ, прямо въ печку. Все горитъ, трещитъ, трахъ, брахъ, крахъ...

Но никто ужъ не слушалъ Курилку. Всѣ зажали уши и кто какъ могъ крѣпко спали, а онъ говорилъ, говорилъ, бормоталъ, бормоталъ, и наконецъ самъ заснулъ.

Въ полночь всѣ игрушки проснулись, потому что они играютъ въ самихъ себя—только тогда, когда всѣ въ домѣ спятъ.

— «Кукуреку!» закричалъ картонный пѣтухъ. Барабанъ пробилъ зорю. Уточка начала пищать. Труба затру-

била и фарфоровой попугай, сказалъ: Bonjour papa! Кошка, сказала давайте пѣть, меня никто не продувалъ уже третій день и у меня животикъ засорился, она начала прыгать и кричать: мя, мя, мя!..

— «Ахъ это отлично, вскричалъ Курилка и вскочилъ на ноги, давайте пѣть! Когда я былъ въ большой залѣ, тамъ всѣ пѣли и я лучше всѣхъ, я удивительной музыкантъ и сочинилъ отличную пѣсню, которую вездѣ поютъ на святкахъ! И онъ завизжалъ самымъ тонкимъ голоскомъ:

Живъ, живъ Курилка,
Живъ, живъ не умеръ.

Всѣ зажали уши.

— О нѣтъ будемъ лучше танцовать, закричалъ волчокъ, вѣдь это такъ пріятно, вертеться и жужжать.

— «Будемте танцовать, сказала кукла, мой кавалеръ будетъ попугай, кошка будетъ танцовать съ пѣтухомъ, труба съ барабаномъ, а деревянный солдатикъ съ уточкой.

— «Танцовать, танцовать! закричалъ Курилка, становитесь скорѣй, живо, живо. Я сейчасъ покажу вамъ удивительный танецъ. Я танцовалъ его на кухнѣ передъ самимъ королемъ, вмѣстѣ съ козачкомъ. Смотрите, нужно только стараться прыгать выше себя, вотъ какъ: фить такъ, вотъ какъ, фить такъ, вотъ какъ, вишъ ты, ишъ ты!—и Курилка до того распрыгался, что сбилъ съ ногъ сперва волчка, потомъ уточку, лошадку, трубу и куклу.

— Уймите пожалуйста этого кухоннаго нахала,

закричали всѣ. Онъ до того развернулся, что не помнитъ себя. Съ нимъ просто играть нельзя.

— Курилка дуракъ! закричалъ попугай.

— Какъ! закричалъ Курилка, какъ вы смѣете говорить мнѣ дерзости, вы мою честь затронули, вы мнѣ оскорбленіе нанесли, вы должны со мной драться сію минуту, сію секунду, тутъ же на мѣстѣ, въ упоръ, на пистолетахъ, шпагахъ, рапирахъ, пикахъ, сѣкирахъ, сабляхъ, грабляхъ, защищайтесь, защищайтесь!

— «Эй панъ, закричалъ тутъ деревянный солдатикъ и схватилъ Курилку за шиворотъ, ты хоть и не пьянъ, а все таки буянъ, и тебя, надо немножко прохладить.

Курилка попробовалъ вырваться, но солдатикъ былъ крѣпкій. Онъ такъ его встряхнулъ, что изъ Курилки всѣ занозы выскочили.

— «Ой, ой, послушайте! захныкалъ Курилка, г. солдатъ, Ваше благородіе, я вѣдь ничего, я такъ только, я очень смирный, я уважаю г. попугая и всѣхъ военныхъ.....

— «Въ буракъ его, въ пустой буракъ, закричали всѣ, пускай сидитъ тамъ до утра».

И отвели Курилку въ буракъ, посадили и крышкой закрыли. Онъ тамъ стучалъ, стучалъ, стучалъ, наконецъ гдѣ-то щелку нашелъ, высунулъ сквозь нее голову и закричалъ.

— Эй вы, вотъ я, храбрый Курилка, а вы всѣ тамъ господа меледа, чушь, глушь, огородники, сковородники, дрянь, шваль, гниль, плѣсень, толокно, чепуха, телятина, колбаса, труха, носки, колпаки,

пѣшки... Но всѣ танцовали и никто не слушалъ Курилку, а онъ бормоталъ, бормоталъ, бормоталъ, вплоть до бѣлаго утра.

Когда утромъ дѣти подошли къ игрушкамъ, то всѣ онѣ были на своихъ мѣстахъ и даже Курилка лежалъ у ногъ куклы, какъ будто ни въ чемъ не бывало.

— Посмотрите-ка, сказали дѣти, вѣдь это нашъ вчерашній Курилка сюда забрался, скажите пожалуйста, развѣ здѣсь твое мѣсто! Ахъ ты! вонъ его! и его выбросили за окно.

— Вотъ я теперь страдаю за правду и прямо въ Сибирь, закричалъ Курилка. Ухъ какъ быстро! и хлопъ,—Курилка упалъ на каменную плиту.

— Ахъ! говорилъ онъ каменной плитѣ. Еслибъ вы знали, откуда я пріѣхалъ, съ какой высоты спустился. Я былъ тамъ, тамъ, въ большой залѣ. У меня было много игрушекъ: барабанъ, труба, флейта, уточка, курочка, хорошенькая мадмуазель, которая непремѣнно хотѣла за меня выйти замужъ, глупый попугай, котораго я звалъ: «попка дуракъ», и дрянной деревянный солдатикъ, онъ былъ страшный буянъ, но я его укротилъ, схватилъ за шиворотъ, тряхнулъ, трахъ и посадилъ въ буракъ. Ахъ! Какъ бы это было хорошо, еслибъ каждый дуракъ былъ посаженъ въ буракъ и каждый буракъ стоялъ бы на тротуарѣ, вмѣсто столбика. Вы не повѣрите, какъ бы это было красиво.

— Послушайте, сказала плита, какъ бы я желала теперь треснуть и провалиться сквозь землю, чтобы только не лежать подъ вами...

— Ахъ, я понимаю васъ, я понимаю васъ, затараторилъ Курилка. Я знаю, вамъ тяжело, вы не можете вынести, я слишкомъ великъ для васъ. Но повѣрьте, ваша заслуга не пропадетъ передъ признательнымъ потомствомъ. На васъ напишутъ золотыми буквами: здѣсь лежалъ баронъ фонъ-Курилка, лѣта...

Но тутъ Курилку подхватила метла, которою мелъ дворникъ тротуаръ и онъ слетѣлъ съ плиты.

— Мети, мети! закричалъ онъ, я люблю чистоту. Долой весь соръ, всякую дрянь, вотъ какъ, вотъ какъ!

И онъ прыгалъ по тротуару вмѣстѣ съ соромъ, до тѣхъ поръ, пока не завязъ въ метлѣ.

— Ну! я теперь поѣду верхомъ на метлѣ, кричалъ онъ, прощайте! Я поѣду прямо въ Китай, къ китайскому императору. Онъ меня дѣлаетъ наслѣдникомъ престола.

Но дворникъ отнесъ его вмѣстѣ съ метлой въ кухню, и поставилъ въ углу подлѣ печки.

— Здравствуйте! закричалъ Курилка; я пріѣхалъ отъ китайскаго императора. Тамъ было много свѣчей.

— Ну! это неправда, сказала метла, я просто вымела тебя съ улицы.

— Какъ ты смѣешь мнѣ возражать, закричалъ Курилка, ты, ты, ты простой мужикъ, я тебя сейчасъ же посажу въ часть, и тебя заставятъ цѣлый день мести улицу.

— Ахъ! сказали лучинки, лежавшія на шесткѣ, посмотрите, вѣдь это та лучинка, которую взяли отъ насъ вчера на верхъ. Ахъ, какая она стала

гадкая, обгорѣлая, грязная, но все-таки она наша родная. Здравствуй, милая сестрица.

— Какая я вамъ сестрица! закричалъ Курилка, вы кухонная сволочь, дровяное дубье, а я князь, графъ, баронъ Фишь, фонъ Курилкинъ. И Курилка выскочилъ изъ метлы и упалъ на полъ подлѣ печки.

— Прошу тутъ не потерять терпѣнія, бормоталъ онъ, но я незлопамятенъ. Я люблю грѣться подлѣ камина.

Когда постранствуешь, воротишься опять,
И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ.

Все здѣсь такъ хорошо. Я вернулся въ свои владѣнія. Здравствуйте, г. котъ Васька. Я васъ сдѣлаю своимъ интендантомъ, я знаю, у васъ глаза такъ хорошо блестятъ. Я тоже умѣю блестѣть. Когда я былъ въ большой залѣ, у меня на головѣ блестѣла звѣзда въ туманныхъ облакахъ.

— Послушайте, сказалъ котъ, вы самое безполезное существо въ цѣломъ свѣтѣ. Какъ бы хорошо было, еслибы васъ бросили въ печку. По крайней мѣрѣ вы дали бы хоть немножко тепла.

И желанье кота исполнилось. Кухарка подняла Курилку и бросила въ печку.

— Смотрите всѣ! закричалъ онъ, смотрите!

Я иду въ огонь, за честь отчизны!

Ну! живѣй за дѣло! Вы всѣ, глупые дрова! Берите съ меня примѣръ, вотъ какъ надо горѣть, трахъ, пышь, тукъ, тшикъ!!

И Курилка сгорѣлъ. Отъ него осталась только щепотка золы.

И если когда нибудь ты возьмешь золу въ руки, то пожалуйста не хватайся потомъ за глаза руками. Въ нихъ можетъ попасть зола отъ Курилки, и ухъ, какъ она защиплетъ тебѣ глаза!

А знаешь ли? Курилки все-таки полезны. Они удобряютъ землю своимъ прахомъ. И если тебѣ случится когда нибудь въ твоей жизни встрѣтить Курилку, который всѣмъ надоѣдаетъ, постоянно болтаетъ и ничего не дѣлаетъ, то знай, что это ничто иное, какъ ходячая машина для удобренія твоей родной земли. Вотъ и все!

Чудный мальчикъ.

Поль и Полина играли въ углу. У обоихъ были чурбашки очень красивые, точеные, лакированные, и вся задача состояла въ томъ: кто лучше, скорѣе и красивѣе построитъ изъ этихъ чурбашекъ высокую башню?

— Ты только не смотри на меня; пожалуйста, не смотри, просила Полина, строй и не оглядывайся на мою башню!

— Хмъ! усмѣхался Поль, вѣдь мнѣ не у кого и поучиться, кромѣ тебя, право. Да и смотрѣть-то мнѣ нечего, потому что моя башня кончена. Только теперь ты ужъ не смотри, а послѣ увидимъ, чья башня лучше,— и Поль загородилъ свою постройку большимъ картономъ.

— Ну! хорошо! хорошо, говорила Полина. Ты все-таки не смотри, пока я не кончу.

— И не думаю смотрѣть! И онъ отошелъ въ сторону.

Черезъ нѣсколько минутъ и у Полины башня

была кончена. Какъ-то нерѣшительно, вся покраснѣвъ, она отошла отъ нея.

— Ну что же! говорила она,—вотъ смотри, я думаю не дурна. А у тебя какая? И она быстро отдернула картонъ, за которымъ была спрятана башня Поля. Дѣйствительно, это была красивая башня, которая сдѣлала бы честь вкусу даже не 12-ти лѣтняго мальчика.

А Поль, какъ только увидалъ башню Полины такъ всплеснулъ руками и разразился громкимъ хохотомъ.

— Вотъ такъ башня! кричалъ онъ. Да ты подпиши, что это башня, а то подумаютъ, что это горчичница, перечница, огурецъ съ шиломъ. И такъ хохоталъ, что просто до слезъ.

А у Полины тоже слезы выступали на глазахъ; она ужъ закусила губку, чтобъ не расплакаться, она краснѣла и блѣднѣла и, наконецъ, быстро разрушила свою башню, потомъ толкнула ножкой башню Поля. Сѣла въ уголъ лицомъ и расплакалась. А Поль еще сильнѣе хохоталъ, хохоталъ до упаду.

— Никогда не буду играть съ тобой, говорила, рыдая, Полина. Вотъ ужъ никогда,—ты злой, гадкій, всегда смѣешься!

Въ это время вошелъ дядя, толстый, веселый дядя, съ большимъ краснымъ носомъ.

— Ба, ба, ба, сказалъ онъ, широко разставивъ руки, опять дерутся, или такъ можетъ быть играютъ.

— Дядя, мой добрый дядя, вскричала дѣвочка и бро-

силась къ нему на шею, онъ злой, гадкій, онъ опять надо мной смѣется.

— А ты опять передъ нимъ плачешь, и дядя сдѣлалъ кислую гримасу и заплакалъ такъ, какъ плачутъ маленькія дѣти, разумѣется, нарочно, потомъ онъ взялъ дѣвочку на руки. Ну, теперь, сказалъ онъ, поплакали, и будетъ. А я тебѣ разскажу откуда и какъ пришелъ смѣхъ на землю.

И Полина тотчасъ же утѣшилась, какъ только услыхала, что дядя будетъ разсказывать навѣрно одну изъ тѣхъ славныхъ сказокъ, которыхъ дядя зналъ такъ много.

— Сейчасъ разскажу, дай только поставлю зонтикъ въ уголъ, а то вѣдь онъ ужасный соня, и какъ только я начну разсказывать, онъ сейчасъ заснетъ и какъ разъ клюнется носомъ объ полъ. И дядя поставилъ зонтикъ въ уголъ. Стой, да не дремли, сказалъ онъ; глупая соня.

— Давно, очень давно, такъ началъ дядя,—на землѣ вовсе не было смѣху, и поэтому никто изъ людей не могъ смѣяться.

— Какъ же, перервалъ дядю Поль, вѣдь звѣри созданы прежде людей, а звѣри смѣются.

— Ну, этого я не слыхалъ, не видалъ, чтобы звѣри смѣялись, возразилъ дядя.

— Мало-ли ты чего не видалъ; а я такъ видѣлъ, какъ Полина собачка, Мимишка, не могла смотрѣть на нее безъ смѣху: какъ взглянетъ на нее, такъ и засмѣется.

— Слышишь, слышишь, дядя, заволновалась По-

лина. Вотъ онъ всегда такъ, онъ всегда надо мной смѣется.

— А ты не слушай его, а слушай меня. Говорятъ, что люди прежде не смѣялись оттого, что на землѣ тогда ничего смѣшнаго не было. Другіе говорятъ, что сами люди были прежде умнѣе, и понимали, что ни надъ чѣмъ не надо смѣяться, потому что сама природа никогда ни надъ чѣмъ не смѣется и все въ ней точно также, какъ и въ человѣкѣ, который небольше, какъ только частица природы, полно глубокаго и великаго смысла. А кто смѣется надъ чѣмъ бы то ни было, тотъ значитъ не понимаетъ этого смысла, и видитъ только то, что́ лежитъ сверху у него передъ глазами.

— Но вотъ разъ, въ одномъ большомъ городѣ, случилась очень странная вещь. Въ ясный день, вдругъ, неизвѣстно откуда, посреди самой большой площади и даже не прямо на ней, а надъ ней, просто на воздухѣ, появился хорошенькій мальчикъ, и какъ только увидали его люди, такъ всѣ разомъ, какъ-будто сговорились, захохотали; и нельзя было не захохотать, потому что у мальчика было такое лицо, на которое нельзя было смотрѣть безъ смѣху, а между тѣмъ это лицо было очень хорошенькое. У мальчика были отличные черные глазки, но такіе лукавые, такъ они плутовски бѣгали изъ стороны въ сторону, что каждаго такъ и подмывало выкинуть какую-нибудь веселую штучку. Ротъ мальчика улыбался самымъ предательскимъ образомъ, на щекахъ выступала веселая

ямка, а маленькій носикъ при этомъ такъ нахально подпрыгивалъ кверху, что рѣшительно всѣ помирали со смѣху, и старый и малый.

Но вѣдь и смѣху приходитъ точно также конецъ, какъ и горю. Нахохотавшись вдоволь, до слезъ и до колотья въ бокахъ, люди уже было принялись хладнокровно разсматривать Чуднаго мальчика. Но тутъ онъ снялъ съ головы шапочку, въ видѣ горшечка, и вдругъ, прямо изъ головы у него брызнулъ фонтанъ самыхъ блестящихъ искръ. Эти искры полетѣли вверхъ, направо, налѣво, во всѣ стороны, они падали на деревья, на камни, на ословъ, лошадей, коровъ, свиней, людей — вездѣ. И куда бы ни упала искорка, люди начинали хохотать неистово. Падала искра на гнилой заборъ—люди смѣялись, падала на кривое дерево—смѣялись, падала на покачнувшуюся избушку—смѣялись, падала на горбатаго старичка—смѣялись, на хромую старушку—смѣялись, въ гнилую воду—смѣялись, на грязную дорогу—смѣялись,—летѣли искры въ небо—и надъ небомъ люди смѣялись. Такъ что наконецъ ничего не осталось на землѣ и на небѣ, надъ чѣмъ бы люди не посмѣялись. Все было осмѣяно. Но Чудному мальчику этого было мало. Онъ не только самъ бросалъ во всё искры, но научилъ и людей дѣлать тоже. И вотъ, съ тѣхъ поръ люди и ходятъ и смотрятъ: не блеститъ-ли гдѣ искорка, или нельзя ли въ кого-нибудь пустить искру. Вѣдь это такъ весело.

— Что же, это вся сказка? вскричала Полина.

— Погоди, не торопись, сказалъ дядя. Сказка только начинается.

Откуда взялся Чудный мальчикъ, никто не зналъ и никогда не узналъ. Одни говорили, что его родила сама людская природа, другіе говорили, что онъ произошелъ отъ добраго намѣренія, третьи увѣряли, что его произвело на свѣтъ злое горе и горькая нужда. Но все это была одна догадка и вѣрно только то, что Чудный мальчикъ исчезъ также, какъ и явился, пропалъ, куда—никто не знаетъ. Только искры его остались и живутъ до сихъ поръ. И съ тѣхъ поръ, какъ появились эти искры, люди стали сами не свои. Каждый сталъ оглядываться, да осматриваться, какъ бы откуда-нибудь не попала въ него искра, и не стали бы надъ нимъ смѣяться добрые люди.

И вотъ въ томъ самомъ большомъ городѣ, гдѣ онъ явился, у царя была дочь красавица и такая добрая, что весь народъ любилъ ее и не могъ на нее надивиться. Всѣ звали ее: наша добрая, прекрасная царевна Меллина. Пробовалъ и въ нее бросать свои искры Чудный мальчикъ, но искры не долетали до нея или падали у ея ногъ, и гасли. А все-таки Меллина боялась, и сильно боялась этихъ злыхъ искръ. Прежде она бывало одѣнется какъ ни попало, что подъ руку попадетъ, или что подадутъ ей. Все, думаетъ, будетъ хорошо, потому что сама хороша. А тутъ вдругъ начала оглядываться и осматриваться, такъ что зеркало ея, которое до тѣхъ поръ стояло одинокое, въ пыли, теперь все просіяло отъ радости. Все, что ни надѣ-

вала она, все оглядывала, не разорвано-ли гдѣ, нѣтъ-ли пятнышка, да не будетъ-ли сидѣть на ней коробомъ.

— И вотъ всѣ добрыя дѣла, которыя прежде творила царевна Меллина такъ легко, все что доставляло ей такъ много такихъ счастливыхъ, веселыхъ минутъ, все это ей опротивѣло. Встрѣтитъ она стараго нищаго и вдругъ ей покажется, что у него смѣшное лицо, что въ это лицо уже попала искра, а если она подастъ милостыню этому нищему, то искра отъ него перескочитъ прямо на нее, и тогда всѣ уставятъ на нее пальцы, и захохочутъ, и закричатъ: Эй! смотрите, вонъ стоитъ убогій Пантелей, ротъ до ушей, а съ нимъ его прекрасная Патрона! И царевна Меллина, скорѣе, украдкою, не глядя на нищаго, совала ему грошъ и спѣшила пройдти мимо. Случится, что прійдетъ бѣдная семья просить ее о чемъ-нибудь, а Меллина думаетъ: впустить или не впустить ее? Ну что, если мои сѣнныя дѣвушки забросаютъ меня искрами, и весь народъ потомъ будетъ смѣяться надо мной? Меллина, хотя ей было это и очень тяжело, отказывала бѣдной семьѣ.

Но вышелъ вдругъ такой случай, что и помочь тяжело, и отказать трудно. Была у царевны Меллины старая толстая кормилица Марѳа, которая ее вскормила и выняньчила, и жила эта кормилица далеко отъ дворца, въ самомъ грязномъ дрянномъ кварталѣ, который звали Свиныя Закутки, а почему она жила тамъ— это я сейчасъ разскажу. Когда она совсѣмъ выняньчила царевну, то царь позвалъ ее къ себѣ и сказалъ:

— Теперь ты будешь жить остальную всю свою жизнь и со всѣми своими дѣтьми во дворцѣ, на покоѣ. Я жалую тебя съ моего царскаго стола и плеча. Дарю тебѣ лисью шубу, багрянцемъ крытую, двѣ нитки зерна бурмицкаго, и три золотыя гривны. Живи себѣ съ миромъ. Но толстая Марѳа поклонилась царю въ ноги и говоритъ:

— Спасибо тебѣ, царь-государь, за слово ласковое, за жалованье царское, охотой пошла я въ твои палаты, твою царскую дочь кормить и пестовать, охотой жила я тутъ восемь лѣтъ, охотой пойду я теперь на волю въ мою убогую хижинку. Можешь ты меня, царь-государь, казнить и миловать, на то есть твоя царская власть и воля. Но коли по моему глупому желанію ты поступить изволишь, то пусти ты меня въ мой домишко. Въ немъ умеръ мой старый батюшка, въ немъ скончалась моя родная матушка, въ немъ мы жили любовно и простились на вѣкъ съ моимъ мужемъ, что ушелъ на войну въ твое царское войско и убитъ на сраженьи. Пусти же ты меня въ мое родное гнѣздо, не слѣдъ мнѣ жить здѣсь въ твоихъ царскихъ палатахъ и ѣсть твой царскій хлѣбъ и сладимыя кушанья. Не во гнѣвъ тебѣ скажу: простая похлёбка у меня въ старомъ гнѣздѣ слаще мнѣ будетъ твоихъ сахарныхъ блюдъ. И еще прошу у тебя милости,—и снова поклонилась старая Марѳа царю земнымъ поклономъ. Не жалуй ты меня твоей царской казной, не дари ты мнѣ шубу въ 15 рублей, не дари ты меня бурмицкимъ зерномъ. Жила я въ палатахъ

твоихъ, служила тебѣ вѣрную службу, не корыствовалась, вскормила, вспоила я, вынянчила ненаглядную мою звѣздочку, царевну мою прекрасную, кормила, ростила я ее и все думала: созрѣвай, наливайся мое зернышко, ласточка моя сизокрылая; выростешь ты, зацвѣтешь алымъ цвѣточкомъ, тогда полюбуюсь я на тебя, моя царевна прекрасная, и скажу тебѣ слово правдивое: живи, царская дочь любовно и праведно, пусть твое сердце будетъ полнымъ-полно любовью да кротостью, печалью да жалостью ко всякому горю людскому, горю народному, горю великому. И если то желаніе мое свершится да сбудется, то не будетъ для меня выше и краше той великой радости, не нужно мнѣ ни злата, ни серебра, потому что не купишь ими этой радости, отъ нея и въ избушкѣ моей будетъ всегда свѣтло и радостно, отъ нея и старымъ костямъ моимъ въ темной могилкѣ будетъ легко и весело, что вскормила я всему люду-народу бѣдному утѣшеніе великое. Не гнѣвись, царь-батюшка, примолвила Марѳа, за мое слово глупое, сердечное. А если хочешь ужъ непремѣнно меня жаловать, то вели ты мнѣ поднести, простой бабѣ, стопу меду сладкаго, и выпью я его за твое здоровье царское, да за здоровье царицы матушки, да за здоровье царевны моей вспоёной, вскормленой, моей горлинки ненасмотрѣнной.

Посмотрѣлъ царь на мамку-кормилицу, посмотрѣлъ изъ подъ сѣдыхъ бровей взглядомъ милостивымъ, ласковымъ и сказалъ ей:

— Спасибо тебѣ, слуга вѣрная, усердная, что умѣ-

ла служить отъ сердца чистаго, по правдѣ, по совѣсти. Будь все по твоему желанію, не жалую я тебѣ подарка царскаго, а дарю я тебя подаркомъ по сердцу: не царь тебѣ даритъ его, а отецъ даритъ, за свою дочь единородную, на память по нёмъ добрую.

И всталъ старый царь, снялъ со своей груди ладанку, въ которой былъ зашитъ великій секретъ—запретъ отъ ночнаго погрому, и раззоренія, отъ лютой смерти безвременной, отъ лихаго злодѣя ворога.

— Завѣщалъ мнѣ эту ладанку мой родитель покойный царь. Передаю ее теперь, моя вѣрная слуга, носи ее меня поминаючи, да спасетъ она тебя отъ всякой лихой бѣды!

Упала на колѣни старая мамка-кормилица, упала и заплакала. Вся душа ея отъ великаго счастья перевернулася. Все сердце ея взыграло, запрыгало, и ничего отъ радости не могла она вымолвить. А стольникъ царскій поднесъ ей, съ низкимъ поклономъ, на серебряномъ блюдѣ, стопу меду сладкаго. — Поднялась мамка, взяла стопу, подняла ее кверху, и сквозь радостныхъ словъ промолвила:

— Слава тебѣ, царь-государь добрый, ласковый, на многія лѣта, на долгіе годы. Слава тебѣ, государыня матушка. Слава тебѣ, дорогая моя, царевна родимая.— Народу честному добраго житья на много вѣковъ; тебѣ доброму государю всякого счастья на много годовъ. Слава!

И выпила она стопу меду сладкаго, выпила, пошатнулася; всѣмъ низко поклонилася, со всѣми ла-

сково простилася, и пошла своимъ путемъ дорогою въ свою избушку убогую, добраго царя поминаючи, жизнь свою благословляючи.

Царевна крѣпко любила мамку свою и разсталась съ нею не безъ горькихъ слезъ. Она часто видалась съ ней, и чѣмъ больше росла, тѣмъ крѣпче становилась эта любовь, потому что царевна сердцемъ понимала, что за добрая, чистая душа была у простой ея мамки. Нерѣдко царевна сама пѣшкомъ хаживала къ ней въ Свиныя Закутки. И тогда для старой ея мамы былъ такой праздникъ, какого больше и лучше ни для кого не могло быть.

И вдругъ эта добрая, любимая и любящая мамка сильно захворала. Ея сынъ, молочный братъ царевнинъ, что служилъ у царя младшимъ сокольничимъ, пришелъ къ царевнѣ съ вѣстью нерадостной: крѣпко разнемоглась-де старая мать, не чаетъ больше видѣть свѣту бѣлаго, и только проситъ и молитъ: какъ бы повидать ей передъ концомъ ея царевну родимую: «взгляну я, говоритъ, хоть однимъ глазкомъ, на мою ненаглядную, взгляну въ послѣдній разъ, и умру ее благословляючи!»

Встрепенулась царевна: Одѣваться скорѣй, да бѣжать къ моей родимой старой мамкѣ!—Но только что взялась за дверную ручку, какъ вдругъ вспомнила, что теперь уже все стало не то. Что нельзя теперь ей идти, какъ прежде было, по-просту, что осмѣютъ ее теперь, ошикаютъ двадцать разъ, прежде чѣмъ дойдетъ она до Свиныхъ Закутокъ.—Бросилась царевна наря-

жаться, но и тутъ бѣда: что она ни надѣнетъ, все не такъ—то̀ ей кажется слишкомъ парадно и всѣ скажутъ: вонъ смотрите, какъ вырядилась царевна, это она идетъ къ своей умирающей мамкѣ; то ей кажется, что все на ней и бѣдно и гадко, такъ что всѣ на нее уставятся, какъ только она выглянетъ на улицу, и всѣ закричатъ: вонъ смотрите, царская дочь какой шлюхой ходитъ. Все она у себя перерыла, все перебросала, то надѣнетъ, то опять сброситъ, вся измучилась, а часы летятъ себѣ, не дожидаются, и уже вечеръ на дворѣ, темный осенній вечеръ, и снѣгъ съ дождемъ въ окна колотитъ.

— Ахъ! я несчастная! плачетъ царевна; неужели я не увижу ужъ тебя, моя добрая, дорогая мама. Нѣтъ, нѣтъ, я должна тебя видѣть и помочь тебѣ! Все вздоръ, будь что будетъ—пойду въ чемъ есть; и накинувъ шубейку, бросилась она къ двери. Но прямо противъ нея на той сторонѣ улицы мальчишки прыгали по лужамъ, и какъ только отворила она дверь, такъ всѣ они разомъ завизжали и захохотали, точно увидѣли самого Чуднаго мальчика. Отшатнулась царевна, хлопнула дверью.

— Что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать! шепчетъ она, а мальчишки, какъ нарочно, визжатъ и хохочутъ. — Бросилась царевна къ царю: Выпрошу, думаетъ она, у батюшки колымагу, и поѣду къ моей старой мамкѣ.— Но не успѣла она дойти до царскихъ покоевъ, какъ вдругъ ей представилось, что всѣ кучера, вершники и приспѣшники, какъ услышатъ, что ѣдетъ она въ

Свиныя Закутки, такъ всѣ и захохочутъ; и еще представилось ей, что вдругъ колымага изломается среди дороги и засядетъ она въ грязи посреди улицы, а народъ сбѣжится со всѣхъ сторонъ и всѣ уставили на нее пальцами и всѣ хохочутъ, а какой-то тоненькій, визглый голосокъ поетъ ей въ самыя уши:

Царевна, царевна,
Въ хоромахъ живала,
Грязи не видала.
Поѣхала царевна
Въ Свиныя Закутки,
Хрюшекъ провѣдать,
Грязи отвѣдать,
Жижей напиталась,
Въ лужѣ покупалась,
Глинкой умылась,
Навозцемъ набѣлилась.

Зажала царевна уши, бросилась какъ угорѣлая назадъ въ свой теремъ.

— Что дѣлать, ахъ что дѣлать! схватилась она обѣими руками за головку. А на дворѣ уже ночь темная, и вьюга такъ и злится. Мама, дорогая моя, стонетъ царевна, умрешь ты, не видавъ своей дочки, что же я буду дѣлать, несчастная! — И ломая руки, упала она на перину пуховую, уткнулась головой въ подушки и горько, горько зарыдала.

И вдругъ слышитъ она, что кто-то дотронулся до ея плеча. Обернулась царевна и, при свѣтѣ лампадки, видитъ она—стоитъ передъ ней маленькая старая старушка. Прыгаютъ у ней глазки, какъ свѣчи, космата́я голова трясется, а беззубый ротъ и жуетъ, и шамкаетъ, и улыбается.

— Кто ты? спрашиваетъ въ испугѣ царевна. А старушка хихикаетъ.

— Кто я? моя красавица. Спроси у вѣтра буйнаго, у черной ночи-полуночи, у злой непогоды, бури могучей царицы морской.

— Ты колдунья? спрашиваетъ царевна, и въ ужасѣ жмется къ стѣнѣ, прячется въ подушки, и хочется ей кликнуть своихъ сѣнныхъ дѣвушекъ.

— Можетъ быть колдунья, можетъ быть вѣщунья, почемъ знать, а пришла я, шамкаетъ старуха, помочь твоему горю, изъ злой бѣды выручить. И царевна встрепенулась, даже страхъ прошелъ.

— Ты перенесешь меня, говоритъ она, къ моей старой мамкѣ, перенесешь сейчасъ же на крыльяхъ вѣтра, на коврѣ самолетѣ. Вѣдь ты это можешь сдѣлать. Да!

— Хи хи хи, моя красавица, все я могу, только поспѣшишь людей насмѣшишь, видишь ты какая прыткая.—Зачѣмъ намъ по ночи летать, когда можно днемъ и пѣшкомъ дойдти. Поживетъ твоя мамка и до утра не умретъ, до самыхъ полденъ. А ты лучше скажи, моя ясочка, чѣмъ это ты собралась твою мамку отъ злой болѣсти вылѣчить, отъ смерти лютой освободить, али такъ просто своими ясными глазыньками?

Схватила себя царевна за голову, вся покраснѣла. Тутъ только вспомнила она, что вмѣсто того, чтобы подумать: чѣмъ своей мамкѣ помочь, она только и заботилась о томъ, какъ бы не посмѣялись надъ ней. Вскочила она, давай собираться къ лѣкарю, ка-

кому нибудь знахарю. А старушонка все хихикаетъ и головой трясетъ.

— Не надо, моя радость, не надо, моя красавица, чего суетишься, все у меня есть, все что надо тебѣ; а къ знахарю не ходи, никакой знахарь не поможетъ. И старуха вытащила изъ за пазухи скляночку. Вотъ для твоей мамки зелье лѣкарственное, снадобье цѣлительное, выпьетъ она его, вся болѣсть ея пройдетъ.

— Дай, дай! говоритъ царевна, и протягиваетъ руки, а старуха хихикаетъ и не даетъ склянки.

— Погоди красавица, царевна прекрасная, не все вдругъ.

— Дай, проситъ царевна, я тебѣ все отдамъ, все что хочешь и она бросилась къ своимъ ларцамъ, открыла ихъ, все бери что: ленты яркія, златомъ тканыя, жемчуги самокатные, камни самоцвѣтные, перстни золотые, все бери! — а старушка хихикаетъ.

— У! у! какая ты богатая, и впрямь видно, что царевна, не подарить-ли тебѣ еще столько? Ха! ха! ха! Ахъ, ты мой свѣтъ дорогой, даромъ тебя всѣмъ могу надѣлить. Ничего мнѣ ненадо, все у меня есть.

— На тебѣ скляницу! И старуха отдала царевнѣ лѣкарство. Только вотъ что, моя радость, душа ты моя прекрасная, лѣкарство это не простое, а волшебное, волшебное заговорное, надо его давать умѣючи, относить съ почетомъ, да съ оглядкою. Пойди ты съ нимъ завтра утромъ, какъ только на башнѣ сторожевой пробьетъ царскій колоколъ, пойдешь, на во-

стокъ поклонишься, и неси ты его бережно, къ сердечку своему прижимаючи. Слышишь-ли, моя красавица?

— Слышу, говоритъ царевна.

— Ну и пойдешь ты, пріодѣнешься, не въ простое платье, а въ заморское — а я тебѣ и платьице принесла. И безъ этого платьица лучше и не ходи. Никакое лѣкарство не поможетъ.

И старуха вынула изъ подъ мышки узелокъ, развязала его. —Вотъ тебѣ, моя красавица, перво-на-перво шапочка; шапочка парадная, нарядная. —И старуха вытащила большой красный колпакъ, весь онъ былъ испачканый, весь обшитъ бубенчиками, а на самой макушкѣ былъ пришитъ цѣлый пукъ кудели нечесаной. Всплеснула ручками царевна и поблѣднѣла; говоритъ: —Какъ я должна идти въ этомъ колпакѣ!?

— Должна, моя радость, должна, свѣтъ мой писаный, такъ ужъ по обычаю слѣдуетъ. А вотъ тебѣ къ нему и душегрѣечка.

И старуха опять вытащила изъ узла коротенькій, нагольный полушубочекъ, издерганный, засаленный, вывороченый шерстью кверху, и весь полушубочекъ былъ обшитъ волчьими хвостами.

— Вотъ тебѣ, мое сокровище, надѣнь, прирядись моя радостная, будешь красавица писанная, рисованная; надѣнешь, пойдешь, всѣ на тебя люди будутъ дивиться, да ахать.

Покраснѣла царевна, ножкой топнула: — Какъ, говоритъ, ты смѣешь мнѣ, царской дочери, такой нарядъ шутовской предлагать?

— У! у! моя красавица! Не сердись, моя родная. Хочешь— надѣвай, хочешь—нѣтъ, твоя воля: надѣнешь, мамку свою спасешь, не надѣнешь — свою царскую спѣсь спасешь; что дороже тебѣ, то и выбирай; а я тебѣ ничего не предлагаю, я говорю тебѣ, что надо сдѣлать. Вотъ, надо еще юбочку надѣть,—и она вытащила простую, посконную юпку, деревенскую понёву, всю обтрепанную, всю въ заплатахъ. Вотъ тебѣ и на ножки твои сахарныя—царскіе черевички,—и старуха вытащила простыя, грязныя лапти, — все тебѣ припасла, ничего не забыла.

Стоитъ царевна, закусивъ губку, то ее въ жаръ, то въ ознобъ броситъ. И стыдно ей, и гадко, и жалко мамки любимой, и себя жалко, и еслибъ могла она убить старуху, непремѣнно убила бы ее; а старуха все хихикаетъ.

— Ну вотъ тебѣ, моя красавица, и весь сказъ-наказъ, все исполни, ничего не забудь: принарядись хорошенечко въ мое платье нарядное, возьми въ бѣлы ручки скляночку, держи ее супротивъ сердца, и въ полдень ровнехонько, ступай къ своей кормилицѣ, и выйдешь изъ воротъ, на востокъ поклонись, всѣмъ честнымъ людямъ покажись: вотъ-дескать, люди добрые, какъ я къ моей старой мамкѣ лѣкарство несу, ея душеньку отъ смерти спасу. Не забудь только, моя красавица,—и старуха нагнулась ей къ уху—завтра утромъ будетъ великій смотръ; соберутся тебя смотрѣть, сватать женихи со всѣхъ земель, изъ заморскихъ странъ. Пріѣдетъ также и твой возлюбленный

царевичъ Алексѣй. Вотъ тебѣ и все, моя радость бѣлая. А теперь прощай, меня не забывай и лихомъ не поминай!—И старуха вдругъ исчезла, пропала, какъбудто и вовсе ея не было.

Стоитъ царевна ни жива, ни мертва, бѣлыя ручки ломаетъ, изъ глазъ слезы катятся, ротикъ открытъ, зубы стиснуты.—Зачѣмъ я, думаетъ она, въ царскихъ хоромахъ уродилася? Мамка моя, родная, дорогая, лучше была бы я твоей родной дочкой, тогда бы я такого сраму не вѣдала, а теперь должна я, царская дочь, нарядиться хуже дуры деревенской, и среди бѣла дня всему народу себя на посмѣянье выставить. И чувствуетъ она чуткимъ сердцемъ, чувствуетъ, что ей надо идти. Нельзя ей бросить свою мамку, нельзя ее добрую, честную, отдать смерти неминучей. Нельзя!—И вспоминаетъ она, какъ всегда была эта мамка до нея добрая, да ласковая, какъ не спала она съ ней по цѣлымъ ночамъ. Какъ, разъ, ходила она въ мятель и вьюгу за 20 верстъ, только за тѣмъ, что царевнѣ захотѣлось посмотрѣть, какимъ цвѣтомъ волчье лыко цвѣтетъ. И принесла она ей маленькихъ розовыхъ цвѣтовъ, а сама вся устала, разнемоглась. И вспоминала она, какъ ей эта добрая мамка разсказывала въ темныя зимнія ночи, какъ живетъ добрый, бѣдный народъ, черствый хлѣбъ поѣдаючи, въ горькой нуждѣ изнываючи.—Не осмѣетъ меня, думаетъ царевна, этотъ черный, бѣдный народъ; онъ знаетъ меня, знаетъ какъ я всегда помогала ему и словомъ и дѣломъ и царской казной,—пойду я къ тебѣ, моя добрая мамка,

пойду я въ шутовскомъ нарядѣ.—Но какъ подошла она къ этому наряду, какъ посмотрѣла на него, да вспомнила, что путь ей до Свиныхъ Закутокъ далеко лежитъ, что теперь, послѣ искръ Чуднаго мальчика, народъ ужъ не тотъ сталъ, да кромѣ народа простаго, сколько ей на этомъ пути встрѣтится всякихъ придворныхъ и дворянъ столбовыхъ,—вспомнила она все это, и немогла съ своимъ сердцемъ совладать. Задрожало оно, замерло, все туманомъ въ глазахъ у ней подернуло, и, бѣлѣе полотна бѣлаго, словно мертвая она, какъ снопъ на постелю повалилася. Долго лежала она, себя не помня и ничего не чувствуя, и наконецъ очнулася, кругомъ осмотрѣлась:—Гдѣ я, что со мной? думаетъ.

На столѣ передъ ней склянка стоитъ, на скамьѣ передъ ней дурацкій нарядъ разостланъ лежитъ, а въ окно чуть-чуть свѣтитъ бѣлый день, занимается. Встала царевна, словно охмѣлѣла отъ хмѣльнаго вина, подошла она шатаючись къ окну, подошла, сѣла у него, на сердцѣ у ней, словно тяжелый камень лежитъ, въ головѣ у ней, словно холодный свинецъ налитъ. А надъ окномъ уже проснулись, носы очищаютъ, любимыя птицы царевны. Птица Чилига заморская, нарядная, съ длиннымъ хвостомъ и пушистымъ хохломъ. А надъ ней на шесткѣ ловчій Соколъ серебряными путцами прикованъ сидитъ, на все гордо озирается. Проходитъ цѣлый часъ. Смотритъ царевна въ окно, и не видитъ ничего, и ничего не думаетъ. Чувствуетъ только, какъ сдавило ей всю ея грудь бѣлую, въ го-

ловѣ, словно колесо вертится и прыгаетъ. Прошелъ еще часъ, показалось солнце красное, а царевна все сидитъ, какъ во снѣ какомъ. Заскрипѣла дверь, вошла въ теремъ небольшая собака, старая-престарая. Вовкомъ звали эту собаку простую, дворовую, и царевна каждый день кормила, поила ее. Не могъ ужъ онъ Вовокъ лаять отъ старости, а только хрипѣлъ и тявкалъ. И это тявканье понимала царевна Меллина, въ немъ она слова человѣчьи слышала. Вошелъ Вовокъ, визжитъ, къ царевнѣ ласкается:—Что, говоритъ, царевна, ты рано поднялась, о чемъ задумалась, задумавшись пригорюнилась?

— Какъ не горевать мнѣ, Вовокъ, когда горе мнѣ большое приключилося. И разсказываетъ царевна Вовку свою бѣду тяжелую.

— Что жъ, говоритъ Вовокъ, ты поди. Это ничего, что надъ тобой будутъ смѣяться. Теперь надъ всѣми смѣются, а когда всѣ надъ всѣми смѣются, тогда никому не завидно, ни обидно. Я тебѣ про себя разскажу. Былъ я маленькой, хорошей собачкой. Кормила меня мать моя, ласкала, лизала, и думалъ я, что лучше меня въ цѣломъ свѣтѣ никого нѣтъ. Подросъ я, ласкали меня добрые люди, но чѣмъ больше я росъ, тѣмъ рѣже ласкали меня, и тѣмъ больше бранили и смѣялись надо мной. Сталъ я старъ, сѣдъ и кудлатъ. Шерсть на мнѣ торчитъ вихрами, хвостъ и уши мои давно обрублены. Всѣ надо мной смѣются, кромѣ тебя, моя царевна добрая. Но никого я не виню, ни на кого не жалуюсь. Чѣмъ же виноваты люди, что я

такой смѣшной уродился? Пусть смѣются. Веселый смѣхъ лучше горькаго горя. Они смѣются, и мнѣ весело, значитъ и я не даромъ на свѣтѣ живу!

Слушаетъ царевна, слушаетъ, думаетъ, и какъ будто ей легче становится отъ простыхъ словъ добраго Вовка. А птица Чилига сидитъ въ клѣткѣ, нахохлившись, крыльями трепещетъ, носомъ щелкаетъ и злится, она злится на слова Вовка.

— Ахъ! какой глупый! Ахъ! какой дуракъ! говоритъ она. Вотъ, невѣжа глупая, не понимаетъ онъ, что значитъ красота и радъ, глупый, что всѣ надъ нимъ потѣшаются. Нѣтъ, я бы просто со стыда умерла если бы я хоть немного была похожа на него и если бъ всѣ надо мной издѣвались, какъ надъ нимъ; а онъ, глупый пёсъ радуется! Экой дуралей кудлатый!

Посмотрѣлъ Соколъ на птицу Чилигу, посмотрѣлъ, очами сверкнулъ.

— Ну, счастлива ты, промолвилъ онъ, что сижу я здѣсь на привязи и не могу добраться до твоей глупой головы; прижалъ бы я тебя, притиснулъ въ своихъ острыхъ когтяхъ и послушалъ бы я, какъ бы тогда ты мнѣ взмолилася, дура хохлатая, какъ бы ты стала меня просить-молить: возьми всѣ мои перья нарядныя, общипли меня хуже курицы, только оставь ты мнѣ жизнь; краше ея нѣтъ ничего на бѣломъ свѣтѣ.

— Слушай, царевна, сказалъ Соколъ, былъ я вольной птицей, леталъ по поднебесью, плавалъ я, купался въ чистомъ воздухѣ, носился гордо, стрѣлой леталъ надъ лугами зелеными, надъ лѣсами высо-

кими. Изловили меня злые люди, изловили, связали, надсмѣялись надъ вольной птицей. Надѣли они на меня шутовской нарядъ, шапку съ перьями, приковали меня крѣпко-на-крѣпко цѣпью серебряной. Что мнѣ за дѣло, что эта цѣпь серебряная. Неволи не выкупить ни златомъ, ни серебромъ. Сколько разъ летая на охотѣ, гоняясь за птицею, думалъ я, сверну я въ сторону. Знаю я, что слѣдитъ за мной зоркій взглядъ ловчаго сокольника, и держитъ онъ на готовѣ стрѣлу острую, чтобы пустить ее мнѣ въ сердце горячее. Лучше, думаю, смерть лютая, чѣмъ неволя постыдная, горькая. Да подумалъ я потомъ, что самъ виноватъ, коли попался и живой въ руки дался, за то и долженъ терпѣть. А и подумалъ я еще, пусть надо мной, вольной птицей, издѣваются, потѣшаются, я знаю, что я лучше ихъ, не унизятъ они во мнѣ честь соколиную, честь благородную, и въ злой неволѣ все я буду птица вольная, честная,—и злая издѣвка не запятнаетъ моего сердца чистаго, сердца гордаго, соколинаго.

— Обернулась царевна къ Соколу, слушаетъ его, не вѣритъ ушамъ. Вся она встрепенулася. Вскочила, подошла къ Соколу, отомкнула его путы серебряныя, взяла его на бѣлу руку. Крѣпко за бѣлую ручку острыми когтями ухватился Соколъ. Распахнула царевна окно косящато.

— Лети, мой Соколъ, лети мой хорошій, на всѣ четыре стороны. Не гнѣвись, что въ недогадку мнѣ было держать тебя въ злой неволѣ, птицу свободную,

лети ты, меня лихомъ не поминаючи и спасибо тебѣ, что на прощанье ты меня уму-разуму выучилъ!— Вспорхнулъ Соколъ, полетѣлъ съ громкимъ крикомъ на всѣ четыре стороны, себя отъ радости не помнючи. А царевна вся словно переродилася. Свалился у ней камень съ бѣлой груди. Все для ней свѣтло и радостно.

— Я иду къ тебѣ, думаетъ, мамка моя добрая, пусть надо мной смѣются, издѣваются. Я теперь птица вольная, есть во мнѣ сердце чистое, честное, свободное, соколиное. Никто его не вынетъ, никто не коснется его. Выше оно всѣхъ насмѣшекъ, издѣвокъ людскихъ.—И царевна подошла къ шутовскому наряду, подошла, усмѣхнулася, и сбросила съ себя царское платье, стала тотъ нарядъ примѣрять, на себя надѣвать.

Нарядилась царевна, посмотрѣла въ зеркало, все на себѣ обдернула, оправила. Въ сердцѣ у ней яркій день горитъ, отъ радостнаго чувства грудь колышется, на глазахъ свѣтлыя слезки блестятъ, словно ясныя звѣздочки. Взяла она скляницу въ руки, взяла, къ сердцу своему прижала ее. Потомъ, легкой твердой поступью, пошла она изъ своей свѣтлицы-терема. И какъ только взялася она за ручку дверную, пробилъ-прогудѣлъ съ башни колоколъ, созывая на работу весь рабочій народъ. Вышла на большое царское крыльцо царевна, и прямо ей на встрѣчу поднимается, всходитъ по широкой лѣстницѣ, королевичъ Алексѣй. Поблѣднѣла царевна, пошатнулася, чуть скляницу изъ рукъ не выронила. А царевичъ Алексѣй остановился, какъ вкопанный, словно его столбнякъ обхватилъ. И

вѣритъ онъ и не вѣритъ глазамъ своимъ, что стоитъ передъ нимъ его милая царевна въ такомъ нарядѣ невиданномъ, словно дура деревенская наряжена. Опомнилась царевна, королевичу поклонилася, и съ поклономъ молча прошла мимо его, съ крыльца спустилася.

— Что же? думаетъ она, если онъ и взаправду любитъ меня, то во всѣхъ нарядахъ для него я должна быть дорога. Вѣдь не худое же, злое дѣло творю я, не по своей доброй волѣ я такъ нарядилась.— И царевна вышла на широкій дворъ, только грудь ея бѣлая, высокая, всколыхалася, только ясныя двѣ слезки на глазахъ ея задрожали и по щечкамъ покатилися.

Вышла царевна на улицу. Кто только шелъ по улицѣ,—увидавъ ее останавливался: Что за шутиха такая идетъ? Всѣ на нее уставились. А мальчишки, какъ только ее завидѣли, такъ всѣ отъ радости даже перевернулися. Вѣдь извѣстно, что мальчишекъ пряникомъ не корми, дай только посмотрѣть какую нибудь диковинку. И вотъ всѣ они побѣжали за царевной, бѣгутъ толпой–гурьбой, впереди, позади, визжатъ, укаютъ, а кто посмѣлѣй, тотъ и комкомъ грязи въ нее запуститъ или камешкомъ. Вѣдь и это очень весело. А царевна идетъ, усмѣхается; все свѣтло въ ней и радостно. Не слышитъ она ни гаму, ни хохоту; не видитъ она ни мальчишекъ, ни народу, что идетъ за ней, не слышитъ она земли подъ собой. Несетъ она къ своей дорогой мамкѣ съ лѣкарствомъ скляницу, крѣпко къ сердцу ее прижимаючи.

Надивился, нахохотался надъ царевной народъ, мало по малу каждый оставилъ ее, а она идетъ, все идетъ своимъ путемъ—дорогою, дошла до Свиныхъ Закутокъ, и чуть не бѣгомъ къ избушкѣ своей бѣдной мамки бросилась. Вбѣжала она въ избушку, видитъ, лежитъ ея мамка безъ памяти. Въ три ручья у царевны слезы брызнули. Бросилась она къ постели, приставила къ губамъ мамки скляницу, и выпила мамка все зелье цѣлебное, выпила, вздохнула глубоко, вздохнувши опомнилась. Встала съ постели, оглядѣла царевну, признала ее, къ ней кинулась. Цалуетъ она ее, цалуетъ руки ея, глядитъ на нее, не насмотрится, только слезы застилаютъ ея глаза старые, мѣшаютъ смотрѣть.

— Дорогая моя, говоритъ, родная, ненаглядная, не чаяла, не гадала больше я видѣть тебя, все мое сердце встосковалося по тебѣ, моя звѣздочка радостная.—И теперь только мамка разглядѣла — увидала, во что царевна наряжена. Всплеснула она руками, удивилася. Стала царевна ей все разсказывать, разсказала царевна, а мамка пригорюнилась.

— Вскормила вспоила я тебя, говоритъ она, дитя мое милое; забыла я тебѣ одно указать: не бойся ты, не страшись ни хулы, ни людскаго говору, не бойся насмѣшки —издѣвки злой, а бойся ты своей совѣсти, своего судьи сердечнаго, неподкупнаго!

А царевна свою милую мамку и слушаетъ и не слушаетъ, все у ней въ сердцѣ отъ радости прыгаетъ; словно на волнахъ великаго счастья всю ка-

чаетъ ее, убаюкиваетъ, словно десять лѣтъ съ бѣлыхъ плечъ у ней свалилося, и стала она ребенкомъ маленькимъ, такъ ей смѣяться, играть и прыгать хочется.— Посидѣла она у мамки, съ нею простилася, за ворота ее мамка вывела. А у воротъ толпой стоитъ народъ, въ тихомолку гудитъ — шушукаетъ. Какъ только царевна изъ воротъ показалася, всѣ сняли шапки, упали ницъ, до земли поклонилися.— Узналъ народъ, зачѣмъ пришла царевна къ мамкѣ своей больной, немощной, узналъ, зачѣмъ она въ шутовской нарядъ нарядилася, вѣдь отъ народа ничего не скроется, вспомнилъ народъ, все добро, что царевна ему дѣлала и ему жаль и досадно стало на себя.

А царевна пошла назадъ своимъ путемъ-дорогою, и вся толпа за ней, безъ шапокъ молча идетъ. Не успѣла царевна и полдороги пройти, какъ летятъ, скачутъ вершники — приспѣшники, въ золотыя трубы трубятъ. Ѣдетъ самъ царь въ колымагѣ съ царицею. Поровнялись они съ царевной, колымага остановилася. Вышелъ изъ нея царь, на встрѣчу царевнѣ идетъ, къ ней дрожащія руки протягиваетъ.

— Спасибо тебѣ, говоритъ, моя родная дочь, что ты не забыла долгу—совѣсти, что ты свою старую, добрую мамку въ смертной бѣдѣ не оставила.— И старый царь-отецъ цѣлуетъ-милуетъ свою дочку милую.—Не тебѣ стыдно, говоритъ онъ, что ты въ шутовской нарядъ нарядилась, а стыдно тому, кто тебя нарядилъ въ него. А вотъ тебѣ, дорогая моя и же-

нихъ, коли тебѣ онъ любъ и по сердцу, проситъ онъ руки твоей, тебя сватаетъ. Коли любишь скажи, а не любишь, откажи ему.—Оглянулась царевна, и теперь только замѣтила, стоитъ въ сторонѣ королевичъ Алексѣй, стоитъ, глаза въ землю опустилъ и ждетъ отвѣту, словно вѣсти о жизни и смерти своей. Вспыхнула царевна, вся зардѣлася, ничего не сказала она, только протянула ручку свою къ Алексѣю королевичу. Схватилъ эту ручку Алексѣй, крѣпко поцаловалъ ее, себя отъ радости не помнючи, потомъ взглянулъ на царевну и глаза ихъ встрѣтились, и показалось царевнѣ, что въ этихъ глазахъ тихимъ свѣтомъ свѣтится все, что есть на свѣтѣ дорогаго и радостнаго. А царь ихъ за руки беретъ, къ колымагѣ ведетъ; садятся они въ колымагу, и ѣдутъ въ обратный путь. А народъ гудитъ-реветъ: Да здраствуетъ, кричитъ онъ, наша добрая царевна на многія лѣта, да здравствуетъ ея суженый, королевичъ Алексѣй!—А во дворцѣ изъ пушекъ палятъ, громкая музыка гремитъ, стоятъ накрыты столы скатертями браными, сладкими кушаньями уставлены. И ведетъ королевичъ Алексѣй свою невѣсту милую, ведетъ ее подъ руку, и всѣмъ кажется, что лучше ея наряду не было и быть не могло, что этотъ нарядъ спасъ отъ смерти добраго человѣка, ея мамку старую, а ея сердце отъ тяжкаго грѣха: отъ ложнаго стыда!»

— Вотъ вамъ и вся сказка, сказалъ дядя,—а я усталъ и домой мнѣ пора.—И онъ хотѣлъ спустить съ колѣнъ Полину.

А она сидитъ и все еще какъ будто слушаетъ, глазки у ней блестятъ, щечки горятъ.

— Дядя! говоритъ она, я теперь не боюсь никакой насмѣшки, никакой. Я буду стараться дѣлать все лучше, какъ можно лучше, и если Поль будетъ опять смѣяться, надо мной, значитъ все равно онъ бы сталъ смѣяться, еслибы я была какая нибудь глухая, нѣмая или слѣпая. Вѣдь я не могу же сдѣлать лучше чѣмъ умѣю, не такъ ли, дядя? Ну, а кто смѣется надъ тѣмъ, кто ниже и хуже его, тотъ долженъ быть очень дурной, нехорошій человѣкъ. Неправдали дядя?

И дядя посмотрѣлъ на Полину, и поцаловалъ ее въ лобъ.

— Ты у меня умница, хорошая, сказалъ онъ, а мнѣ все-таки пора домой! И онъ всталъ.

— Послушай, дядя, сказалъ Поль, а это вѣрно Чудный мальчикъ бросилъ тебѣ искру въ носъ, и отъ того онъ раздулся и покраснѣлъ, какъ старая красная свекла.

Дядя перевернулся, точно кто его подъ бокъ толкнулъ. Ахъ! ты! вскричалъ онъ. Какъ ты смѣешь смѣяться надъ дядей?!

— Да вѣдь ты же сказку разсказывалъ и училъ, что должно быть выше всякой насмѣшки. Чего же ты пѣтушишься?!... А я тебѣ вотъ что скажу: если ты боишься насмѣшки—значитъ ты хорошій человѣкъ, и вѣришь въ судъ людской. А кто не вѣритъ въ его правду, тому все равно, хоть трава не рости. Только

бы ему было жить хорошо!—Нѣтъ ты мнѣ вотъ что скажи: какъ бы такъ сдѣлать, чтобы насмѣшка свое доброе дѣло дѣлала, да въ тоже время не обижала бы никого...

— Дядя пристально посмотрѣлъ на него, потрепалъ его по плечу и сказалъ· — ты тоже умный, очень умный мальчикъ.

Потомъ онъ пошелъ, въ уголъ взялъ зонтикъ, и такъ тряхнулъ его, что зонтикъ тотчасъ проснулся и даже раскрылся на половину. — Дядя взялъ его подъ мышку, кивнувъ дѣтямъ головой, вышелъ на улицу.

— А Поль всталъ, низко поклонился Полинѣ, разшаркался:—Здравствуйте, сказалъ онъ прекрасная Царевна Меллина Кирбитьевна!»

Но Полина ничего не отвѣтила. Она молча собрала свои игрушки и ушла съ ними въ дальнюю комнату.

Папа-пряникъ.

Это было давно, но можетъ случиться и сегодня и завтра. Однимъ словомъ когда придется.

У Папы-пряника былъ большой торжественный праздникъ, а ты вѣрно не знаешь, что Папа-пряникъ, надъ всѣми сластями король и всѣмъ пряникамъ пряникъ.

И вотъ разъ сидѣлъ онъ на своемъ тронѣ, въ коронѣ изъ чистаго сусальнаго золота, въ глазированной мантіи съ миндальными хвостиками и въ маленькихъ новомодныхъ шеколадныхъ сапожкахъ. Тронъ его былъ большой, высокій пряникъ, обсыпанный самымъ чистымъ блестящимъ сахаромъ-леденцомъ, да такъ густо, что снаружи никакъ нельзя было видѣть что было внутри, но отъ этого самаго онъ казался еще вкуснѣе и слаще, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ.

Вокругъ трона стояла почетная стража, въ золотыхъ мундирахъ, съ фольговыми саблями и шеколадными палками въ рукахъ. Все это были что ни есть,

самые лучшіе пряничные солдаты съ сахарными цукатами.

А дальше полукругомъ, сидѣли всякіе сановники. Разумѣется не настоящіе, а сахарные.

Позади ихъ было множество прекрасныхъ кавалеровъ и дамъ. Всѣ кавалеры смотрѣли въ одну сторону; въ ту самую, въ которую были повернуты.

А дамы были просто прелесть. Онѣ были изъ бѣлаго безе со сливками, легкія, полувоздушныя, пустыя внутри. Каждая изъ нихъ думала, что слаще ее нѣтъ на свѣтѣ и, смотря на каждаго кавалера, думала: «вотъ онъ!» А кавалеры такъ и таяли, потому что всѣ были изъ чистаго леденцу.

Въ залѣ пахло апельсинами и розовымъ вареньемъ. Повсюду стояли отличныя конфекты въ самыхъ красивыхъ разззолоченныхъ бонбоньеркахъ, а по угламъ били фонтаны изъ лимонаду и оршаду, отчасти для освѣженія воздуха, а больше для собственнаго удовольствія, и каждый фонтанъ шепталъ одно и тоже: «посмотрите какой я осторожный, я никого не забрызгалъ!

На дворѣ и на улицѣ въ окна заглядывали маленькія орѣшки, рожки, коврижки и простые пряники. Это были такіе же точно пряники, какіе обыкновенно покупаютъ бѣднымъ дѣтямъ, одинъ разъ въ годъ, на пасху. Дѣти ѣдятъ ихъ и думаютъ, что лучше этихъ пряниковъ нѣтъ ничего на свѣтѣ, а это то и дурно, потому что каждый долженъ стремиться къ лучшему для блага всѣхъ, и тогда все пойдетъ хорошо.

Кругомъ повсюду, для порядка, были разставлены кондитеры въ бѣлыхъ колпакахъ и фартукахъ съ мѣдными кастрюлями. Они стояли съ чрезвычайно серьезными минами, потому что честно относились къ искусству и считали себя призванными смягчать горечь этой жизни своими произведеніями.

Наконецъ, тутъ-же въ залѣ, стояло множество дѣтей, большихъ и малыхъ, глупыхъ и умныхъ, добрыхъ и злыхъ. Они смотрѣли на Папу-пряника и его стражу, на его сановниковъ, на кавалеровъ и дамъ, на варенья и конфекты. Одни думали:—Ахъ, если бы намъ дали вотъ эти бонбоньерки, а другіе:—Ахъ если бы попробовать намъ хоть одинъ пряникъ, и всѣ облизывались, что было совсѣмъ не кстати, потому что они еще ничего не отвѣдали.

— Ну! сказалъ Папа-пряникъ,—принесите теперь награды. Сегодня мы награждаемъ всѣхъ умныхъ и прилежныхъ дѣтей. И это такъ и слѣдуетъ по закону! Потому что поощреніе вездѣ необходимо!

Какъ только это было сказано, тотчасъ всталъ первый сановникъ и передалъ слова короля второму сановнику, этотъ третьему, третій четвертому и т. д. до послѣдняго, который уже сказалъ въ свою очередь первому кавалеру, первый второму, второй третьему, третій четвертому, и до послѣдняго, который передалъ тоже самое, только въ другой формѣ, потому что форма ничего не значитъ, оберъ-церемоніймейстеру. Оберъ-церемоніймейстеръ передалъ приказъ короля унтеръ-церемоніймейстеру, который передалъ его оберъ-гофъ-

шенку, а этотъ унтеръ-гофъ-шенку, тотъ приказалъ уже отъ себя оберъ-лакеямъ, тѣ камеръ-лакеямъ, а они наконецъ просто лакеямъ. Такимъ образомъ все это вышло немного длинно и очень скучно, но все таки королевское приказанье дошло наконецъ по принадлежности и было въ точности исполнено, какъ и слѣдуетъ.

Принесли на огромномъ серебряномъ подносѣ огромный пряникъ. Ахъ, что это былъ за пряникъ! Такого навѣрно никогда не было и никто и во снѣ не ѣдалъ. Пухлый, рыхлый, поджаренный, подпеченый съ вареньемъ, изюмомъ, коринкой, миндалемъ, мушкатомъ, цукатомъ, ну словомъ со всѣмъ. Въ немъ было на всякій вкусъ, даже на такой, какого вовсе нѣтъ. А когда стали рѣзать этотъ пряникъ, то изъ него просто такъ таки и потекло самое вкусное варенье, а у всѣхъ дѣтей потекли слюнки. Ахъ! Нѣтъ, лучше и не разсказывать!...

Папа-пряникъ подзывалъ къ себѣ каждаго умнаго, прилежнаго мальчика и давалъ ему по большому куску вкуснаго пряника. Пряникъ, впрочемъ, оказался на вкусъ не такъ хорошъ, какъ на взглядъ, за то на каждомъ кускѣ было очень красиво написано самыми блестящими золотыми буквами: за благонравіе и прилежаніе, а вѣдь это-то и главное, потому что каждому нравится то, что блеститъ.

Когда всѣ прилежные ученики были награждены, а глупые лѣнтяи проглотили всѣ свои собственныя слезы вмѣсто пряника, то Папа-пряникъ снова всталъ съ своего трона и сказалъ:

— Теперь надо назначить къ будущему празднику премію за добрыя дѣла, потому что и въ добрыхъ дѣлахъ должна быть конкуренція. Я предлагаю самый большой вкусный пряникъ тому, кто сдѣлаетъ настоящее доброе дѣло. Идите и радуйтесь!

Тогда всѣ встали и разошлись, кто куда могъ и побрелъ. Умныя дѣти пошли отдѣльно, лѣнивыя также отдѣльно, и всѣ думали, какъ бы сдѣлать настоящее доброе дѣло. Но когда всѣ разошлись по домамъ, то начали играть въ мячъ, кегли и даже бирюльки, такъ что всѣ пряники были забыты, а добрыя дѣла и подавно. Только трое мальчиковъ на другой день вспомнили что было вчера, и это было хорошо, потому что могъ бы и никто не вспомнить.

Одного мальчика звали маленькимъ Луппомъ. Когда онъ хорошо велъ себя, то отецъ давалъ ему два серебряные пятачка, а такъ какъ онъ каждый день хорошо себя велъ, то въ недѣлю у него накоплялось столько пятачковъ, что пожалуй и не сочтешь, и во всякомъ случаѣ на эти пятачки въ воскресенье можно было купить отличныхъ пряниковъ. Но маленькій Луппъ умѣлъ считать и даже разсчитывать. Онъ отправился прямо въ кондитерскую лавку и спросилъ:

— Что стоитъ самый большой пряникъ?

Оказалось, что онъ дороже всѣхъ пятачковъ, которые можно скопить въ цѣлый мѣсяцъ. Однимъ словомъ, страшно дорогъ.

— Ну, сказалъ Луппъ, я буду непремѣнно въ вы-

годѣ, и черезъ три дня, онъ съ шестью пятачками въ карманѣ пошелъ въ одинъ большой домъ.

Тамъ внизу въ подвалѣ, почти совсѣмъ подъ землей, въ темной каморкѣ, жилъ бѣдный башмачникъ съ женой и шестью маленькими дѣтьми. Башмачникъ былъ старъ и плохо видѣлъ, жена его цѣлый день ворчала, а маленькія дѣти плакали и пищали на всѣ лады отъ холода и голода. Это было одно изъ семействъ тѣхъ подземныхъ кротовъ, которыя живутъ въ подвалахъ большихъ городовъ.

Маленькій Луппъ отдалъ шесть пятачковъ подземному кроту.

— Вотъ вамъ, сказалъ онъ, каждому изъ дѣтей по настоящему серебрянному пятачку, купите на нихъ пряниковъ, а еще лучше сдѣлать что нибудь полезное, потому что пряники одно лакомство и прихоть!

— Дай тебѣ Богъ за доброе дѣло добраго здоровья, маленькій баринъ, сказали кроты.

— Ну, подумалъ Луппъ, пусть наслаждаются, я сдѣлалъ настоящее доброе дѣло, потому что оно съ разсчетомъ, а это самое главное.

Но вотъ въ томъ-то и штука, сдѣлалъ ли онъ настоящее доброе дѣло? А это узнать не такъ легко, ну да и не очень трудно. Вѣдь у каждаго человѣка, маленькаго и большаго, въ сердцѣ сидитъ хорошенькая крошечная дѣвочка въ бѣломъ платьицѣ. Но только это платьице не всегда бываетъ чисто. Если кто нибудь сдѣлаетъ доброе, хорошее дѣло, то маленькая дѣ-

вочка начинаетъ прыгать отъ радости и тихо поетъ веселыя пѣсенки.

— Слышишь какъ легко и пріятно бьется сердце, спрашиваютъ люди.—Да! Это отъ того, что въ немъ прыгаетъ маленькая дѣвочка. Но если человѣкъ сдѣлаетъ что нибудь дурное, то маленькая дѣвочка горько заплачетъ. Да и какже ей не плакать, когда отъ каждаго дурнаго дѣла у ней на бѣлинькомъ платьѣ выходитъ черное пятнышко, какъ будто на него брызнули грязью. Кому же пріятно ходить въ платьѣ съ пятнами? Хорошо если дѣвочка смоетъ слезами это пятнышко, а то есть такіе люди, у которыхъ платье маленькой дѣвочки давно уже все почернѣло, да и сама она, бѣдная, спитъ непробуднымъ сномъ, какъ мертвая. Ахъ, какіе это нехорошіе, жалкіе люди. Говорятъ, что маленькую дѣвочку зовутъ совѣстью. Но вѣдь узнавъ одно названіе, умнѣе не будешь. Надо узнать откуда является дѣвочка въ сердце, а въ этомъ-то и вопросъ.

И вотъ только что Луппъ успѣлъ сдѣлать доброе дѣло, какъ маленькая дѣвочка въ его сердце принялась громко хныкать, хныкать и приговаривать: «съ выгодой, съ разсчетомъ! Этакъ всякій сдѣлаетъ. Но Луппъ назвалъ маленькую дѣвочку—безразсчетной дурой, которая еще глупа и ничего не понимаетъ.—Что-жъ? Быть можетъ онъ былъ и правъ?

Другаго мальчика, который захотѣлъ сдѣлать настоящее доброе дѣло, звали маленькимъ Киномъ. — Онъ былъ очень бѣденъ и ходилъ въ оборванныхъ лохмотьяхъ. Самымъ лучшимъ наслажденьемъ для него было сидѣть на тротуарномъ столбикѣ, съ кускомъ грязи въ рукѣ и ждать. Какъ только мимо его проѣзжала какая нибудь маленькая красивая коляска, въ которой сидѣли нарядный кавалеръ съ своей дамой, онъ тотчасъ же бросалъ кусокъ грязи въ коляску, да такъ ловко, что забрызгивалъ и кавалера и даму. Правда, иногда за это на него бросался полицейскій солдатъ, но онъ такъ бойко бѣгалъ, что даже на собакѣ его нельзя было догнать. Это онъ называлъ охотой за красными перепелками. Когда онъ видѣлъ, что извощикъ билъ свою измученную лошадку, онъ говорилъ: «валяй ее съ трескомъ, авось она почувствуетъ любовь къ тебѣ и погладитъ тебя копытомъ по мордѣ. То-то вышло бы красиво!» Когда при немъ поваръ рѣзалъ курицу и бѣдная билась, облитая кровью, онъ смотрѣлъ и думалъ: «Такъ бы имъ всѣмъ да и тебѣ тоже, потому что на свѣтѣ все гадко и скверно!» Онъ связывалъ котятъ хвостами вмѣстѣ и вѣшалъ ихъ, какъ пучекъ редисокъ на заборѣ. Бѣдные котята прыгали, пищали и мяукали, а Кинъ хохоталъ и говорилъ: «Вотъ такъ концертъ и при томъ даромъ! отличный концертъ!»—Всѣмъ и каждому Кинъ старался надосадить какъ можно лучше. За это его били какъ можно сильнѣе, но вѣдь отъ этого онъ становился еще злѣе, онъ скрипѣлъ зубами и кусался какъ собака.

Однимъ словомъ, это былъ настоящій злой мальчикъ, жолтый, худой, съ сѣрыми злыми глазами, съ общипанными волосами, которые торчали во всѣ стороны, какъ щетина на старой щеткѣ.

И вотъ этотъ-то самый мальчикъ задумалъ сдѣлать настоящее доброе дѣло. Онъ думалъ: Возьму я, да украду у лавочника Трифона всѣ деньги, что у него въ конторкѣ заперты. Говорятъ, что у него денегъ непочатый уголъ лежитъ въ заперти, въ потьмахъ. Всѣ ихъ выпущу я на Божій свѣтъ и раздамъ я эти деньги бѣдному дѣдушкѣ Власу, башмачнику Кирюшкѣ и слѣпой старухѣ Ненилѣ. Да нѣтъ, они пожалуй всѣ ихъ пропьютъ и пойдутъ деньги къ цѣловальнику. Лучше я возьму да утащу у повара Ивана его большой острый ножикъ, которымъ онъ рѣжетъ курицъ, подкрадусь и зарѣжу эту маленькую злую барыню, что живетъ тамъ въ большомъ домѣ. Ну, а если меня за это повѣсятъ и всѣ эти гадкіе люди соберутся и будутъ смотрѣть, какъ меня будутъ вѣшать. У, у! Поганые вороны!»

И Кинъ думалъ обо всемъ этомъ а самъ шелъ по улицѣ. Холодной вѣтеръ дулъ и билъ его по лицу дождемъ, который падалъ на землю и тутъ же безъ церемоніи замерзалъ. На тротуарахъ былъ ледъ, люди ходили и падали, потому что было скользко, а Кинъ смѣялся надъ ними. Онъ шелъ босикомъ, его ноги примерзали къ землѣ, онъ прыгалъ, злился и хохоталъ.

Вотъ изъ за угла вышелъ дѣдушка Власъ съ ведромъ воды. Это былъ очень старый дѣдушка. Весь

сѣдой, беззубый, глухой и сгорбленный. Ему давно пора было лечь куда нибудь на лежанку, въ теплый уголъ. Но вѣдь еще не припасено теплыхъ угловъ для всѣхъ бѣдныхъ дѣдушекъ. И вотъ почему дѣдушка Власъ ходитъ, и лѣто и зиму, съ ведромъ за водой, на ближній фонтанъ, и носитъ эту воду въ большой домъ, гдѣ живетъ на заднемъ дворѣ, въ маленькой конуркѣ.

Въ домѣ всѣ знаютъ дѣдушку, даже большіе господа, что живутъ въ самыхъ большихъ комнатахъ и тѣ знаютъ дѣдушку Власа. Дѣдушку кормятъ тѣмъ, что остается у другихъ отъ обѣда, когда всѣ другіе бываютъ очень сыты. Ему даютъ по копѣйкѣ за ведро воды, а иногда и больше, если бываетъ большой праздникъ. И вотъ дѣдушка Власъ ходитъ, бродитъ; воду носитъ, носитъ и думаетъ: «какъ хорошо ему было, когда у него была хорошенькая внучка и такой славный внукъ Ваня, и былъ у него свой уголъ, теплый, чистый, свѣтлый уголокъ, и внучка Даша ласкала и цѣловала стараго дѣдушку, а Ваня подарилъ ему такой хорошій теплый кафтанъ. Да! все это было! Но мало ли что было и бываетъ. Даша давнымъ давно умерла, а Ваня пошелъ въ солдаты и убитъ на войнѣ, да и кафтанъ давно износился, ну его совсѣмъ! Такой сталъ негодный, ничего не грѣетъ.» И дѣдушка Власъ весь съежился отъ холоду.

Шелъ онъ тихо и осторожно, какъ бы не пролить воды, шелъ, шелъ, да вдругъ поскользнулся и упалъ.

Если молодые да сильные лошади и люди падали, какъ маленькія ребятки, такъ отчего-жъ было не упасть и старому дѣдушкѣ Власу? И онъ упалъ, да такъ ловко, что совсѣмъ растянулся на землѣ, ушибъ и спину и затылокъ, шапка полетѣла въ одну сторону, ведра въ другую, и вся вода изъ него пролилась, какъ будто ее не было. Увидѣлъ Кинъ, какъ упалъ дѣдушка, да такъ и залился хохотомъ:

— Что дѣдушка Власъ, кричитъ онъ, никакъ ты не подкованъ? Вѣдь это братъ не хорошо, что ты на тротуарѣ вздумалъ на собственныхъ салазкахъ кататься. На это есть ледяныя горы. Ха, ха ха! А дѣдушка Власъ пробовалъ встать и не могъ. Нѣсколько разъ ужъ совсѣмъ онъ приподымался, да вдругъ ноги скользили и онъ опять падалъ; а Кинъ еще сильнѣй хохоталъ.

— Эй, дѣдушка, кричалъ онъ, вѣдь я говорилъ тебѣ: неходи, глупый сычъ, за водой, вода хмѣльная, пьянъ будешь. Вотъ и охмѣлѣлъ. Срамъ какой, пьяный валяется,—въ часть тебя возьмутъ.

Долго пробовалъ встать дѣдушка и наконецъ совсѣмъ ослабѣлъ. Вѣдь онъ несъ уже четвертое ведро, на четвертый этажъ, какъ же тутъ не устать. Легъ онъ совсѣмъ на землю и горько заплакалъ: «Ужъ не сносишь ты меня, бормоталъ онъ беззубымъ ртомъ, не сносишь ты меня, мать сыра земля, устали мои ноженьки. Матушка, прими меня многогрѣшнаго въ могилу глубокую, упокойную»! — А люди шли мимо и сторонились и говорили:—Видно старый хрычъ вы-

пилъ, а другіе ничего не говорили и также шли мимо. Холодный дождь, съ вѣтромъ, шелъ на дѣдушку, шелъ и замерзалъ на его худенькомъ кафтанѣ, онъ мочилъ его открытую голову и замораживалъ его сѣдые волосы.

— Эй, дѣдушка, кричалъ, наклонившись надъ нимъ, Кинъ,—вѣдь ты не на лежанку легъ, дѣдушка Власъ, замерзнешь ты тутъ, старый глухарь.

— Подними его! шепнуло сердце Кину.

— Не подниму, говорилъ онъ, стиснувъ зубы.

И вдругъ вспомнилъ онъ, какъ одинъ разъ за нимъ гнались два сильныхъ лакея съ ремнемъ, чтобъ отколотить его за то, что онъ разбилъ камнемъ большую вазу. Это было зимою въ холодный, дождливый день. Тогда онъ бросился на дворъ, гдѣ жилъ дѣдушка Власъ и спрятался въ его конурѣ. Прибѣжали лакеи, но дѣдушка увѣрилъ ихъ, что на дворѣ нѣтъ Кина и спряталъ его у себя и кормилъ его цѣлые два дня. На третій день ушелъ отъ него Кинъ, и уходя, взялъ и разбилъ старый горшокъ, который былъ единственный у дѣдушки. Разбилъ, такъ себѣ, на память о томъ, что гостилъ у дѣдушки. Все это вспомнилъ теперь Кинъ, наклонившись надъ ослабѣвшимъ дѣдушкой Власомъ.

Дѣдушка лежалъ и дышалъ тяжело, а люди все шли мимо да мимо и сторонились, обходя стараго дѣдушку.

— Видишь собаки, сказалъ Кинъ, у нихъ руки отнимутся поднять старика. Поганые вороны! и онъ

наклонился и изъ всѣхъ дѣтскихъ силъ своихъ маленькихъ, но сильныхъ рученокъ приподнялъ стараго дѣдушку.

— Обопрись на меня крѣпче старый хрычь, говорилъ онъ, самъ скользя и падая, и поставилъ наконецъ дѣдушку на ноги, потомъ надѣлъ на него шапку, захватилъ ведро и, поддерживая, повелъ дѣдушку Власа домой. Тамъ онъ уложилъ его на старой постелькѣ, а самъ побѣжалъ съ ведромъ за водой на фонтанъ. Голова у него горѣла, лицо также. Это отъ холоду, думалъ Кинъ. На фонтанѣ ему сильно захотѣлось опрокинуть ведро съ водой у сосѣдки, толстой Домны, которая была страшная сплетница и крикунья, но онъ этого не сдѣлалъ, а налилъ скорѣе свое ведро и почти бѣгомъ отнесъ его туда, куда относилъ дѣдушка, на четвертый этажъ, куда слѣдовало, и получивъ за то копѣйку отдалъ ее дѣдушкѣ.

— На, старый сморчекъ, сказалъ онъ, возьми, справилъ я за тебя, твое дѣло и копѣйку тебѣ принесъ.

— Спасибо тебѣ касатикъ, спасибо родной, бормоталъ дѣдушка. Спасибо, за доброе дѣло!

Но не слушая его, Кинъ вышелъ на дворъ. Голова у него все также горѣла, за горло точно схватилъ кто-то сильной рукой и крѣпко сжалъ. Онъ тяжело дышалъ, шелъ шатаясь и не зналъ что съ нимъ дѣлается. И вдругъ онъ ясно почувствовалъ, какъ въ сердцѣ у него встрепенулась маленькая дѣвочка, встрепенулась, какъ птичка послѣ долгаго сна, встрепену-

лась она и заплакала и вмѣстѣ съ тѣмъ сквозь горькихъ слезъ улыбнулась, да такъ привѣтно и радостно, что Кинъ сдѣлался самъ не свой. Онъ облокотился объ фонарный столбъ, стиснулъ голову обѣими руками и вдругъ громко зарыдалъ на всю улицу. Долго рыдалъ онъ, вѣдь это были почти первыя слезы въ его жизни, потому что онъ плакалъ тогда только, когда былъ еще очень, очень маленькимъ Киномъ.

— Да! говорилъ ему фонарный столбъ, плачь, ты можешь плакать, потому что ты сдѣлалъ доброе дѣло.

— Плачь Кинъ, говорило ему солнце, которое теперь выглянуло изъ за тучъ, плачь, это ничего, я высушу твои слезы, потому что я буду любить тебя, цѣловать и ты будешь добръ.

— Плачь Кинъ, говорилъ ему ледъ изъ подъ ногъ его, — плачь, отъ этихъ слезъ растаетъ ледъ въ твоемъ сердцѣ и согрѣется оно, твое бѣдное сердце.

А маленькая дѣвочка все прыгала въ этомъ сердцѣ и пѣла сквозь слезы тихую пѣсенку.

— Не прыгай, говорилъ Кинъ, прижимая сердце рукой. Я не хочу гордиться моимъ добрымъ дѣломъ, я не хочу знать, слышишь ты, я не хочу знать, что я сдѣлалъ доброе дѣло. Но дѣвочка все-таки прыгала и пѣла пѣсенку.

— Слушай ты, сказалъ Кинъ, поднявъ голову и стиснувъ свой маленькій, но крѣпкій кулакъ. Слушай, Папа-пряникъ, я не для тебя сдѣлалъ доброе дѣло, не за твой гадкій пряникъ, не нуженъ мнѣ онъ, я

помогъ старому дѣдушкѣ Власу потому, что ему нужно было помочь, потому что мнѣ, собственно мнѣ, захотѣлось этого крѣпко, крѣпко. — И онъ опустилъ свою голову и тихо пошелъ домой.

Но онъ шелъ уже совсѣмъ другимъ Киномъ, а не тѣмъ, какимъ онъ былъ до тѣхъ поръ. На него солнце свѣтило такъ радостно, передъ нимъ такъ весело блестѣли мокрые тротуары, и люди шли и смотрѣли на него привѣтливо, какъ будто говорили: Вотъ, смотрите, идетъ добрый маленькій Кинъ, хорошій мальчикъ!

Что-жъ? быть можетъ онъ и въ самомъ дѣлѣ сдѣлалъ настоящее доброе дѣло. А вотъ мы это увидимъ. Не надо только никогда торопиться. Вѣдь мы еще не знаемъ, что сдѣлалъ третій маленькій мальчикъ.

Его звали «Веселымъ Толемъ». Всѣ волосы у него вились въ мелкія кудри, а щеки были полныя и румяныя. Его голубовато-сѣрые глаза всѣмъ такъ ласково улыбались, что всѣ говорили: Ахъ, какой славный мальчикъ! — Да! Толь былъ дѣйствительно славный мальчикъ.

Онъ жилъ высоко на верху въ маленькой комнаткѣ, вмѣстѣ съ своей старой бабушкой, и тутъ же на верху, подъ самой крышею, жило много голубей. Они всѣ знали Толя, потому что Толь кормилъ ихъ крошками. Когда Толь шелъ по двору, голуби слетались къ нему, кружились вокругъ него, садились къ нему

на плечи и цаловали его, а Толь говорилъ: гули, гули, милые сизокрылые, много ли васъ?

— Курръ, курръ курръ, говорилъ старый голубь.

— Ну, это и значитъ много! Поживите подольше, будетъ васъ побольше! Кышшъ на шестокъ, въ родимое гнѣздышко!—и голуби улетали къ себѣ на чердакъ.

Когда Толь былъ на праздникѣ у Папы-пряника, то и ему былъ данъ кусокъ пряника, потому что онъ прилежно ходилъ въ школу и хорошо учился. Толь принесъ пряникъ къ своей бабушкѣ.

— Ахъ, ты мой милый соколикъ! сказала она, кушай его на здоровье, радость моя.

— Нѣтъ! бабушка, ты только маленькій кусочекъ съѣшь, отвѣдай.—Бабушка съѣла маленькій кусочекъ, и сказала, что пряникъ очень хорошъ. А Толь пошелъ къ своимъ маленькимъ друзьямъ, которыхъ было у него много. У одного лодочника Жана было цѣлыхъ четверо, малъ-мала меньше, и всѣ они крѣпко любили Толя.

— Ну! цыплятки, сказалъ онъ, входя на чердакъ къ Жану,—хоть вы и не были на праздникѣ у Папы-пряника, а все-таки вамъ сегодня будетъ праздникъ.—И онъ развернулъ бумагу и показалъ имъ пряникъ съ блестящей золотой надписью.

— Что это такое? кричали цыплятки, обступивъ Толя.

— Это сундучокъ? спрашивалъ маленькій Поль.

— Нѣтъ, я знаю, это зоётая коёбочка, говорила

Маша, а два другихъ ничего не говорили и только ползали, пищали и хватались за ноги Толя.

Онъ взялъ ножикъ, разрѣзалъ пряникъ по поламъ и одну половину раздѣлилъ по кусочку всѣмъ четыремъ.

— Я не хочу твоего гадкаго пряника, говоритъ Маша, надувъ губки, ты меня не поцаевай!

И Толь беретъ Машу за кудрявую головку и крѣпко цалуетъ. А всѣ другіе давно уже съѣли свои кусочки, съѣли вдругъ, облизались и теребятъ Толя со всѣхъ сторонъ.

— Дай еще хоть немножко, чуточку!

— Дай имъ еще, говоритъ Жанъ, который сидитъ нахмуренный въ углу, подперевъ голову одной рукой, дай имъ еще, вѣдь они третій день ничего не ѣли!

— Какъ! вскричалъ Толь. И ты мнѣ ничего не сказалъ! Это очень нехорошо!

— Да, какъ же, вотъ я пойду сейчасъ отыскивать тебя, чтобы ты принесъ имъ кусокъ хлѣба!

Но Толь ужъ не слушалъ его. Онъ бѣжалъ съ лѣстницы, бѣжалъ бѣгомъ, сѣлъ на перила и мигомъ скатился, слетѣлъ по нимъ внизъ. Онъ прибѣжалъ, запыхавшись, къ толстому булочнику Беккеру.

— Господинъ Беккеръ, сказалъ онъ, вотъ вамъ кусокъ пряника, пожалуйста дайте мнѣ за него простой черный хлѣбъ, онъ мнѣ очень нуженъ.

— На тебѣ самый большой хлѣбъ, сказалъ Беккеръ, а пряника твоего мнѣ все-таки ненадо,—съѣшь его самъ; а зачѣмъ тебѣ хлѣбъ, Толь?

— Ахъ, мнѣ онъ очень, очень нуженъ; благодарю

васъ, господинъ Беккеръ, очень васъ благодарю. — И онъ побѣжалъ къ лодочнику Жану.

— Постой, сказалъ Жанъ, когда Толь принесъ хлѣбъ,—имъ нельзя давать по-многу, они съ голоду не перенесутъ этого и умрутъ,—и онъ отрѣзалъ по маленькому кусочку и роздалъ своимъ цыпляткамъ, потомъ отрѣзалъ и себѣ кусокъ, потому что и онъ ужъ давно ничего не ѣлъ.

Цыплятки съѣли хлѣбъ, даже послѣ пряника, потому что были голодны, а голодъ не тетка. Потомъ Толь пошелъ съ другой половиною пряника и раздалъ его другимъ дѣтямъ. Они всѣ цаловали его и говорили:

— Ахъ, какой вкусный пряникъ! Спасибо тебѣ, дорогой, добрый, кудрявый Толь! — И когда роздалъ Толь весь пряникъ, то вспомнилъ, что онъ еще не отвѣдалъ его самъ, но у него ужъ не осталось ни крошки.

— Ну! сказалъ Толь, облизывая пальцы, которые были въ вареньи, вѣдь варенье самая вкусная вещь въ пряникѣ, а его-то вкусъ я знаю теперь. Притомъ мнѣ и безъ пряника хорошо и весело жить на свѣтѣ. И онъ пошелъ и запѣлъ свою любимую пѣсенку:

Мышка весело жила,
На пуху въ углу спала,
Ѣла масло, сыръ и сало,
Но все мышкѣ было мало,
Тра-ла-ла, тра-ла-ла,
Видно жадная была?

Мышка въ крынку забралася,
И тамъ сливокъ напилася,
Мышку въ крынкѣ изловили,
И ей хвостикъ отрубили,
Тра-та-та, тра-та-та,
Мышка стала безъ хвоста.

— Бѣдная мышка! А зачѣмъ ей отрубили хвостикъ? Потому что ей хотѣлось напиться немножко сливокъ. Вѣдь сливокъ было много, такъ отчего-жъ было не дать маленькой мышкѣ немножечко сливокъ. Отчего?! Кто-жъ былъ жаднѣй — мышка или люди!? Но вѣдь ей нужно было попросить сливокъ, а какъ же бы она это сдѣлала? Вотъ въ томъ-то и бѣда, что маленькая мышка не могла попросить себѣ сливокъ.

И Толь шелъ по двору къ своей бабушкѣ, а голуби летѣли ему на встрѣчу и садились къ нему на плечи.

Всходитъ Толь на лѣстницу: разъ, два, разъ два! Всходитъ и думаетъ: Какъ же мнѣ сдѣлать настоящее доброе дѣло: бабушка говоритъ, что у меня доброе сердце—а кто добръ, тотъ не можетъ дѣлать злыхъ дѣлъ, но настоящее доброе дѣло можетъ сдѣлать только тотъ, у кого настоящее доброе сердце, Ну словомъ, кто лучше меня. Да, вотъ мы это послѣ и увидимъ. Разъ, два, разъ, два. Здравствуй бабушка! — и онъ бросился ей на шею.

Между тѣмъ бѣдный лодочникъ Жанъ сидѣлъ все на одномъ мѣстѣ, въ темномъ углу, и съ нимъ вмѣстѣ сидѣла его тяжелая черная дума. Она сидѣла у него на плечахъ и шептала ему на ухо: Вотъ ты

теперь остался безъ работы и безъ мѣста, потому что у тебя рука заболѣла и разсорился ты съ своимъ хозяиномъ, который заставлялъ тебя работать даже съ больной рукой. Куда-жъ ты теперь пойдешь? Твои дѣти умрутъ съ голоду, умрутъ также, какъ умерла три мѣсяца тому назадъ твоя добрая, тихая Анна. Ты похоронилъ ее и остался безъ гроша. Тяжело бѣдняку безъ гроша денегъ. На свѣтѣ все черно, вездѣ темно и гадко. Возьми и убей своихъ цыплятъ, если ты желаешь добра имъ, убей и себя, потому что у мертвыхъ нѣтъ ни стыда, ни заботъ, ни горя. Они сладко спятъ въ покойныхъ могилахъ.

И чѣмъ дольше сидѣлъ Жанъ, тѣмъ громче говорила ему черная дума все одно и тоже. И не могъ отогнать онъ ее, эту неотвязную черную думу, потому что она крѣпко сидѣла на плечахъ у него.

Наконецъ всталъ Жанъ и пошелъ къ сосѣду. Онъ выпросилъ у него жаровню съ горячими угольями, принесъ къ себѣ и поставилъ посреди комнаты.

— Вотъ вамъ, сказалъ онъ, цыплятки, послѣднее угощеніе отъ вашего бѣднаго отца: засыпайте спокойно и крѣпко, чтобы не проснуться, когда васъ понесутъ въ холодныя могилки.

— Ты намъ хочешь супу сварить? спрашиваетъ его Поль.

— Да, супу, хорошаго супу, какого вы никогда еще не ѣдали, и никогда больше не будете ѣсть. Только ложитесь теперь спать, потому что онъ еще не скоро сварится.—И онъ всѣхъ ихъ уложилъ, разцѣловалъ,

закуталъ чѣмъ могъ, заткнулъ всѣ дыры въ разбитомъ окнѣ, ушелъ и́ заперъ дверь на крючокъ. Ахъ, черная дума шептала ему страшное дѣло! Отъ горячихъ углей подымался синій удушливый дымъ, и онъ шелъ, наполнялъ комнату, ему некуда было выйдти, онъ тихо обхватывалъ дѣтей, и въ немъ должны были задохнуться, умереть всѣ маленькія дѣти Жана.

А самъ онъ, угрюмый, блѣдный, тихо пошелъ по лѣстницѣ, и вмѣстѣ съ нимъ пошла черная дума. Она привела его въ грязный подвалъ, гдѣ было накурено, и сквозь дымъ тускло блестѣли огни; тамъ было много пьяныхъ, много бутылокъ со всякими водками, много всякого шуму и крику. Жанъ пришелъ туда въ первый разъ въ своей жизни и привела его туда черная дума.

Онъ снялъ шляпу и посмотрѣлъ на нее. — Прощай, подумалъ онъ, ты защищала мою несчастную голову отъ дождя и солнца. Теперь я пойду къ моей холодной могилѣ съ открытой головой, ты мнѣ не нужна больше, прощай!—И онъ промѣнялъ свою шляпу на цѣлую бутылочку водки, крѣпкой водки. Сѣлъ онъ за столъ, и черная дума сѣла съ нимъ рядомъ. Выпилъ онъ стаканъ, и обняла его голову черная дума и наклонила ее надъ стаканомъ.

Смотритъ Жанъ, и видитъ онъ, какъ все блеститъ внутри хрустальнаго стакана, какъ тысяча огней сверкаютъ въ его свѣтлыхъ граняхъ. И чудится Жану, что эти огни блестятъ внутри бѣлой церкви, и стоитъ онъ предъ алтаремъ, стоитъ на колѣняхъ, весь

трепетный и радостный, рука въ руку рядомъ съ своей милой, тихой, ненаглядной Анной, а священникъ говоритъ ему: И возьмешь ты ее и наречешь своею, и будетъ жизнь вамъ въ радость!— А бѣлый голубь слетаетъ сверху и кружится надъ ними, и всѣ говорятъ: Какъ это хорошо, они будутъ счастливо жить!

Да, все это было и какъ сонъ улетѣло, и съ злобой въ разбитомъ сердцѣ схватываетъ Жанъ бутылку, наливаетъ другой стаканъ и выпиваетъ его залпомъ. А черная дума еще крѣпче сжимаетъ его голову, и снова наклоняетъ ее надъ пустымъ стаканомъ. И видитъ въ немъ Жанъ, какъ въ туманѣ блеститъ тусклый огонекъ. Освѣщаемый этимъ огонькомъ лежитъ на постелькѣ хорошенькій, маленькій мальчикъ, а Анна, обнявъ Жана, говоритъ: Вотъ онъ выростетъ большой, и будетъ такой же славный, хорошій, какъ ты, мой милый Жанъ. — А мальчикъ смѣется и протягиваетъ къ нему ручонки.

Оттолкнулъ отъ себя стаканъ, встряхнулъ головой Жанъ, всталъ и вышелъ вонъ, но не могъ онъ стряхнуть съ себя черной думы.

— Послѣднюю чарку выпилъ я, думаетъ онъ, вѣдь длинна дорога и ночь холодна, надо было выпить на дорогу.—И ведетъ его черная дума сквозь ночную мглу, и сѣчетъ холодный дождикъ его открытую голову, бьетъ по лицу, а вѣтеръ треплетъ его мокрые волосы,

И какъ будто слышитъ, и не слышитъ Жанъ, что кто-то сквозь дождь и вѣтеръ зоветъ его тонкимъ дѣтскимъ голоскомъ.—Это зовутъ меня мои цыплятки,

думаетъ онъ, горекъ, продымленъ былъ супъ для васъ; я иду, иду я къ вамъ, мои милые. Погодите немного, скоро будемъ вмѣстѣ.—И онъ торопится сквозь дождь и мглу, а черная дума шепчетъ ему съ каждымъ шагомъ: скорѣе, скорѣе! Онъ идетъ глухими переулками, идетъ къ широкой рѣкѣ, а рѣка бѣжитъ глубоко во тьмѣ и смотритъ на него холодными глазами.—Кормилица моя, говоритъ ей Жанъ, ты носила меня съ колыбели на твоихъ могучихъ волнахъ, и къ тебѣ я пришелъ въ мой послѣдній часъ, прими меня въ твое глубокое лоно, прими и упокой горемыку, дѣтоубійцу, которому нѣтъ ни куска, ни пріюта въ этомъ холодномъ мірѣ — и сходитъ Жанъ внизъ по скользкимъ, мокрымъ ступенямъ...

— Жанъ! Жанъ! кричитъ позади его громче и громче дѣтскій голосъ. Жанъ!... и обернулся Жанъ посмотрѣть, кто вспомнилъ его и зоветъ, когда онъ ужъ сходитъ въ могилу. Жанъ! кричитъ задыхаясь и погасая голосъ изъ мрака, и весь мокрый, усталый, въ слезахъ, падаетъ Толь къ ногамъ его и крѣпко обнимаетъ эти ноги.

— Жанъ, говоритъ онъ, едва дыша, я давно бѣгу за тобой, я видѣлъ, какъ вышелъ ты изъ подвала.

— Зачѣмъ ты здѣсь, бормочетъ Жанъ, что тебѣ нужно, пусти меня и ступай домой.

— Мнѣ нужно тебя, милый Жанъ, не отталкивай меня, не торопись въ воду, они еще придутъ, свѣтлые дни, и снова проглянетъ солнышко, и ты будешь опять бодръ и веселъ. Я буду помогать тебѣ, какъ другу, какъ брату.

— Пусти, шепчетъ Жанъ, стараясь отцѣпить ручонки Толя, пусти, я не хочу чужаго хлѣба, мнѣ нѣтъ тутъ мѣста.

— Добрый Жанъ, это будетъ мой хлѣбъ, твоего друга, ты мнѣ отдашь его, когда я буду голоденъ, и мы всѣ должны помогать другъ другу. Жанъ, дорогой мой, вспомни, что тебѣ сказала добрая Анна, умирая; я былъ тутъ и все помню; она сказала: никогда не отчаявайся, Жанъ, будь всегда добръ, и мы еще увидимся съ тобою. Потомъ она еще сказала: Вѣдь я увѣрена, что ты никогда, никогда не покинешь нашихъ малютокъ. Вѣдь ты ихъ такъ любишь...

— Пусти, пусти, шепчетъ Жанъ, задыхаясь и оттаскивая изъ всѣхъ силъ закостенѣвшія вокругъ ноги его руки Толя, но больная рука его не слушалась. Пусти, шепчетъ онъ они къ намъ не придутъ, они всѣ крѣпко уснули....

— Они живы, Жанъ, они не спятъ, я вѣдь выбросилъ отъ нихъ гадкую жаровню, я впустилъ къ нимъ чистаго воздуха, они всѣ живы, веселы, сыты, они ждутъ тебя, своего милаго папу—они—сизые.... гули... И Толь выпустилъ наконецъ ногу Жана, у него не стало больше силы. И бормоча несвязныя слова, онъ упалъ на мокрыя, скользкія ступени, упалъ какъ мертвый, безъ чувствъ, безъ сознанія, блѣдный, съ закрытыми глазами и покатился въ воду. Жанъ быстро нагнулся и подхватилъ его. Онъ сѣлъ на мокрыя ступени, онъ весь дрожалъ, черная дума отлетѣла отъ него. Онъ взялъ на руки блѣднаго Толя, посмотрѣлъ на него, крѣпко

поцаловалъ и прижалъ къ сердцу. Голубь мой, бѣлый, добрый голубь, говорилъ онъ, ты спасъ ихъ, спасъ и меня также. — И онъ всталъ и шатаясь понесъ Толя на рукахъ къ себѣ домой....

Ну, наконецъ, мы навѣрно узнаемъ, кто изъ трехъ сдѣлалъ настоящее доброе дѣло. Потому что наступилъ праздникъ, и всѣ дѣти собрались идти къ Папѣ-Прянику. Всѣ, маленькія и большія, умныя и глупыя, добрыя и злыя, всѣмъ хотѣлось видѣть, кому дадутъ самый большой пряникъ. Вѣдь это дѣйствительно любопытно.

Не пошелъ только одинъ Кинъ, да вѣдь онъ и нежелалъ ни получать пряника, ни видѣть, какъ его получаютъ, потому что считалъ и пряникъ-то гадкимъ.

Всѣ дѣти шли весело и охотно, а путь былъ не малый. Вѣдь Папа-Пряникъ живетъ не близко—не далеко, какъ разъ за тридевять земель, въ томъ тридесятомъ царствѣ, про которое въ сказкахъ говорится.

И вотъ, наконецъ, они всѣ пришли, куда слѣдуетъ, какъ и надо было ожидать, и притомъ къ самому началу, а это-то и называется акуратностью.

Папа-Пряникъ по-прежнему сидѣлъ на своемъ тронѣ, въ коронѣ изъ чистаго сусальнаго золота, по-прежнему сидѣли сановники, однимъ словомъ все было попрежнему, какъ было ужъ давно, потому что къ этому всѣ привыкли, а Папа-Пряникъ больше всѣхъ.

Онъ хорошо все зналъ: зналъ, что сдѣлали всѣ дѣти, и маленькій Луппъ, и злой Кинъ, и веселый Толь.

Да и какъ ему было этого не знать, когда говорили ему объ томъ сановники, а они должны были все знать, потому что имъ говорили сахарныя дамы, а сахарнымъ дамамъ все разсказывали тѣ маленькія сахарныя крошки, которыя разносятся вѣтромъ повсюду, все видятъ и все говорятъ. Ахъ не выбрасывайте сахарныхъ крошекъ, не выбрасывайте ихъ никогда, вѣдь и онѣ могутъ пригодиться бѣднымъ дѣтямъ.

— Ну! сказалъ Папа-Пряникъ, который былъ очень веселъ, потому что награждать всегда пріятно, а тѣмъ болѣе за настоящее доброе дѣло. Ну! принесите теперь самый большой пряникъ. Пусть всѣ видятъ, какая это хорошая награда, ибо мы не намѣрены этого скрывать.

Тогда обѣ половинки дверей растворились настежь и показалась процессія. Впереди шелъ оберъ-церемоніймейстеръ со всѣми церемоніями, какія только были у него, за нимъ шелъ унтеръ-церемоніймейстеръ, безъ всякихъ церемоній, просто въ халатѣ, за нимъ оберъ-гофшенкъ съ золотымъ ножомъ, за нимъ унтеръ-гофшенкъ съ серебряной вилкой, потомъ шли всѣ сильные люди, а за ними уже, всѣ самые слабые люди, и они-то всѣ несли самый большой пряникъ, потому что онъ былъ очень тяжелъ.

Когда пряникъ поставили куда слѣдуетъ, чтобы онъ всѣмъ былъ видѣнъ и сняли съ него покрышку изъ краснаго бархату съ золотыми кистями, то всѣ увидали, что это былъ настоящій пряникъ, который

дѣйствительно могъ получить только тотъ, кто сдѣлалъ настоящее доброе дѣло.

— Вотъ награда! сказалъ король, а что касается до дѣла, то вотъ оно. И тутъ же секретарь, который всегда крѣпко держалъ подъ секретомъ то, что всѣ давно знали, прочелъ то, что мы тоже давно знаемъ.

— Маленькій Луппъ, сказалъ Папа-Пряникъ, подойди сюда!

— Ну! вотъ видите, сказалъ Луппъ, что значитъ дѣлать доброе дѣло съ разсчетомъ, всегда будешь въ выгодѣ, и подошелъ къ Папѣ-Прянику.

— Ты, сказалъ король, сдѣлалъ дурную аферу, потому что истратилъ шесть пятачковъ, и ничего отъ насъ не получишь. Ступай себѣ туда, откуда пришелъ.— И Луппъ повернулся и пошелъ, бормоча подъ носъ, что Папа-Пряникъ ловкій аферистъ, съ которымъ не стоитъ имѣть никакихъ дѣлъ, какъ разъ надуетъ. И при этомъ онъ откусилъ себѣ ноготь на мизинцѣ, да такъ ловко, что больше нечего было и кусать.

— Маленькій Кинъ, сказалъ Папа-Пряникъ, это злой мальчикъ. Немного стоило ему труда поднять добраго стараго дѣдушку Власа, довести его домой и принести за него ведро воды: но и на это немногое онъ не скоро рѣшился. Да притомъ вѣдь его нѣтъ здѣсь и онъ самъ не захотѣлъ получить самого большаго пряника. Веселый Толь, поди сюда, этотъ пряникъ твой, онъ твой, потому что у тебя настоящее доброе сердце, которое само, легко и свободно, не зная и не вѣдая, творитъ каждое доброе дѣло; онъ твой, потому

что ты сдѣлалъ настоящее доброе дѣло, ты спасъ не только Жана и его дѣтей отъ страшной смерти, но ты спасъ въ немъ лучшее, что есть въ человѣкѣ, ты спасъ въ немъ самого человѣка!

И только что онъ сказалъ все это, какъ всѣ встали съ своихъ мѣстъ и громко закричали: Да здравствуетъ справедливость и нашъ добрый король Папа-Пряникъ 1-й сортъ! Дамы замахали платками, и на глазахъ ихъ отъ сладости и умиленія выступила сахарная вода, а всѣ кандитеры громко застучали въ мѣдныя кострюли, что составило самую отличную музыку, и подъ эту музыку Толь выступилъ изъ толпы и подошелъ къ трону короля.

— Стойте вы всѣ, закричалъ онъ, поднявъ кверху руку,и всѣ замолчали. Теперь слушай ты, Папа-Пряникъ. Прежде чѣмъ награждать, растолкуй ты, мнѣ чего я понять не могу, и тогда я возьму твой пряникъ, потому, что я ничего не хочу дѣлать, не понимая, какъ обезьяна. Если мнѣ легко было сдѣлать настоящее доброе дѣло, если я сдѣлалъ его, не зная, не вѣдая, то за что же ты меня будешь награждать? За настоящее доброе сердце, — но вѣдь я съ нимъ родился и за это ты могъ бы наградить только мою добрую маму еслибы она не умерла. Папа-Пряникъ, разсуди: вѣдь я люблю Жана; какъ-же мнѣ было не броситься къ нему и не уговорить, чтобъ онъ не топился. Ахъ! еслибъ онъ утонулъ, меня не утѣшилъ бы самый большой твой пряникъ. За что же ты меня хочешь наградить—растолкуй ты мнѣ это, Папа-Пряникъ.

Но Папа-Пряникъ молчалъ, онъ только развелъ руками.—Ты представь себѣ, продолжалъ Толь, еслибы добраго Жана не одолѣла черная дума и онъ бы не захотѣлъ топиться, то я не спасъ бы его и награждать тебѣ было бы меня не за что. Неужели же нужно будетъ наградить черную думу за то, что она дала мнѣ случай сдѣлать настоящее доброе дѣло. Ахъ, растолкуй ты мнѣ это, Папа-Пряникъ.

Но Папа-Пряникъ ничего не растолковалъ. Онъ только сказалъ: Мы! улыбнулся и снялъ корону.

— По моему, продолжалъ неугомонный Толь, лучше бы отдать пряникъ Кину, потому что онъ былъ злой, и пересилилъ себя, и сдѣлалъ доброе дѣло, да такъ сдѣлалъ, что всю жизнь онъ его не забудетъ. А еще лучше, Папа-Пряникъ, вмѣсто этого большаго пряника, давай каждый день по большому куску хлѣба всѣмъ бѣднымъ дѣтямъ. Ахъ, добрый Папа-Пряникъ, ты очень добръ, но ты вѣрно не знаешь, какая тяжелая вещь, какая страшная вещь безвыходный голодъ.

И наконецъ Толь замолчалъ. А Папа-Пряникъ тоже помолчалъ, подмигнулъ лѣвымъ глазомъ и проговорилъ громко и внятно, во всеуслышаніе:—Ты очень добрый и умный мальчикъ; но не разсудилъ объ одномъ, не разсудилъ, что объявляя награду, я вызываю доброе дѣло, и его сдѣлаетъ даже тотъ, кто безъ награды никогда бы его не сдѣлалъ.

— Ну! вотъ видите ли, проворчалъ со злобой Луппъ. Я говорилъ вамъ, что онъ просто аферистъ.

Но веселый Толь перебилъ его.

— О! я разсуждалъ и объ этомъ, я думалъ объ этомъ, но скажи мнѣ, добрый Папа-Пряникъ: давая награду одному, не возбуждаешь-ли ты зависти во многихъ другихъ? Сколько эти другіе должны имѣть доброты, чтобы всѣ они не завидовали одному?

Папа-Пряникъ вскочилъ съ своего трона, онъ быстро подошелъ къ Толю и поцѣловалъ его, да такъ громко, что всѣмъ стало весело.

— Ахъ какой ты славный, умный, умный мальчикъ!.. Возьми же ты все-таки пряникъ, и дѣлай съ нимъ что хочешь!...

И всѣ сановники, кавалеры и дамы тотчасъ же при этомъ увидали, что у Толя настоящее доброе сердце. И всѣ потянулись цѣловать его, но онъ отошелъ прочь, поклонился королю, поклонился оберъ-гофшенку и унтеръ-гофшенку, взялъ золотой ножъ у оберъ-гофшенка и серебряную вилку у унтеръ-гофшенка, и началъ рѣзать пряникъ. Всѣ дѣти обступили его. Онъ ихъ разставилъ рядами, каждому давалъ по куску, и всѣмъ раздѣлилъ пряникъ поровну, такъ что всѣ были равны въ своихъ доляхъ и никому не было ни завидно, ни обидно, а въ этомъ-то вся и сила.

И вотъ, все это дѣйствительно случилось, хотя и очень давно, но можетъ опять случиться и сегодня и завтра, однимъ словомъ, когда придется, потому что срокъ для всего этого еще не положенъ.

Береза.

Она росла на небольшой полянѣ, прямая, стройная береза, съ бѣлымъ стволомъ, съ пахучими, лаковыми листочками. А кругомъ ея шумѣли старые дубы, цвѣли бѣлымъ цвѣтомъ и сладко благоухали раскидистыя большіе липы, зеленѣли зелеными иглами яркія, бархатныя пихты, круглились иглистыми шапками красныя сосны, и постоянно дрожали какъ будто отъ страха всѣми своими сѣрозелеными листочками горькія, траурныя осины. Однимъ словомъ, кругомъ березы была цѣлая роща, хотя и не большая, но очень красивая.

Береза росла, и помнила, какъ она росла. Она помнила, какъ трудно было рыться и отыскивать въ землѣ пищу ея молодымъ корешкамъ. То земля была очень рыхла, то слишкомъ жестка, то вдругъ камень мѣшалъ рости какому нибудь ея корешку, и тотъ по неволѣ долженъ былъ отходить въ сторону, а другіе упрямые не хотѣли отойдти и умирали; за то другимъ отъ этой смерти было просторнѣе.

— Почему же, думала береза, земля не вездѣ одинакова? То много черезчуръ въ ней пищи, то мало, то совсѣмъ нѣтъ, и зачѣмъ эти камни на дорогѣ? Какъ все это скучно!

Когда весной солнце отогрѣвало березу, и она просыпалась отъ долгаго зимняго сна, ей было такъ хорошо. Солнце свѣтило ярко, привѣтливо грѣло. Воздухъ былъ полонъ теплыхъ паровъ, земля какъ будто сама предлагала проснувшимся корешкамъ сочную, вкусную пищу. Все это было такъ хорошо. И береза развертывала свои смолистыя, пахучія почки. Она вся радовалась, вся благоухала, вся одѣвалась мелкими, яркими, желтозелеными листочками.

Но это не всегда такъ было. Чѣмъ длиннѣе становились дни, тѣмъ сильнѣе грѣло солнце. Потомъ оно уже пекло, начинало жечь, и очень больно. Листья на березѣ покрывались пылью, сохли и желтѣли. Она умирала отъ жажды.

— Каплю, хоть одну каплю дождя! молила она.

И наконецъ, явился дождь. Налетѣла съ гуломъ и вихремъ черная туча. Верхушки деревьевъ шумѣли, гнулись, всѣ ихъ листочки дрожали. Вѣтеръ рвалъ ихъ и уносилъ далеко. Но буря не могла достать березы. Ее защищали другія деревья. Она чувствовала только, какъ по всѣмъ ея листочкамъ пробѣгалъ легкій, свѣжій вѣтерокъ, и ей было хорошо.

А вотъ и дождь. Онъ хлынулъ, какъ изъ ведра, вѣтеръ мчалъ его капли. Онъ ими билъ и хлесталъ все что ему попадалось: лѣсъ, траву, дома, людей.

— Зачѣмъ же такъ больно! говорила береза. Но дождь не понималъ этого, онъ сѣкъ березу холодными каплями, все сильнѣе и сильнѣе, и ей было и больно, и холодно.

И чѣмъ дольше шелъ дождь, тѣмъ холоднѣе становились его капли. Вотъ ужъ вмѣсто ихъ появилась крупа, и вдругъ загудѣлъ, запрыгалъ, защелкалъ крупный градъ. Какъ пулями онъ билъ деревья, сбивалъ съ нихъ листъ, кору. Онъ билъ и березу, хотя ее и защищали другія деревья. Онъ избилъ, измолотилъ всю траву, всѣ цвѣты вокругъ березы; онъ всю ее изранилъ, провелъ глубокія борозды по ея нѣжной, бѣлой берестѣ, и изъ этихъ ранъ вытекалъ свѣтлый, какъ хрусталь, сокъ березы. Это были слезки ея.

— Ахъ! шептала береза. Какъ все гадко на свѣтѣ! Какъ мнѣ больно и холодно! Неужели нельзя было обойтись безъ граду? Еще сегодня утромъ я задыхалась отъ жару, а теперь мерзну отъ холоду, больная, избитая, израненная!

И всѣ деревья тоже зябли, хотя и не жаловались, потому что привыкли ко всѣмъ невзгодамъ. Они тихо и грустно шептались между собою. А птицы жалобно перекликались. Имъ тоже было холодно. Не жаловалась только трава на лужайкѣ, потому что она мертвая.

И пошелъ холодный дождь, пошелъ не переставая, и день, и два, и три. Береза совсѣмъ окоченѣла, точно зимой. Ахъ, какъ все это гадко, какъ гадко! шептала она.

Наконецъ, дождь пересталъ. Тучки расплылись въ туманѣ, и солнце опять стало грѣть. Береза отогрѣлась, отдохнула, расправила всѣ свои листочки, но она боялась и граду и холоду, и стояла грустная, не довѣряя ни солнцу, ни всему тому, что было вокругъ нее.

— Ахъ, думала она, еслибъ эти деревья, что стоятъ кругомъ, не заслоняли мнѣ то, что вдали, можетъ быть я и увидала бы то, что лучше, чѣмъ кругомъ. Можетъ быть тамъ, тамъ гдѣ нибудь, вѣчно тепло и свѣтло. Ахъ, если бы когда нибудь невозможное стало возможнымъ.

И желанье ея исполнилось, но только не такъ, какъ она воображала.

Разъ рано утромъ, когда еще трава спала подъ холодной росой и розовое утро алѣло на вершинахъ деревьевъ, въ рощу пришло много крестьянъ съ пилами и топорами, и пошла работа. Стукъ, шумъ, крикъ. Старыя деревья пилили пилами, рубили топорами, и они съ трескомъ и стономъ валились на землю. Къ полудню работа была кончена, почти всѣ деревья лежали вокругъ березы мертвыя. Не тронули только березу и еще нѣсколько осинъ, которыя были такія же молодыя, какъ и береза.

Не стало рощи—далеко вокругъ березы было чистое поле.

— Вотъ какъ хорошо теперь видно! думаетъ береза. Синія, свѣтлыя горы. Тамъ должно быть очень тепло. А передъ ними море, надъ нимъ летаютъ бѣлыя птицы. Вонъ лугъ, такой зеленый, бархатный.

По немъ ходятъ барашки. Они вѣрно придутъ и ко мнѣ въ гости. Ахъ! ничего этого я не видала прежде. И откуда же приходятъ тучи, и дождь, и градъ?

Не долго думала береза. Не прошло и двухъ дней, какъ собрались тучи, поднялся вѣтеръ; онъ дулъ все сильнѣе и сильнѣе. Всѣ горы покрылись облаками, посинѣло бурное море. Всѣ звѣри и маленькіе звѣрки и птички попрятались, кто куда могъ. Только длиннокрылыя чайки вились надъ бѣлыми валами.

— Намъ хорошо въ бурю, кричали онѣ. Теперь намъ, навѣрное, что нибудь выброситъ бурное море, и будетъ намъ праздникъ.

— А намъ не хорошо, думали корабли и маленькія лодочки. Мы рады вѣтру, а не бурѣ. Но еслибъ не было вѣтру, не былобъ и бури.

А вѣтеръ свистѣлъ, гудѣлъ и ревѣлъ ураганомъ: Я теперь мчусь на крыльяхъ могучихъ — я теперь чувствую силу. Сторонитесь всѣ, простору мнѣ, простору.—И онъ налетѣлъ на березу.

Со стономъ покачнулась береза. Всѣ ея вѣтки, всѣ листики, жилки, задрожали.

— Простору, простору! кричала буря. Прочь съ дороги! Согнись, согнись, преклонись предо мной!

— Ахъ! я не могу нагнуться, говорила береза. Я съ дѣтства выросла прямая и гордая. Я не могу согнуться. Я въ этомъ не виновата.

— Согнись, согнись! гудѣлъ вихорь. Я не виноватъ, что мчусь, все рву и ломаю. Не было бы воздуху, не было бы вѣтру. Не было бы вѣтру, не было бы

бури. Не было бы воздуху—и не было бы ничего, что дышетъ воздухомъ. Я не виноватъ, что солнце не грѣетъ все и вездѣ одинаково; да не виновато въ этомъ и солнце. Я, холодной воздухъ, мчусь въ теплыя страны, въ пространства, нагрѣтыя солнцемъ. — Прочь съ дороги, простору мнѣ, простору! Согнись, согнись передо мною!

— Я не могу гнуться. Не могу, стонала береза.

— Ну, такъ держись крѣпче. Чья сила возметъ! загудѣлъ вѣтеръ, и со страшнымъ порывомъ налетѣлъ на нее.

Застонала, затрещала береза, и изломанная, вырванная съ корнемъ, повалилась на землю.

А буря мчалась дальше.—Простору мнѣ, простору, прочь съ дороги! Я все сломаю, кричала она.—И пролетѣла буря. Мало по малу затихъ вѣтеръ. Настала тишина, проглянуло солнце.

Береза лежала, сломанная, изуродованная. Ея листики трепетали. Она еще была полна жизни, но должна была умереть; потому что буря оторвала ее отъ родной земли, которая ее поддерживала и питала.

Выползли жуки, забѣгали ящерицы, пролетѣла бабочка, запѣли птички, защебетали ласточки, выглянулъ кротъ изъ норы.

— Я зналъ, что такъ будетъ, сказалъ кротъ. Еслибъ не было солнца, не было бы вѣтру. То-ли дѣло жить въ темнотѣ!

— Ты глупый слѣпышъ и больше ничего, сказала ящерица. Еслибъ не было солнца, не было бы и

насъ съ тобой. Ты давно бы замерзъ въ своей темной норѣ. Ахъ! зачѣмъ оно не всегда свѣтитъ и грѣетъ, это доброе, хорошее солнце. Такъ хорошо, когда оно печетъ!

— Нечего сказать! очень хорошо! сказала улитка. Нѣтъ, когда оно печетъ, то незнаешь, куда дѣваться отъ жары. Просто приходится зарыться подъ листья и закупориться въ свой домикъ.

— Ахъ! какъ дурно безъ вѣтра, сказала вѣтреная мельница, стоявшая на пригоркѣ. Теперь вѣрно надолго настанетъ тихая погода, и мой хозяинъ насидится безъ помолу и безъ денегъ.

— Вотъ такъ хорошая буря была! сказали чайки. Что-бы намъ каждый день такую! И тогда каждый день былъ бы намъ праздникъ!

— Что хорошаго въ бурѣ? сказала бабочка. Не надо бури, не надо вѣтру. Пусть каждый день будетъ тихо и ясно.

— Изъ чего они всѣ хлопочутъ, сказалъ камень. Развѣ не все равно: буря, солнце, дождь, градъ, громъ, молнія, тепло, холодъ. Я лежу себѣ спокойно и не боюсь ничего. Меня мочитъ дождемъ, сушитъ вѣтромъ, печетъ солнцемъ—мнѣ все равно, и все обратится рано или поздно въ пыль и песокъ.

— Да! Если бы такъ разсуждать, то всѣмъ бы надо было быть камнями, сказалъ сѣдой мохъ, который тутъ же росъ на камнѣ: я давно живу на свѣтѣ, бывалъ подъ дождемъ и подъ снѣгомъ, высыхалъ чуть не до корней, и снова отросталъ. Я много испы-

талъ, и скажу вамъ, отчего бываетъ на свѣтѣ то гадко, то хорошо.

И всѣ сказали: Послушаемте, что скажетъ сѣдой мохъ!

— Все на свѣтѣ, сказалъ мохъ, не имѣетъ ни конца ни начала.....

— Экая новость! закричали всѣ.

— ... потому что все на свѣтѣ переходитъ одно въ другое—досказалъ мохъ. Никто не скажетъ, гдѣ кончается тьма и начинается свѣтъ, и никто не знаетъ, какъ далеко идетъ свѣтъ, котораго мы еще не знаемъ. Что такое тепло и что такое холодъ? Улиткѣ тепло, а ящерица въ это время чувствуетъ холодъ. Орѣхи цвѣтутъ, когда снѣгъ еще лежитъ кругомъ на поляхъ, а липа цвѣтетъ только среди жаркаго лѣта. Что для одного тепло, то для другаго холодъ; гдѣ начинается тепло и гдѣ оно кончается—никто на это не отвѣтитъ. Эфиръ проникаетъ воздухъ, воздухъ проникаетъ камни, камни переходятъ въ травы, травы превращаются въ звѣрей. Одно изъ другаго беретъ начало, и нельзя сказать, гдѣ кончается одно и начинается другое. Огонь грѣетъ и жжетъ, свѣтъ освѣщаетъ и ослѣпляетъ, вода поитъ и затопляетъ, вѣтеръ освѣжаетъ и разрушаетъ. Все идетъ въ двѣ стороны, начинается невидимо, незамѣтно ростетъ, расширяется, и замирая переходитъ въ другое. Такъ все устроено на свѣтѣ, и живи на немъ кто и какъ можетъ!

Хорошо тому, кто привыкъ къ холоду и жару, кто не боится дождя и бури, кто легко переноситъ

голодъ и жажду, кто можетъ жить даже подъ снѣгомъ, кто твердъ какъ камень и подвиженъ какъ вѣтеръ, кто умѣетъ жить полной жизнью и умѣетъ ею наслаждаться...

— Это правда, это правда! закричали всѣ, да умретъ все слабое, что не можетъ пользоваться жизнью и не имѣетъ на неё права!—И всѣ гордо посмотрѣли другъ на друга.

— Ахъ! прошептала полумертвая береза. Еслибы я могла ко всему привыкнуть, я жила бы и радовалась. Но вѣдь никто не виноватъ въ моей смерти и я тоже.

— А въ концѣ концовъ, прибавилъ сѣдой мохъ, всѣ мы стремимся къ свѣту, всѣмъ намъ хочется немножко побольше тепла, побольше чистаго воздуха и побольше, побольше яркаго свѣта!

— Ну нѣтъ, я съ этимъ несогласенъ, сказалъ кротъ. Мнѣ и въ потьмахъ хорошо,—и онъ зарылся въ землю.

— Еще бы тебѣ уроду не было хорошо, сказала бабочка. Ты только и живешь желудкомъ. И день и ночь роешься въ землѣ, да объѣдаешься всякими червяками:

— Кому не надо свѣту, закричали всѣ, пусть тотъ уходитъ въ землю и живетъ темной ночью, а мы всѣ хотимъ свѣту, тепла и свѣту.

И всѣ на томъ порѣшили, и каждый занялся своимъ дѣломъ.

Прошла цѣлая недѣля. Умерла береза. Ея листики

засохли, пожелтѣли, ихъ почти всѣ разнесло вѣтромъ, и они сгнили далеко одинъ отъ другаго. Изъ нихъ выросли вкусные бѣлые грибы. Началъ гнить и самый стволъ березы. Въ немъ завелось множество маленькихъ бурыхъ жучковъ и бѣлыхъ червячковъ. Всѣ они съ наслажденіемъ ѣли сочное, сладкое дерево березы, и всѣ въ одинъ голосъ повторяли: Пусть каждый пользуется жизнью, какъ можетъ!

Разъ, поздно вечеромъ, пришелъ старый бѣдный дровосѣкъ съ своими ребятишками. Они утащили къ себѣ домой березу со всѣми жившими въ ней жучками и червячками. Старшій сынъ при этомъ съ удовольствіемъ проѣхался по двору верхомъ на березѣ, потомъ ее изрубили, бросили въ печь. Всѣ жучки и червячки сгорѣли въ печкѣ. За-то сварили хорошую овсяную кашу. Всѣ дѣти грѣлись около огня, съ наслажденіемъ ѣли кашу и всѣ повторяли: Пусть каждый пользуется жизнью какъ можетъ!

Швея.

Одинъ большой господинъ захотѣлъ дать большой балъ, и притомъ дѣтскій.—А дѣтскимъ баломъ называется такой балъ, на который большіе привозятъ маленькихъ дѣтей, одѣвъ ихъ какъ можно лучше, и всѣмъ показываютъ, какія у нихъ хорошія дѣти и какъ хорошо они одѣты.

На этотъ балъ пригласили также и маленькую Нину, очень хорошенькую, веселую дѣвочку. Мать Нины почти цѣлую ночь не спала, все думала, какое платье сдѣлать Нинѣ, и какъ вообще одѣть ее, и наконецъ придумала и порѣшила. Платье будетъ бѣлое кисейное, но поперегъ юбки и лифа съ большими складками à la grecque и поперегъ короткихъ рукавовъ буффами, вездѣ пройдутъ прошивки изъ кружевъ, сквозь которыя будутъ проглядывать сѣрыя атласныя ленты. Къ этому платью Нина надѣнетъ широкій синій поясъ, также изъ ленты, и на рукавахъ приколетъ такія же ленты бантами, а въ срединѣ

каждаго банта заблестятъ коричневые листья съ серебряными блёстками. Вѣнокъ изъ такихъ же листьевъ Нина надѣнетъ на головку, а всѣ черные волосы ея мама сама заплететъ въ мелкія косы; всѣ онѣ будутъ подобраны петлями, и отъ всѣхъ нихъ назади спустятся цѣлымъ каскадомъ синія ленты. На ножки Нина надѣнетъ синіе, высокіе атласные полусапожки съ серебряными пуговками. Когда мама придумала весь этотъ нарядъ, она отъ умиленія чуть не заплакала. Долго улыбалась она, щурилась, крестилась, наконецъ зѣвнула и заснула.

А на другой день она едва могла дождаться, чтобы отперли магазины и бранила всѣхъ магазинщиковъ «глупыми, лѣнивыми сонями».

Наконецъ, магазины были отперты, мама отправилась въ одинъ магазинъ:—тамъ за платье, именно такое платье, которое она хотѣла сдѣлать, запросили съ нея страшно дорого. Она поѣхала въ другой магазинъ, тамъ запросили еще дороже. Она объѣздила чуть не всѣ магазины и вездѣ просили дорого.—Торгаши поганые, бранила она сквозь слезы магазинщиковъ, если бы они знали какъ хороша будетъ моя Нина въ этомъ платьѣ, они навѣрно сдѣлали бы его даромъ!—Но торгаши никогда ничего не дѣлаютъ даромъ и это очень хорошо, потому что они никогда не умрутъ съ голоду. Они очень хорошо понимали, что мамѣ сильно хотѣлось имѣть это платье, а потому просили за него дорого, по крайней мѣрѣ гораздо дороже, чѣмъ стоило самое желаніе мамы одѣть въ это

платье свою Нину, и вотъ почему она не заказала имъ платья. А вспомнила она, что есть въ городѣ швея, простая швея, котороя шила на нее съ годъ тому назадъ.—Хоть не такъ хорошо, какъ въ магазинѣ, а все-таки она сошьетъ, подумала мама; а на балу я всѣмъ буду разсказывать, что платье сдѣлано въ самомъ лучшемъ магазинѣ. И всѣ магазинщики будутъ съ носомъ.

И вотъ, послала она къ швеѣ очень хорошаго лакея, который носилъ платье, все обшитое золотыми галунами. Лакей нашелъ швею, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ она жила. А она жила выше всѣхъ самыхъ большихъ господъ, въ самомъ верхнемъ этажѣ, такъ что выше его была только крыша да трубы; — такое помѣщеніе называютъ: belle-vue, «хорошій видъ», потому что изъ него можно видѣть далеко всѣ улицы, крыши, трубы, башни, купола, горы и даже горькую бѣдность.

Но только большіе господа рѣдко поднимаются на это belle-vue, потому что для этого нужно взойдти по лѣстницѣ въ сто тридцать пять ступенекъ, что тяжело и непріятно, за то они всходятъ съ длинными палками на высокія горы, что гораздо тяжелѣе, но за то доставляетъ много удовольствія.

Швея была молоденькая, хорошенькая дѣвушка и звали ее Фанни. Она была слаба и больна, но все-таки явилась къ мамѣ Нины.

— Здравствуйте, моя милая! сказала мама; — какъ вы перемѣнились! Вы вѣрно больны?

— Да, больна, сказала хорошенькая швея, и закашляла. Ея румяныя и полныя щеки стали еще румянѣе, блестящіе черные глаза еще блестящѣе. На лбу выступили жилки, на горлѣ выкатилась шишка и вся грудь затрепетала.

— Вы полечились бы, сказала мама и при этомъ съ ужасомъ подумала: а что если она не возьметъ работы?

Но швея взяла работу.

— Вы пожалуйста къ завтрашнему дню. Если что не такъ, то завтра можно еще будетъ поправить.... А что вы возьмете за работу? Весь матерьялъ будетъ мой.

Швея запросила какъ разъ половину того, что просили за работу платья въ магазинахъ, но мама все-таки поторговалась съ нею, хоть очень немного, потому что все-таки это была простая швея, а тамъ были хорошіе магазины.

— Вы пожалуйста къ завтрашнему дню, упрашивала мама.

— Хорошо, непремѣнно постараюсь, хотѣла сказать швея, и ничего не сказала, а только кивнула головой, потому что чувствовала, какъ кашель подступаетъ ей къ горлу.

— Пожалуйста сшейте, попросила ее и Нина; вы представьте себѣ, какъ же я буду на балѣ безъ новаго хорошенькаго платья? Вѣдь это будетъ ужасно!

Да, это дѣйствительно было бы ужасно, потому что Нина была такая хорошенькая.

И вотъ швея пошла домой, а такъ какъ ея belle-vue былъ очень далеко отъ того дома, гдѣ жили мама и Нина, и притомъ она шла очень тихо и часто останавливалась, когда душилъ ее кашель, то ей было очень много времени подумать о многомъ.

И она думала прежде всего о томъ, что работа была ей очень кстати. Положимъ, она просрочитъ одинъ день передъ магазиномъ, на который она постоянно шьетъ, но въ этомъ магазинѣ ей дадутъ денегъ еще черезъ десять дней, а она уже другой день ничего не ѣла и въ долгъ ей никто не вѣрилъ. Да! Вся вина въ томъ, что была она больна. Вѣдь когда она была здорова, то она ухъ какъ быстро работала. Потомъ думала она, что и деньги, которыя она получитъ за платье,—хорошія деньги, не то что платятъ въ магазинахъ. Да вѣдь этимъ магазинамъ нельзя и платить много бѣднымъ швеямъ. Надо подумать, что каждый магазинщикъ живетъ хорошо; да зачѣмъ-же ему и жить дурно, когда онъ можетъ жить хорошо? У него есть хорошенькія дочери, которыхъ онъ любитъ, а бѣдныхъ швей онъ не любитъ, хотя-бы онѣ и были хорошенькія. Притомъ и магазинъ ему стòитъ дорого. Вѣдь этотъ магазинъ былъ на самой большой улицѣ, по которой ѣздятъ все большіе господа въ маленькихъ каретахъ. И въ этомъ магазинѣ всѣ прилавки изъ краснаго дерева, такого красиваго, и всѣ покупатели тамъ смотрятся въ большія зеркала. И много прикащиковъ и прикащицъ, такихъ красивыхъ и любезныхъ, говорятъ съ покупщиками такъ

ласково, съ такимъ чувствомъ. Надо же чѣмъ нибудь жить этимъ прикащикамъ и тѣмъ столярамъ, которые дѣлаютъ тѣ красивые прилавки изъ краснаго дерева. За все это платятъ большіе господа, и гдѣ они берутъ деньги, объ этомъ всѣ знаютъ, но вѣдь никто не имѣетъ права запретить имъ брать деньги тамъ, гдѣ они берутъ ихъ.

И когда, наконецъ, дошла Фанни до своего дома, т. е. до того дома, въ которомъ жила, потому что этотъ большой домъ былъ вовсе не ея, то она совсѣмъ измучилась и задохнулась, но все-таки дошла, и это хорошо, потому что была какъ разъ половина дороги. Другую же половину ей надо было сдѣлать теперь, поднимаясь на сто тридцать пять ступенекъ, потому что ходить по ровной дорогѣ гораздо легче, чѣмъ идти на лѣстницу, въ особенности тѣмъ, у кого болитъ грудь и сердце сильно бьется въ этой больной груди!

И вотъ, отдохнувъ, Фанни начала считать ступени. Она сочла ихъ пятнадцать и поднялась въ первый этажъ, гдѣ жила хозяйка дома. Она чуть-чуть вздохнула и пошла дальше, потому что боялась, какъ-бы дверь передъ ней не отворилась и не вышла вдругъ ея хозяйка, которой она должна за квартиру. Она отсчитала еще двадцать ступеней и взошла во второй этажъ. Но и тутъ ей нельзя было долго останавливаться, потому что тутъ жила одна барыня, которой она должна была цѣлыхъ 3 франка за работу, еще не конченную. — Сегодня-же покончу ее! порѣшила Фанни, и пошла выше. Но не успѣла она подняться и на десять ступеней, какъ

наконецъ кашель одолѣлъ ее. И, схвативъ себя за грудь обѣими руками, она, спотыкаясь, поднялась еще на 10 ступеней, и тутъ уже не могла больше удерживать этотъ надоѣдный кашель.

Она остановилась прямо противъ двери, гдѣ прежде жилъ ея Адольфъ, котораго она любила. Онъ жилъ тутъ цѣлый годъ, и этотъ годъ былъ ея, но потомъ онъ женился на богатой невѣстѣ, потому что нельзя же ему было жениться на какой-нибудь бѣдной швеѣ. Цѣлый годъ она жила такъ хорошо, счастливо—вѣдь и это много; другіе всю жизнь не были счастливы и говорили: За то мы будемъ счастливы тамъ, въ другой жизни.

Простилась Фанни со своимъ Адольфомъ такъ хорошо.

— Ты не виноватъ, сказала она, въ томъ, что ты бросаешь меня: въ этомъ надо винить твоихъ родныхъ, воспитаніе, натуру, все то, почему, можетъ быть, ты и понравился мнѣ. Вѣдь ты могъ умереть, и мнѣ тогда не на кого было бы жаловаться. Ну! я и теперь не жалуюсь. Ты и теперь для меня умеръ. Я буду жить съ тобой, какъ съ моей мечтой, какъ съ тѣмъ Адольфомъ, который изъ-за любви ко мнѣ готовъ былъ сдѣлать все хорошее. Будь счастливъ и не вспоминай меня, потому что воспоминаніе—глупая и совсѣмъ ненужная вещь. Я не эгоистка. Не надо быть эгоисткой.

И она его поцаловала, какъ мертваго.

А онъ плакалъ и целовалъ ея руки, ноги, и все-таки женился на другой. Зато онъ никогда и не вспо-

миналъ о Фанни. Только она о немъ вспоминала очень часто, каждый день, каждый разъ, какъ проходила мимо двери его прежней квартиры, или всходила по той лѣстницѣ, по которой онъ поднимался къ ней. Да! Она была немножко съумасшедшая, но вѣдь у ней не было денегъ, чтобы купить ими себѣ счастье, и она покупала его своимъ сумасшествіемъ. Другіе и этого не умѣютъ сдѣлать.

И вотъ поднялась она еще на 20 ступеней, и потомъ на 15, и потомъ на 10, и еще на 10, и еще на 10. И тутъ, на послѣдней ступенькѣ передъ своей дверью, присѣла она и опустилась головой на грязный полъ, потому что и на грязномъ полу хорошо отдохнуть, когда вся грудь точно изорвана кашлемъ, и голова кружится, и руки и ноги не двигаются. Прямо надъ ней было синее небо, которое свѣтило сквозь окно въ крышѣ, и чистый воздухъ спускался изъ этого окна на ея горячую голову. Только въ ушахъ у нея былъ постоянный глухой шумъ, и не могла она хорошенько разобрать: шумѣли ли постояннымъ гуломъ, тамъ на улицѣ, разныя колеса, которыя катились по мостовой, или все это катались въ ея собственной больной груди большіе господа въ маленькихъ каретахъ.

И она отдохнула наконецъ и вошла къ себѣ въ маленькую комнату, которую никакъ нельзя было назвать собачьей конурой, потому что въ ней могъ бы свободно помѣститься почти цѣлый десятокъ самыхъ большихъ собакъ. При томъ въ этой комнатѣ стоялъ

стулъ, столъ и кровать, однимъ словомъ, въ ней было все, необходимое для человѣка. Правда, какой-нибудь калмыкъ нашелъ бы все это излишнимъ. Но развѣ калмыкъ человѣкъ?

Въ комнаткѣ у Фанни былъ не простой земляной полъ, а выстланный гладкими кирпичиками въ узоръ, такъ что на него было очень пріятно смотрѣть, разумѣется тому, кто не видалъ ничего лучшаго.

Тамъ былъ дубовый точеный стулъ, съ плетеной подушкой, почти точно такой, какіе бывали, хотя и очень давно, у очень большихъ господъ въ самыхъ лучшихъ комнатахъ. И если принять въ расчетъ ту вышину, на которой жила Фанни, то можно навѣрное сказать, что цивилизація, хотя и медленно, но поднимается.

Войдя въ комнатку, Фанни сильно захотѣлось лечь на ея маленькую, жесткую постель, но отдыхать было нельзя.

На столѣ стоялъ картонъ, и въ этомъ картонѣ было старое платье Нины и кисея, вмѣстѣ съ лентами, кружевами и цвѣтами для новаго платья.

Все это привезъ лакей, въ то самое время, когда Фанни шла къ себѣ домой: хотя у ней съ лакеемъ была одна дорога, но лакей пріѣхалъ въ омнибусѣ, то-есть въ такой большой каретѣ, которую зовутъ «для всѣхъ», что̀ вовсе несправедливо, потому что на свѣтѣ нѣтъ ни одной вещи, которая была бы для всѣхъ. Даже тотъ воздухъ, которымъ дышутъ многіе въ Италіи, и тотъ не для всѣхъ. Вотъ этого

воздуху и нужно было для больной груди Фанни, чтобы она хоть немного поправилась, но за такой воздухъ она должна была бы заплатить очень дорого.

И вотъ Фанни принялась за кройку. Она развернула футлярчикъ, въ которомъ были всѣ ея инструменты: этотъ футлярчикъ Фанни всегда тщательно завертывала въ бумажку, и онъ былъ какъ новенькій. Въ немъ были ножницы съ фигурными ручками, наперстокъ, настоящій серебряный игольникъ, который блестѣлъ, точно сейчасъ его отполировали, игла для вышиванья, игла для продѣванья и еще разныя мелкія вещи.

Этотъ футлярчикъ былъ единственная вещица изъ всѣхъ, подаренныхъ ей Адольфомъ. Она продала бы и эту вещицу, но за нее очень мало давали, и притомъ въ немъ, въ этомъ футлярчикѣ, были всѣ тѣ инструменты, которыми она добывала себѣ хлѣбъ насущный. Можетъ быть потому и самый футлярчикъ со всѣми этими вещами назывался «необходимымъ» или «нессесеромъ». А въ большихъ магазинахъ, сквозь зеркальныя стекла, можно видѣть, какъ блестятъ большіе, очень красивые футляры съ разными щеточками, пилочками, банками и баночками для всякихъ мылъ, духовъ и помады. Эти приборы тоже зовутъ «необходимыми», разумѣется для тѣхъ господъ, которые никакъ не могутъ безъ нихъ обойтись.

За платьемъ было очень много работы, но у Фанни было еще много времени до поздней ночи. При-

томъ у ней еще оставался цѣлый большой огарокъ свѣчи, слѣдовательно, и освѣщеніемъ она была обезпечена.

И вотъ она вынула изъ столика маленькій портретъ Адольфа, и, поставивъ его на окошко, сѣла передъ нимъ за работу. Вѣдь хорошо сидѣть и съ портретомъ, когда нѣтъ того, кто лучше портрета. Стóитъ только увѣрить себя, что въ этомъ портретѣ все—и будешь доволенъ. И Фанни до того увѣрила себя, что даже привыкла разговаривать съ портретомъ, точно передъ ней и въ самомъ дѣлѣ сидѣлъ живой Адольфъ.

— Ну, говорила она, другъ мой, моя жизнь, завтра твоя Фанни будетъ пировать. Добудетъ она купилокъ и купитъ картошекъ, а можетъ быть и маслица, и немного молочка... нѣтъ! это ужь много!

И она живо вспомнила тѣ три картофелинки, которыя она съѣла третьяго дня. Ахъ, какія онѣ были вкусныя, даже безъ масла. Она дала за нихъ послѣдніе два су, послѣднія изъ тѣхъ денегъ, которыя получила за маленькій медальонъ. Этотъ медальонъ въ видѣ альбомчика подарилъ ей Адольфъ въ день рожденія. Она два дня не ѣла, прежде чѣмъ рѣшилась заложить этотъ альбомъ, а на третій день поплакала надъ нимъ и заложила.—Чтожъ, подумала она, вѣдь волосы, которые лежали въ этомъ альбомчикѣ, я буду также носить на груди, хоть и въ простомъ мѣшочкѣ. И она пошла къ одному ростовщику который давалъ за вещи дороже чѣмъ въ закладной конторѣ (Mont de piété). Правда, онъ за то и бралъ дороже за

выкупъ этихъ вещей. Она застала ростовщика за завтракомъ. Въ его конторѣ все было такъ чисто прибрано. По стѣнамъ висѣли разныя объявленія и извѣщенія въ рамкахъ краснаго дерева. Высокая конторка смотрѣла на всѣхъ такъ храбро, точно баттарея, съ которой хозяинъ ея стрѣлялъ по всѣмъ, кто къ нему приходилъ за своими деньгами. Нельзя сказать, чтобы всѣ, въ которыхъ онъ стрѣлялъ, были убиты на повалъ, но многихъ онъ ранилъ очень тяжело. А подлѣ конторки лежали большіе счеты — и въ этихъ счетахъ, вѣроятно, сидѣла душа хозяина, потому что безъ нихъ онъ никакъ не могъ обойдтись, и вѣроятно потому же и звали его г. Считало. Когда пришла къ нему Фанни и подала ему альбомчикъ, онъ тщательно осмотрѣлъ его, взвѣсилъ на вѣсахъ, потомъ сосчиталъ на счетахъ, и предложилъ ей за него цѣлыхъ 20 фр., что было немного больше половины того, что онъ стоилъ... Фанни не хотѣлось отдавать его такъ дешево, притомъ черезъ мѣсяцъ она должна была принести 25 франковъ, или проститься съ альбомчикомъ навсегда. Она взглянула на длинное лицо г. Считало, на его носъ крючкомъ и острый подбородокъ, на его волосы, которые свѣшивались длинными локонами изъ подъ бархатной шапочки; она посмотрѣла, съ какимъ аппетитомъ онъ ѣлъ жирный пирожокъ съ лукомъ, и ей такъ страшно захотѣлось ѣсть, что она отдала свой дорогой медальончикъ за 20 франковъ.

И вотъ теперь уже почти три дня, какъ отъ этихъ 20 франковъ ничего не осталось. Но завтра, о завтра

у ней будутъ опять деньги! И она работала такъ весело изо всѣхъ силъ, не замѣчая, что этихъ силъ было не много.

По временамъ у ней кружилась голова: — Это отъ голоду, думала Фанни, пристально вглядываясь въ свою худую руку, которою придерживала шитье. И за чѣмъ это нужно непремѣнно моимъ рукамъ, чтобы желудокъ былъ сытъ? Надо бы было такъ сдѣлать, чтобы меня вовсе не было, а были бы однѣ руки, и онѣ шили бы на всѣхъ и деньги бы брали... Но зачѣмъ же имъ понадобились бы деньги?... Ахъ, какія мнѣ все глупости приходятъ въ голову!

А работа все-таки шла впередъ и притомъ быстро. Лифъ со строчками началъ уже выходить какъ разъ по тальѣ маленькой Нины... Фанни шила и любовалась этимъ лифомъ. Онъ дѣйствительно былъ очень хорошъ. Притомъ, каждому пріятно полюбоваться на свою работу. Когда были готовы рукава, Фанни придѣлала къ нимъ синіе банты, и даже приколола къ нимъ коричневые листья съ серебряными блестками... Да! это было удивительно красиво. Такъ красиво, что Фанни забыла свой голодъ. Очевидно, платье было лучше всякого кушанья.

Но какъ только положила она его въ сторону, такъ тотчасъ ей опять представились тѣ три картофелинки, которыя она съѣла третьяго дня. Ахъ! какія онѣ были вкусныя! — Но мнѣ и безъ ѣды теперь такъ хорошо, легко! думала Фанни. Такъ весело, голова не кружится, грудь не болитъ, я не кашляю. И притомъ главное

дѣло сдѣлано. Лифъ сшитъ. Теперь надо приняться за юбку.

И она зажгла свѣчку и принялась за юбку.

— Ну, мой дорогой! сказала она, снова садясь къ окну и смотря на портретикъ. Твоя Фанни умница. Платье будетъ къ завтрашнему дню кончено, непремѣнно будетъ кончено, и будетъ мнѣ пиръ....

И она шила. Вечеръ становился темнѣе, переходилъ въ ночь. Повсюду на улицахъ блестѣли газовые огоньки, они блестѣли тамъ внизу, точно звѣздочки. И гулъ, постоянный гулъ, несся вверхъ, въ комнату Фанни.

— Ахъ какъ хорошо, весело, думала она, какой славный, теплый вечеръ—точно праздникъ, все это движется, блеститъ! Вѣрно все это ѣдутъ сытые люди изъ тѣхъ ресторановъ, въ которыхъ все блестятъ зеркала и золото. И они ѣли тамъ такой вкусный картофель. Они ѣдутъ въ оперу слушать музыку или смотрѣть драму. Они навѣрное будутъ много плакать, и отъ этихъ слезъ имъ потомъ будетъ еще лучше и веселѣе. А мнѣ и такъ весело, хоть я и голодна и не видала драмы. Говорятъ, сытымъ бываетъ часто тяжело, а мнѣ такъ легко, легко теперь!... И она шила. Полотнище за полотнищемъ сшивала она. Нашивала ленты и кружева, и юбка съ широкими красивыми складками начинала выходить такая пышная, нарядная... Фанни щурилась и любовалась на нее.

Порой ей казалось, что весь этотъ гулъ, который тамъ шумѣлъ на улицѣ, глубоко внизу, вдругъ под-

нимался, взлеталъ на верхъ и шумѣлъ у ней въ груди, въ ушахъ, въ головѣ. Ей казалось, что это не гулъ, а какой-то большой оркестръ играетъ чудную музыку. Въ этой музыкѣ точно что-то льется, танцуетъ, вертится, и подъ тактъ ей прыгаютъ вокругъ Фанни все огоньки, огоньки, огоньки безъ конца....

— Ахъ! я вздремнула, говоритъ Фанни. Но такъ хорошо танцовать на балѣ подъ хорошую музыку. И она потягивается, и снова шьетъ, такъ быстро, точно машинка, разъ, разъ, разъ, разъ... И юбка почти кончена.

И снова поднимается опять та же музыка, и сверкаютъ, кружатся кругомъ Фанни веселые огоньки.

— Я опять вздремнула!... шепчетъ Фанни, и опять шьетъ. Еще, еще нѣсколько стежковъ—и все кончено; Ахъ! какъ весело. Легко и весело!

И снова гремитъ музыка и блестятъ огоньки. Но Фанни уже ясно видитъ, что она не спитъ, что это не можетъ быть во снѣ. — Какая же я безтолковая, думаетъ она; я просто на балу, а мнѣ кажется, что я шью платье. Не отличишь иной разъ того, что кажется, отъ того, что есть на самомъ дѣлѣ.

И она осматривается. На ней точь-въ-точь такое платье, какое она сшила для маленькой Нины.— Вотъ какъ это красиво, думаетъ она, и никто не узнаетъ, что я сама его сшила.

И она оглядывается. Передъ ней много залъ, большихъ залъ, и всѣ онѣ блестятъ, горятъ огнями. А музыка! Она гремитъ, гремитъ безъ конца, и такъ

легко, и такъ хорошо! Такъ пріятно пахнетъ, чѣмъ-то сладкимъ, вкуснымъ.

Къ Фанни подходитъ толстый низенькій господинъ, весь рябой. Фракъ его точно простеганъ мелкими клѣточками, но это не клѣточки, а такія же маленькія ямки, какъ и на лицѣ его.

— Позвольте, мадмуазель, говоритъ господинъ въ ямкахъ: — просить васъ на кадриль.

— Ахъ! Да это вы, г. Наперстокъ! Скажите, пожалуйста, я васъ не узнала...

— Да! это понятно, говоритъ наперстокъ. Кого часто видишь, къ тому приглядишься и забудешь его отличія. Но я васъ очень хорошо знаю...

И они идутъ по залѣ и начинаютъ танцовать. Такъ легко, хорошо, весело. Музыка гремитъ. Огни сверкаютъ.

— Я защищаю васъ, говоритъ Наперстокъ: — Это моя прямая обязанность; защищаю отъ уколовъ, чтобы вамъ не было больно. И знаете ли — это такъ пріятно защищать другихъ!

— Но согласитесь, г. Наперстокъ, возражаетъ Фанни, что иногда не мѣшаетъ, чтобы намъ было больно. Иначе мы не будемъ знать, какъ больно тѣмъ, которыхъ никто не защищаетъ...

— Ахъ! это вы говорите о чувствительности? Я въ этомъ не знатокъ. Я солиденъ, у меня толстая кожа, я долженъ защищать и я защищаю, Я думаю, что чувствительность вездѣ вредна. Спросите объ этомъ хоть нашихъ vis-à-vis.

Фанни смотритъ на пару, которая танцуетъ съ ними и еще больше удивляется.

— Скажите пожалуйста, говоритъ она: — вѣдь это моя иголка танцуетъ съ игольникомъ!

— Совершенно справедливо, говоритъ наперстокъ: — неправда ли, она очень блестяща, ваша иголка? Тонкая, стройная... и такой прямой, острый взглядъ. Только съ такимъ взглядомъ можно сшить изъ лоскутковъ что-нибудь общее. Для этого надо погружаться въ каждую матерію, такъ чтобы можно было видѣть ее съ обѣихъ сторонъ.

— Да! но безъ нитокъ нельзя ничего сшить, возражаетъ Фанни.

— Я съ вами совершенно согласенъ. Но нитка— это только матеріалъ, фактъ. Имъ руководитъ иголка.

— Я вижу, что вы философъ, говоритъ Фанни, улыбаясь.

— Я только углубляюсь въ самого себя, возражаетъ любезно наперстокъ, а потому могу быть надѣтъ на вашъ хорошенькій пальчикъ. Впрочемъ, я считаю настоящимъ философомъ игольникъ. Онъ снаружи совершенно гладокъ, блестящъ, но загляните внутрь— и сколько остротъ посыплется изъ него! Надо только умѣть открыть его.

— Да, но я не люблю скрытныхъ людей.

— Это напрасно, замѣтилъ Наперстокъ. Все на свѣтѣ скрывается. Посмотрите на природу, и она скрывается. Безъ этого нельзя. Что же было бы хорошаго, еслибы все всегда было снаружи? Взгляните,

например, на вашего сосѣда: онъ тоже раскрывается только когда это необходимо.

Фани взглянула и увидала, что подлѣ нея танцовали ножницы со вздѣвальной иголкой.

— Скажите пожалуйста, удивилась Фанни: — какъ они фигурно одѣты!

— Да! это по модѣ. Но я сознаюсь откровенно, я не видѣлъ другаго такого смѣлаго господина, какъ эти ножницы. Притомъ, его родъ очень старинный. Одинъ изъ его предковъ былъ въ рукахъ у Парки и постоянно перерѣзывалъ нить человѣческой жизни.

— Ахъ! Это ужасно! вскричала Фанни. Жизнь такъ хороша, зачѣмъ ее перерѣзывать? Мнѣ, напримѣръ, теперь такъ хорошо, легко, весело. Зачѣмъ же перерѣзывать мою жизнь?

Наперстокъ пожалъ плечами.

— Это именно самый лучшій моментъ, сказалъ онъ, для того, чтобы перерѣзать жизнь. Многіе умираютъ съ отчаянія. Чтоже въ томъ хорошаго? Или живутъ какой-то сомнительной жизнью. Вотъ хоть бы эта вздѣвальная иголка. Она, сознаюсь откровенно, очень тупа,—то есть ограниченна, хотѣлъ я сказать. А между тѣмъ она думаетъ объ себѣ чрезвычайно много, держитъ себя такъ прямо и подымаетъ кверху свою маленькую головку. Она воображаетъ себѣ, что она, собственно она проводитъ всегда всякіе толстые шнурки и широкія тесемки. Жить постоянно такимъ самообольщеніемъ я не считаю раціональнымъ: это сомнительная жизнь.

— Напрасно вы такъ думаете, возражаетъ Фанни. Мнѣ кажется, что мы всѣ живемъ, обманывая себя одни больше, другіе меньше. Мнѣ кажется, что люди, живущіе самообольщеніемъ, бываютъ очень счастливы, а счастье задача жизни...

Наперстокъ улыбнулся.—По вашему, сказалъ онъ, жизнь должна быть баломъ, на которомъ постоянно гремитъ музыка.

Но Фанни не слушала его: она почувствовала, что все вспыхнуло, задрожало у ней въ груди. Она увидала, да, она ясно увидала, что въ сторонѣ отъ нея, прямо противъ ножницъ съ вздѣвальной иголкой, танцовалъ ея Адольфъ. Да, это былъ дѣйствительно онъ, ея Адольфъ, въ хорошенькой, золоченой рамкѣ. Но съ кѣмъ танцовалъ онъ? Фанни вглядывалась, долго, пристально, и наконецъ разглядѣла, что это была сама она. Не та Фанни, молоденькая, свѣжая, розовая, чуть не дѣвочка, въ платьѣ маленькой Нины, которая танцовала съ наперсткомъ, но Фанни больная, исхудалая, постарѣвшая до времени, въ своемъ старомъ, изношенномъ платьѣ, однимъ словомъ, настоящая Фанни...

— Зачѣмъ же онъ танцуетъ съ ней, думаетъ Фанни. Вѣдь она такая дурная, нехорошая... Но у ней такое доброе лицо, такіе кроткіе, любящіе глаза. Да! Я понимаю, почему онъ любитъ ее. Я не буду эгоисткой.

Къ нимъ подходятъ ножницы, и танцуя, перерѣзываютъ то, что связывало ихъ.

— Ахъ! Какъ это ужасно! думаетъ Фанни съ замираньемъ сердца и закрываетъ глаза.

Когда же она открыла ихъ, то увидала, что передъ ней, прямо передъ ней, стоитъ ея Адольфъ.

— Адольфъ, мой Адольфъ, хочетъ она сказать, и не можетъ. Она только чувствуетъ, какъ слезы выступаютъ у ней на глазахъ, слезы глубокаго, восторженнаго счастья. Она чувствуетъ, что въ груди у ней нѣтъ сердца. Тамъ пусто. — Это сердце у него, думаетъ она; а въ ея груди все такъ легко, свободно, такъ хорошо!

— Адольфъ, спрашиваетъ она, вѣдь выше, полнѣе этого счастья — не бываетъ, не можетъ быть?...

Музыка такъ быстро играетъ, свѣчи такъ весело горятъ.

Адольфъ обнялъ ее. Они кружатся, несутся, все выше и выше.

Мимо ихъ летятъ звуки, порхаютъ огоньки. Вонъ несутъ все такія вкусныя блюда. Сколько на нихъ картофеля! Даже смѣшно! Все это несутъ большимъ господамъ, которые ѣдутъ въ маленькихъ каретахъ. Вонъ идетъ лакей въ галунахъ и г. Считало ѣстъ картофель... Ахъ, какъ весело! Выше, выше!

Порхаютъ звуки, мелькаютъ огоньки. Выше, выше!

— Адольфъ! Мнѣ такъ хорошо, что даже... больно... Милый мой! Все кружится, кружится, все мимо... мимо, Адольфъ!!... Я задыхаюсь... Га!...

Одно мгновенье промелькнуло, только одно мгновенье, неуловимое, страшное, и всѣ струны оборвались. Замолкла музыка. Погасли огни. Балъ кончился...

На другой день хозяйка Фанни пришла къ ней. Она поднялась на всѣ 135 ступенекъ, съ твердой рѣшимостью объявить Фанни, чтобы та съѣзжала съ квартиры на слѣдующей же недѣлѣ. Расплатилась бы и съѣзжала, потому что она, хозяйка, нашла другую жилицу—хорошую, аккуратную и здоровую, отъ которой ей не будетъ никакихъ непріятностей.

И она вошла къ Фанни.

— Смотрите пожалуйста, какая неряха, проворчала она, — не раздѣвшись, какъ есть въ платьѣ, такъ и спитъ на своемъ дрянномъ стулѣ. Свѣчка вонъ вся догорѣла. Пожалуй еще этакъ она у меня пожару надѣлаетъ. Нѣтъ, просто вонъ ее безъ разсужденья! И она подошла къ Фанни.

Она полулежала на своемъ стулѣ, слегка свѣсивъ голову. Исхудалое, осунувшееся лицо ея было блѣдно, желто и на полураскрытыхъ губахъ замерла горькая улыбка. Тусклые глаза были полуоткрыты. На правой рукѣ былъ надѣтъ наперстокъ, а у ногъ лежала юбка отъ платья Нины, совсѣмъ готовая и въ ней иголка съ ниткой.

— Что это, какъ она странно спитъ и какая блѣдная, подумала хозяйка, — и тутъ же сердито и громко закричала:

— M-lle Фанни, M-lle Фанни! Ей! Я вамъ говорю! Она даже толкнула ее,—но Фанни не пошевельнулась.

И тутъ только хозяйка разглядѣла, что Фанни не могла откликнуться, что она была мертвая. Хозяйка

испугалась и выбѣжала вонъ, но тотчасъ же оправилась, одумалась и снова вернулась къ Фанни. Она осмотрѣла все ея имущество, перешарила всѣ шкафы, что были въ стѣнахъ, всѣ ящики,—но денегъ у Фанни нигдѣ не было, а всѣ ея вещи были — сущая дрянь. Только «нессесеръ» еще могъ чего нибудь стоить, притомъ онъ былъ такой новенькій, и хозяйка собрала все, что въ немъ было: ножницы, игольникъ, даже наперстокъ сняла съ мертваго пальчика Фанни, и весь нессесеръ положила къ себѣ въ карманъ, проворчавъ: «съ лихой собаки хоть шерсти клокъ»!

Потомъ она посмотрѣла на портретъ Адольфа, посмотрѣла на его рамку, и рѣшивъ, что она гроша не стоитъ, тоже опустила портретъ, вмѣстѣ съ рамкой, въ карманъ. Въ эту рамку вставила она потомъ портретикъ другаго господина, толстаго и усатаго, который былъ вовсе не похожъ на Адольфа, а портретикъ Адольфа отдала своему маленькому сынку. Сынокъ былъ очень доволенъ. Онъ тотчасъ же нарисовалъ на лицѣ Адольфа очень замысловатыя каракули, а погодя немного, даже разорвалъ портретикъ, и притомъ какъ разъ пополамъ.

Платья маленькой Нины, и лентовъ и цвѣтовъ— хозяйка не тронула. Она догадалась, что все это должно быть чужое и что хлопотъ съ этимъ не оберешься. И дѣйствительно, въ 12 часовъ—за всѣмъ за этимъ пришелъ все тотъ же лакей въ золотыхъ галунахъ, уложилъ все въ картонку, даже съ иголкой, которой шила Фанни, и отнесъ, куда слѣдовало.

И какъ были рады и Нина и ея мама, что платье было кончено и какъ разъ впору. Нина была въ немъ просто прелесть. Мама отъ радости чуть не заплакала. Впрочемъ, она пожалѣла о Фанни, сказала: «бѣдняжка!» Только денегъ за шитье не заплатила. Да и кому же было ихъ платить? Не хозяйкѣ же Фанниной! А родныхъ у Фанни не было, кромѣ одной старой бабушки, про которую никто ничего не зналъ, и жила она гдѣ-то далеко, въ деревнѣ.

Фанни похоронили даромъ. Правда, ее зарыли вмѣстѣ съ другими такими же бѣдными, какъ она, въ одной общей могилѣ, но гдѣ тѣсно, тамъ и весело!

А Нина была на балу, и ей тоже было весело. Музыка гремѣла, огни сверкали. Она смѣялась, танцовала, ѣла вкусныя конфекты, сливы, персики, ананасы,—а картофель, который подавали за ужиномъ, вмѣстѣ съ ростбифомъ, не ѣла, потому что она вообще не любила картофеля. И такъ она была хороша въ платьицѣ, которое сшила Фанни, что всѣ ею восхищались. Даже старые, важные старики вставали изъ-за картъ, чтобы на нее полюбоваться, а одинъ поэтъ, смотря на нее, пришелъ въ такой восторгъ, что тутъ же написалъ стихи:

Вокругъ тебя все блеститъ и сверкаетъ
И музыка громко гремитъ;
Твое дѣтское сердце заботы не знаетъ,
И жизнь тебѣ радость сулитъ.
Пусть же она промелькнетъ въ упоеньи,
Въ блескѣ, восторгѣ и сладостныхъ снахъ....
Вѣрь, что цѣль жизни — есть наслажденье:
Одни его ищутъ въ земныхъ обольщеньяхъ,
Другіе найдутъ его — тамъ, въ небесахъ!

И всѣ хвалили эти стихи. Только многіе спорили. Одни говорили, что наслажденье *тамъ* нельзя сравнивать съ наслажденьемъ *здѣсь*. Другіе говорили, что никакого наслажденья тамъ нѣтъ, не было и не будетъ. Третьи доказывали, что и здѣсь—наслажденье наслажденью рознь. Нельзя же назвать наслажденьемъ какую нибудь пьяную пирушку въ грязномъ кабакѣ; нельзя ее сравнивать съ изящнымъ баломъ, гдѣ все такъ хорошо, возвышенно, гдѣ все — поэзія и гармонія. Четвертые соглашались съ этимъ и говорили: Доведите же всѣхъ до того, чтобъ они могли понимать и пользоваться этимъ наслажденьемъ, всѣхъ бѣдныхъ Фанни, которыя теперь умираютъ отъ труда и голода, — и тогда жизнь всѣхъ будетъ одно наслажденье. Наконецъ, пятые кричали, что этого никогда не можетъ быть, что не припасено еще столько средствъ, чтобы доставлять всѣмъ Фанни какое нибудь высшее, изящное наслажденье. При этомъ, всѣ эти пятые горячились и выходили изъ себя.—Мы не хотимъ, кричали они, жертвовать для вашихъ Фанни ни одной каплей нашего наслажденья! И мама Нины кричала громче всѣхъ:—Пусть платье на моей Нинѣ стоитъ еще дороже, кричала она, только бы оно было изящно, чтобы она была хороша въ этомъ платьѣ, восхищала бы всѣхъ и вдохновляла поэтовъ. А! Я вижу, чего вы хотите: по крайней мѣрѣ, лишить насъ самихъ наслажденій, отнять у насъ музыку, поэзію, все возвышенное, изящное. Вы желали бы весь міръ превратить въ кабачокъ съ грубыми на-

слажденіями. И вы думаете, что мы будемъ счастливы, веселы, довольны? Нѣтъ, наше горе будетъ сильнѣе, чѣмъ горе всѣхъ вашихъ Фанни, потому что наши чувства развитѣе, воспріимчивѣе.—Нѣтъ, кричала на это противная сторона, попробуйте только отказаться отъ половины вашихъ наслажденій, и вы увидите, что другую половину вамъ доставитъ сознанье, что вы каждымъ вашимъ шагомъ не отнимаете чего-нибудь у другихъ, или не убиваете кого нибудь!

— Это вздоръ! кричала снова мама Нины, никто не взвѣсилъ еще нашихъ чувствъ, никто не разсчиталъ, насколько намъ доставитъ наслажденья общее благо.

И дѣйствительно, этого еще никто не разсчиталъ.

Вотъ что! Поди ты къ г-ну Считало и попроси его, чтобы онъ все это разсчиталъ на своихъ большихъ счетахъ. Что-жъ? Можетъ быть, онъ это и сдѣлаетъ, хотя, разумѣется, не безъ выгоды для себя.

Дядя-Пудъ.

Не далеко и не близко, какъ разъ въ самой серединѣ, и притомъ въ самой дрянной деревушкѣ, жилъ Дядя-Пудъ.

Когда онъ былъ еще очень маленькій, то только и умѣлъ, что разѣвать ротъ, а когда онъ его бывало разинетъ, да примется кричать, то даже всѣ сосѣди затыкали уши и бѣжали въ поле, а мать скорѣе совала ему ложку въ ротъ и горшокъ каши въ руки. Тогда Дядя-Пудъ ѣлъ кашу и молчалъ до тѣхъ поръ, пока въ горшкѣ не оставалось ни крошки. Потомъ онъ принимался пыхтѣть, кряхтѣть, а за тѣмъ снова разѣвалъ ротъ и начиналъ такъ кричать, что даже у всѣхъ оконъ въ ушахъ звенѣло.

— Ахъ! ты галченокъ ненасытный, говорила мать, объѣлъ ты меня, да и отца-то тоже, бочка ты бездонная! — и совала она ему въ ротъ гороховую лепешку.

Когда онъ немного подросъ, то все кричалъ, какъ кошка: Мало,—м-а-а-ло! и сколько бы ни давали ему ѣсть, — все ему было мало.

Когда же онъ выросъ совсѣмъ, то всѣ сосѣди рѣшили, что это былъ настоящій Дядя-Пудъ, во сто пудъ. Толстый, какъ бочка, голова, какъ арбузъ, лицо красное, какъ свекла, а волосы рыжіе. Однимъ словомъ, онъ былъ прекрасивый господинъ.

Бѣда только въ томъ, что ему ѣсть было нечего. Мать свою съ отцомъ онъ давно схоронилъ, потому что они совсѣмъ измучились, кормивши его, и наконецъ умерли. А самъ онъ ничего не умѣлъ дѣлать.

Когда онъ пахалъ, то постоянно засыпалъ надъ сохой, а какъ бывало навалится на нее, такъ соха и уйдетъ въ землю по самыя ручки. Принимался онъ и косить, да вмѣсто того, чтобы по травѣ, все больше косилъ себя по ногамъ. Принимался и молотить, да только вмѣсто хлѣба, колотилъ себя цѣпомъ по лбу.

— Эхъ! говорили мужики, коли бъ ты ѣлъ руками, а молотилъ бы зубами, — былъ бы ты богатѣющій человѣкъ!

Но въ томъ то и бѣда, что вмѣсто рукъ у него были во рту зубы, и постоянно искалъ онъ этимъ зубамъ работу.

Давали ему сосѣди хлѣба взаймы, давали, давали, да наконецъ и перестали.

— Нѣтъ, говорятъ, ты не то что насъ, ты всю деревню съѣшь. Вали въ тебя какъ въ оврагъ, а назадъ ничего не прійдетъ!

Пробовалъ онъ и по клѣтямъ лазить, которыя не заперты, да бѣда въ томъ, что всѣ двери не по немъ. Какъ только онъ въ нихъ завязнетъ, такъ сейчасъ же его тутъ накроютъ и зададутъ ему такого трепака, что онъ потомъ чешетъ, чешетъ въ затылкѣ и все думаетъ: что у него ближе къ тѣлу лежитъ, свое брюхо или своя кожа.

Разъ пошелъ онъ вмѣстѣ со всей деревней къ сосѣдямъ на помочь.

— Ну! говорятъ мужики, Дядя-Пудъ идетъ помогать; смотрите, братцы, какъ сядете за пироги, не плошайте, а то Дядя-Пудъ какъ разъ поможетъ!

Ну и дѣйствительно помогъ. Отправились мужики работать, а онъ отправился туда, гдѣ съѣстнымъ пахло, да почти все, что было припасено на угощеніе, прибралъ до-чиста. Всѣ такъ и ахнули: ни щей, ни пироговъ, ни каши, ни потроховъ, однѣ корки да крошки лежатъ.

— Ладно! сказали мужички, нѣтъ тебѣ больше пощады, объѣлъ ты весь міръ, ступай-ка теперь за это по міру, проѣдайся чѣмъ Богъ пошлетъ. Нѣтъ тебѣ ни угла, ни двора.—И тутъ же за мірскія недоимки продали его избушку на курьихъ ножкахъ, а самого его выгнали вонъ изъ деревни въ три метлы.

Пошелъ Дядя-Пудъ побираться. Куда ни придетъ, никто ему ничего не даетъ.

— Видно, говорятъ, ты, дядюшка, съ голоду распухъ, съ холоду покраснѣлъ, проходи-ка дальше, покудова цѣлъ!

Взвылъ Дядя-Пудъ:—Зачѣмъ, дескать, я на свѣтъ

Божій родился?! — Идетъ онъ, идетъ, еле ноги передвигаетъ, идетъ лѣсомъ, идетъ и полемъ, и видитъ, что мужикъ большимъ каткомъ дорогу укатываетъ. Остановился и глядитъ.

— Что, добрый человѣкъ, спрашиваетъ мужичокъ, али катка не видалъ, даромъ что самъ съ добрый катокъ.

— А что, говоритъ Дядя-Пудъ, еслибъ ты меня, благодѣтель мой, да взаправду вмѣсто катка на службу-то взялъ. Я, чай, смогу?

— Ничего, говоритъ мужикъ, можно; только по гладкому мѣсту тебя катить, лошадь надсадить, а вотъ коли хочешь, такъ горку у меня укатай, а за службу я тебя буду кормить и поить чѣмъ Богъ пошлетъ. — Ладно! И пошли Дядя-Пудъ съ мужикомъ на горку, пришли на самый край.

— Теперь ты, дядюшка, говоритъ мужикъ, ложись и катись, а я буду направлять.

А горка не крута и невелика, всего подъему будетъ почитай версты съ двѣ. Легъ Дядя-Пудъ, барахтался, барахтался, да какъ покатится, такъ индо земля затрещала, пыль столбомъ пошла, точно вихорь поднялся.

— Ну! сказалъ мужикъ, укатится чай онъ теперь на край свѣта Божьяго! теперь его и на рысяхъ не догонишь.

Катился, катился Дядя-Пудъ, не день и не два, по полямъ и доламъ, вплоть до самаго моря. И лежалъ онъ тутъ на берегу, и не много не мало, безъ году недѣлю, насилу отдохнулъ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, видно я даже въ катки не гожусь; некуда мнѣ дѣться. Пойду, въ морѣ утоплюсь, все милѣй, чѣмъ съ голоду помирать.

А на морѣ стоитъ корабль и всѣ матросики-мореходы ахаютъ да дивуются. Что это, братцы, къ морю какая гора катится.—А самъ ихъ набольшій мореходъ-капитанъ, кричитъ Дядѣ-Пуду:

— Эй! дядюшка, не хочешь-ли ты баластомъ у насъ быть? Камня намъ не откуда добыть, а нагрузиться надо, такъ ты вмѣсто груза будешь въ трюмѣ лежать.

— Хорошо! говоритъ Дядя-Пудъ, это я могу, только дайте поѣсть, а лежать — ничего, умѣемъ.

И вотъ привезли Дядю-Пуда на корабль. Положили въ трюмъ, на самый низъ. Ничего, нагрузили корабль какъ быть должно. Только вотъ чего не догадались, какъ Дядю-Пуда кормить. Дали ему ѣсть, и проглотилъ онъ свою порцію однимъ глоткомъ, говоритъ: Мало! Дали ему еще, и еще принесли, и еще порцію, и ту проглотилъ, и такъ десять порцій проглотилъ, и чуть не цѣлаго быка упряталъ, а все ему мало!

Ахаютъ всѣ да дивуются: гдѣ это у Дяди-Пуда дно лежитъ, а можетъ быть ужъ онъ такъ и устроенъ, что дна у него нѣтъ.

— Нѣтъ! говоритъ главный лоцманъ, ты для насъ неспособенъ. Всѣхъ ты насъ объѣшь, все равно намъ конецъ будетъ, либо съ голоду помирать, либо безъ грузу погибать. Лучше уже выбросить тебя, да поискать гдѣ-нибудь камня.

— Господи! взмолился Дядя-Пудъ, что такое камень, глыба бездушная, неужели-жъ я хуже всякого камня!

— Постойте, говоритъ мореходъ-капитанъ, можетъ быть онъ насъ и не объѣстъ, а разомъ намъ двѣ службы сослужитъ. Пусть онъ лежитъ себѣ грузомъ, а если случится несчастіе, буря станетъ отъ берега отбивать насъ, то будетъ онъ намъ замѣсто мертваго якоря.

А мертвымъ якоремъ зовутъ такой тяжелый якорь, который выбрасываютъ въ бурю въ море, чтобъ на мѣстѣ удержаться. И какъ ужъ разъ его бросятъ, такъ вытащить его снова нѣтъ никакихъ силъ—такъ его и оставляютъ Морскому Дѣдушкѣ на поминки. Согласился Дядя-Пудъ и мертвымъ якоремъ служить.

— Все-таки, говоритъ, хоть на что-нибудь пригожусь, а съ голоду все равно придется въ морѣ утопиться!

Вотъ поплыли моряки. Только ужъ видно Дядя-Пудъ былъ и взаправду счастливый. Не успѣли они порядкомъ отъ берега отойти, какъ налетѣла такая буря, что всѣ паруса и снасти какъ мочалки порвало. Пришлось бросать мертвый якорь.

— Ну! говорятъ, Дядя-Пудъ, служи свою службу, ступай къ Морскому Дѣдушкѣ въ гости. Онъ тебя всякими морскимъ звѣремъ накормитъ.

— Что-жъ? Я ничего, сказалъ Дядя-Пудъ, я и морскаго звѣря съѣмъ!

И вотъ привязали Дядю-Пуда къ самому большому

якорю, а къ якорю привязали самый толстый канатъ. Трудились, трудились всѣ изо всѣхъ силъ и насилу-то удалось имъ сбросить Дядю-Пуда съ корабля въ море. Шлепнулся Дядя-Пудъ, такъ что даже море ахнуло и все расплескалось. Окунулся Дядя-Пудъ, какъ будто настоящій мертвый якорь, да вдругъ взялъ да и всплылъ, точно пробка,

— Ступай на дно, кричатъ ему моряки, тони, мошенникъ ты этакой, вѣдь ты всѣхъ насъ утопишь, акула ненасытная!

И Дядя-Пудъ изо всѣхъ силъ старается, чтобы себя утопить, другихъ спасти, барахтается онъ и такъ и сякъ, ногами и руками, а все прибыли нѣтъ. Плаваетъ онъ по морю, носится по волнамъ, точно бочка съ саломъ, и якорь тутъ-же съ нимъ.

— Ахъ ты участь неминучая, плачетъ онъ, и въ мертвые якори я не гожусь. На какую только потребу я на свѣтъ Божій произошелъ!

А буря между тѣмъ разбила корабль въ мелкія щепочки, всѣ матросики потонули, и побои всѣ съ ними, и даже канатъ, которымъ былъ привязанъ Дядя-Пудъ лопнулъ.

И вотъ онъ плыветъ по морю день и два, плыветъ и цѣлую недѣлю. На восьмой день, показался вдали берегъ, а на берегу большой городъ, и несетъ Дядю-Пуда море прямо къ этому городу.

— Слава тебѣ Господи, думаетъ Дядя-Пудъ, кончилось мое морское странствіе. Въ городѣ вѣрно добрые люди живутъ; мнѣ, горемычному мореходу, ѣсть дадутъ!

А городскіе люди давно уже на берегу стоятъ, въ море глядятъ, и никакъ не могутъ разглядѣть, что за чудо морское плыветъ къ нимъ. Кто говоритъ бочка, кто китъ, а кто самъ чортъ, дѣдушка-водяной. Наконецъ, стукнулся Дядя-Пудъ якоремъ въ набережную такъ, что даже брызги полетѣли. Причалилъ, значитъ, выгружайте!

Подивились люди, поахали, стали Дядю-Пуда разгружать, отъ якоря отвязывать, стали пытать-распрашивать, откуда пожаловала такая рыба, изъ самаго Моря-Океана, или изъ преисподней бѣжалъ? И сталъ Дядя-Пудъ разсказывать про свою горькую судьбину, безталанное житье. Нѣтъ ему мѣста на матушкѣ землѣ, она его не питаетъ, море не принимаетъ. Былъ онъ бабой, былъ каткомъ, былъ грузомъ, былъ мертвымъ якоремъ, нигдѣ не угодилъ.

— Сжальтесь, братцы, надъ христіанской душой— и поклонился Дядя-Пудъ до земли, накормите немощнаго, убогаго, спасенія своего ради.

— Ну, нѣтъ братъ, сказалъ одинъ бойкій дѣтина, коли тебя кормить, затѣмъ только чтобъ ты жилъ, такъ ужъ будетъ оченно нескладно, я лучше свинью стану кормить: сколько она у меня ни съѣстъ, все по крайности пойдетъ мнѣ же на пользу. А я вотъ что тебѣ скажу: ступай-ка ты лучше на бойню, да продай себя на сало. Коли тебѣ дадутъ по копѣйкѣ за пудъ, такъ смекни, сколько рублей выйдетъ.

Задумался Дядя-Пудъ и пошелъ на бойню.

— Авось, думаетъ, тамъ можно будетъ чѣмъ-нибудь

поживиться.—Но не успѣлъ онъ и полдороги пройдти, какъ съѣстнымъ духомъ потянуло. Идетъ-скрипитъ длинный обозъ, всякой свѣжиной нагруженъ. Везетъ онъ много добра и прямо къ самому королю. А Дядѣ Пуду что до этого за дѣло? Увидалъ онъ, что одна свинья-тушка плохо лежитъ, сейчасъ же цапъ ее за ногу. Но не успѣлъ онъ ее и за спину хорошенько спрятать, какъ его самого сейчасъ же сцапали. Наскакали солдаты, верьхомъ на коняхъ.

— Хватай, держи вора! кричатъ.

Схватили, скрутили, привели Дядю-Пуда къ судьѣ.

— Дядюшка милостивый, молитъ его Дядя-Пудъ, вѣдь сколько дней я не ѣмши... Никуда-то я негожусь. Чѣмъ же я виноватъ?

— Этого я ничего не знаю, говоритъ судья, а сужу я по закону. Ты укралъ свиную тушу, а въ законѣ сказано: Если кто-либо украдетъ, у кого-либо, что-либо, что дороже веревки, на которой его можно повѣсить, то его слѣдуетъ повѣсить высоко и коротко.—Палачъ! ступай, дѣлай свое дѣло!

А палачъ тутъ какъ тутъ. Словно изъ земли выросъ. И повели Дядю-Пуда вѣшать. Мальчишки бѣгутъ, народъ бѣжитъ, солдаты въ барабаны бьютъ. Ведутъ, тащатъ Дядю-Пуда. Словно земляная глыба онъ катитъ и весь народъ на него дивуется.

— Господи! думаетъ Дядя-Пудъ. Насталъ наконецъ мнѣ грѣшному конецъ; успокоюсь я въ землѣ сырой, моей кормилицѣ.

Долго вѣшали Дядю-Пуда. Ухали, ахали, три ты-

сячи человѣкъ тянуло Дядю-Пуда наверхъ, три тысячи подмогало имъ, наконецъ подняли. Но только что подняли, оборвался Дядя-Пудъ. Да и какая веревка могла бы удержать его, Дядю-Пуда?

Оборвался онъ, полетѣлъ. Бросился народъ отъ страха во всѣ стороны, точно его вихремъ разметало. Грохнулся Дядя-Пудъ о-землю. Охнула земля, разступилась.

— Матушка! вскричалъ Дядя-Пудъ. Прими ты меня!

Но не приняла его земля, отбросила. Высоко взлетѣлъ Дядя-Пудъ. Далеко летѣлъ и очутился, наконецъ, въ чистомъ широкомъ полѣ, гдѣ, со всѣхъ четырехъ сторонъ свѣта, сходятся дороги вмѣстѣ.

Сидитъ тамъ на перекресткѣ, на трехъ столбахъ, старушка, бабушка слѣпая, всѣмъ на картахъ ворожитъ, на бобахъ разводитъ. Подошелъ къ ней Дядя-Пудъ, низко поклонился.

— Поворожи, говоритъ, мнѣ бабушка, поворожи милая, поворожи мнѣ горемычному, гдѣ моя добрая доля лежитъ.

— Давно бы, милый человѣкъ, ко мнѣ пришелъ, сказала слѣпая бабушка, и поворотила Дядѣ-Пуду, и вышелъ Дядѣ-Пуду червонный тузъ, и лежало въ этотъ тузѣ сердце Дяди-Пуда.

И только что выпалъ Дядѣ-Пуду этотъ тузъ, какъ все перемѣнилось.

Пыль поднялась по дорогѣ. Скачутъ, летятъ вершники-приспѣшники, ѣдетъ золотая колымага самого

короля. Остановилась колымага, растворились дверцы. Всѣ кланяются Дядѣ-Пуду и садятъ его въ колымагу, везутъ во дворецъ къ самому королю.

Тамъ разодѣли Дядю-Пуда въ золото и бархатъ, посадили въ передній уголъ, подчуютъ его всякимъ печеньемъ, вареньемъ, кулебяками, пирогами, брагой и медомъ, пивомъ и заморскимъ виномъ.

Ѣстъ, ѣстъ Дядя-Пудъ, ѣстъ не часъ, не два, не день, не три, и все ему мало.

Тащатъ-везутъ во дворецъ всякого съѣстнаго добра, со всего королевства, и все Дядѣ-Пуду мало.

Заохалъ народъ во всемъ королевствѣ.

Пришелъ наконецъ и самъ король, смотрѣть на Дядю-Пуда: дивуется, а за нимъ и всѣ придворные тоже дивуются.

Созвалъ, наконецъ, король мудрецовъ со всего королевства.

— Что это за чудо-юдо такое? спросилъ король у мудрецовъ.

— Просто, голодный дуракъ! сказали мудрецы, его же и море не поглощаетъ, и земля не принимаетъ.

— Да вѣдь онъ тяжелъ! — вскричалъ король.

— Тяжелъ! повторили за нимъ всѣ придворные.

— Тяжелъ! простоналъ народъ.

— Тяжелъ! прозвенѣло эхо по всей землѣ.

— Но вѣдь онъ добръ, и ему слѣпая бабушка ворожитъ! вскричалъ король.

И тутъ всѣ придворные тотчасъ увидѣли, что у

Дяди-Пуда настоящее червонное сердце; а что ему слѣпая бабушка ворожитъ, объ этомъ они всѣ давно догадались.

— Ну и рѣшите, что съ нимъ дѣлать? приказалъ король мудрецамъ.

А чтобы они скорѣе рѣшали, онъ велѣлъ посадить Дядю-Пуда всѣмъ имъ на шею.

И сидятъ они, думаютъ думу крѣпкую, думу тяжкую, и до сихъ поръ не могутъ рѣшить и придумать, что сдѣлать съ Дядей-Пудомъ.

Маіоръ и сверчокъ.

Эй! Иванъ! Тащи паровозъ! Мы поѣдемъ черезъ Китай, прямо въ Ямайку!

И тотчасъ же тащитъ Иванъ деньщикъ небольшой походный самоваръ красной мѣди и ставитъ его на столъ. Онъ очень хорошо знаетъ, чего требуетъ маіоръ, потому что, каждый вечеръ аккуратно, маіоръ ѣздитъ черезъ Китай, прямо въ Ямайку. И несетъ Иванъ Китай въ маленькомъ ящичкѣ изъ корельской березы, который по просту называется чайницей. Несетъ онъ и чайникъ и стаканъ и самую чистѣйшую ямайку, въ высокой бутылкѣ съ раззолоченнымъ ярлыкомъ.

Пьетъ маіоръ стаканъ, пьетъ другой. Въ самоварѣ красной мѣди видно его красное лицо съ вспотѣвшимъ лбомъ и длинными усами.

— Ну! думаетъ маіоръ, теперь я въ самой Ямайкѣ!

А самоваръ шумитъ: шу, шу, шушу. Вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ, какъ тебѣ я служу. Бывалъ я съ тобой въ разныхъ походахъ и разные виды видалъ Стары мы, стары мы съ тобой, старина. Шу, шу, шу!

— Ну это—старая пѣсня, говоритъ маіоръ. Нѣтъ ли чего поновѣе?

— Шшу, шшу, шу! Шумитъ самоваръ. Былъ я новъ, молодъ и свѣжъ,—это было давно, это давнишняя, старая пѣсня. Меня родила на свѣтъ мать сырая земля. Долго, долго въ ея тайникахъ я лежалъ. Наконецъ, увидалъ я свѣтъ. Меня бросили въ печь и тамъ—шуу, шу, шу—я весь растопился и потомъ полился, огненной яркой струей—ши, ши, ши, и застылъ и очутился блестящимъ мѣднымъ кускомъ. Стали опять меня топить и ковать. Шту, шту, шту, шту, шту.....

— Послушай! Нельзя ли обойдтись безъ шушу? Разсказывай, да не шуми!

— Не могу! Я ужъ такъ привыкъ, а привычка вторая натура. Шу, шу, шу, когда въ первый разъ меня поставили на ноги, все заблестѣло, все отразилось во мнѣ, и я увидалъ и черныя рабочія руки и славныя загорѣлыя лица рабочихъ. Они всѣ трудились, въ потѣ лица, стучали, шумѣли—шу, шу, шу! Шту, шту, шту! Когда-жъ поставили въ первый разъ въ жизни меня, тутъ кипучая жизнь заиграла во мнѣ и я весь закипѣлъ и запѣлъ громкую, веселую пѣсню, шу, шуу, шууууу! — Вспомни же, вспомни, старый товарищъ. Сколько разъ, послѣ длинной и грязной дороги, подъ вѣтромъ, холоднымъ и мелкимъ дождемъ, вы собирались въ палаткѣ, вокругъ стараго друга—меня, и блестѣли, сіяли весельемъ во мнѣ ваши веселыя лица, и поилъ и грѣлъ я васъ, и пѣлъ я мою старую пѣсню! Шу! Шу! Шу!

— Эхъ! все это было, чортъ возьми, вскричалъ маіоръ, дѣйствительно было! Веселое, старое, походное время!—И онъ выпустилъ цѣлое облако дыма изъ своей длинной трубки.

— И гдѣ-жъ они теперь, продолжалъ самоваръ, наши старые други удалые, собутыльники лихіе?! Одни давно уже легли на кровавомъ полѣ. Ихъ завидная доля! Другіе впередъ убѣжали, генералами стали. А мы остались съ тобою одни, и сидишь ты теперь, одинокій, въ деревенской избѣ. Стары мы, стары мы съ тобой, старина! Шу, шу! Шу!...

— Да! говоритъ маіоръ, видно судьба обошла насъ. Будемъ жить не тужить, вѣкъ доживать,—и онъ выпилъ третій стаканъ. Эхъ, поскорѣе бы добраться до Ямайки! Да! Да! остались мы одни съ нашими длинными усами. Ну, да такихъ длинныхъ усовъ за то ни у кого на свѣтѣ нѣтъ, — и онъ расправилъ и покрутилъ ихъ.

— Чили-тили, чили-тили! Какой вздоръ, совершенная ложь, у меня гораздо длиннѣе усы. Чили-тили, чили-тили!

— Это еще что за пѣсня! закричалъ маіоръ и повернулся къ печкѣ, а изъ за печки смотрѣлъ сверчокъ и дразнилъ маіора своими длинными усами. Чили-тили, чили-тили! Чили-тили!

— Откуда пожаловалъ?! А? Что за птица?! Каждый сверчокъ, знай свой шестокъ!

— У меня нѣтъ своего шестка. Чили, тили, чили-лили. Но за то я всегда сижу за чужой печкой!

А въ этомъ-то и все удобство! Сижу и пою: чили-тили! чили-тили! А если ты хочешь знать, откуда я пришелъ, такъ это я тебѣ сейчасъ доложу! Былъ я, генералъ ты мой, у сосѣда, на тараканьемъ балу.— Такъ какъ я не послѣдняя спица въ колесницѣ, то и пригласилъ меня, на балъ, самый знатный таракан фонъ-Тараканчиковъ. Что-жъ? Я не спѣсивъ, я пошелъ! Народу была бездна. Цѣлый уголъ за печкой, биткомъ набитъ тараканьемъ. Былъ у нихъ и оркестръ, очень порядочный. Пригласили двухъ полевыхъ сверчковъ, кузнечика, шмеля и комара. Угощенье было: корочка сухаго хлѣба, прокислый творогъ и телячья косточка. Однимъ словомъ, все было comme il faut. Тараканы вели себя очень прилично. Старые очень важно разглаживали усы. Молодые, со шпорами на ножкахъ, расшаркивались передъ дамами. А дамы были все премилыя таракашки. Въ особенности одна, такая тоненькая, рыженькая.—Сударыня, сказалъ я, у васъ премиленькая, маленькая ножка. Чили-тиль, чили-тиль.—Но она тотчасъ же спрятала ножку подъ крылышко и опустила усики къ землѣ.— Я, говоритъ, постоянно хожу за моей мамашей, вы вѣрно знаете мою мамашу, она ходитъ съ такимъ большимъ яйцомъ! — Просто милашка-таракашка!

— Ахъ, чортъ возьми, вскричалъ маіоръ, вѣдь и я былъ молодъ, и молодецъ хоть куда! и онъ допилъ четвертый стаканъ.

— Чили-тили! Чили-тили! Тиль, тиль! Тиль! Кто не былъ изъ насъ молодъ? И я помню мою молодость.

Но, это было давно. Въ тихій веселый вечеръ... Я такъ сладко пѣлъ, какъ поютъ только въ первый и въ послѣдній разъ въ жизни. Я пѣлъ за большой изразцовой печкой у помѣщика. А въ комнату несся запахъ сирени, запахъ молодыхъ первыхъ бѣлыхъ и душистыхъ ландышей. Я пѣлъ изъ всѣхъ силъ моихъ молодыхъ, пѣвучихъ крыльевъ, а барышня сидѣла за фортепьяномъ и изо всѣхъ силъ играла старую пѣсню о томъ, какъ гнался лѣсной царь, по темному лѣсу съ большой бородою и въ коронѣ, гнался за маленькимъ мальчикомъ. Ахъ, какъ плакалъ бѣдный мальчикъ и какъ страшно стучалъ лѣсной царь по клавишамъ! такъ что всѣ фортепьяны дрожали. Наконецъ, умеръ бѣдный мальчуганъ. Тихія струны торжественно прозвенѣли въ воздухѣ и затихли на-вѣки. И въ этой тишинѣ, я вдругъ услыхалъ позади себя робкій шопотъ. Я оглянулся — это была она. Понимаешь-ли ты? Она, моя добрая, тихая подруга моей скромной, уютной жизни! Сквозь стукъ лѣснаго царя и громъ бури, она все-таки услыхала мою простую безъискуственную пѣснь и пришла ко мнѣ! Понимаешь-ли, что это было хорошо? Тиль! Тиль! Тиль! Тиль!

— Эхъ! вскричалъ маіоръ, стукнувъ по столу кулакомъ, вѣдь это дѣйствительно хорошо, но этого я никогда не испытывалъ, а тоже былъ молодъ. И помню я и панну Юзефу и панну Фелицату — и мазуречка панна не кохайся дармо. Ахъ! вы всѣ, ясноокія пани! И скоро-ли я доберусь до пани Ямайки?! И маіоръ выпилъ еще стаканъ, но который—онъ уже и самъ не помнилъ.

— И зажили мы съ ней, продолжалъ чиликать сверчокъ, у помѣщика за печкой. Потомъ намъ тутъ надоѣло, да и было не безопасно. Переселились мы въ хорошую свѣтлую избу, за теплую печку подъ высокій шестокъ. Ахъ какъ хорошо намъ было тамъ съ нашими маленькими сверчатками. Я имъ разсказывалъ сказки, они рѣзвились и прыгали. Въ темныя осеннія ночи, какъ теперь, она сидѣла подлѣ меня, моя добрая подруга. Я ей тихо напѣвалъ пѣсенку, а сверчатки спали крѣпко и сладко. И такъ намъ было хорошо, тепло, уютно за теплой печью. Жизнь наша тихо катилась полной волной и пѣла намъ свою мирную, покойную пѣсенку: Тиль! Тиль! Тиль!..

— Эхъ ты! вскричалъ маіоръ—и ничего больше не сказалъ. Онъ только крѣпко прижалъ къ сердцу свою длинную трубку. Но вѣдь это была не подруга жизни, а простая, обыкновенная походная трубка.

А сверчокъ продолжалъ свою пѣсню.

— И разсказывалъ я имъ длинную, безконечно длинную, старую сказку о томъ, какъ дерутся домашніе сверчки съ полевыми. Прежде, въ старое, старое время, всѣ сверчки были одинъ народъ и всѣ жили безъ затѣй въ норахъ, въ чистомъ полѣ, но какъ завелись около сверчковъ люди, то многіе заползли къ нимъ въ теплыя избы. Кто же, скажи, не ищетъ себѣ мѣста гдѣ потеплѣе и получше? На что простая рыба, и та ищетъ, гдѣ глубже?...

— Да! да! сказалъ маіоръ, и понурилъ свою сѣдую голову, потому что онъ во всю свою жизнь не

искалъ гдѣ глубже, за то теперь онъ съ удовольствіемъ опустился бы въ самую глубь Ямайки.

— И вотъ не скоро только сказка сказывается, а гораздо того скорѣе стали мы, запечные сверчки, совсѣмъ другими. Стали мы народъ хилый, плохой, и полевые сверчки стали для насъ совсѣмъ чужіе. Крѣпкіе они да сильные, но чтожъ изъ того? Мы гораздо ихъ хитрѣе, умнѣе, а главное—мы отличные музыканты и сказочники. Съ этихъ самыхъ поръ пошла у насъ рознь, ссоры и распри. — Вы, говорятъ намъ сверчки полевые, вы народъ поганый, запечные пѣвуны, скоморохи. А мы говоримъ имъ: — А вы всѣ необразованные дикари, брюхоѣды. Ну и деремся! Выйдемъ всѣ изъ-за печекъ въ поле, построимся въ шеренги, впереди скачутъ сверчки музыканты; скачутъ туда сюда сверчки адъютанты.—Впередъ, братцы, впередъ! кричатъ сверчки генералы...

— Впередъ! закричалъ и маіоръ бодро вскочилъ съ креселъ, но тотчасъ же оперся на столъ, потому что и столъ, и полъ, и все подъ нимъ и передъ нимъ качалось, точь въ точь, какъ бываетъ на морѣ въ бурю. И не мудрено! Вѣдь онъ ѣхалъ въ Ямайку, которая лежитъ на самомъ морѣ, а въ сердцѣ маіора бушевала сильная буря.

А сверчокъ продолжалъ: И пойдетъ у насъ свалка,— пыль столбомъ, дымъ коромысломъ. Полевые дикари, все больше берутъ нахрапомъ, да силой. Идутъ на проломъ, впередъ головой. А мы ихъ заманимъ кудaнибудь въ лощинку, да сверху съ двухъ сторонъ по-

немножку все щиплемъ да треплемъ, щиплемъ да треплемъ. Валятся они какъ чурки, идутъ все рядами, рядами, чернѣютъ ихъ черныя латы, блестятъ черные глаза и сверкаютъ длинные острые зубы. Скачутъ, летятъ они со всѣхъ сторонъ...

И маіору кажется, что дѣйствительно, со всѣхъ сторонъ летятъ черные сверчки-брюхоѣды. Они носятся въ облакахъ табачнаго дыма, летаютъ надъ свѣчкой, цѣпляются за длинные усы маіорскіе. Онъ ихъ ловитъ, ловитъ и не можетъ поймать. А сверчокъ запечный, по-прежнему сидитъ за печкой и разсказываетъ свою безконечную сказку, все громче и громче, какъ будто надъ самымъ ухомъ маіора кричитъ онъ безъ умолку: Чиль-тиль, чиль-тиль, чиль-тиль!...

— Бьемся мы часъ, бьемся и два, кричитъ онъ, щиплемъ ихъ треплемъ, а они все прибываютъ, и наконецъ начинаютъ одолѣвать насъ: тогда мы бросаемся въ разсыпную по широкому полю, и хотя всѣ они, наши непріятели, скачутъ и летаютъ гораздо быстрѣе насъ, но за то мы такъ ловко увертываемся, такъ колесимъ во всѣ стороны, что не помогаютъ имъ ихъ скачки и крылья.... И наконецъ спасаемся мы за наши печки, куда не пойдетъ ни одинъ брюхоѣдъ, потому что боится западней и ловушекъ.... И чуть не каждый день идутъ у насъ битвы цѣлые длинные годы. Это безконечная, старая сказка. И нѣтъ конца нашимъ усобицамъ и распрямъ. Старые, сѣдые сверчки говорятъ, что наконецъ настанетъ время, когда улягутся всѣ раздоры, и всѣ мы сверчки по-братски сое-

динимся въ одинъ народъ, въ одно стадо... Да видно это блаженное время тогда настанетъ, когда ни одного сверчка на свѣтѣ не будетъ!—И сверчокъ пропѣлъ свое грустное, послѣднее: Чиль-Тиль! и замолкъ.

А маіоръ?... Но маіоръ уже давно ничего не говорилъ.

Свѣча догорѣла, самоваръ потухъ, трубка погасла, а самъ маіоръ лежалъ истымъ богатыремъ просто на полу подлѣ кресла, и храпѣлъ по-богатырски....

Ахъ! навѣрно теперь онъ былъ въ самой Ямайкѣ.

Максъ и Волчокъ.

Максъ проснулся поздно на своей маленькой постелькѣ. Солнце давно уже свѣтило сквозь кисейныя занавѣски. Уже два раза подходили и мамка, и дядька, и даже сама бабушка къ постелькѣ Макса, а онъ все спалъ. Онъ спалъ, потому что съ вечера уснулъ поздно. Съ вечера онъ все пѣлъ пѣсни и разсказывалъ сказки. Прыгалъ и хохоталъ. Насмѣшилъ и мамку и бабушку и дядьку.

— Ничего не подѣлаешь съ этимъ баловнемъ! ворчала бабушка, и все таки смѣялась. И нельзя было не смѣяться, потому что Максъ такъ уморительно передразнивалъ стараго беззубаго повара Демидыча и представлялъ, какъ онъ стряпаетъ тортъ изъ тараканомъ съ изюмомъ:

— Положу таракашку, сдѣлаю кашку, положу изюминку, утѣшу бабушку беззубинку: скажетъ спасибо, Демидычъ, больно мягко и сладко. — И Максъ хохоталъ, а за нимъ хохотала бабушка, а за ней мамка, а за ней, и дядька хохоталъ и приговаривалъ:

— Ну тебя! ложись, сударь. Сонъ прогуляешь, вдоль ночи попадешь. Нехорошо будетъ.

И наконецъ Максъ проснулся. И мамка, и дядька, и бабушка точно ожили. Какъ будто солнце открыло глаза и посмотрѣло на нихъ. Но Максъ всталъ не въ духѣ. Онъ хмурился и молчалъ. Молча пилъ чай съ густыми сливками и сладкими пирожками; молча, ходилъ грустный по комнатамъ. И мамка, и дядька, и бабушка оставили его въ покоѣ. Они знали, что это— чудно́й ребенокъ. И если всталъ лѣвой ножкой съ постели, то лучше не трогать его, а то какъ разъ расплачется и расхворается. И Максъ дѣйствительно совсѣмъ готовъ былъ заплакать. На сердцѣ у него, какъ говорилъ онъ, «было не тяжеле, а легче!»—это сердце постоянно замирало. И тоска и хандра давили это маленькое сердце. Но въ дѣвичьей увидалъ Максъ большаго слѣпня, который жужжалъ на окнѣ и стукался толстой головой о стекла.

— А что, если посадить этого слѣпня къ слѣпенькой бабушкѣ въ табакерку? подумалъ Максъ и улыбнулся. Бабушка добренькая. Она такъ любитъ меня. Она еще вчера подарила мнѣ такую славную книжку. Добрая бабушка! А я все-таки посажу тебѣ слѣпня въ табакерку!..

И Максъ ловитъ слѣпня и, разумѣется, тихонько отъ бабушки, садитъ его къ ней въ табакерку. И вертится онъ около бабушки, и ждетъ-не-дождется, когда она откроетъ табакерку. А бабушка все толкуетъ съ управляющимъ Карломъ Ивановичемъ, все

толкуетъ о лѣсѣ. И только что она начала волноваться и доказывать Карлу Ивановичу, что лѣсу убыло, какъ въ это самое время взяла она, вѣроятно отъ волненія, табакерку, понюхать табаку и открыла ее. И вдругъ табакерка зажужжала, табакъ во всѣ стороны, табакерка на полъ, слѣпень летитъ, гудитъ, точно обрадовался, а Максъ хохочетъ, хохочетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ цалуетъ у бабушки руки.

— Бабушка, вѣдь это я сдѣлалъ, я... я тебѣ слѣпня посадилъ!

— Что будешь дѣлать съ озорникомъ!?

И никто въ домѣ не знаетъ, что съ имъ дѣлать. Всѣмъ онъ надоѣлъ и всѣмъ онъ милъ. Такой шаловливый, и такой добрый и занятный. Всѣмъ надосадитъ и всѣмъ угодитъ. Всѣхъ разжалобитъ и всѣхъ насмѣшитъ.

— Бѣсъ ли его качаетъ, или ангелъ Господень умудряетъ? думаетъ мамка и ума не приложитъ. То молчитъ по цѣлымъ днямъ, и все ходитъ, и все думаетъ, думаетъ, и вдругъ расхохочется, или расплачется. То говоритъ безъ умолку. Примется разсказывать сказки, и всѣ его слушаютъ, и не могутъ надивиться: откуда это у него все берется. А больше всего сидитъ онъ за книгой. И эта книга и бабушкѣ, и мамкѣ, и дядькѣ какъ ножъ острый.

— А ты почитай немного, и будетъ, и отдохни! говоритъ бабушка. Но Максъ читаетъ безъ отдыха. Заберется куда нибудь, гдѣ ему никто не мѣшаетъ, и все читаетъ.

— Голубчикъ, батюшка, умоляетъ мамка, грудку надсадишь, головка опять будетъ болѣть, дай я книжечку спрячу!

А дядька ничего не говоритъ. Онъ просто утащитъ книгу и спрячетъ. Но отъ этого еще хуже бываетъ. Максъ разгрустится, расхандрится, и тогда никакой ужь книгой его не утѣшишь, не займешь!

Случилось разъ зимой, что Макса не пустили гулять въ садъ.

— Куда ты пойдешь, говорила бабушка, вьюга, холодъ!

— Не ходи, батюшка, уговаривала мамка, не ходи родной, простудишь грудку, головку, — видишь, ты какой хилый, тебя и въ комнатѣ-то надо въ охлопочкахъ держать.

И Максъ не пошелъ. Цѣлый день онъ дулся, хандрилъ, а вечеромъ вдругъ развеселился.

— Слушай, бабушка, я тебѣ сказку разскажу.

— Ну! разскажи, разскажи, мой забавникъ.

И Максъ принялся разсказывать. А изъ дѣвичьей тихонько ужъ выползли дѣвушки и расположились слушать, какую будетъ баричъ сказку разсказывать.

— Сѣялъ мужикъ рѣпку, началъ Максъ...

— Гречку, сударь, а не рѣпку, поправляетъ мамка.

— А ты не перебивай, а то я не буду разсказывать, обижается Максъ. — Сѣялъ мужикъ рѣпку, садилъ ее въ грядку. Которое сѣмячко попало на камешекъ, его птички склевали, которое попало между

грядокъ, его вѣтромъ сдуло, а одно сѣмячко попало въ теплый уголокъ, въ которомъ было много навозу.

— Вотъ какъ хорошо! говоритъ сѣмячко, и тепло, и мягко. Просто раздолье!

— Погоди, говорятъ ему другія сѣмячки, какъ бы съ большаго тепла не стало холодно.—Но сѣмячко ихъ не слушало и выпустило корешокъ прямо въ навозъ.

— Ну! сказали другія сѣмячки, тише ѣдешь, дальше будешь. Мы еще погодимъ.

И они ждали нѣсколько дней и потомъ начали рости. Ихъ маленькимъ корешкамъ было очень трудно. Земля была жесткая, холодная. Но за то корешки ихъ стали крѣпкіе, длинные, а у сѣмячка въ навозѣ самый кончикъ корешка совсѣмъ сгнилъ.

И вотъ пошелъ дождичекъ. Всѣ корешки начали пить воду и наконецъ сказали: Довольно; много нельзя пить.

— Какъ нельзя, почему нельзя! кричало сѣмячко, которому было тепло въ навозѣ. Такъ хорошо пить. Вкусно!—И оно пило, пило, такъ что весь корешокъ его налился водой.

Потомъ начали всѣ корешки раздуваться. Стебельки отъ нихъ выпустили много листьевъ — сами корешки стали рѣпками.

Долго-ли скоро-ли, наконецъ всѣ рѣпки выросли. И рѣпка въ навозѣ раньше всѣхъ. Она стала такой большой рѣпкой, пухлой, да нѣжной, что на всѣхъ смотрѣла гордо и спѣсиво.

— Вотъ видите ли, говоритъ она, какъ хорошо расти въ навозѣ!

— «Погоди! говорили другія рѣпки, осень придетъ, все разберетъ.

И вотъ пришла осень, холодно, сыро. Пошли дожди и дожди.

— Батюшки! кажется я лопну! говоритъ рѣпка въ навозѣ, до того мнѣ хорошо. Все-то я пью, да пью. — И она вся стала, какъ наливное яблоко!

— А намъ и такъ хорошо! сказали другія рѣпки. Мы къ холоду привыкли. А пить мы теперь ужь ни за что не станемъ.

И вотъ пришли холода, морозы. Всѣмъ рѣпкамъ ничего, хорошо. На холодѣ они повеселѣли. — Славный, говорятъ, холодъ! Здоровый холодъ.

Забрался морозъ и въ навозъ. Какъ только обхватилъ онъ рѣпку, что сидѣла въ навозѣ, она вся съёжилась.

— Батюшки! закричала она, братцы, сестрицы, помогите. Я совсѣмъ озябла!

А братцы и сестрицы всѣ засмѣялись.

— Паръ костей не ломитъ. Морозъ не сушитъ, сказали они. Намъ въ землѣ тепло, а ты и въ навозѣ озябла.

— Сосѣдка, родная, голубушка! проситъ рѣпка, посмотрите пожалуйста, я кажется хвостикъ себѣ отморозила.

— Онъ ужь у тебя давно сгнилъ, говоритъ сосѣдка! И давно стала ты пареной рѣпкой.

— Ухъ! Ахъ!.. брррръ! смерть моя, стонетъ пареная рѣпка. А морозъ все крѣпче и крѣпче жметъ ее.

Прошло нѣсколько дней. Настала пора дергать рѣпки. Пришелъ мужикъ и работники пришли.

Надергали рѣпокъ. Всѣ рѣпки какъ рѣпки: крѣпкія, жолтыя, здоровыя. Вытащили и пареную рѣпку.

— Тятя, закричалъ сынъ мужичка. Смотри, какая рѣпка большущая.»

Мужичокъ посмотрѣлъ на рѣпку и сказалъ: Сущая дрянь. Эта пареная рѣпка дряблая, да водянистая; никуда не годна.

И рѣпку выбросили въ помойную яму. Туда ей и дорога, а тебѣ, бабушка, вся сказка. Я пареная рѣпка, а кто будетъ навозъ—объ этомъ ты бабушка съ мамкой подумайте. Авось догадаетесь!

И Максъ захохоталъ и убѣжалъ.

А ночь цѣлую онъ не спалъ. Онъ все думалъ, отчего солнце не всегда грѣетъ такъ, какъ въ далекихъ теплыхъ странахъ. И какъ бы хорошо было, если бы постоянно было свѣтло и тепло. Если бы былъ вѣчный день и вѣчное лѣто.—Еслибъ я могъ, думалъ Максъ, я всѣхъ бы сдѣлалъ добрыми и красивыми. Всѣ у меня были бы сыты, ѣли вкусно, одѣвались хорошо. Всѣмъ бы было тепло и свѣтло.— И ему представлялось, какъ всѣ люди, со всего земнаго шара, толпятся, волнуются, какъ море. Онъ видѣлъ ясно, что всѣ были довольны и веселы. Вездѣ блестѣло золото и хрусталь. Вездѣ были цвѣты. Всѣ были въ такихъ яркихъ одеждахъ, и на всемъ былъ

чудный розовый отблескъ. Этотъ розовый свѣтъ носился волнами, и самые люди были какъ море; они шли толпами, волновались, какъ море, а тамъ, на дальнемъ горизонтѣ, тонули въ розовыхъ волнахъ, какъ въ лѣтній вечеръ тонетъ даль въ сумеркахъ розовой зари.

— Что ты, батюшка, не спишь, что все ворочаешься? спрашивала мамка. Спи съ Богомъ, со Христомъ!...

Но Максъ не слушалъ ея. Онъ лежалъ, не глядя ни на что и не закрывая глазъ. Ничего не видя и не слыша, онъ былъ весь внутри своего міра. И подъ музыку розовыхъ волнъ, изнутри пѣлъ ему голосъ чудную пѣсню:

Свѣте тихій! Свѣте дивный!
Все живетъ въ твоихъ волнахъ.
Мчатся звуки, льются звуки,
Счастьемъ, миромъ и надеждой
Вѣчной радостью звучатъ.
Свѣте тихій! Свѣте дивный!
Да исчезнетъ сумракъ лжи,
Тьма обмановъ, царство злобы;
И воскресшій, обновленный
Міръ, какъ агнецъ неповинный,
Отдохнетъ въ твоихъ волнахъ!
Свѣте тихій! Свѣте дивный!....

И пѣсня лилась, звучала безъ конца. У Макса выступали слезы на глаза, сердце билось и замирало. И наконецъ, весь измученный этимъ волненіемъ, утомленный, онъ заснулъ чуткимъ, нервнымъ сномъ, вздрагивая и тихо всхлипывая сквозь сонъ.

И опять на другое утро и бабушка, и мамка, и дядька долго подходили на цыпочкахъ и прислушивались, перешептываясь, какъ спитъ Максъ и смотрѣли на блѣдное, исхудалое личико его, на полуоткрытые глаза и разметавшіеся волосы. И опять Максъ всталъ поздно, и цѣлый день хмурился и скучалъ.— Правда, и день былъ пасмурный, снѣжный, только къ вечеру погода разгулялась, и низко отъ земли выглянуло красное солнце. Максъ смотрѣлъ на это заходящее солнце и тихо пѣлъ своимъ тонкимъ, мягкимъ голоскомъ:

Свѣте тихій, Свѣте дивный!!..

А мамка, и бабушка, и всѣ дѣвушки, подкравшись, слушали, какъ поетъ Максъ. Онѣ всѣ любили слушать его пѣсни, и эта пѣсня имъ сильно понравилась, хотя они и не понимали ее.

— Божественное поетъ! объясняла мамка и крестилась.

Разъ, въ одно жаркое лѣто, передъ самыми Петровками, Максъ нѣсколько дней ходилъ сумрачный и задумчивый. И бабушка, и мамка, и дядька, никто ничѣмъ не могъ развлечь его. Дядька сдѣлалъ ему удивительный самострѣлъ, которымъ даже можно было убить галку. Максъ посмотрѣлъ на самострѣлъ, и пошелъ прочь. Нянька принесла ему цѣлыхъ шестеро маленькихъ котятъ, которыхъ такъ любилъ Максъ. Онъ погладилъ котятъ, и снова ушелъ въ свою думу. Бабушка тихонько отъ него выписала ему изъ города

новыхъ хорошихъ книгъ. Максъ просмотрѣлъ ихъ и отложилъ въ сторону.

— Оставьте его барыня, сказала мамка, это онъ вѣрно ума набирается. И всѣ оставили его въ покоѣ съ его думой.

И вдругъ Максъ пропалъ. Пропалъ безъ слѣда въ самыя Петровки, когда и бабушка, и мамка, и дядька пришли отъ обѣдни и принялись разговляться. Искали Макса по саду, искали по всему дому. Макса не было. Стали искать по деревнѣ, по всему околодку. Нѣтъ Макса. Старый дядька измучился, ѣздивши повсюду, отыскивая. Мамка всѣ глаза выплакала. Бабушка слегла въ постель. Она сулила полъ-имѣнія тому, кто найдетъ Макса и сулила не жалѣючи. Вѣдь она была очень богата, а всего родни у ней во всемъ свѣтѣ только и было что Максъ. Но никто не могъ найти Макса.

Проходили дни за днями. Всѣ въ домѣ бродили, какъ въ чаду, толковали, спорили, бранились, хныкали, охали, ворожили, молились, ждали по цѣлымъ днямъ, не спали по ночамъ. А объ Максѣ все ни слуху, ни духу. Сгибъ и пропалъ, точно въ воду канулъ...

У бабушки, позади ея большаго дома съ колоннами, былъ большой лѣсъ. Этотъ лѣсъ шелъ далеко въ горы, и никто въ немъ не жилъ, кромѣ птицъ, лисицъ, волковъ и всякихъ мелкихъ звѣрей. Мамка Максова разсказывала, что въ этомъ лѣсу также живутъ Лѣшій и Русалки, но Максъ этому не вѣрилъ.

За то онъ вѣрилъ другому. Онъ вѣрилъ, что въ этомъ лѣсу было счастье всѣхъ людей; что тамъ, въ этомъ лѣсу, гдѣ не было ни одного человѣка—былъ Тотъ, у Кого онъ выпроситъ, да, непремѣнно выпроситъ — царство свѣта.

И онъ шелъ по этому лѣсу и тихо пѣлъ:

Свѣте тихій! Свѣте дивный!

Онъ прошелъ уже съ полверсты, озираясь по сторонамъ и прислушиваясь ко всякому шороху.—Ну, а если вдругъ выскочитъ волкъ и съѣстъ меня? спрашивалъ онъ себя. И у него замирало сердце, но онъ храбрился, молился и еще громче пѣлъ:

Свѣте тихій, свѣте дивный!...

Онъ шелъ по тропинкѣ, лѣсъ становился гуще, тропинка путалась въ кустарникѣ, и наконецъ совсѣмъ исчезла. Максъ подумалъ, перекрестился и пошелъ дальше; обходя кусты и деревья, и спотыкаясь о наваленный хворостъ и пни. Онъ шелъ съ добрый часъ. Лѣсъ становился гуще и темнѣе.

Вдругъ что-то зашумѣло, затрещало въ кустахъ. У Макса замерло сердце. Онъ хотѣлъ было закричать. Но тутъ онъ увидалъ, какъ изъ кустовъ вылетѣла какая то пестрая птица съ большимъ хвостомъ. Это была кукушка. Максъ ободрился, даже улыбнулся и пошелъ дальше.

Онъ прошелъ еще съ полверсты и совсѣмъ успокоился. И вдругъ снова что-то захрустѣло, зафыркало.

Максъ совсѣмъ поблѣднѣлъ и хотѣлъ бѣжать, но изъ кустовъ прямо подъ ноги Макса выбѣжалъ большой ёжъ. Онъ обнюхивалъ травку, пригнувъ голову къ травѣ и фыркалъ.

— Ахъ ты дуракъ! сказалъ Максъ, ты меня совсѣмъ испугалъ! и онъ подошелъ къ ёжу. А ёжъ свернулся клубкомъ и еще сильнѣе зафыркалъ. Максъ потрогалъ его иглы и пошелъ дальше.

— Не нужно бояться! подумалъ Максъ. Со мной Богъ!—Я его ищу!—Чего же я боюсь?

Но только онъ подумалъ это, какъ изъ-за груды валежника поднялся огромный медвѣдь. Онъ посмотрѣлъ на Макса и такъ страшно зарычалъ, что Максъ закричалъ неистово и, непомня себя, бросился бѣжать куда глаза глядятъ.

Онъ бѣжалъ долго, нѣсколько разъ падалъ, изцарапалъ въ кровь и руки, и лицо, вскакивалъ и снова бѣжалъ. Наконецъ силы ему измѣнили. Онъ остановился блѣдный, полуживой, задыхающійся, и сѣлъ на пенекъ. Онъ долго слушалъ, присматривался, не гонится-ли за нимъ медвѣдь. Но въ лѣсу было тихо. Никакого звука, ни шороха. Только высоко шумѣли все сильнѣе и сильнѣе вершины сосенъ. Набѣгали тучки, порывистый вѣтеръ проносился по лѣсу.

— Нѣтъ! подумалъ Максъ. Не мнѣ суждено свершить подвигъ. Я хилый мальчикъ, трусъ, пареная рѣпка, и больше ничего.—И горько плача, онъ пошелъ домой. Но къ дому не было дороги. Максу казалось, что онъ шелъ именно туда, гдѣ былъ домъ его бабушки,

а на самомъ дѣлѣ онъ шелъ совсѣмъ въ другую сторону. Онъ шелъ цѣлый часъ, думая, вотъ-вотъ покажется тропинка. Но тропинка не показывалась, какъ ни присматривался Максъ. Вездѣ кругомъ былъ дикій лѣсъ, и все сильнѣе и сильнѣе гудѣли его вершины.

Максъ пошелъ въ другую сторону. Ему страшно было сознаться, что онъ заблудился. Нѣсколько разъ ему казалось, что онъ попалъ на то мѣсто, по которому прежде шелъ. Вотъ и пенекъ обгорѣлый. Вотъ и кустъ волчьихъ ягодъ. Но чѣмъ дальше шелъ Максъ, тѣмъ больше попадалось ему кустовъ волчьихъ ягодъ и обгорѣлыхъ пеньковъ. А въ лѣсу стало совсѣмъ темно, и вдругъ яркая молнія освѣтила всѣ деревья. Почти вслѣдъ за ней разразился страшный громовой ударъ и раскатился далеко по всему лѣсу, а дождь зашумѣлъ, полился ливнемъ.

Максъ шелъ, спотыкаясь. Ноги его дрожали, мысли путались. Онъ шелъ и всхлипывалъ, наконецъ совсѣмъ выбился изъ силъ. Весь мокрый отъ дождя, онъ упалъ на сырую землю и громко изъ послѣднихъ силъ закричалъ:

— Бабушка! бабушка — гдѣ ты?!

— Это что за галка прилетѣла! закричалъ надъ нимъ какой-то тонкій, но сильный голосъ: — откуда Богъ послалъ!

И съ дерева, подъ которымъ лежалъ Максъ, началъ быстро и ловко спускаться другой мальчикъ. Онъ былъ одного роста съ Максомъ, но совсѣмъ не походилъ на него. Загорѣлый, весь оборванный, съ худыми, но

сильными ручонками, съ желтымъ, грязнымъ лицомъ, съ большими губами, приплюснутымъ носомъ, сѣрыми глазами и большими нечесанными волосами, которые торчали ежомъ во всѣ стороны.

— Откуда забрелъ? Али маменьку потерялъ? допрашивалъ мальчикъ Макса и толкнулъ его ногой.

Максъ приподнялся. — Это вѣрно лѣсной духъ? подумалъ онъ. Я увидалъ его. Значитъ умру здѣсь въ лѣсу и никогда не увижу ни бабушки, ни дядьки, ни мамки. — И онъ принялся еще сильнѣе плакать.

А мальчикъ наклонился надъ нимъ и началъ блеять по козлиному, передразнивая Макса.

— Мэ-э-э!... кричалъ онъ, вчерашній день потерялъ, сегодняшняго не нашелъ. О-о-о-о!, горе мое дѣвичье!

— Духъ! добрый лѣсной духъ! вскричалъ Максъ, ставъ передъ мальчикомъ на колѣна и складывая руки. — Выведи меня изъ этого лѣса, выведи меня къ бабушкѣ, и я обѣщаюсь никогда болѣе не заходить сюда и не тревожить тебя. Я заклинаю тебя Богомъ всемогущимъ, свѣтлымъ Богомъ. — Свѣте тихій! подумалъ онъ.

— Ха! ха! ха! захохоталъ мальчикъ. — Я такой же лѣсной духъ какъ ты, храбрый рыцарь. Вотъ ужь больше года я живу въ лѣсу, а никакихъ такихъ лѣсныхъ духовъ и лѣшихъ не видалъ, да и никогда не увижу. — А какая же такая твоя бабушка?

— Она тамъ живетъ, въ большомъ домѣ.—Максъ назвалъ бабушку.

— Фью! фью! фью! засвисталъ мальчикъ, такъ вотъ какая барыня твоя бабушка. Ну, къ ея деревнѣ я близко-то и не подойду, да и тебѣ дороги не покажу, да и дорога туда не близкая. Ея староста за мной не мало гонялся,—да еще съ собаками. Такъ вотъ ты какая птица! бабушкинъ внучекъ! Ну, по твоимъ слѣдамъ и меня найдутъ. Прощай! Лихомъ не поминай!

И онъ быстро пошелъ между кустами, стряхивая съ нихъ крупныя дождевыя капли и бодро шагая навстрѣчу вѣтру, обдававшему его дождемъ.

Максъ бросился за нимъ. Онъ понялъ, что это не лѣсной духъ, и ему опять стало страшно при мысли остаться одному въ этомъ темномъ лѣсу.

Мальчикъ остановился и обернулся. Онъ увидалъ, что Максъ гонится за нимъ, и поднялъ большой сучекъ.

— Только подойди, подойди! закричалъ онъ. Я тебя такъ отподчую, что ты и своей бабушки не узнаешь!

— Не оставляй меня одного! Ради Бога не оставляй! закричалъ отчаяннымъ голосомъ Максъ. Я умру здѣсь съ голоду. Меня съѣдятъ медвѣди или волки. Приведи меня къ бабушкѣ, и она тебѣ за это дорого заплатитъ.

Мальчикъ подумалъ и подошелъ къ Максу.

— Слушай, нюня! сказалъ онъ, къ бабушкѣ твоей я не пойду, и тебя не поведу, а съ собой, пожалуй, возьму. Только ты скажи сперва, какъ ты сюда попалъ.

— Я самъ пришелъ сюда... Я пришелъ молиться... долго, долго!

Мальчикъ посмотрѣлъ на него во всѣ глаза, раскрывъ ротъ, осмотрѣлъ его съ головы до ногъ и захохоталъ, всплеснувъ руками.

— Ахъ ты, Антонъ пустынникъ!.... закричалъ онъ. Да тебя не Антономъ-ли и зовутъ?!

— Нѣтъ, Максомъ.

— Ха! ха! ха! Максъ, Максъ... Настоящій маканый Максъ. — Ну! пойдемъ, Максъ, Максъ, ха! ха! ха!....

— А тебя зовутъ хохоткой? спросилъ обиженный Максъ.

— Меня? Нѣтъ, меня зовутъ зовуткой. А ты меня зови, какъ хочешь; Савкой, Сивкой, Буркой, Кауркой.

— Я тебя буду звать Волчкомъ, взглянувъ на него, сказалъ Максъ.

— Ну и на здоровье! А ты шагай, не отставай, а то опять одинъ останешься.

И Максъ торопился изо всѣхъ силъ, задыхаясь и спотыкаясь о пни.

— А ты смотри, не клюнь носомъ, предостерегалъ его Волчокъ, птицей назовутъ.

Они шли долго. Голодный, усталый, Максъ нѣсколько разъ готовъ былъ упасть въ обморокъ. Дождь пересталъ. Прояснило. Насталъ вечеръ. Наконецъ они вышли на большую поляну, которая была надъ крутымъ оврагомъ.

— Ну! вотъ мы и пришли на теплое мѣстечко, ска-

залъ Волчокъ. Коли здѣсь найдутъ, такъ въ оврагъ скатимся.

Максъ совсѣмъ повалился на сырую траву. Онъ едва дышалъ.

— Что?! допрашивалъ Волчокъ, размякъ пустынникъ?! Погоди, я огонька разведу. Будешь сухая тряпка, окрѣпнешь.

Онъ набралъ хворосту, сложилъ костеръ и зажегъ его.

Сырые сучки тихо разгорались. Они трещали и дымились, разбрасывая далеко искры. Изъ темнаго оврага вѣяло сырымъ холодомъ. Высоко сквозь вершины деревьевъ блестѣло потемнѣвшее небо.

— Господи! думалъ Максъ. Если я не умру, я не буду никому больше дѣлать никакого зла.

— У тебя, можетъ быть, въ брюхѣ голодунъ ходитъ? допрашивалъ его Волчокъ. Спишь, или нѣтъ?!

— Нѣтъ, чуть слышно отозвался Максъ.

— То-то.... А я пойду поищу чего-нибудь пожевать... Авось на твое счастье звѣрь попалъ.

И онъ всталъ и отправился въ чащу лѣса, ощупывая рукой мѣтки, которыя онъ прежде сдѣлалъ на деревьяхъ.

Потомъ онъ взлѣзъ на большую сосну, на которой были поставлены имъ силки. Въ силкахъ билась запутавшаяся куропатка.

— Ага! сѣрая барыня попалась! закричалъ Волчокъ,—и глаза его засвѣтились въ темнотѣ, какъ у настоящаго волчка. Онъ высвободилъ птицу изъ силковъ

и, держа ее высоко въ одной рукѣ, довольный, спустился съ дерева.

— Ну! Маканый Максъ, — сказалъ онъ, подойдя къ костру, около котораго лежалъ Максъ. Видно о твоемъ счастьи бабушка молится. И онъ поднесъ къ лицу Макса куропатку, которая сильно билась и трепетала, широко раскрывъ ротъ.—Видишь какую жирнуху будемъ ѣсть, такой ты и у бабушки не ѣдалъ.

Максъ быстро поднялся. Онъ посмотрѣлъ на куропатку. Даже при свѣтѣ костра ея пестрыя перья были красивы, а черные, большіе глаза смотрѣли такъ привѣтливо и жалобно.

— Волчокъ, спросилъ Максъ, неужели ты ее убьешь?!

— Нѣтъ! Зачѣмъ убивать. Я только ее немножко кокну, а потомъ изжаримъ и съѣдимъ.

— Волчокъ! Вѣдь она жить хочетъ. Сжалься надъ ней: пусти ее!

— А я развѣ тоже не хочу жить? Видишь, какой сладкій. Ты вѣрно у бабушки-то лепешекъ до тошноты наѣлся, а я съ вчерашняго вечера еще ничего не ѣлъ.

И онъ взмахнулъ куропаткой, чтобы ударить ее о камень. Но Максъ быстро схватилъ его за руку.

— Волчокъ! умолялъ онъ. Мы не умремъ съ голоду. Мы найдемъ кореньевъ, ягодъ... Мы найдемъ чего ѣсть. Развѣ мы звѣри хищные, волки, что будемъ душить бѣдную лѣсную птицу. Ахъ, Волчокъ! Ты разсуди, подумай, если каждый человѣкъ, если всѣ

люди будутъ жить всегда какъ звѣри, бить, убивать все, что имъ подъ силу, бороться и давить всѣхъ слабыхъ, тогда будетъ тяжело жить на свѣтѣ.

Волчокъ опустилъ руку. Максъ невольно попалъ ему въ больное мѣсто. Онъ быстро овладѣлъ рукой Волчка, въ которой была куропатка. Но только что хотѣлъ разжать ее, какъ Волчокъ съ силой оттолкнулъ его и съ размаху ударилъ птицу головой о камень, а потомъ бросилъ ее на землю.

Куропатка сдѣлала нѣсколько судорожныхъ движеній и умерла, вытянувъ шею и раскрывъ ротъ, изъ котораго потекла кровь.

Максъ отошелъ и легъ на то мѣсто, на которомъ прежде лежалъ. Ему было тяжело и досадно. Ему хотѣлось уйдти куда-нибудь дальше, но кругомъ былъ лѣсъ и темная ночь, которая казалась еще темнѣе отъ огня, около котораго сидѣлъ Волчокъ, а тотъ съ аппетитомъ общипывалъ куропатку и ворчалъ подъ носъ:

— Видишь, бабушкинъ мазунчикъ, маканый Максъ.... Кушай корешки на здоровье,... постный пустынникъ.... а мы и скоромнаго поѣдимъ,—и онъ нюхалъ свѣжую, жирную птицу. Потомъ онъ всталъ и подошелъ къ старой липѣ, въ которой было большое дупло. Это дупло служило ему вмѣсто складочнаго амбара. Онъ досталъ изъ него желѣзный прутъ, соль въ тряпочкѣ и кусокъ сала. Затѣмъ онъ вздернулъ куропатку на длинный желѣзный прутъ, обсыпалъ ее солью, обложилъ саломъ и началъ жарить ее надъ костромъ, какъ на вертелѣ.

— А ты не спи, говорилъ онъ Максу, сейчасъ жаркое поспѣетъ.... Ты, можетъ быть и дома-то мяса не ѣшь, или только однѣхъ куропатокъ не ѣшь? Эй, слышишь, маканый Максъ! Ѣшь или нѣтъ?

— Ѣмъ!... промычалъ Максъ сквозь зубы.

— То-то, пустынникъ. Я думаю, бабинька твоя нарочно для тебя теленка парнымъ молокомъ отпаиваетъ. Или цыплятокъ махонькихъ зарѣжетъ, да курникъ тебѣ состряпаетъ.... Ѣшь или нѣтъ?!

— Ѣмъ!... признался Максъ.

— То-то ѣшь! видишь злодѣй какой... А тутъ надъ куропаткой сжалился... а куропатка отличная. И Волчокъ обнюхивалъ ея зарумянившееся мясо, съ котораго, шипя, капало сало на огонь. — Самое пустынское кушанье!

И черезъ полчаса онъ снялъ ее съ прута и, обжигая руки, оторвалъ крылышко.

— Ммм!... Ворчалъ онъ, обгладывая его и облизываясь. Просто сахарная. На-ко пустынникъ. — И онъ оторвалъ другое крыло и часть грудины и поднесъ къ Максу. Ѣшь, гостемъ будешь.

— Я не хочу! проговорилъ, не хотя Максъ.

— Ѣшь! не спѣсивься. Мнѣ не жаль.

Максъ посмотрѣлъ на дымившійся кусокъ. Онъ такъ хорошо пахъ, а Максъ съ утра ничего не ѣлъ. Что-же, подумалъ онъ, вѣдь ужъ она теперь изжарена — И онъ съ аппетитомъ съѣлъ поданный кусокъ... и даже попросилъ еще ножку.

— Ну, сказалъ Волчокъ, обглодавъ до-чиста по-

слѣднюю косточку. Теперь давай сыпуна дѣлать.—И онъ свернулся подлѣ костра, подложивъ руку подъ голову. Соснемъ съ часокъ, а тамъ надо будетъ дровецъ въ огонь подложить. — И онъ зѣвнулъ и захрапѣлъ.

А Максъ долго не могъ заснуть. Онъ ворочался на жесткой землѣ и сырой травѣ. Ему чудился повсюду какой-то робкій шорохъ. — Не крадется ли къ намъ волкъ? думалъ онъ, и всматривался во всѣ кусты, сквозь которые чернѣла черная ночь... А Волчокъ нѣсколько разъ вставалъ ночью и подкладывалъ хворостъ въ огонь. Что! пустынникъ! спрашивалъ онъ въ просоньи. Что не спишь, али жестко? А ты бы пуховичекъ подъ себя подложилъ изъ камешковъ.

Только на разсвѣтѣ задремалъ Максъ и заснулъ какъ убитый... измученный и усталый. А надъ лѣсомъ вставало свѣтлое утро. Верхушки деревьевъ залѣли. Въ кустахъ громко запѣла малиновка.

~~~~~~~~

Болѣе мѣсяца прожилъ Максъ съ Волчкомъ въ лѣсу. Часто на него нападала неодолимая грусть и сильное желаніе увидать бабушку. Онъ молился Богу со слезами, чтобы Онъ вывелъ его изъ лѣса и довелъ до бабушки, но тутъ же вспоминалъ, что ему надо молиться о счастьи всѣхъ, а не о его собственномъ; на этой мысли онъ успокоивался. Нѣсколько разъ онъ старался выспросить Волчка, какъ выйти изъ лѣсу, но тотъ всегда отвѣчалъ очень коротко и ясно:
~~~~~~~~

— Ступай прямо, потомъ поверни на лѣво, заверни кругомъ и какъ разъ придешь, куда слѣдуетъ... А я тебѣ вотъ что скажу разъ навсегда — если ты вздумаешь бѣжать отъ меня, то я тебя брошу и тебя съѣдятъ волки.

И Максъ сильно этого боялся.

Иногда Волчокъ оставлялъ его одного подлѣ оврага, около большаго дерева, на которое онъ выучилъ его влѣзать, и за тѣмъ пропадалъ на день, даже на два. Онъ приносилъ съ собой всегда хлѣба, какой-нибудь провизіи и разныхъ вещей, которыя были имъ необходимы. Эти дни для Макса были самые тяжелые, но и къ этому страху онъ привыкъ, какъ и ко всему въ своей новой жизни—жизни лѣснаго бродяги.

Онъ полюбилъ лѣсъ. Въ немъ было столько разныхъ ягодъ и грибовъ, столько птицъ, за которыми Максъ вмѣстѣ съ Волчкомъ наблюдали по цѣлымъ часамъ. Они видѣли, какъ красноголовый дятелъ долбилъ большія сосны и раззорялъ гнѣзда другихъ маленькихъ птичекъ, вытаскивая и убивая ихъ дѣтей, за что всѣ птицы съ пискомъ гонялись за нимъ. Они видѣли, гдѣ и какъ каждая птица достаетъ себѣ кормъ, какъ живутъ землеройки, кроты и водяныя крысы. Порой, въ жаркій тихій полдень, когда по всему лѣсу стоялъ ароматный запахъ и солнце такъ сильно свѣтило на всѣ деревья и травы, Максъ и Волчокъ забивались куда-нибудь въ чащу, кусты, и смотрѣли оттуда, какъ тихо стоятъ не шелохнутся всѣ деревья, точно заколдованныя, какъ сильно жужжатъ

разныя пчелы, летая по лѣснымъ цвѣтамъ, какъ налетаютъ на бѣлыя, высокія, широко раскинутыя шапки дикой зори разныя мушки и золотые жуки, какъ перепархиваютъ съ вѣтки на вѣтку коноплянки, зяблики и воробушки, и громко чирикаютъ на всѣ голоса.

— Здѣсь хорошо! говорилъ Максъ, неправда ли, хорошо, Волчокъ?

— Хорошо, соглашался Волчокъ.

— Свѣтъ и тепло, божья благодать, думалъ Максъ.

И чѣмъ дольше онъ жилъ въ лѣсу, тѣмъ болѣе онъ ему нравился. Хорошъ онъ былъ въ свѣтлое, раннее утро, когда всѣ кусты и деревья, казалось, пробуждались отъ сна и расправляли свои листья, подставляя ихъ подъ первые лучи солнца, хорошъ онъ былъ и въ тихій, ясный вечеръ, когда перекликались, какъ будто нехотя, лѣсныя птицы, укладываясь спать, а соловей въ кустахъ начиналъ въ тихомолку свои первыя трели. Даже въ сырую дождливую погоду этотъ лѣсъ былъ хорошъ, и Максъ такъ покойно дремалъ на травѣ, подъ тихій, ровный шумъ мелкаго дождя, возлѣ тлѣвшаго и дымившаго костра.

И все, что думалъ и чувствовалъ Максъ, все онъ передавалъ товарищу своей лѣсной жизни, на все онъ указывалъ Волчку, и самъ Волчокъ мало по малу начиналъ сознавать ту красоту, то вліяніе тихой, полной жизни природы, котораго онъ прежде не чувствовалъ, или чувствовалъ безсознательно.

Нерѣдко, въ ясные вечера и душныя іюльскія но-

чи, Максъ много разсказывалъ Волчку про то, что онъ читалъ, разсказывалъ, какъ люди живутъ и въ Африкѣ, и въ Америкѣ, и даже на Островахъ Тихаго Океана. И Волчокъ съ жадностью слушалъ эти разсказы, но еще болѣе онъ любилъ тѣ сказки, которыя иногда разсказывалъ ему Максъ.

Разъ, послѣ долгаго, двухнедѣльнаго дождя, насталъ ясный, теплый вечеръ, которому Максъ былъ такъ радъ, потому что въ теплую погоду у него самого какъ будто тепло становилось на сердцѣ и ясно въ головѣ. Они сидѣли съ Волчкомъ на небольшой горкѣ подъ большими старыми соснами. Немного ниже спускался въ темную глубь каменистый оврагъ, по которому бѣжалъ ручей. Солнце, уже низко спустившееся къ землѣ, не грѣло, но какъ-то тепло свѣтило яркимъ краснымъ свѣтомъ и легкій туманъ поднимался изъ оврага.

Максъ разсказывалъ какую-то индійскую сказку. Волчокъ, подперши обѣими руками голову и полулежа на травѣ, внимательно слушалъ его. Максъ разсказывалъ, какъ далеко, надъ большимъ озеромъ, въ одной деревушкѣ, жила добрая, хорошенькая дѣвушка, Ананджара. Одинъ разъ въ эту деревушку пріѣхалъ съ охотой своей царь, Джама-Гафуръ, что значитъ владыка свѣта. Онъ посмотрѣлъ на Ананджару и попросилъ у ней пить. Она взяла чистый кувшинъ, налила его докрая въ холодной прозрачной водой, и подала ему пить.

— Человѣкъ утоляетъ жажду, сказалъ Джама-

Гафуръ, но благо ему, если онъ утолитъ свои желанія. — Ты правъ, господинъ, сказала Ананджара, но еще лучше для него, если онъ можетъ побороть ихъ. — Да! сказалъ царь, но жизнь безъ желаній— безплодная пустыня.

Въ другой разъ увидѣлъ царь Ананджару. Она сидѣла у дверей своей хижины и горько плакала.

— О чемъ твои слёзы? спросилъ Джама-Гафуръ.

— О! господинъ! слезы не могутъ утолить печаль мою. Дядя мой убилъ отца моего и ослѣпилъ мать мою. Наѣхали купцы и за долгъ увели брата моего и продали сестру мою въ невольницы. Раззоренъ домъ нашъ. Нѣтъ на землѣ правды и милости, и сердце мое переполнено горечью.

— Огнемъ страданія очищается сердце человѣческое! сказалъ царь. Я выкуплю брата твоего и возвращу тебѣ сестру твою. Пусть стихнетъ скорбь твоя. Встань и обойди полцарства моего и ты увидишь, можетъ быть, скорбь сильнѣе твоей.

И Ананджара обошла полцарства и пришла къ царю. Она поклонилась ему въ ноги и сказала:

— Ты правъ, господинъ, я видѣла скорбь сильнѣе моей. Я видѣла женъ, которыя умирали съ горя, потому что теряли все, что было дорого для нихъ на свѣтѣ, я видѣла матерей, которыя дѣлались безумными, потому что хоронили единственное дитя свое, я видѣла цѣлые города, раззоренные огнемъ и мечомъ, и трупы лежали на ихъ дымившихся развалинахъ.

— Принесите дорогія одежды, сказалъ царь. Пусть Ананджара одѣнется въ кисею и уберетъ себя золотомъ, жемчугами и камнями самоцвѣтными.

И Ананджара исполнила волю цареву; она одѣлась въ кисею и убрала себя золотомъ, жемчугомъ и камнями самоцвѣтными.

— Ты видѣла скорбь и сама испытала ее, сказалъ Джама-Гафуръ, и сердце твое теперь очищено. Оно будетъ полно правды и милости. Подойди ко мнѣ. Отнынѣ ты будешь царицею и супругой моей возлюбленной.

И заиграли трубы и возвѣстили радость цареву по всей землѣ.

Прошелъ годъ, и у Ананджары родился сынъ, наслѣдникъ царства, царевичь Брамаяни, но сердце Ананджары не радовалось.

— О чемъ ты все печалишься? допрашивалъ ее Джама-Гафуръ.

— Все о томъ же, господинъ мой, отвѣчала Ананджара. Много скорби въ царствѣ нашемъ и нѣтъ силъ у меня утолить ее.

И пошла она далеко въ пустыню, къ старому дервишу, который сорокъ лѣтъ не говорилъ ни съ кѣмъ. Три дня и три ночи пробыла она въ пустынѣ, умоляя дервиша.

И дервишъ наконецъ услышалъ ее, и сказалъ ей: Иди въ лѣса Джурма-Кули, тамъ живетъ злой дивъ, Альманджуръ. Онъ тебѣ поможетъ.

И пошла Ананджара въ лѣса Джурма-Кули, и про-

вела тамъ сорокъ три дня и сорокъ три ночи въ постѣ и молитвѣ, и наконецъ внялъ ея мольбѣ Альманджуръ.

— Въ твоемъ царствѣ, сказалъ онъ, царствуетъ злоба. Я могу ее уничтожить. Поди и убей своего супруга, царя Джама-Гафура, и не станетъ злобы.

— О! какъ я могу это сдѣлать?! сказала Ананджара. Возьми лучше мое сердце, какъ я могу убить моего возлюбленнаго супруга и царя моего!

Но Альманджуръ ничего не отвѣчалъ, и пошла отъ него Ананджура, обливаясь слезами.

— Если не будетъ въ людяхъ злобы, то будутъ они любить другъ друга, сказала она, и настанетъ миръ и довольство.

И она пришла къ царю и спросила его: Господинъ мой, что лучше, жизнь одного человѣка, или миръ и любовь людей многихъ?

И сказалъ ей царь: Миръ и любовь людей многихъ.

И она поцаловала его руки и ноги, облила его дорогимъ мирромъ и слезами, потомъ взяла острый ножъ и воткнула его Джама-Гафуру прямо въ сердце.

И сдѣлала она большой пиръ и похоронила царя подъ деревомъ Санандарамъ.

— Вотъ вамъ царь, сказала она царедворцамъ и показала на маленькаго сына, царевича Брамаяни.

И каждую ночь приходила она съ царевичемъ на гробницу царя и плакала горько, и отъ тѣхъ слезъ почти совсѣмъ ослѣпла.

Не стало злобы во всемъ царствѣ. Никто не пылалъ на другого гнѣвомъ, но стали люди ненавидѣть другъ друга, и стала ненависть ихъ еще сильнѣе, чѣмъ прежде.

И снова пошла Ананджара къ злому диву Альманджуру въ лѣса Джурма-Кули, и провела тамъ сорокъ три дня и сорокъ три ночи въ постѣ и молитвѣ и, наконецъ, внялъ ея мольбѣ Альманджуръ.

— Въ твоемъ царствѣ, сказалъ онъ, царствуетъ ненависть. Я могу ее уничтожить. Поди и убей своего единороднаго сына, царевича Брамаяни.

— О! сказала царица. Это выше силъ моихъ. Одна мнѣ осталась отрада въ жизни. Возьми лучше жизнь мою.

Но Альманджуръ ничего не отвѣчалъ,—и пошла отъ него Ананджара, и горе ея было безъ мѣры. И сказала она: Не будутъ люди ненавидѣть другъ друга, и настанетъ миръ и довольство.

И убила она царевича Брамаяни. Принесла его въ жертву богинѣ Кали. И надъ прахомъ царевича выплакала Ананджара послѣднія слезы. Глаза ея ослѣпли, волосы побѣлѣли, и стала она старой старухой.

И во всемъ царствѣ перестали люди ненавидѣть другъ друга, но стали они всѣ завидовать одинъ другому, и была ихъ зависть гораздо сильнѣе, чѣмъ прежде, и не было между ними мира и довольства.

И снова пошла Ананджара въ лѣса Джурма-Кули, но не могла она дойти, потому что обезсилило ее великое горе. Ночью упала она среди пустыни, и яви-

лась ей пери Аліара, та пери, которая сходитъ на землю черезъ три биліона милліоновъ лѣтъ, чтобы возвѣстить людямъ слово великаго Брама-Пури.

— Встань, сказала она Ананджарѣ. Никто не измѣнитъ волю премудраго Брама-Пури. На землѣ постоянно борятся зло и добро, и одно не можетъ быть безъ другого, таковъ удѣлъ земной жизни. Уничтоживъ гнѣвъ, ты уничтожила кротость, потому что тамъ, гдѣ нѣтъ гнѣва, никто не узнаетъ кротости, ибо нельзя отличить дня, невидавши ночи. Уничтоживъ гнѣвъ, ты умножила ненависть. Но люди любили другъ друга. Уничтоживъ ненависть, ты изгнала вмѣстѣ съ ней и любовь. Уничтожь теперь зависть, и ты истребишь послѣднее и самое высокое, что есть въ человѣкѣ, ты лишишь его самоотверженія. И всѣ люди разойдутся по лѣсамъ и будутъ жить, какъ дикіе звѣри, поѣдая другъ друга. Такова воля великаго Брама-Пури!

И сердце Ананджары перестало биться, ибо исполнилась мѣра ея горя и любви къ людямъ. Ея душа перешла въ тѣло птицы Ніали, что живетъ на высокихъ деревьяхъ надъ большими озерами. И по смерти этой птицы, она должна была перейдти еще пятьдесятъ три ступени и прожить пятьдесятъ тысячъ лѣтъ, для того, чтобы достичь восьмидесятаго царства Брама-Пури.

Максъ кончилъ сказку. Солнце давно уже закатилось. Тихіе, теплые сумерки окружали всѣ деревья.

— Хороша сказка? спросилъ Максъ.

— Дда! хороша, отвѣтилъ, нехотя, Волчокъ и на-

чалъ набирать хворосту, чтобы развести костеръ. — Только я тебѣ вотъ что скажу, началъ онъ, складывая сухіе сучья въ кучку. Все это можетъ быть и было когда-то, а теперь совѣмъ не то, теперь другое.

— Что же другое? спросилъ Максъ.

— А вотъ я тебѣ разскажу свою сказку.—И онъ зажегъ хворостъ сѣрной спичкой и раздулъ огонь. Теперь я тебѣ разскажу свою сказку, повторилъ онъ, и разлегся около костра.

— Не больно далеко отсюда, а гдѣ, это тебѣ все равно, стоитъ небольшой городъ. Въ этомъ городѣ большая фабрика. Тамъ ткутъ сукна, все тонкія, отличныя сукна. За одинъ аршинъ такого сукна платятъ столько, сколько мы съ тобой въ лѣсу не проѣли бы въ цѣлый годъ... Ну! И на этой фабрикѣ много такихъ мальчиковъ, какъ вотъ мы съ тобой. Только жить имъ хуже, чѣмъ намъ съ тобой, гораздо хуже. Ты слышишь, или нѣтъ?

— Слышу, сказалъ Максъ.

— Заставятъ, напримѣръ, тебя таскать воду въ сукновальню. Ну, и цѣлый день ты носишь по два ведра, такъ что всю грудь разломитъ и плечи станутъ, точно чугунныя. А если отстанешь отъ другихъ, такъ за это тебя вздуютъ, да съ такими, братецъ, сердцами, какихъ и твоя Ананджара невидывала. Какъ пробьетъ восемь часовъ и всѣ покончатъ работы, то расходятся по домамъ. Усталъ ты такъ, что тебѣ Божій свѣтъ не милъ, все въ тебѣ ноетъ. Битый ты, и голодный, и за все за это дадутъ тебѣ пятакъ, да и

то норовятъ вычесть изъ него три копѣйки штрафу... Ты слышишь или нѣтъ?

— Слышу, отозвался Максъ.

— И вотъ, идешь ты съ этимъ пятакомъ домой. А путь тебѣ не близокъ до твоей деревни. Идешь ты и думаешь: полно, не вернуться ли мнѣ назадъ на фабрику? Потому что... врутъ, братъ, люди, когда говорятъ, что вездѣ хорошо, а дома лучше. Дома, братъ, хуже. Тамъ тебя встрѣтитъ перво-на-перво дядя Андрей, мужчина здоровенный, кулаки-то у него будутъ съ тебя ростомъ, или развѣ-что немножечко побольше. Самъ онъ красный, какъ кумачъ, а носъ-то сизый, точно прачка подсинила его, да забыла прополоскать. И вотъ этотъ дядя-то родной зарычитъ на тебя, словно изъ пожарной трубы: Что долго нейдешь, гдѣ таскаешься, лѣнтяй, дармоѣдъ поганый! Опять, чай, грошъ принесъ!—Ну, и счастье твое, коли ты принесъ пятакъ, а не то согнутъ тебя въ бараній рогъ, закрутятъ тебѣ руки назадъ и начнутъ тебя по спинному хребту мазать жесткимъ, что твой кирпичъ, кулакомъ... Ты этого не отвѣдывалъ, нѣтъ?!

— Не отвѣдывалъ, пробормоталъ Максъ.

— Ну! и хорошо!... Какъ погладятъ тебя этакъ раза три, четыре, такъ ты и не узнаешь, гдѣ ты, на землѣ или въ небѣ, живъ ты или мертвъ. Наконецъ очнешься ты, встанешь, и только что вошелъ ты въ избу,—накинется на тебя твоя бабушка, старуха ехидная, злобы въ ней куды больше, чѣмъ въ цѣломъ царствѣ твоей Ананджары. И начнетъ она тебя приголубливать.

Честитъ, честитъ она тебя на всѣ корки, какъ у ней этта языкъ не вывернется. Доберешься ты, наконецъ, братъ, до своей стельки, до соломеннаго тюфяка, что жестче этой травы, на которой мы теперь съ тобою спимъ. Дадутъ тебѣ горшокъ прокислой, прогорклой каши, что свиньи не ѣдятъ и на томъ будь благодаренъ за всѣ протори и убытки... Одна только и есть тебѣ отрада. Придетъ къ тебѣ сестренка, Лизкой зовутъ, не многимъ она тебя моложе, а жизнь ея уже не лучше твоей. Подойдетъ она къ тебѣ и начнетъ тебя утѣшать, приголубливать. Добрая душа!... Ну иной разъ и оттолкнешь ее въ сердцахъ. Поди, дескать, прочь, весь свѣтъ постылъ, и ты не мила... Да ты слышишь, или нѣтъ?...

— Слышу!... проговорилъ Максъ, и слезы у него выступили на глазахъ.

— То-то слышишь... А мать-то у тебя жива или нѣтъ?

— Нѣтъ! Она умерла, когда я былъ еще очень маленькій.

— А мать... это, братъ отличная вещь. Она тебя и защититъ и приласкаетъ, лучше твоей бабушки. При матери-то легко жить. Ну, да недолго она нажила. Сегодня она, напримѣръ, хворостъ таскаетъ изъ лѣсу, завтра бѣлье полощетъ въ промерзлой рѣкѣ, или бумагу треплетъ на мануфактурѣ. Не доспитъ, не доѣстъ, да и ѣсть-то нечего. Чего и найдетъ, все намъ тащитъ, дѣткамъ своимъ... Точно мы для нея не наказанье, а утѣха...

Голосъ Волчка задрожалъ и оборвался.

Максъ слушалъ его съ открытымъ ртомъ. Онъ хотѣлъ что нибудь сказать ему, и ничего не могъ.

— А надо тебѣ сказать, началъ опять Волчокъ, что у матери есть три брата родныхъ; старшаго зовутъ Стёпаномъ. Онъ баринъ, настоящій баринъ. И денегъ у него столько, что цѣлую деревню можно три года кормить до-сыта. Въ городѣ у него три дома большущихъ, да сигарная фабрика. Разъ онъ проѣзжалъ этта мимо насъ и мнѣ далъ леденецъ, только я его не ѣлъ, а свиньямъ выбросилъ. Мать, бывало, пойдетъ и проситъ у него Христа ради. Только онъ ей почти никогда ничего не давалъ. — Съ нищими, говоритъ, связалась, къ нищимъ и ступай, а я тебѣ не братъ. — Ну! заплачетъ и пойдетъ. Впрочемъ братомъ-то онъ никому не былъ, хоть и было ихъ три брата: — онъ, да дядя Петръ, да дядя Самуилъ. У Петра — кирпичный заводъ — все машинами кирпичъ работаютъ, а у Самуила завода никакого нѣтъ, а столько, говорятъ, денегъ и всякихъ дорогихъ вещей въ сундукахъ, что на нихъ можно три города купить со всѣми заводами; только живетъ онъ хуже всякого нищаго — настоящій скаредъ, значитъ. И у всѣхъ этихъ трехъ братьевъ не то зависть, не то ненависть, а должно быть то и другое съобща. И ругаютъ они другъ друга, и грызутся, какъ волки. Къ брату Петру мать тоже разъ ходила — только онъ въ нее кирпичемъ запустилъ: — Ступай! закричалъ онъ, побирушка! чтобы и духу твоего здѣсь не было! — И послѣ этого она цѣлый годъ

хромала, потому что кирпичъ-то попалъ ей не въ голову, а въ ногу. Ну! а когда у ней привязался этотъ кашель,—такъ она и совсѣмъ ходить не могла. Такъ вотъ и исхудала вся—и померла. Тогда дядя Андрей меня послалъ къ общинному старостѣ просить, чтобы мать похоронили. Староста пришелъ и сильно бранился. — Вы, говоритъ, все пьянствуете, а не работаете. — Но все-таки мать похоронили на мірской счетъ. А дядя Андрей цѣлый день пилъ—и старые башмаки матери, и рубашку, и одёжу — все пропилъ,—и мнѣ немного водки далъ — только потомъ у меня съ нея голова болѣла.

И вотъ одинъ разъ случилась исторія. Былъ у насъ на фабрикѣ мальчишка, ледащій, да худенькій такой точно вотъ ты (и Волчокъ покосился на Макса),—и привязался къ нему этотъ кашель, такъ что работать онъ уже не могъ, и только приходилъ иногда чего нибудь поѣсть. Ну, мы ему и давали какую нибудь корку; потому что съѣсть онъ много не могъ, а все-таки и съ голоду не помиралъ. Вотъ приходитъ онъ разъ, еле дотащился, идетъ и валится, а кашель его такъ и одолѣваетъ. Дали мы ему корокъ—не ѣстъ:— не хочу, говоритъ, — а самъ сѣлъ на колышекъ и плачетъ. Дѣло было къ вечеру. Обступили мы его, да и потѣшаемся. — Кисель ты, кисель, говоримъ, о чемъ ты киснешь?! — Мнѣ надо бы пятакъ! — говоритъ,—я, говоритъ, завтра помру—такъ мнѣ хотѣлось бы мамонькѣ на память обо мнѣ пятакъ оставить, — а самъ такъ и плачетъ. — Ну! тутъ всѣ захохотали.

Видишь, говорятъ, нѣжный какой!—прямой кисель!— А на меня вдругъ блажь нашла. Держу я это въ карманѣ въ кулакѣ пятакъ — да такъ меня и тянетъ отдать ему. А онъ смотритъ на меня. Глаза у него большіе, большіе, слезы изъ нихъ такъ и бѣгутъ, а самъ онъ какъ будто смѣется, и кашель-то его душитъ. — И не знаю я, какъ это случилось, только вынулъ я пятакъ и бросилъ ему на колѣни, такъ что всѣ даже на меня оглянулись, а онъ, Сенька-то, схватилъ этотъ пятакъ, какъ кошка,—ухватилъ его, прижалъ къ груди, да вдругъ покатился, покатился, задрыгалъ ногами и померъ, а изо рта у него кровь пошла ручьями. Тутъ мы испугались. Пошли за прикащикомъ. Пришелъ прикащикъ, посмотрѣлъ и началъ браниться. — Вы, говоритъ, бѣду дѣлаете, за васъ тутъ отвѣчай. Сколько разъ говорилъ вамъ, подлецамъ, не пущайте на фабрику постороннихъ людей. Всѣхъ васъ, скотовъ, колотить надо. Только вы тогда и слушаетесь.—А это, говоритъ, что у него въ рукѣ?— «Пятакъ, говорятъ, далъ ему вотъ,—на меня показываютъ. — Тутъ онъ на меня накинулся.— Ты откуда, закричалъ, такой богачь выискался? Ты получаешь фабричныя деньги изъ кассы, да раздаешь ихъ нищимъ, постороннимъ людямъ. А!

И нагнулся онъ надъ Сенькой-то, надъ мертвымъ, и хотѣлъ выхватить у него пятакъ изъ руки, а рука-то у него хруснула, вырвалъ пятакъ и положилъ его въ жилетъ:—Вишь, говоритъ, мошенники, нищихъ прикармливаютъ фабричными деньгами. Я васъ, говоритъ,

всѣхъ, говоритъ, завтра же по шеямъ съ фабрики, богачи! — А послѣ погрозилъ кулакомъ и ушелъ. Всѣ молчатъ. Посмотрѣлъ я на всѣхъ, повернулся и пошелъ домой. И какъ я дошелъ до дому, не помню. Все мнѣ мерещится Сенька мертвый, и какъ у него, у мертваго, прикащикъ отнимаетъ пятакъ, и въ карманъ къ себѣ кладетъ. Добрелъ я до дому, тутъ сейчасъ встрѣтилъ меня дядя Андрей и спрашиваетъ: — Гдѣ пятакъ? — Пропилъ! говорю. Ну! принялся онъ меня тузить; билъ, билъ и все мнѣ кажется мало. — Ну-ка! еще говорю, а ну-ка еще! Наконецъ ударилъ онъ меня по виску, я и обезпамятѣлъ. Сколько лежалъ — не знаю. Ночь ужъ была, когда очнулся. Слышу, кто-то плачетъ надо мной. Смотрю — Лизка хнычетъ. Всталъ я, оглядѣлся, и со всей-то силы ударилъ ее. Потомъ пошелъ, не знаю куда, — и бродилъ, должно быть, цѣлую ночь. Какъ бродилъ, ничего не знаю, а на утро очутился въ этомъ лѣсу. И съ тѣхъ поръ лишь здѣсь и живу. Никто меня не бьетъ, пятаковъ нѣту, кругомъ хорошо, тихо, мирно. Краса и благодать — чего лучше?

И Волчокъ замолчалъ; оглянулся кругомъ на деревья, которыя словно спали въ ночной темнотѣ, и уставился неподвижно на тихо догоравшіе уголья костра. А Максъ всталъ и подошелъ къ нему. Лицо его горѣло, изъ глазъ текли слезы.

— Митя! сказалъ онъ, Митя! и онъ нагнулся къ нему, и оперся рукой на его плечо. Въ первый разъ онъ называлъ Волчка — Митей, и давно, очень давно

Волчокъ не слыхивалъ этого имени. Онъ еще ниже потупилъ голову и еще пристальнѣе сталъ смотрѣть на уголья.

— Митя! сказалъ Максъ. — Это не хорошо! Ты не долженъ жить здѣсь въ лѣсу.

— Отстань! сказалъ Митя и оттолкнулъ Макса. Но Максъ не отсталъ. Онъ сѣлъ подлѣ Мити.

— Митя! сказалъ онъ. Ты не сердись. Ты подумай, если всѣ, кому нехорошо жить, просто разойдутся по лѣсамъ, то кто же будетъ стараться, чтобы жить было лучше?

— А ты развѣ не ушелъ въ лѣсъ? Молиться пришелъ! Что-жъ не молишся? попрекнулъ его злобно Волчокъ.

— Ахъ! Митя! вскричалъ Максъ, и схватилъ себя обѣими руками за голову. Что говорить обо мнѣ. Я дрянь, я пареная рѣпка, и ничего больше. Но ты, ты, Митя, сильный, крѣпкій. Тебѣ грѣшно, стыдно жить такъ. Ты долженъ бороться, защищать слабыхъ отъ сильныхъ, если у нихъ камень вмѣсто сердца.

— Вѣдь ты же разсказывалъ сказку, что безъ гнѣва или злобы не будетъ любви. Ну и хлопотать, значитъ, не о чемъ!

— Что сказка! Не вѣрь ей, Митя. И злоба, и гнѣвъ—все это силы. Они могутъ превратиться въ твердость, терпѣніе, мужество, мало-ли во что. А любовь можетъ остаться. Мы этого ничего не знаемъ. Но только вѣдь, Митя, что впереди будетъ — лучше! И глаза Макса, немного потухшіе, снова заблестѣли.

Впереди свѣтъ, добро, истина. Надо завоевать ихъ, надо бороться со зломъ. Что за диво, если погибнешь въ борьбѣ. Другіе тебя замѣнятъ, — память о тебѣ останется. Митя! иди, будь храбръ, — разсчитывай, соображай, пользуйся случаемъ. Митя!—и онъ наклонился надъ нимъ: подумай хоть о своей сестрѣ, о бѣдной Лизѣ, — она слабая, любящая, остается безъ помощи, въ тяжелыхъ рукахъ — выведи хоть ее на дорогу, помоги ей.

Волчокъ ничего не отвѣчалъ. Онъ лежалъ, опустивъ лицо въ землю, щипалъ траву, грызъ ее и разбрасывалъ. И Максъ не видалъ, что выражало это лицо и что по этому лицу катились слезы.

— Ну! все это..... завтра! проворчалъ Волчокъ,— утро вечера мудренѣе! И онъ махнулъ рукой и, не оборачиваясь къ Максу, отошелъ отъ костра и развалился на травѣ, возлѣ большаго орѣховаго куста.

Но завтра случилось то, о чемъ не думали, чего не предвидѣли ни Максъ, ни Волчокъ.

Максъ долго не могъ уснуть. Онъ соображалъ и придумывалъ, какъ-бы это все устроить, чтобы Волчокъ могъ бороться и вышелъ бы изъ борьбы съ торжествомъ. Планы одинъ другаго фантастичнѣе, сложнѣе, неисполнимѣе, роились въ пылкой, маленькой головкѣ. И только передъ разсвѣтомъ усталыя мысли запросили отдыха, и тяжелый, болѣзненный сонъ обхватилъ эту головку.

А Волчокъ давно крѣпко спалъ, какъ онъ никогда не спалъ во все время своей лѣсной жизни.

Порой казалось Максу сквозь сонъ, что какой-то гулъ проносится надъ нимъ, что-то обдаетъ его жаромъ и смрадомъ. Наконецъ, онъ ясно почувствовалъ, что его ноги чѣмъ-то сильно обожгло. Онъ проснулся, опомнился, и въ ужасѣ отскочилъ. Передъ нимъ цѣлой, сплошной, клубящейся стѣной поднимался густой дымъ и застилалъ небо. И въ этомъ дыму прыгали, метались огненные языки, и съ трескомъ и гуломъ горѣли деревья.

Онъ бросился къ Волчку. Еще нѣсколько мгновеній, и огонь обхватилъ бы тотъ орѣховый кустъ, подъ которымъ спалъ Волчокъ, какъ убитый.

— Митя! Митя! вставай, расталкивалъ его Максъ.

Волчокъ очнулся, взглянулъ, вскочилъ, быстро схватилъ Макса за руку, и оба стремглавъ бросились въ узкое отверстіе, между пылающими кустами, сквозь дымъ и тучи искръ. Кругомъ всей поляны, на которой они были, пылалъ лѣсъ, къ оврагу не было прохода.

Они бѣжали, какъ безумные. Пыломъ и дымомъ обдавало, душило ихъ. Къ счастью, вѣтеръ былъ слабъ. Черезъ полчаса они оставили за собой пожаръ, усталые, измученные прошли тихимъ шагомъ еще съ версту и, остановившись на небольшой прогалинкѣ, опустились на землю, измученные до изнеможенія.

— Вѣрно искру раздуло и набросило на хворостъ, что я сложилъ подлѣ костра, сказалъ Волчокъ и взглянулъ на Макса.

Блѣдное лицо Макса было испугано, глаза остолбенѣли. Волчокъ улыбнулся.

— Что, пустынникъ, сказалъ онъ, тяжело дыша, — обжогся? хорошо въ лѣсу жить?!

Но Максъ ничего не могъ отвѣтить: онъ совсѣмъ опустился и едва дышалъ.

— Вздохнемъ немного, да опять припустимъ, а не то красный пѣтухъ какъ разъ догонитъ; онъ вѣдь безъ ногъ бѣжитъ, только земля дрожитъ.

И онъ нагнулся и приложилъ ухо къ землѣ. Видишь, какъ гудётъ, никакъ ближе подходитъ!

Онъ приподнялся и началъ нюхать воздухъ по вѣтру.

— Гарью пахнетъ! пробормоталъ онъ и оглянулся.

Въ сторонѣ, въ кустахъ зашелестило, и три зайца выскочили на прогалинку, одинъ за другимъ, и всѣ присѣли на заднія лапки.

— Фью, фью, засвистѣлъ Волчокъ, али ушки спалили?

Зайцы покосились, повертѣли ушами въ разныя стороны и вдругъ всѣ разомъ вскочили и унеслись въ чащу.

Вылетѣлъ большой тетеревъ, онъ тяжело махалъ крыльями, раскрылъ ротъ и низко надъ землей пронесся вслѣдъ за зайцами.

Пролетѣло съ пискомъ нѣсколько маленькихъ птичекъ. Сильнѣе запахло гарью и вдали показался дымъ, какъ синеватый туманъ.

— Ну, и намъ пора, сказалъ Волчокъ, вставая.

— Бѣжимъ! и онъ схватилъ опять Макса за

руку, приподнялъ его съ земли и почти поволокъ за собой.

Они шли скоро и долго. У Макса подгибались ноги. Онъ поминутно падалъ. Жажда томила его, въ горлѣ все поресохло.

— Ну! сказалъ Волчокъ, спускаясь въ долину, гдѣ бѣжалъ ручей. Сюда не доберется, а если и доберется, такъ не съѣстъ, мѣсто чистое.

И онъ также, измученный, усталый, повалился на землю.

Вѣтеръ стихъ, пожаръ остановился вдалекѣ отъ нихъ. Пошелъ дождь, мелкій и холодный.

Немного отдохнувъ, Волчокъ напоилъ Макса изъ холоднаго ручья. Но ни эта холодная вода, ни холодный дождь не освѣжили его. Въ немъ все горѣло.

Волчокъ принялся собирать хворостъ, сложилъ костеръ и зажегъ его.

— Авось теперь не сгоримъ! сказалъ онъ, усаживаясь возлѣ Макса.

Солнце стало закатываться, и долго, нѣсколько часовъ, неподвижно лежалъ Максъ на землѣ.—Волчокъ всталъ.

— Пойдти поглядѣть, не найдешь ли жаркого? сказалъ онъ.

Онъ проходилъ часа два и дѣйствительно вернулся съ жаркимъ. Онъ принесъ тетерьку, которую всю опалило около ея гнѣзда. Не хотѣлось ей, бѣдной матери, бросить яица, на которыхъ она сидѣла, и она живая сгорѣла около этихъ яицъ. Принесъ онъ двухъ

варокушекъ и дрозда, тоже опаленныхъ. Наконецъ, принесъ трехъ маленькихъ зайчиковъ. Ихъ задушило дымомъ.

— Вотъ, сказалъ Волчокъ, нагибаясь надъ Максомъ, смотри, какую благодать притащилъ. И пожаръ можетъ на что нибудь пригодиться.

Максъ открылъ глаза, посмотрѣлъ и не пошевельнулся.

— Дай пить! сказалъ онъ чуть слышно, жадно глотая влажный, холодный воздухъ,—но и этотъ воздухъ казался ему горячимъ.

Волчокъ далъ ему пить холодной воды.

— Видишь, пустынникъ, сказалъ онъ какъ-бы про себя, въ раздумьи, — свалился, точно опаленный зайчикъ.

Потомъ онъ принялся дожаривать тетерьку на вертѣлѣ, который принесъ съ собой.

Но какъ онъ ни подчивалъ Макса этой тетерькой, Максъ только отвертывался и говорилъ чуть слышно: Не могу.

Для Волчка можетъ-быть въ первый разъ въ его лѣсной жизни настали трудные дни.

Цѣлыхъ двѣ ночи и два дня не отходилъ онъ отъ Макса; а Максъ то лежалъ въ забытьи, то быстро приподнимался и хотѣлъ бѣжать, но тотчасъ же опять падалъ.—Пожаръ, пожаръ! бормоталъ онъ, поводя дикими испуганными глазами, и весь дрожалъ, и снова забывался, и лежалъ по цѣлымъ часамъ въ полномъ безсильи.

И точно также въ безсильи сидѣлъ надъ нимъ Волчокъ, незная какъ и чѣмъ помочь. Онъ вспоминалъ, какъ лежала больная его мать, и какъ умерла она точно также безъ всякой помощи. Вспоминалъ онъ, что вообще въ ихъ деревнѣ люди не лѣчились, и больные лежали, а здоровые дѣлали свое дѣло, заранѣе зная, что должно совершиться что нибудь одно изъ двухъ: перможется—оживетъ, не переможется—умретъ.

И съ этимъ самымъ тяжелымъ вопросомъ сидѣлъ теперь Волчокъ надъ Максомъ, изрѣдка перекладывая его со взмокшей травы куда нибудь на сухое мѣсто и стараясь въ кустахъ спрятать его отъ дождя.

На третій день дождь пересталъ. Прояснило. Солнце закатывалось, краснѣя сквозь неулегшійся дымъ. Въ лѣсу было тихо. Тихо перекликались птички на высокихъ деревьяхъ, и тихо стояли эти деревья, краснѣя своими верхушками.

Максъ вдругъ приподнялся. Впалыя щеки его горѣли. Широко раскрытые глаза блестѣли. Но въ нихъ уже не было дикаго огня;—они свѣтились, какъ у здороваго—кротко и восторженно.

— Митя! сказалъ Максъ и слабый голосъ его былъ твердъ и ясенъ. Митя, я скоро умру.

— Зачѣмъ умирать, сказалъ Волчокъ, поддерживая его. Умирать не надо.

— Я умру, повторилъ настойчиво Максъ,—я это знаю. Мнѣ это сказалъ кустъ, подъ которымъ я лежалъ.

— Опять бредитъ, подумалъ Волчокъ.

— Я не брежу, Митя, сказалъ Максъ, точно онъ зналъ всѣ мысли Волчка. Кустъ мнѣ много разсказывалъ. Онъ разсказывалъ, какое страшное дѣло совершилось на той землѣ, на которой онъ выросъ. Здѣсь братъ убилъ брата. Но кустъ никому не велѣлъ разсказывать о томъ. Онъ выросъ изъ крови убитаго брата.

Максъ заплакалъ и задумчиво сидѣлъ нѣсколько мгновеній, съ трудомъ тяжело дыша.

— Митя, заговорилъ онъ опять тѣмъ-же слабымъ, но твердымъ голосомъ, у меня до тебя двѣ просьбы. Вотъ это,—онъ дрожащей рукой распахнулъ рубашку на груди и съ трудомъ, при помощи Волчка, снялъ съ шеи маленькій крестикъ. Вотъ это, Митя, отнеси къ бабушкѣ. Это для нея будетъ утѣшеніе за все горе разлуки со мной. Митя! исполни это.

— Хорошо, сказалъ Волчокъ и надѣлъ крестикъ на себя.

Максъ опять помолчалъ нѣсколько секундъ. А другая моя просьба, началъ онъ и приподнялъ голову, другая просьба—вѣрь, Митя, вѣрь, что когда нибудь всѣмъ будетъ лучше жить; вѣрь и борись во имя этой вѣры. Впереди свѣтъ, Митя, и онъ протянулъ правую руку впередъ и глаза его заблестѣли еще сильнѣе. Я вижу этотъ свѣтъ.

И другой рукой, горячей и дрожащей, Максъ крѣпко сжалъ руку Волчка.

Волчокъ смотрѣлъ впередъ, куда глядѣли блестящіе глаза Макса и была протянута рука его. Тамъ сіяла

заря. Свѣтлое легкое золотистое облако стояло надъ яснымъ закатомъ. Максъ тихо шепталъ:

Свѣте тихій, свѣте дивный!

Но этотъ свѣтъ незамѣтно угасалъ, и какъ будто вмѣстѣ съ нимъ погасала жизнь Макса; глаза его потухали и, не мигая, смотрѣли впередъ на свѣтлое облако. Рука опустилась. Румянецъ сбѣжалъ съ впалыхъ щекъ, и желтыя, мертвенныя тѣни разливались по лицу. Наконецъ тяжелый, громкій вздохъ съ тихимъ стономъ вырвался изъ его судорожно подымавшейся груди. И Волчку показалось, что въ этомъ вздохѣ вылетѣло все горе, вся боль тяжелой земной жизни.

Онъ еще нѣсколько мгновеній держалъ въ дрожащихъ рукахъ тѣло Макса.

Онъ не вѣрилъ. Ему казалось, что передъ нимъ еще живъ товарищъ его лѣсной жизни, котораго онъ, не зная самъ какъ, полюбилъ крѣпко, всей силой прочнаго, глубокаго чувства.

Тѣло начало холодѣть. Онъ высвободилъ свою руку изъ окоченѣвшей руки Макса и тихо опустилъ его на траву.

Потомъ онъ долго сидѣлъ надъ нимъ и смотрѣлъ, какъ погасало и какъ-бы расплывалось, уносилось въ глубокую даль, свѣтлое облако.

Наконецъ отъ него ничего не осталось. Только заря сіяла розовымъ сіяніемъ, а кругомъ спалъ лѣсъ, какъ и всегда безстрастный и ни о чемъ не думавшій.

Волчокъ сидѣлъ, тоже ни о чемъ не думая. Онъ хотѣлъ переломить, заглушить въ себѣ нестерпимую боль тяжелаго одиночества, и не могъ.

Наконецъ онъ застоналъ какъ-то дико, глухо, потомъ все громче и громче и, обхвативъ трупъ Макса, зарыдалъ, завылъ на его груди.

Долго рыдалъ и трепеталъ онъ на этой груди, пока слезы не смыли всей тяжелой злобы съ его наболѣвшаго сердца.

Потомъ онъ просидѣлъ почти всю ночь надъ трупомъ въ грустной и глубокой думѣ. Планы новой жизни, крѣпкой, упорной, со всей тяжестью тяжелаго труда, развертывались передъ нимъ. Теперь онъ жаждалъ борьбы, онъ вѣрилъ, онъ надѣялся, онъ любилъ.

Передъ разсвѣтомъ уставшая голова его начала кружиться и, не помня какъ, онъ тихо свалился на траву, подлѣ тѣла Макса, и заснулъ тяжелымъ, зловѣщимъ сномъ.

Этотъ сонъ былъ похожъ на кошемаръ. Кровь приливала то къ головѣ, то къ сердцу, и страшные, отвратительные призраки толпились вокругъ него и пугали его.

Эти призраки были великаны, темные, костлявые, съ какими-то мертвыми лицами, съ неподвижными, широко раскрытыми бѣлками слѣпыхъ глазъ. Длинными руками они таскали что-то тяжелое, и бросали это тяжелое въ огромный ровъ, яму, могилу, бездну: что это было такое—Волчокъ не могъ рѣшить.

Съ ужасомъ подошелъ онъ къ одному изъ этихъ

таинственныхъ призраковъ и спросилъ его, что они дѣлаютъ.

— Кладемъ фундаментъ, сказалъ призракъ, глухимъ, нечеловѣческимъ голосомъ. Посмотри и увидишь!»

И Волчка сильно потянуло заглянуть въ этотъ таинственный ровъ,—онъ не хотѣлъ подойти къ нему, и между тѣмъ, помимо его воли, онъ, не слыша ногъ подъ собою, какъ будто летѣлъ, подплывалъ незамѣтно къ окраинѣ страшнаго рва.

И наконецъ онъ заглянулъ въ него.

Въ неизмѣримой зіявшей глубинѣ рядами лежали человѣческіе трупы, освѣщенные блѣднымъ луннымъ сіяніемъ. Многіе изъ нихъ были страшно изуродованы, въ крови, съ отрубленной головой, съ оторванными членами.

— «Не достаетъ одного въ ряду! послышался глухой повелительный голосъ.

И Волчку показалось, что это объ немъ говорятъ. Сердце остановилось у него въ груди. Онъ хотѣлъ отойти отъ ямы, и не двигался. Руки, ноги его точно окаменѣли, онъ хотѣлъ закричать и только могъ прошептать: Помилуй!..

Костлявыя руки подхватили его, и ему показалось, что по немъ съ глухимъ стукомъ покатились какія-то тяжелыя колеса, и онъ упалъ въ ужасную бездну, и очутился подлѣ холоднаго трупа. Онъ силился оттолкнуть его, приподняться—и не могъ. Наконецъ, онъ громко, дико вскрикнулъ—и проснулся.

Онъ лежалъ по прежнему подлѣ Макса, рука въ руку. Солнце всходило и громко щебетали птицы въ лѣсу.

Долго сидѣлъ Волчокъ передъ неподвижнымъ трупомъ. Наконецъ, всталъ, поднялъ и понесъ его.

Былъ уже полдень, когда онъ принесъ его на пожарище, на ту поляну, гдѣ онъ жилъ съ Максомъ.

Изъ дупла обгорѣлаго дуба онъ вытащилъ обломанный, заржавленый заступъ и вырылъ имъ подъ этимъ дубомъ довольно глубокую яму. Онъ положилъ въ нее трупъ.

— Лежи спокойно, пустынникъ, подумалъ онъ, некрасиво, да за то отъ чистаго сердца схороню я тебя.

И онъ засыпалъ его землей и долго тщательно утаптывалъ холмикъ этой земли надъ могилкой, чтобы не разрылъ его дикій звѣрь.

Въ большомъ домѣ, у бабушки Макса, было тихо и скучно. Она не вставала съ постели. Въ домѣ окна были завѣшены, пахло ладаномъ, разными спиртами и микстурами. И по цѣлымъ днямъ бабушка только и дѣлала, что вспоминала и разсуждала о Максѣ, то съ мамкой, то съ дядькой, то съ управляющимъ, то съ сѣнными дѣвушками, — она вспоминала о немъ и по ночамъ, и молилась.

Разъ вечеромъ, когда въ ея спальнѣ сидѣли и мамка, и дядька, и управляющій, что-то застучало

подъ окномъ; чье-то блѣдное лицо глянуло сквозь стекло въ небольшую щель, которая оставалась отъ спущенной сторы.

Всѣ бросились къ окну, растворили его, но подъ окномъ никого не было. Дядька бросился въ садъ; но только-что онъ вошелъ въ столовую, какъ столкнулся съ горничной дѣвушкой. Она была въ слезахъ.

— Вотъ отъ барича, вскричала она, всхлипывая, и что-то блеснуло въ ея рукѣ. Она быстро понесла крестикъ Макса къ бабушкѣ въ спальню.

Она разсказала, что пришелъ оборванный, грязный мальчишка и принесъ этотъ крестикъ и сказалъ, что Миксъ умеръ въ лѣсу.

Бабушка затряслась, помертвѣла. Всѣ бросились къ ней, начали ее оттирать, вспрыскивать нашатырнымъ спиртомъ.

А управляющій быстро всталъ и пошелъ въ сѣни.

— Не тотъ ли это бродяга, подумалъ онъ, что прошлаго года передушилъ у насъ пять кроликовъ въ паркѣ. Пожалуй онъ и сманилъ Макса уйти въ лѣсъ.

И чуть не бѣгомъ онъ отправился въ сѣни. Но въ сѣняхъ никого уже не было. Всѣ дѣвушки были въ спальнѣ. А Волчка и слѣдъ простылъ. Только на столѣ въ столовой стоялъ забытый въ попыхахъ кувшинъ, въ которомъ было молоко. Но теперь онъ стоялъ почти пустой. Волчокъ выпилъ его чуть не залпомъ. Вѣдь онъ прошелъ больше двадцати верстъ, усталъ, ничего не ѣлъ и жажда томила его.

Управляющій обыскалъ всѣ конуры, весь садъ.

Спустили злыхъ собакъ,—бѣгали, рыскали, атукали, но Волчка не затравили....

На другой день вечеромъ Волчокъ былъ совсѣмъ въ другой сторонѣ. Тамъ, въ бѣдной деревушкѣ, стояла убогая, полуразвалившаяся хижинка.

Волчокъ вошелъ въ нее. На порогѣ растянувшись лежалъ пьяный дядя Андрей и спалъ мертвымъ сномъ. Дверь въ первую комнату была отворена. Тамъ горѣлъ тусклый огонекъ. Это горѣла въ переднемъ углу на окнѣ маленькая свѣчка. Передъ окномъ стоялъ столъ, на столѣ лежала мертвая Лиза въ дырявомъ, изношенномъ платьѣ,—а за перегородкой громко храпѣла ея бабушка.

Волчокъ подошелъ къ тѣлу Лизы, постоялъ надъ нимъ, нагнулся и поцѣловалъ желтый, холодный лобикъ сестры. Ея лицо и послѣ смерти было такое же кроткое, любящее и запуганное, какъ и при жизни.

Потомъ онъ вышелъ, шатаясь, изъ дому. Отошелъ нѣсколько шаговъ, остановился, оглянулся, какъ-будто забылъ въ домѣ что нибудь, какъ-будто раздумывалъ, вернуться ли ему или нѣтъ.

И затѣмъ, махнувъ рукой, пошелъ быстро въ поле и скрылся въ ночномъ туманѣ. Въ деревушкѣ всѣ спали, только гдѣ-то въ сторонѣ выла собака.

Куда ушелъ Волчокъ, какъ жилъ и боролся онъ—никто не зналъ, да и зачѣмъ знать объ этой темной жизни одинокаго борца. Только бы не упалъ онъ скоро подъ гнетомъ темныхъ силъ, да поддержала бы его великая, согрѣвающая вѣра въ то, что когда нибудь всѣмъ будетъ лучше жить на свѣтѣ.

Счастье.

На берегу моря въ убогой лачужкѣ жили отецъ и два сына. Старшаго звали Жакомъ. Онъ былъ высокій, смуглый и черноволосый. Младшаго звали Павломъ. У него были длинные, свѣтлые волосы, голубые глаза и ярко-розовыя губы и щеки. Они вмѣстѣ съ отцомъ ловили въ морѣ рыбу старымъ большимъ неводомъ и продавали ее купцамъ, пріѣзжавшимъ нарочно для того на берегъ. Старшій былъ задумчивъ и молчаливъ. Часто по вечерамъ онъ садился на берегу, на морскія скалы, и долго смотрѣлъ на море. Онъ смотрѣлъ на большіе корабли, уходившіе въ открытое море, и ему сильно хотѣлось плыть на этихъ корабляхъ туда далеко, гдѣ облака тонули въ морѣ, гдѣ лежалъ густой туманъ, туда, въ далекія страны, о которыхъ онъ такъ много слыхалъ чудныхъ разсказовъ. Нѣсколько разъ онъ думалъ идти въ городъ и наняться въ матросы, но ему жаль было стараго отца, который не могъ ловить рыбу одинъ или вдвоемъ съ

Павломъ. А Павелъ былъ веселый малый, онъ почти всегда и всѣмъ улыбался привѣтливо,—пѣлъ веселыя пѣсни, или игралъ на длинной дудкѣ, которую ему подарилъ одинъ изъ пріѣзжавшихъ купцовъ.

Разъ на ловлѣ ихъ застигла буря, вѣтеръ опрокинулъ ихъ лодку, и волнами выбросило ихъ всѣхъ на берегъ, при этомъ старика отца сильно ушибло объ скалу. Онъ долго былъ боленъ, и наконецъ умеръ. Умирая, онъ сказалъ имъ: Спасибо вамъ, что не покидали и кормили вашими трудами меня, старика. Послѣ моей смерти вамъ нечего больше жить здѣсь въ бѣдности и добывать тяжелымъ трудомъ убогую пищу. У васъ молодыя силы, здоровыя руки, идите дальше отъ неблагодарнаго моря, въ мирныя села, и ищите счастья. Вотъ вамъ кольцо моей прабабки, которой подарила его одна колдунья. Возьмите это кольцо, и когда придете въ какой нибудь городъ или деревню—покатите его передъ собой. Если кольцо завернется и прикатится къ вашимъ ногамъ, то проходите мимо и идите дальше. Если же кольцо завернется и остановится около какого нибудь дома, то въ этомъ домѣ одинъ изъ васъ найдетъ свое счастье. А другой. — Но что будетъ съ другимъ, этого недосказалъ старикъ. Онъ отвернулся къ стѣнѣ и умеръ.

Братья похоронили отца, продали хижину, лодку, старый неводъ, всякій старый хламъ и пошли искать счастья.

Много проходили они городовъ и деревень, и вездѣ пробовали: не здѣсь ли укажетъ имъ кольцо остано-

виться, но кольцо вертѣлось и подкатывалось имъ подъ ноги. Наконецъ, пришли они въ одно большое село. Былъ ясный вечеръ, и всѣ чистые бѣлые домики покраснѣли отъ румянаго солнца. Братья вошли въ село и покатили кольцо. Оно долго катилось, а они шли за нимъ. Наконецъ, оно остановилось около большаго дома съ палисадникомъ и большимъ садомъ съ старыми липами, грушами и яблонями, на которыхъ было много такихъ румяныхъ, вкусныхъ яблокъ. У садовой калитки стояла дѣвушка, которая сама была похожа на румяное яблоко. У ней были такіе веселые, свѣтлые глазки и хорошенькія ямки на щекахъ, а русыя косы были такія длинныя и толстыя, что она ими опутала два раза головку и все-таки они висѣли длинными концами на груди. Дѣвушка подняла кольцо, которое подкатилось къ ея ногамъ, подала его меньшому брату и спросила, что братьямъ нужно. А они смотрѣли на нее и не знали, что отвѣтить. — Счастья, сказалъ Павелъ. Дѣвушка засмѣялась и убѣжала, а братья вошли въ домъ.

Ихъ встрѣтила маленькая старушка въ большомъ бѣломъ чепцѣ.

— А! сказала она. Вы вѣрно пришли наниматься въ работники? Войдите сюда, тамъ г. Варлоо, — и она отворила имъ дверь въ большую комнату, съ рѣшотчатыми окнами, отъ которыхъ ложились красные узоры на чистыхъ цыновкахъ и тонкихъ клѣтчатыхъ половикахъ, а по срединѣ комнаты стоялъ высокій сѣдой старикъ, съ такимъ же добрымъ румянымъ ли-

цомъ и съ такими же ямками на щекахъ, какъ и у дѣвушки, которую они видѣли у калитки.

— Ага! сказалъ г. Варлоо, милости просимъ, добро пожаловать! Ого! Да какіе вы оба хорошіе, да здоровые. Ну! садитесь, садитесь, вы вѣрно сильно устали,—и онъ жалъ имъ руки и усаживалъ ихъ на дубовые стулья съ высокими спинками.

— А въ условіяхъ мы сойдемся, непремѣнно сойдемся, началъ онъ, когда они усѣлись. И онъ высказалъ условія. За работу на фермѣ и въ саду, кромѣ жалованья, работники должны были получать одну десятую всего сбора. И братья согласились работать за эту плату.

— А вотъ ваше и помѣщенье, прибавилъ Варлоо, и онъ повелъ ихъ, черезъ длинныя сѣни, въ другую половину большаго дома, и показалъ имъ комнату, въ которой было все такъ чисто и уютно. Тутъ рядомъ, сказалъ онъ, у меня еще комнаты, гдѣ живутъ другіе работники, ваши товарищи.

— Ахъ! какъ хорошо здѣсь, сказалъ Павелъ, когда они остались вдвоемъ съ Жакомъ. Все такъ чисто, уютно. Мы заживемъ здѣсь отлично.

И стали братья жить у Варлоо. Утромъ они работали на фермѣ, которая была въ двухъ миляхъ отъ дома, въ полдень возвращались назадъ и садились обѣдать на большой террасѣ въ саду, вмѣстѣ съ хозяевами. На первомъ мѣстѣ садился г. Варлоо, по правую руку его г-жа Варлоо, старушка въ большомъ бѣломъ чепцѣ, съ глазами, которые всѣмъ говорили: Ахъ!

будьте добры и веселы, на свѣтѣ такъ хорошо живется.—А по лѣвую руку садилась дочь хозяина—Лила, та самая дѣвушка, которую братья встрѣтили у калитки. Рядомъ съ ней садился младшій братъ ея—Максъ. Это былъ толстый мальчикъ съ длинными бѣлыми волосами, очень живой и бойкій, который цѣлый день пѣлъ и хохоталъ безъ умолку. Въ особенности его постоянно смѣшилъ работникъ Жеромъ. Впрочемъ, онъ всѣхъ смѣшилъ. Толстый, неуклюжій, съ короткими рыжими волосами и широкимъ большимъ носомъ, онъ постоянно шутилъ, и хотя шутки его были довольно глупы, но такъ какъ всѣмъ было весело, то всѣ находили ихъ веселыми, и смѣялись имъ отъ чистаго сердца.

— Ахъ! скажетъ, напримѣръ, г-жа Варлоо, какой сегодня Богъ далъ хорошій день!

— Да! замѣтитъ Жеромъ, совершенно такъ, г-жа Варлоо, денекъ чистенькій, свѣтленькій, на голубомъ атласѣ съ припекомъ.

— Ха! Ха! Ха! захохочетъ Максъ, а за нимъ Лила, а за ней всѣ смѣются, веселые и довольные. А чѣмъ довольны, объ этомъ не думаютъ.

Въ тихіе, ясные вечера по воскресеньямъ, устраивались танцы. Приходили сосѣди ближніе и дальніе. Красный кузнецъ г. Жожо и желтый бочаръ г. Ванъ-деръ-Ври. Приходилъ фермеръ г. Пили-тили съ скрипкой, и фермеръ Фью-тью съ флейтой, а толстый пивоваръ Ванъ-Бумъ съ большимъ пузатымъ турецкимъ барабаномъ. Приходили молодыя нарядныя дѣвушки и

веселые, румяные работники. Ахъ! какъ было имъ всѣмъ весело! Пили-тили пилилъ на скрипкѣ, съ такимъ усердіемъ, что каждая струна визжала: ай, батюшки, лопну! Фью-Тью такъ высвистывалъ на флейтѣ, что весь надувался какъ самоваръ и отъ его лысины шелъ паръ коромысломъ, а фанъ-Бумъ колотилъ въ барабанъ, какъ въ пустую бочку, и при этомъ припѣвалъ:

Ай, ну-те веселитесь!
Всѣ живите безъ заботъ,
Пойте, пейте и вертитесь,
Пусть жизнь весело пройдетъ!

И всѣ плясали подъ эту музыку до упаду. Нерѣдко подъ конецъ вечера, когда уже всѣ выпивали довольно много пива изъ большихъ кружекъ, старики тоже пускались въ плясъ, и г. Варлоо, схвативъ г-жу Варлоо, танцовалъ съ ней гавотъ и припѣвалъ:

Ай, ну-те веселитесь!
Пусть жизнь весело пройдетъ!

А у г-жи Варлоо при этомъ глаза такъ и свѣтились, точно говорили всѣмъ: Видите какъ весело жить на свѣтѣ.

Утромъ по праздникамъ и воскресеньямъ всѣ шли въ церковь. Тамъ пасторъ говорилъ, что жизнь есть благо, которое Богъ даетъ всѣмъ живущимъ, и тотъ, кто добръ, того всѣ любятъ и тотъ счастливъ, потому что всѣ его любятъ.

— Неужели жизнь и есть счастье? Думалъ иногда Павелъ. Впрочемъ, онъ рѣдко думалъ, а больше смот-

рѣлъ на глазки мамзель Лилы, и ему казалось, что тамъ, въ этихъ свѣтло-голубыхъ глазкахъ, лежитъ его счастіе. Онъ такъ часто и такъ долго на нихъ смотрѣлъ, что Лила невольно отворачивалась, а Павелъ при этомъ краснѣлъ и улыбался.

Ахъ, думалъ онъ, если бы у меня было много денегъ, я сейчасъ купилъ бы себѣ такую же ферму, какъ у г. Варлоо, пришелъ бы къ нему и сказалъ: Г. Варлоо, отдайте за меня мамзель Варлоо. Я буду счастливъ и она будетъ счастлива! — И онъ думалъ, какъ бы ему достать много денегъ.

Разъ, когда онъ собирался идти на праздникъ, Лила сказала:

— Г. Поль, вы никогда не надѣваете шляпу съ лентами, позвольте вамъ дать хоть одну ленту для шляпы.—И она навязала ему на шляпу длинную розовую ленту. Онъ шелъ на праздникъ такъ весело, вѣтеръ шелестилъ концами ленты, и они шептали ему на ухо: Ты будешь счастливъ, будешь счастливъ!

Въ другой разъ Лила подарила ему розу, и сказала:

— Г. Поль, я желала бы, чтобы ваша жизнь была всегда также свѣжа и прекрасна, какъ эта роза.—Онъ поставилъ эту розу въ стаканъ съ водой, и вечеромъ долго сидѣлъ надъ ней и любовался ею. Вдругъ онъ увидѣлъ, что вся роза засвѣтилась розовымъ свѣтомъ и какъ будто смотритъ на него, но смотритъ не роза, а тамъ изнутри цвѣтка смотритъ сама мамзель Лила, смотритъ такъ весело своими свѣтлыми глазками и у-

лыбается и шепчетъ ему: Ты будешь счастливъ, будешь счастливъ.

Въ третій разъ, осенью, когда собирали въ саду яблоки, Лила подала ему румяное яблоко и сказала:

— Г. Поль, я желала бы, чтобъ это яблоко принесло вамъ счастье. Скушайте его за здоровье того, кого вы любите.

— Ахъ, мамзель Лила, сказалъ онъ, я люблю всѣхъ, но съѣмъ его за здоровье того, кого люблю больше всѣхъ и всего на свѣтѣ. — Онъ принесъ его къ себѣ въ комнату и положилъ подъ подушку, а когда всѣ въ домѣ уснули, онъ вынулъ, долго смотрѣлъ на него, поцаловалъ его и сказалъ: Милое яблоко, я съѣмъ тебя за здоровье той милой дѣвушки, которая мнѣ милѣе всего на свѣтѣ.

— Да! сказало яблоко, у тебя губа не дура, и ты съѣшь меня любехонько за здоровье мамзель Лилы, но прежде возьми ты заступъ и пойдемъ въ садъ туда, гдѣ ростутъ двѣ старыя липы, тамъ брось меня кверху, и гдѣ я упаду, тутъ разрой землю и можетъ быть ты найдешь то, что принесетъ тебѣ счастье.

Павелъ взялъ яблоко, заступъ и пошелъ въ садъ. Тамъ, въ одномъ углу, росли двѣ большія очень старыя липы, онѣ росли наклонившись одна на другоя, и какъ будто обнимались своими толстыми и частыми вѣтвями. Павелъ бросилъ яблоко кверху и оно упало какъ разъ между двумя липами. Тогда онъ сталъ рыть землю, и вырылъ небольшой сундучокъ, окованный мѣдью, который былъ наполненъ старыми голланд-

скими червонцами. Не помня себя от радости, онъ вытащилъ сундучокъ, и хотя онъ былъ очень тяжолъ, но онъ все-таки принесъ его, запыхавшись, къ себѣ въ комнату.

— Братъ! братъ! закричалъ онъ Жаку, который давно уже спалъ, смотри — гдѣ яблоко упало, это намъ дали липы, т. е. заступъ, яблоко, хотѣлъ я сказать, ахъ, все не то. Ну, да мы теперь богаты и больше ничего, я куплю себѣ ферму и женюсь на моей милой Лилѣ! — И онъ началъ пѣть и скакать по комнатѣ, припѣвая:

Ай, ну-те веселитесь,
Всѣ живите безъ заботъ!...

На другой же день братья купили богатую ферму. Въ ней было много земли, былъ лѣсъ, хорошія коровы съ большими рогами и овцы съ длинной шерстью, былъ большой домъ и при немъ большой садъ съ такими же румяными яблоками, какъ у г. Варлоо. Хотя все это стоило дорого, но у братьевъ осталось еще болѣе половины изъ найденныхъ денегъ. Павелъ надѣлъ отличный кафтанъ изъ синяго бархата, подпоясался широкимъ малиновымъ кушакомъ, а на голову надѣлъ новую шляпу, а на нее ленту, которую подарила ему мамзель Лила. Онъ пришелъ къ г. Варлоо и сказалъ:

— Ну! г. Варлоо, у меня теперь есть своя ферма, и я буду жить своимъ домомъ, и пришелъ звать васъ къ себѣ на новоселье, съ г-жею Варлоо и мамзель Лилой, и со всѣми домочадцами

И сдѣлалъ Павелъ большой пиръ, онъ пригласилъ всѣхъ сосѣдей ближнихъ и дальнихъ. Пришелъ красный кузнецъ Жожо и желтый бочаръ Ванъ-деръ-Ври. Пришелъ фермеръ Пили-Тили со скрипкой и фермеръ Фью-Тью съ флейтой, а толстый бочаръ Фонъ-Бумъ съ своимъ пузатымъ барабаномъ. Пришло много гостей и всѣ поздравляли и обнимали Павла и пили киршвассеръ, и пиво, и старый іоганнисбергеръ. Пили, пѣли и веселились безъ ума, кто во что гораздъ. Толстый, рыжій Генрихъ вскочилъ на пустую бочку, колотилъ себя въ бока и кричалъ изо всѣхъ силъ: Бум-бумъ, славный Поль, динь-динь мамзель Лила. То-то-бъ парочка была!

А Павелъ, между тѣмъ, говорилъ г-ну Варлоо: Я теперь богатъ, г-нъ Варлоо, у меня есть большая ферма. Но что мнѣ въ этой ферма, я буду самый несчастный человѣкъ, если вы не отдадите за меня мамзель Лилу!

— Ага! сказалъ г. Варлоо, это ты хочешь взять изъ моего сада самое лучшее яблоко. Хорошо, ты малый добрый и честный, будешь счастливъ, за это я ручаюсь, только что-то на это скажетъ мамзель Лила?

А мамзель Лила какъ будто слушала и не слушала, что говорилъ отецъ съ Павломъ, она вертѣла въ это время въ рукѣ очень спѣлую хорошую грушу, и вдругъ, неизвѣстно, почему положила ее къ отцу, въ кружку съ пивомъ, хоть этого дѣлать вовсе не слѣдовало.

— Ахъ! мамзель Лила! сказалъ Павелъ, подойдя къ ней, я давно замѣтилъ, что въ вашихъ глазахъ лежитъ мое счастіе. Отдайте мнѣ его, и я буду самый счастливый человѣкъ во всемъ свѣтѣ. А яблоко, которое вы мнѣ дали, я съѣлъ за ваше здоровье.

Лила протянула ему руку, а сама спрятала лицо на груди у матери, только какъ ни быстро она отвернулась, Павелъ очень хорошо видѣлъ, что у ней все лицо улыбалось и свѣтилось розовымъ свѣтомъ, а на глазкахъ блистали слезки, какъ росинки на розѣ. Онъ очень хорошо понималъ, что эти росинки были слезы счастія, и въ то же время чувствовалъ, что въ его сердцѣ разцвѣтала роза, та самая роза, которую подарила ему Лила, онъ чувствовалъ, какъ сильно прыгало и стучало это сердце, стучало и говорило: Ты счастливъ, счастливъ, счастливъ!

И какая была веселая свадьба Павла и Лилы. Вся деревня веселилась и поздравляла молодыхъ. Всѣ дѣвушки надѣли бѣлыя платья и вѣнки изъ цвѣтовъ. Школьный учитель весь изукрасился разноцвѣтными бантами, привелъ всѣхъ своихъ учениковъ, и они пропѣли въ честь новобрачныхъ кантату. А рыжій Генрихъ притащилъ тутъ же стараго козла, у котораго оба рога были убраны разноцвѣтными лентами, бантами. Онъ тянулъ козла за рога и бороду къ землѣ, козелъ кланялся и кричалъ бэ-э-э. А Генрихъ приговаривалъ: Желаемъ счастья тебѣ-ѣ-ѣ! А вечеромъ Ванъ-Бумъ стрѣлялъ изъ стараго ружья въ честь новобрачныхъ. Генрихъ кричалъ: Пу-фъ! Ванъ-Бумъ, будешь ты кумъ?

И побѣжали дни за днями, сегодня какъ вчера. Прошло времени не много и не мало—цѣлый годъ, и у Лилы былъ ужъ маленькій Павелъ, съ такими же ямками на щекахъ, какъ у ней, и съ такими же добрыми глазами, какъ у большаго Павла. Кромѣ того, у Лилы была любимицей большая хорошая пестрая корова — Мими съ черными умными глазами, которая каждое утро и вечеръ подходила къ крыльцу и ѣла хлѣбъ изъ рукъ Лилы. Была также бѣлая коза съ длинной шерстью и голубой лентой на шеѣ — Биби. Когда по праздникамъ всѣ веселились и плясали, Биби тоже являлась на праздникъ и дѣлала уморительные прыжки. А толстый Генрихъ прыгалъ передъ ней на корточкахъ и говорилъ: Ахъ, мамзель Биби, я васъ люблю, вы меня любите, когда же будетъ наша свадьба и мы будемъ счастливы? — Была курчавая маленькая собачка Лоло съ длинными ушами и пушистымъ длиннымъ хвостомъ, и была сѣрая кошечка Фанни съ гладкой бархатной шерстью. Она всегда грѣлась на окошкѣ на солнцѣ, и пѣла длинныя пѣсни, о томъ, какъ мышки замарашки въ шуры-муры играли. Когда явился на свѣтъ маленькій Павелъ, то въ тоже время и въ одинъ день у Мими появилась маленькая красная тёлка, у Биби—хорошенькій бѣленькій козлёночекъ, а у кошки Фанни явилось на свѣтъ цѣлыхъ шестеро маленькихъ бурыхъ котятъ съ бѣлыми пятнами на шейкѣ. Всему этому радовались всѣ, и больше всѣхъ собачка Лоло: она прыгала по всему дому, визжала и лаяла и ко всѣмъ ласкалась, точно каждому хотѣла сказать:

— Ахъ, ахъ! посмотрите какъ это весело: у моей милой Лилы есть маленькой Поль, у Мими—маленькая Мими, у Биби — маленькая Биби, а у тетки Фанни шестеро маленькихъ Фанятъ. Ахъ, ахъ, какіе всѣ они маленькіе и смѣшные.

Не радовался ничему одинъ только Жакъ. Онъ всегда ходилъ одинъ, угрюмый и задумчивый. Когда всѣ веселились на общихъ семейныхъ праздникахъ, онъ уходилъ далеко, и возвращался домой поздно ночью.

— Послушай, дорогой мой братъ, родной мой Жакъ, говорилъ ему Павелъ, почему ты не веселъ, почему ты не хочешь быть счастливымъ какъ и я? Посмотри у г. Жожо есть хорошенькая дочь, мамзель Бетти. Купи себѣ ферму и женись на Бетти, и ты будешь счастливъ, какъ я!

— Нѣтъ, отвѣчалъ Жакъ, я не буду счастливъ какъ ты—никогда, никогда. Много людей живетъ такой жизнью, какъ ты, и они счастливы, также какъ счастливы Мими, Биби, Лоло и Фанни. Но если бы всѣ остановились на этомъ счастьѣ, то весь міръ давно бы превратился въ Мими, Биби, Лоло и Фанни. Только этого никогда не бывало и никогда не будетъ, потому что нѣтъ ни одного человѣка, который бы былъ доволенъ тѣмъ, что его окружаетъ. У каждаго бываютъ минуты, когда его влечетъ куда-то вдаль, на новую жизнь, и благо тому, кто идетъ за этимъ могучимъ голосомъ, кто не заглушитъ его въ себѣ и не заснетъ на мелочахъ жизни.

И онъ уходилъ въ глухой лѣсъ, тамъ вокругъ него

росли и шумѣли густыми листьями старые, столѣтніе дубы.

О чемъ шумятъ они, думалъ Жакъ, и что за сила въ нихъ? Срубитъ дерево человѣкъ, убьетъ его, а никогда не узнаетъ, чѣмъ и какъ оно жило!—Онъ ложился на мягкую, сочную траву и смотрѣлъ кругомъ. Цѣлый лѣсъ мелкихъ стебельковъ и всякихъ листочковъ росъ вокругъ него. Стебельки и листики перекрещивались, перепутывались и переплетались. Солнце играло по нимъ, какъ по стрункамъ, свѣтлыми лучами, и тѣни безъ конца бѣжали и струились по нимъ, а всякія мошки и мушки бѣгали и порхали въ этомъ лѣсу.

— Кто же когда узнаетъ, думалъ Жакъ, какъ ростетъ вся эта трава изъ матери сырой земли? Куда идти, гдѣ найдти отвѣтъ?

И кругомъ была тишина, только высокіе дубы шумѣли густыми вершинами, да сердце его билось, и слышалось ему, какъ будто оно выговаривало все одно и тоже слово: Впередъ, впередъ, впередъ!

А мысли у него бѣжали и струились въ головѣ, какъ тѣни по травѣ, и на траву и на лѣсъ давно уже сошла темная ночь.

— Потемки, вѣчныя потемки! шепталъ Жакъ, и слезы у него выступали на глазахъ, слезы безсилія.

— Боже, говорилъ онъ, гдѣ же свѣтъ?

И по временамъ ему казалось, что вдругъ тамъ, на далекой полянѣ, сквозь вѣтви вспыхивалъ яркій бѣлый свѣтъ и освѣщалъ всю поляну и деревья. Весь

перепуганный, обрадованный, онъ бѣжалъ къ этой полянѣ, онъ слышалъ, какъ сильно стучало сердце въ груди его, и съ какой-то болью выговаривало: Впередъ, впередъ, впередъ! Но какъ скоро онъ прибѣгалъ на поляну, свѣтъ быстро скрывался, или уходилъ въ лѣсъ, и тонулъ въ туманѣ надъ болотомъ.

Съ тяжелой тоской онъ смотрѣлъ на небо. Тамъ плылъ полный мѣсяцъ и какъ будто спрашивалъ его: чего тебѣ нужно?

— Ахъ, мнѣ нужно долетѣть до тебя и посмотрѣть, что на небѣ дѣлается, потомъ перелетѣть на эти свѣтлыя звѣздочки, что мерцаютъ тамъ высоко, и все обо всемъ разсказать людямъ, чтобъ для нихъ все стало также свѣтло и ясно, какъ свѣтелъ ты, свѣтлый мѣсяцъ!

Угрюмо повѣсивъ голову, возвращался онъ домой, и на другое утро принимался за работу, съ цѣпомъ или граблями: онъ колотилъ тяжелымъ цѣпомъ, чтобъ заглушить внутри неугомонный голосъ, который не давалъ ему покоя ни днемъ ни ночью. Но и цѣпъ, какъ сердце, съ каждымъ ударомъ кричалъ ему одно и тоже вѣчное слово: Впередъ, впередъ, впередъ!

Онъ перечиталъ всѣ книги, какія были въ школьной библіотекѣ, но книгъ было мало, да и какія были эти книги? Краткіе учебники исторіи, географіи, да путешествіе Сибиллы Меріанъ на О-въ Суринамъ.

Наконецъ, Жакъ не выдержалъ. Онъ взялъ немного денегъ изъ найденныхъ Павломъ, простился съ Лилой и со всѣми, и отправился въ дорогу.

— Ахъ, зачѣмъ покидаете вы насъ, г. Жакъ, говорили ему всѣ, мы всѣ васъ такъ любимъ, и у насъ такъ хорошо живется!.. Чего вамъ недостаетъ въ жизни, и не стыдно-ли вамъ отыскивать какую-то химеру.

Но Жакъ не слушалъ никакихъ доводовъ и увѣщаній: онъ надѣлъ свою котомку, взялъ свою длинную палку и вышелъ изъ деревни...

На другой день было воскресенье, и пасторъ въ церкви говорилъ: что должно быть довольну малымъ и тѣмъ счастіемъ, которое къ намъ нисходитъ отъ Бога, что человѣкъ, недовольный своей судьбой, подпадаетъ подъ власть духа сатанинской гордости и погибаетъ.

А Жакъ весело и бодро шелъ своей дорогой, по дорогѣ росли высокіе дубы и одобрительно шумѣли ему зелеными вершинами, какъ будто говорили: Впередъ, впередъ, впередъ.

Проходя по селамъ и городамъ, онъ снималъ съ пальца то кольцо, которое доставило Павлу счастіе, и катилъ его по дорогѣ, какъ завѣщалъ ему отецъ, но кольцо постоянно катилось впередъ, и никуда не заворачиваясь, прямо падало на дорогу.

— Видно въ дорогѣ мое счастье! говорилъ улыбаясь Жакъ, и весело шелъ впередъ.

Онъ останавливался и жилъ въ большихъ городахъ, гдѣ были большія школы, много ученыхъ и еще больше всякихъ книгъ. Онъ много читалъ, многому научился, и, вмѣстѣ съ знаніемъ, тихая радость, свѣтлый миръ спускались къ нему въ сердце.

Онъ сдѣлалъ много разныхъ открытій и много путешествовалъ. Онъ былъ за морями въ тѣхъ далекихъ чудныхъ странахъ, о которыхъ мечталъ, сидя на скалахъ морскихъ, когда былъ бѣднымъ, темнымъ рыбакомъ. Много трудовъ и лишеній вынесъ онъ, но всѣ эти тяжелые труды давали богатую жатву и онъ былъ счастливъ плодами этихъ трудовъ.

— Я сдѣлаю не много, говорилъ онъ, на этомъ долгомъ пути, но все-таки я хоть не много подвину людей туда, въ этотъ таинственный міръ, къ вѣчнымъ звѣздамъ, которыя такъ недосягаемо мерцаютъ надъ нашими головами въ недоступной красѣ!...

Наконецъ онъ добрался до тихой глубокой старости. Почти всѣ знали и уважали его въ томъ большомъ городѣ, гдѣ онъ жилъ. Когда онъ выходилъ изъ дому, опираясь на свою длинную палку, то народъ разступался передъ нимъ и снималъ шапки.

— Вотъ, говорили, идетъ нашъ добрый г. Жакъ, онъ устроилъ намъ нашу плотину и завелъ такія чудныя машины на нашихъ заводахъ.

И онъ со всѣми раскланивался ласково и привѣтливо, а самъ думалъ: Спасибо вамъ, братья, что вы не бросаете въ меня каменьями и грязью, какъ бросали во многихъ, которые шли впереди васъ съ желаніемъ вамъ добра и счастія!

Разъ онъ сидѣлъ передъ раскрытымъ окномъ, за большой книгой. Онъ сидѣлъ, и долго думалъ о неразгаданныхъ тайнахъ, о будущемъ счастіи людей. И вдругъ, да, это ясно всѣ видѣли въ окно, какой-то

особенный свѣтъ блеснулъ передъ нимъ, но что увидалъ онъ въ этомъ свѣтѣ—того никто не узналъ, потому что, когда пришли его слуги, его уже не было въ живыхъ. Онъ спокойно сидѣлъ, и какъ будто улыбался во снѣ улыбкой глубокаго счастія.

Народъ сбѣжался толпами къ его трупу, и сталъ передъ нимъ съ нѣмымъ благоговѣніемъ и тихими слезами.

— Бѣдный горемыка! сказала одна женщина, у него не было ни отца, ни братьевъ, ни семьи, ни родныхъ!

— Неправда, сказалъ высокій старикъ съ большой сѣдой бородою. Неправда! У него была большая семья: всѣ были его дѣти и братья. Онъ былъ нашъ старшій братъ и шелъ впереди насъ съ своимъ свѣтильникомъ въ рукахъ, и этотъ свѣтильникъ свѣтилъ всему міру. Онъ былъ нашъ родной, его радость была нашей радостью, и его счастіе нашимъ общимъ счастіемъ!

И дряхлый старикъ съ трудомъ сталъ на колѣна и поклонился до земли тѣлу усопшаго, а за нимъ весь народъ сталъ на колѣна, крестясь и говоря:

— Господи! пусть въ лучшемъ мірѣ окружатъ его вѣчный покой и вѣчное счастіе!

Мила и Нолли.

У одного короля была дочка, которую звали Милой. Мила была тихая, кроткая дѣвочка, каждый кто проходилъ мимо ея, говорилъ:

— Посмотрите, какіе у нея добрые голубые глазки, розовое личико и чудные волосы, они сами вьются локонами и вся она точно херувимчикъ съ вербочки.

Мила крѣпко любила своего добраго отца, а матери у ней не было. Она умерла, когда Мила была еще очень маленькой дѣвочкой.

Вскорѣ король женился на другой царевнѣ. И сказалъ Милѣ, чтобы она любила и ласкала новую королеву, какъ родную мать. Но королева была злая, и не полюбила Милу. Она не полюбила ее за то, что всѣ любовались на нее и говорила при этомъ, что Мила не ея дочь. Она не полюбила ее и за то, что царь всегда ласкалъ и цаловалъ, и называлъ ее: моя дорогая, ненаглядная крошка!

По вечерамъ, когда закатывалось румянное солнце, и царь съ царицей и съ Милой сидѣли на большой террасѣ въ саду передъ свѣтлымъ прудомъ, на которомъ плавалъ бѣлый Лебедь, царь говорилъ: Спой мнѣ, милая крошка, мою любимую пѣсню.—И Мила пѣла тонкимъ, серебристымъ голоскомъ:

По синему озеру лебедь плыветъ.
Лебедь, мой лебедь, серебристый лебедь,
Онъ звонко чудную пѣсню поетъ,
Онъ пѣсню поетъ о свободѣ святой.
Поетъ о далекихъ родимыхъ водахъ,
Поетъ о блестящихъ и ясныхъ звѣздахъ.
А воды и рощи полны тишиной,
И свѣтлая зорька горитъ подъ водой.

И когда Мила пѣла, то Лебедь подплывалъ и слушалъ пѣсню. Она очень нравилась ему и онъ хлопалъ отъ удовольствія крыльями, а царица ворчала и говорила, что въ этой глупой пѣснѣ нѣтъ ни складу, ни ладу!

Что-бы ни сдѣлала Мила, что-бы ни сказала, царица за всё про всё ее бранила, а иногда и колотила. Она не давала ей ѣсть по цѣлымъ днямъ и спать по ночамъ.

— Отчего ты худѣешь, моя дорогая Мила? спрашивалъ царь.

— Оттого, что крѣпко люблю тебя, мой милый тàту!—И она со слезами целовала его.

Разъ царица отравила любимую собаку царя и сказала, что Мила дала ей отравы, которую бросали волкамъ и крысамъ. Но царь не повѣрилъ и подумалъ, что собака сама умерла.

Въ другой разъ, царица общипала дорогую заморскую птицу, что сидѣла у царя въ золотой клѣткѣ и сказала, что ее общипала Мила. Но царь не повѣрилъ и подумалъ, что перья сами выпали.

Въ третій разъ, царица съ крикомъ прибѣжала къ царю вся въ крови, и жаловалась, что Мила хотѣла ее убить и ударила острымъ ножемъ. Она просила и молила, чтобы царь отправилъ Милу за тридевять земель, къ злому колдуну Мурухабу, для исправленія. Но царь опять не повѣрилъ, и помѣстилъ Милу въ отдѣльной комнатѣ, въ высокой башнѣ. Онъ самъ носилъ ей кушанья и сидѣлъ съ нею по цѣлымъ часамъ.

Одинъ разъ утромъ, онъ пришелъ въ комнату Милы, но ее тамъ не было. Онъ сталъ звать ее все громче и громче, но никто не откликался. Онъ звалъ и кричалъ: Гдѣ ты дорогая, моя крошка? Гдѣ ты моя золотая Мила? — Но Мила пропала. Онъ бросился искать ее по всему дому, по саду, по городу, по всѣмъ полямъ, лѣсамъ и рощамъ. Онъ сулилъ все свое золото и всѣ бриліанты тому, кто найдетъ ему дорогую дочь его, родную его Милу. Всѣ искали повсюду, по всѣмъ городамъ, по всему царству, но Милы и слѣдъ простылъ.

У царицы былъ стремянной, который ѣздилъ съ нею на охоту. Онъ былъ рыжій, горбатый и кривоглазый. Разъ царица позвала его и сказала:

— Дрянная дѣвчонка, царская дочка, мнѣ не даетъ спокойно ни пить, ни ѣсть, ни спать. Пока она жива

мнѣ жизнь не въ жизнь. Сослужи мнѣ службу вѣрную, и я тебя по гробъ не забуду. Возьми ты хорошенькую змѣйку, тихоню Милу, что приколдовала къ себѣ сердце царево, посади ее въ мѣшокъ, и брось въ глубокій прудъ на дно, пусть она тамъ лежитъ и поетъ свою глупую пѣсню про бѣлаго Лебедя.

И стремянной прокрался ночью въ комнату Милы, схватилъ ее съ ея постельки, зажалъ ей ротикъ, чтобы она не кричала, опустилъ въ мѣшокъ, завязалъ его и бросилъ въ прудъ. Всѣ кругомъ спали. Не спалъ только одинъ Лебедь. Онъ все видѣлъ, и какъ только стремянной бросилъ Милу въ воду, онъ нырнулъ и схватилъ мѣшокъ. Потомъ онъ вытащилъ его на берегъ и расклевалъ веревки. Тогда Мила вышла изъ мѣшка, и онъ сказалъ ей: Садись скорѣй на меня, и полетимъ далеко-далеко на сине море, на Зеленый Бархатный островъ, а здѣсь злая царица непремѣнно зарѣжетъ тебя, или отравитъ, какъ отравила собаку.

— Ахъ, сказала Мила, я охотно бы улетѣла, но какъ же я оставлю моего дорогаго тàту! Онъ умретъ безъ меня съ тоски.

— Э! нѣтъ! сказалъ Лебедь, онъ потоскуетъ и забудетъ. Притомъ царица, когда не будетъ тебя здѣсь, помирится съ нимъ, и они будутъ жить счастливо!

Тогда Мила встала на колѣна и поклонилась въ ту сторону, гдѣ была спальня царя.

— Прощай, мой милый тàту, сказала она. Спи спокойно съ Богомъ. Забудь скорѣй свою дочку и

будь, дорогой мой, счастливъ, а я никогда, никогда тебя не забуду!—Потомъ она горько заплакала и сѣла на Лебедя, обхвативъ ручками его шею, а Лебедь широко взмахнулъ бѣлыми крыльями, закинулъ назадъ голову, громко закричалъ на прощанье, и полетѣлъ съ нею далеко-далеко.

На синемъ Морѣ-Океанѣ стоитъ Зеленый Бархатный островъ, онъ весь въ кустахъ и цвѣтахъ, на немъ ростутъ высокія деревья со сладкими плодами, и летаютъ хорошенькія райскія птички съ золотыми перышками. Туда Лебедь отнесъ Милу.

— Живи здѣсь, сказалъ онъ. Кушай сладкіе плоды, играй цвѣточками, а райскія птички будутъ пѣть тебѣ веселыя пѣсенки!

Но Милѣ было скучно посреди сладкихъ плодовъ, красивыхъ цвѣтовъ и пѣсенъ райскихъ птичекъ... Лебедь плескался передъ нею въ водѣ, онъ пригонялъ ей къ берегу цѣлыя стада золотыхъ рыбокъ, онъ приносилъ ей чудныя жемчужныя раковины, пѣлъ звонкія, лебединыя пѣсни. Но Милѣ было скучно...

— Вотъ что я сдѣлаю, подумалъ Лебедь, я принесу къ ней еще дѣвочку или мальчика, и вдвоемъ имъ не будетъ скучно.—И онъ полетѣлъ въ далекое царство.

Тамъ, въ одной бѣдной деревушкѣ, жилъ мальчикъ сиротка, котораго звали Нолли. У него не было ни отца, ни матери, и каждый обижалъ его, и потѣшался надъ нимъ, какъ надъ собакой.

— Эй, Нолли! кричалъ одинъ, ступай на рѣчку и

тащи мнѣ два ведра воды!—И Нолли несъ два ведра воды, спотыкаясь и падая, потому что ведра были тяжелыя.

— Эй, Нолли! кричалъ другой, полѣзай на дерево и будь бѣлкой, а не то я тебя убью!—И Нолли лѣзъ на дерево, а въ него стрѣляли изъ лука тупыми стрѣлами.

Всякій распоряжался Нолли: бѣги туда, неси это, сдѣлай такъ, и въ награду за все давали ему щелчки и колотушки, и рѣдко, очень рѣдко бросали корки чернаго хлѣба. А спалъ Нолли въ собачьей конурѣ вмѣстѣ съ кудлатой собачкой — Волчкомъ.

Одинъ разъ, Нолли сильно отколотили за то, что онъ не могъ донести большую корзину съ яблоками, уронилъ ее и разронялъ яблоки. Тогда онъ горько заплакалъ и сказалъ:

— Нѣтъ, не хочу я больше терпѣть такой жизни! Не милъ мнѣ Божій свѣтъ, не мила родная земля. Пойдемъ, Волчокъ, бродить по бѣлу свѣту, пойдемъ искать себѣ доли у добрыхъ людей! — И онъ пошелъ съ Волчкомъ въ лѣсъ, изъ лѣсу черезъ болото, въ поле. Шелъ день, шелъ два, ѣлъ ягоды и корешки, а Волчокъ бѣжалъ за нимъ и ловилъ маленькихъ птичекъ. Наконецъ пришли они на берегъ моря. Нолли сѣлъ на берегу, на камень, и горько стало ему.

— Куда я пойду думалъ онъ, впереди море, позади злые люди, видно для бѣднаго сироточки свѣтъ клиномъ сошелся. Утоплюсь я въ синемъ морѣ, похороню въ немъ мое сиротское горе. Никому я не ну-

женъ, прощай вольный свѣтъ, и мой Волчокъ, прощай моя жизнь безталантная.

А море шумѣло и пѣнилось, волна плыла за волной, и по синимъ волнамъ тихо подплывалъ къ берегу бѣлый Лебедь.—Погоди топиться, сказалъ онъ Нолли, еще нужна твоя жизнь, такой же какъ и ты горемычной сиротинкѣ, что живетъ одна-одинёхонька безъ отца, безъ матери, какъ былиночка на камешкѣ, на далекомъ зеленомъ островѣ. Садись ко мнѣ на спину и полетимъ скорѣй.

— Какъ же полечу я съ тобой? сказалъ Нолли, и оставлю здѣсь моего единственнаго друга, что дѣлилъ со мною мое горемычное горе и черствый хлѣбъ, и спали мы съ нимъ въ одной конурѣ. Нѣтъ, пока живъ, не брошу я моего добраго, вѣрнаго Волчка.

Волчокъ при этомъ началъ визжать и лизать руки у Нолли, точно понималъ, что тотъ говорилъ.

— Ну, сказалъ Лебедь, мнѣ васъ двоихъ нельзя нести, крылья не поднимутъ, а ты поищи старое дерево, оторви отъ него большой кусокъ коры, потомъ свей изъ лыка и привяжи къ нему длинную веревку, тогда мы какъ-нибудь отправимся всѣ вмѣстѣ.

И Нолли сдѣлалъ все какъ сказалъ Лебедь. Онъ оторвалъ огромный кусокъ коры, и привязалъ къ нему длинную крѣпкую веревку. Они спустили кору на воду и посадили на нее Волчка, конецъ веревки взялъ Лебедь въ ротъ, а Нолли сѣлъ къ нему на спину. Лебедь тихо летѣлъ и везъ за собой Волчка на корѣ, а когда уставалъ летѣть, садился на воду и отдыхалъ,

а Нолли спалъ у него на спинѣ, какъ въ спальнѣ. И переѣзжали они такимъ образомъ цѣлыхъ семь ночей. Насталъ восьмой вечеръ и показался вдали Зеленый островъ. Уже наступила ночь, когда они подплыли къ острову. Мила давно спала, подъ навѣсомъ густо-лиственныхъ деревьевъ, на постелькѣ изъ душистыхъ травъ и мягкаго сухаго моха. Какъ обрадовалась она, увидавъ, на утро, своего стараго друга бѣлаго Лебедя и съ нимъ новыхъ друзей, Нолли и кудлатаго Волчка.

И стали они всѣ жить на острову. Мила называла Нолли своимъ милымъ дорогимъ братомъ, а Нолли цѣлый день не отходилъ отъ своей названной ненаглядной сестрицы. Они разсказывали другъ другу про свою прежнюю жизнь и ходили гулять по острову. Волчокъ весело бѣжалъ впереди, а они, взявшись за руки, шли бодро за нимъ. Вокругъ нихъ летали райскія птички, садились имъ на плеча и пѣли чудныя пѣсни. По кустамъ цвѣли такіе прекрасные цвѣты, а по нимъ порхали красныя бабочки, у которыхъ крылья блестѣли какъ яхонты, сафиры, рубины и изумруды. Изъ кустовъ къ нимъ выбѣгали хорошенькіе маленькіе звѣрки съ умными черными глазками, и Мила кормила ихъ разными ягодами и орѣхами, которые Нолли собиралъ по дорогѣ, а звѣрки весело пищали, становились на заднія лапки, и прыгали, помахивая своими пушистыми хвостами. Потомъ выходили Мила и Нолли на берегъ, и собирали на пескѣ красныя, пестрыя и серебристыя раковины. По вече-

рамъ Нолли игралъ на свирѣли, которую сдѣлалъ изъ тростника, что росъ на берегу моря, а Мила слушала его и засыпала, положивъ свою головку къ нему на колѣна. Или Нолли пѣлъ ей пѣсню о томъ, какъ живутъ божьи птицы на вольной волѣ, безъ заботъ и печали. Порой Милѣ хотѣлось и самой спѣть ему свою пѣсню о Лебедѣ, но она не могла, потому что, только запоетъ она:

По синему озеру Лебедь плыветъ,

какъ голосъ ея начиналъ дрожать, а изъ глазъ текли слезы. Она тотчасъ вспомнила о своемъ отцѣ, который былъ тамъ далеко-далеко — и котораго она можетъ быть никогда не увидитъ. Она вспоминала, какъ онъ каждый вечеръ приходилъ въ ея комнатку въ высокой башнѣ, какъ онъ крѣпко цѣловалъ ее, крестилъ и приговаривалъ: Спи, моя родная крошка, и не случится съ тобой никакой бѣды и несчастья....

И каждый день деньской радостно и привѣтливо свѣтило ясное солнце, но тихо, невидимо собиралось новое горе надъ головками Милы и Нолли.

Постоянно былъ свѣжъ и зеленъ Зеленый островъ. Постоянно цвѣли чудные цвѣты, порхали красныя бабочки и пѣли райскія птички. И шли дни за днями, и уходили годы.

Узнала вдругъ царица, что жива Мила и гдѣ она живетъ. Былъ у нея другъ закадычный злой колдунъ, который жилъ на высокой горѣ въ крѣпкомъ замкѣ, за семью стѣнами. Иногда онъ оборачивался чер-

нымъ ворономъ, леталъ кругомъ, всѣмъ каркалъ бѣду и прилеталъ повидаться съ царицей, которую крѣпко любилъ. Разъ вечеромъ онъ прилетѣлъ на окно къ ней и сказалъ:

— Я леталъ далеко, далеко, былъ на чудномъ зеленомъ островѣ, что лежитъ на Морѣ-Окіанѣ, на этомъ островѣ живетъ хорошенькая дѣвочка Мила, съ мальчикомъ Нолли и кудлатой собачкой, а вокругъ острова плаваетъ и сторожитъ ихъ бѣлый Лебедь. Онъ вытащилъ Милу изъ озера, куда ее бросилъ твой стремянной и унесъ на Зеленый Бархатный островъ.

Какъ только услыхала объ этомъ царица, она отъ злости вся посинѣла.

— Полети-жъ скорѣй на Зеленый островъ, сказала она колдуну, я сверну голову этому глупому, дерзкому Лебедю, и все тамъ ихъ гадкое гнѣздо раззорю до тла.

— Хорошо, сказалъ колдунъ.

Настала ночь, зашумѣла буря—гроза, и закаркалъ громко Воронъ, и прилетѣла огромная летучая мышь.

— Садись и полетимъ, сказалъ Воронъ.

Сѣла царица на летучую мышь, и они отправились. Впереди летѣлъ черный воронъ, за нимъ на летучей мыши летѣла злая царица, а за ней неслась черная туча съ вихремъ и громомъ.

И летѣли они сильнѣе вѣтра и бури, и къ полночи примчались на зеленый островъ.

Но не дремалъ Лебедь и зорко сторожилъ кругомъ острова. Онъ видѣлъ, какъ утромъ прилеталъ на не-

го черный воронъ, садился на большомъ деревѣ и громко каркалъ.

— Ну, быть бѣдѣ! подумалъ Лебедь, и все смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ жила царица. Вдругъ онъ увидѣлъ, что въ той сторонѣ низко надъ водой показалась тучка. Онъ встрепенулся и началъ громко кричать. На крикъ его прибѣжала Мила и Нолли съ Волчкомъ.

— Бѣгите скорѣе за мной по берегу, сказалъ Лебедь. Показалась зловѣщая тучка, чуетъ мое сердце, не съ градомъ и громомъ летитъ она сюда, а несетъ она за нами погоню. Бѣжимте.—И онъ тихо полетѣлъ надъ водой, а Мила и Нолли побѣжали на нимъ, и Волчокъ впереди. Бѣжали часъ, и два и три, а тучка летитъ и ростетъ все шире и выше. Бѣгутъ Мила и Нолли, бѣгутъ, запыхались, а тучка черной тучей обхватила чуть не пол-неба и потемнѣло ясное небо.

— Ой! говоритъ Мила, братецъ мой Нолли, дорогой мой Лебедь, нѣтъ у меня силъ бѣжать больше,—и упала она на бѣлый песокъ. А съ тучи уже вѣетъ вѣтеръ, и видитъ сквозь кусты Лебедь, какъ летитъ впереди туча, чернѣетъ черный воронъ, а за нимъ злая царица на летучей мыши.

— Бѣжимте, бѣжимте! кричитъ онъ, а самъ летитъ впередъ. Схватилъ тогда Нолли свою милую сестрицу, схватилъ на руки и побѣжалъ за Лебедемъ. А изъ тучи летитъ уже вихорь, громъ гремитъ, ударъ за ударомъ, и близко, близко подлетаетъ къ острову черный воронъ.

— Сюда, сюда! кричитъ Лебедь, и, выбиваясь изъ

послѣднихъ сихъ, спотыкаясь и падая, подбѣгаетъ Нолли съ Милой къ грудѣ большихъ сѣрыхъ камней, что лежали на берегу.

— Скорѣй, скорѣй, отвалите этотъ камень! кричитъ Лебедь.—Но нѣтъ больше силы у Нолли и Милы, пробуютъ они, толкаютъ, толкаютъ камень, и не могутъ его сдвинуть. Тогда Волчокъ завизжалъ и принялся помогать имъ. Онъ быстро началъ рыть, и подрылся подъ камень.

— За мной! вскричалъ Лебедь и нырнулъ подъ камень. За нимъ слѣдомъ полѣзъ Волчокъ, а за нимъ пролѣзли Мила и Нолли. Подъ камнемъ была глубокая пещера, и всѣ четверо они ушли въ нее.

А воронъ съ царицей уже были на островѣ.

— Ага! вскричала царица, вотъ гдѣ ихъ поганое гнѣздо.—И она махала руками, и при каждомъ взмахѣ молніи летѣли и били во всѣ стороны, а отъ ударовъ грома земля дрожала.. Съ трескомъ падали и загорались высокія деревья, а вихорь вырывалъ ихъ съ корнями, рвалъ, металъ и разбрасывалъ далеко кругомъ въ бурное море. Пылали лѣса и кусты съ чудными цвѣтами и плодами, горѣла трава, трескались камни. Напрасно бѣдные хорошенькіе звѣрки искали спасенія и старались высоко выпрыгнуть изъ травы, или укрыться въ норкахъ. Ихъ палило огнемъ, душило дымомъ, раскаленная земля жгла ихъ, и они падали и умирали въ страшныхъ мукахъ. Напрасно золотыя райскія птички съ жалобнымъ крикомъ кружились надъ огнемъ, имъ негдѣ было присѣсть, подъ

ними было пламя и море. И онѣ усталыя запыхавшись падали въ огонь и горѣли. Высоко летѣли по вѣтру, неслися огненнымъ вихремъ огромныя искры. Какъ отъ громаднаго костра, большими, широкими клубами подымался дымъ отъ острова. Яркое зарево блестѣло, разливаясь въ черныхъ тучахъ по далекимъ морскимъ волнамъ....

Такъ погибъ, сгорѣлъ Зеленый Бархатный островъ!

Насытила злая царица свою ненасытную злобу.

— Ну! сказала она, теперь навѣрное отъ нихъ не осталось ни волоска, ни перышка, ни косточки, и все ихъ жилье пепломъ занесло. Полетимъ, мой другъ воронъ, назадъ. Отпразднуемъ нашу великую радость.

И они улетѣли, а за ними унеслась черная туча. Замолкъ громъ, погасло пламя. Только догарали, курились деревья, и бѣгали яркія искры по черному пеплу.

Вышли на другой день изъ подземелья Мила и Нолли, выползли Лебедь съ Волчкомъ. Всплеснула ручками Мила и ужаснулась. Кругомъ былъ смрадъ, клубился густой дымъ, и разстилался какъ синій туманъ, а сквозь этотъ туманъ сквозила черная, обгорѣлая земля и груды пеплу, да кое-гдѣ виднѣлись деревья, безъ листьевъ, съ черными сучками. Далеко по морю плавали разбросанныя черныя бревна. А отъ раскаленнаго камня тихо подымался бѣлый паръ. Ни кустика, ни травки!

— Мои добрые звѣрки, мои хорошенькія птички! что сталось съ вами? горевала Мила.

— Гдѣ же мы теперь жить будемъ? Неужели въ этомъ сыромъ подземельѣ? спрашивалъ Нолли.

— Не безпокойтесь, не тужите! утѣшалъ ихъ Лебедь. Велико Море-Окіанъ. Не одинъ на немъ зеленый островъ. Унесу я васъ на Голубые острова. Мы жить будемъ тамъ. Мы и найдемъ себѣ пріютъ. Тамъ лучше намъ будетъ, и дальше отъ нашихъ лихихъ враговъ. Садись ко мнѣ опять на спину, Мила, и полетимъ, я отвезу тебя, а Нолли съ Волчкомъ подождутъ здѣсь. Черезъ трое сутокъ я вернусь за ними.—И понесъ Милу Лебедь на Голубые острова.

Дивно прекрасны были эти острова! Лазурное море было кругомъ ихъ, и вѣчно ясное, синее небо надъ ними. Ни бури, ни вѣтры не налетали на это море, и только порой широкія волны тихо набѣгали и мирно плескались въ пологіе берега, точно баюкали каждый островъ. И каждый островъ какъ будто спалъ подъ пологомъ голубыхъ прозрачныхъ тумановъ.

Много было этихъ острововъ. И посреди ихъ одинъ больше, выше и лучше другихъ. На немъ жила владѣтельница всѣхъ Голубыхъ острововъ, добрая фея Лазура, въ чудномъ волшебномъ дворцѣ изъ голубаго кристалла. Каждый островъ имѣлъ свое имя. Тамъ былъ островъ Миндальный, островъ Синихъ Колокольчиковъ, островъ Лебяжій, Бѣлыхъ Розъ, Голубиный, Бѣлыхъ Слоновъ, Апельсинный, островъ Двуутробокъ, Зеленыхъ Обезьянъ и много, много было ихъ. Лебедь принесъ Милу на островъ Попугаевъ, который былъ ближе всѣхъ другихъ къ несчастному сгорѣвшему Зе-

леному острову. Какъ только онъ спустилъ Милу на берегъ, множество попугаевъ прилетѣло къ ней — и какіе всѣ они были красивые и вмѣстѣ смѣшные. Одни были сизые, бѣлые, съ большимъ высокимъ хохломъ. Другіе розовые, третьи были чуднаго голубаго цвѣта, съ длинными хвостами и съ оранжевой грудью. Были красные съ синими крыльями. Были и зеленые, съ красной грудью и бѣлой головой. Всѣ они ярко блестѣли на солнцѣ, страшно кричали, хлопали крыльями и кланялись Милѣ. Одни кричали: Арра! Арра! другіе: Куррули! Куррули! а одинъ старый попугай, весь голубой съ бѣлымъ ошейникомъ и сѣдой головой, вертѣлся у самыхъ ногъ Милы, нагибалъ голову къ землѣ, и все твердилъ одно и тоже: Здравствуй, здравствуй! я тебѣ яблоко принесу, яблоко принесу!

Отдохнулъ Лебедь, оставилъ Милу съ попугаями, и полетѣлъ за Нолли на Зеленый островъ. Подлетѣлъ онъ къ острову и ахнулъ. Не было на немъ ни обгорѣлыхъ деревьевъ, ни пней, ни камней, ни пеплу. Весь былъ островъ размытъ и волны далеко взбѣгали на его берега. Подлетѣлъ Лебедь къ подземелью и ужаснулся. Не было ужъ на немъ камней. Широко чернѣлся открытый входъ въ него, и вода плескалась тамъ. Водой залито было все подземелье до самыхъ краевъ. Не вѣритъ глазамъ своимъ Лебедь, полетѣлъ онъ дальше, кружится надъ островомъ, смотритъ во всѣ стороны, кричитъ изъ всѣхъ силъ:

— Нолли! Нолли!—Но нѣтъ, нигдѣ Нолли не видно, не слышно, только волны шумятъ и плещутъ въ

берегъ, обдаютъ его бѣлой пѣной!..—Утонулъ! вскричалъ лебедь, утонулъ! и опустившись въ изнеможеніи на воду, завернулъ подъ крыло свою голову.

Что же случилось съ Нолли?

Когда Лебедь улетѣлъ съ Милой на Голубые острова, Нолли сидѣлъ съ Волчкомъ цѣлый день въ подземельѣ. На другой день онъ вышелъ. Ему хотѣлось ѣсть. Осматриваясь во всѣ стороны, пошелъ онъ по острову, но на каждомъ шагу попадались еще горѣвшіе сучья, пеньки и горячая зола жгла ноги. Нашелъ Нолли на берегу большую раковину, въ родѣ чаши; зачерпнулъ онъ въ нее воды и пошелъ на поиски. Онъ плескалъ передъ собой воду, и потомъ уже шелъ, а за нимъ шелъ Волчокъ. Скоро нашли они нѣсколько большихъ орѣховъ съ толстой корой, которая вся сгорѣла въ уголь: Нолли разбилъ ее, и съ жадностью съѣлъ вкусныя ядра, которыя испеклись и сдѣлались сладкими. Потомъ подобрали они и съѣли съ Волчкомъ нѣсколько мертвыхъ райскихъ птичекъ, которыя также испеклись. Кромѣ того, Волчокъ отрылъ съ десятокъ большихъ сладкихъ кореньевъ. Утоливъ голодъ, они тотчасъ же снова вернулись къ подземелью. Но въ то время, когда они подходили къ нему, Волчокъ вдругъ навострилъ уши, заворчалъ, и съ лаемъ бросился впередъ. Взглянулъ Нолли и задрожалъ. Передъ самымъ входомъ въ пещеру сидѣлъ на камнѣ черный Воронъ и смотрѣлъ въ нее. Когда Волчокъ бросился на него, онъ тихо поднялся, сдѣлалъ нѣсколько круговъ, закаркалъ и улетѣлъ прочь. А Нол-

ли ни живъ, ни мертвъ, бросился съ Волчкомъ въ подземелье и забился въ самый дальній уголъ.

Воронъ прилеталъ на островъ, съ тѣмъ, чтобы посмотрѣть: не осталось ли костей отъ Милы и Нолли? Онъ хотѣлъ сварить изъ этихъ костей злое зелье на погибель всѣхъ добрыхъ дѣтей. Увидавъ Нолли, онъ хотѣлъ кинуться на него и растерзать, но потомъ рѣшилъ лучше разсказать объ этомъ царицѣ, и вмѣстѣ обдумать, что сдѣлать. Онъ думалъ, что въ пещерѣ спрятаны Мила и Лебедь. Какъ услыхала царица, что всѣ они вырвались изъ ея когтей, отъ злости вся задрожала, а на лицѣ у ней выступили черныя пятна.

— Бѣжимъ, летимъ скорѣй, хрипѣла она, задыхаясь, они опять куда нибудь пропадутъ — и бросилась она на берегъ моря, а за ней Воронъ. Тамъ на берегу ударился онъ о-землю и превратился въ большаго чернаго Дельфина, у него была широкая пасть, усаженная острыми зубами, а глаза горѣли, какъ свѣчки.

— Садись на меня, сказалъ онъ царицѣ, и поплывемъ,—а самъ спрыгнулъ въ море. И сѣла она на Дельфина, ударилъ онъ острымъ плесомъ по морю и поднялась на морѣ страшная буря. Всплеснулись бурныя волны, горами заходили валы съ бѣлыми верхами. Высоко кверху полетѣли брызги и пѣна. Засвистѣлъ Дельфинъ громкимъ свистомъ, и вдругъ изъ глубины моря выплыло къ нему цѣлое стадо дельфиновъ, такихъ же, какъ онъ, огромныхъ, такихъ же черныхъ

и страшныхъ. Засвистѣлъ въ другой разъ Дельфинъ-колдунъ, и налетѣли со всѣхъ сторонъ тучи и поднялись изъ моря и закрутились водяные столбы. Засвистѣлъ въ третій разъ колдунъ, и заревѣлъ страшный ураганъ, захлесталъ, забилъ онъ валами, и полетѣлъ, понесъ онъ Дельфина съ царицей къ Зеленому острову, а за нимъ, прыгая и ныряя въ высокихъ волнахъ, въ пѣнѣ и брызгахъ неслися злые дельфины, а за ними летѣли черныя тучи и въ нихъ вертѣлись столбы водяные, тифоны. Налетѣлъ съ ревомъ и громомъ ураганъ на обгорѣлый островъ, запрыгали вокругъ него высокія волны, били онѣ и хлестали по всему острову, унося съ собой въ море все что попадало подъ ихъ страшные удары. А колдунъ подвезъ царицу къ самому подземелью. Дико кричала и хохотала она, и плескала водой въ подземелье. И съ каждымъ плескомъ поднималась волна, какъ гора водяная, и съ страшнымъ шумомъ вливалась въ подземелье. Мигомъ наполнилось оно до краевъ и исчезло въ брызгахъ и пѣнѣ. Но не вѣрилось злой царицѣ, что она потопила въ немъ Милу и Нолли съ лебедемъ.

— Нѣтъ ли, мой другъ колдунъ, еще здѣсь другой какой нибудь трущобы, не спрятались ли эти поганые гады опять куда нибудь?

— Нѣтъ, отвѣчалъ колдунъ, ты видишь, какъ ходятъ п плещутъ волны черезъ весь островъ. Онѣ все снесли и размыли, все затопили. Нѣтъ никому въ нихъ спасенья.

— Отчего же не всплываютъ на верхъ ихъ трупы? допытывалась опять злая царица.

— Ихъ трупы занесло землей и камнями, отвѣчалъ колдунъ, а вмѣстѣ съ волнами бросились въ подземелье дельфины и морскія акулы. Они вѣрно нашли ихъ тамъ и давно ихъ съѣли. Смотри, вонъ они выплываютъ назадъ; видишь, какъ сверкаютъ ихъ острые зубы, какъ бурлитъ вокругъ нихъ красная, кровавая пѣна. Хорошій пиръ я имъ задалъ, и вернутся они къ себѣ не съ тощими желудками! Полетимъ лучше пировать домой. Больше намъ здѣсь нечего дѣлать!—И они улетѣли. Затихла буря. Долго грызлись между собой дельфины и акулы, наконецъ всѣ уплыли. Только волны все еще плескали и бились о берегъ, и далеко кругомъ острова бѣлѣла бѣлая пѣна.

Часъ, два и три сидѣлъ Лебедь на волнахъ и горевалъ. Наконецъ взмахнулъ крылами и съ жалобнымъ стономъ полетѣлъ назадъ къ Милѣ. А Мила ждетъ не дождется дорогихъ друзей. Она живетъ на берегу, какъ въ бесѣдкѣ подъ густымъ навѣсомъ большихъ зеленыхъ липъ, на густой зеленой травѣ, мягкой какъ пухъ, и блестящей какъ шелкъ. Попугаи не отходятъ отъ нея ни днемъ, ни ночью. Они садятся ей на платье, на руки. Приносятъ ей такихъ ягодъ, орѣховъ и плодовъ, какихъ нигдѣ на свѣтѣ не видано. Мила разсказываетъ имъ про своего далекаго, миломъ братцѣ Нолли, и всѣ попугаи твердятъ за нею: Милый Нолли, милый Нолли!

Цѣлый день и цѣлыхъ три дня Мила сидитъ на берегу и все смотритъ въ ту сторону, куда улетѣлъ Лебедь, а попугаи сидятъ съ ней, и тоже ждутъ милаго Нолли, и дремлютъ, тихо качаясь на тонкихъ вѣткахъ.

На третью ночь Мила ждала до утренней зорьки, а на утренней зорькѣ подулъ сонный вѣтерокъ, свѣжунчикъ, подулъ прямо на Милу, и какъ она сидѣла, такъ и заснула. Тихо прилетѣлъ Лебедь. Онъ принесъ съ собой корзинку, которую Нолли сплелъ для Милы, еще когда они жили на Зеленомъ островѣ,—онъ нашелъ эту корзинку далеко въ морѣ. Она плыла и качалась на синихъ волнахъ. Подлетѣлъ Лебедь къ Милѣ и положилъ ей на колѣна корзинку. Это было теперь все, что осталось отъ Нолли. Проснулась Мила, схватила корзинку и бросилась къ Лебедю. Она цаловала его, обнимала: Здравствуй, мой дорогой, ясноокій Лебедь, а гдѣ же мой милый Нолли, и что значитъ эта корзинка?

— Эту корзинку, сказалъ Лебедь, прислалъ тебѣ Нолли на память. Онъ уплылъ далеко на самое дно Моря-Океана, въ золотые лучи и коралловыя рощи, къ хорошенькой маленькой феѣ Зигенѣ и тамъ забылъ о тебѣ!

Поблѣднѣла Мила и прислонилась къ дереву, а корзинка выпала изъ ея маленькихъ ручекъ и скатилась къ самому морю. Долго смотрѣла Мила на Лебедя и наконецъ тихо покачала головой.

— Это неправда, мой милый Лебедь, сказала она,

это неправда, ты скрываешь отъ меня. Не могъ меня такъ бросить мой добрый Нолли, онъ прилетѣлъ бы проститься со мной, и если ему понравилась какая-нибудь маленькая фея, съ которой ему веселѣе, чѣмъ со мной среди золотыхъ луговъ, то онъ знаетъ, какъ я была бы рада его веселью и его счастью,—и слезы брызнули изъ свѣтлыхъ глазокъ Милы и тихо покатились по ея блѣднымъ щекамъ.—Нѣтъ неправда, мой милый Лебедь. Скажи мнѣ все, не бойся, я знаю, я чувствую сердцемъ, что нѣтъ уже на свѣтѣ моего милаго Нолли, моего дорогаго друга!

И Лебедь сказалъ ей всю правду, а Мила еще больше поблѣднѣла, закрыла глаза и прижала руку къ груди, какъ будто хотѣла остановить сердце, чтобы оно не билось съ такой нестерпимой болью.

— Лебедь, начала она тихо, мой милый Лебедь, зачѣмъ ты вынесъ меня изъ пруда? Я лежала бы теперь тамъ на днѣ мертвой дѣвочкой, и не знала бы горя и не знала бы той боли въ сердцѣ, какую испытала теперь въ эту минуту. Лебедь, единственный другъ мой, у меня къ тебѣ одна, послѣдняя просьба.—И она тихо опустилась на колѣна и протянула къ нему руки: Снеси меня, дорогой мой, къ моему отцу, къ моему родному брату, я посмотрю на него, поцалую его крѣпко въ послѣдній разъ, и потомъ пусть убьетъ меня злая царица!

— Твой отецъ, сказалъ Лебедь, давно забылъ тебя, а ты хочешь теперь снова причинитъ ему то страданіе, ту муку, которыя онъ пережилъ и забылъ уже, и отъ

которыхъ теперь такъ сильно ноетъ твое бѣдное сердце.

Она поднялась съ колѣнъ и обняла Лебедя. Прощай же, мой вѣрный, вѣрный и крѣпко любимый другъ. Мнѣ ничего не остается, какъ броситься въ эти тихія, свѣтлыя волны и опуститься на самое дно голубаго моря. Тамъ я буду лежать, какъ эти бѣлые камни, и не буду чувствовать ни страданья, ни горя!

— Постой, сказалъ Лебедь, и весь встрепенулся, прежде чѣмъ ты бросишься въ воду, преврати мое сердце въ камень, а то оно будетъ страдать также какъ твое, только я къ несчастью не могу еще, какъ ты, лишить себя жизни. Много тяжелаго горя я испыталъ на своемъ вѣку, и если я хоть сколько нибудь тебѣ дорогъ, если я дѣйствительно твой любимый другъ, не заставляй же еще болѣе мучиться и безъ того такъ много страдавшее бѣдное сердце твоего любимаго друга.

— Лебедь, дорогой мой Лебедь! вскричала Мила, ломая свои маленькія ручки, не бойся, я буду жить для тебя, но только какъ это ужасно: жить и страдать!

И она пошла въ лѣсъ шатаясь какъ маленькая травка отъ вѣтра, а за ней полетѣли попугаи, крича: Милый Нолли, милый Нолли! и это разносило по лѣсу и повторяло ихъ крики, какъ будто каждое дерево говорило одно и тоже.

И шли дни за днями, скучные, тяжелые дни! Также прекрасны были Голубые острова, также лазурно небо и море, также роскошны зелень и цвѣты.

— Ахъ! думала Мила, зачѣмъ все такъ хорошо, вѣдь этимъ не можетъ любоваться мой мертвый братецъ Нолли. Онъ лежитъ тамъ далеко, на днѣ холоднаго моря и его бѣдное тѣло ѣдятъ теперь большіе черные раки!—И она цаловала корзину, ту самую маленькую корзинку, которую принесъ ей Лебедь и которую сдѣлалъ милый ея Нолли. Иногда по вечерамъ, когда красное солнышко опускалось въ лазурное море и море блестѣло розовымъ свѣтомъ, Мила садилась на берегу передъ Лебедемъ. Тихій островъ становился еще тише, покойнѣе, всѣ попугаи сидѣли молча вокругъ Милы, а она, положивъ свою головку на ладони, смотрѣла въ ту сторону, гдѣ далеко, далеко былъ Зеленый Бархатный островъ, и гдѣ теперь лежалъ ея милый Нолли. Лебедь разсказывалъ ей про красоту другихъ Голубыхъ острововъ, про хрустальный дворецъ среди лазури. Но Мила не слушала своего друга. Она все думала и воображала одно и тоже, какъ погибъ, утонулъ ея маленькій братъ, какъ волны затопили пещеру, и какъ грызли дельфины и акулы бѣдное тѣло Нолли. Вечеръ погасалъ, тихо спускалась темно-голубая ночь, Лебедь давно дремалъ, попугаи давно спали, а Мила все еще сидѣла и думала объ одномъ и томъ же, и только по временамъ вся вздрагивала и проводила ручкой по горячему лбу, какъ будто хотѣла отогнать свои тяжелыя неотвязныя думы. Потомъ, когда яркія звѣздочки одна за другой начинали зажигаться на синемъ небѣ и отражаться въ тихомъ синемъ морѣ, она, тяжело вздохнувъ, вставала и

медленно шла спать въ свою бесѣдку. Она прятала въ холодную траву свою горячую головку, прикладывала къ ней поблѣднѣвшіе свои сухіе глаза и похудалыя щеки.

— Травка, травка зеленая, шептала она, каждый вечеръ плачешь ты холодными чистыми росинками; отчего же я, несчастная, не могу плакать, отчего всѣ слезы мои застыли въ моемъ бѣдномъ сердцѣ? Ахъ! еслибъ я могла ихъ выплакать, какъ бы спокойно уснуло это больное сердце, а теперь оно будетъ тосковать, метаться и биться всю ночь, и я вмѣстѣ съ нимъ.—И Мила не смыкала глазъ до самаго разсвѣта, пока наконецъ утренній вѣтерокъ свѣжунчикъ не навѣвалъ тихаго сна на эти усталые сухіе глазки.

Разъ вечеромъ Мила сидѣла по обыкновенію съ своимъ другомъ Лебедемъ на берегу моря и смотрѣла вдаль. Что-то темное плыло къ берегу, но что такое— нельзя было разобрать вдали. Зорко смотрѣлъ, нахмурясь, Лебедь, и наконецъ рѣшилъ, что это плыветъ пустая бочка. Но впереди бочки еще что то плыло, и еще пристальнѣе сталъ всматриваться Лебедь, что-бы это такое было. Наконецъ, онъ весь встрепенулся, подошелъ къ Милѣ, и началъ къ ней ласкаться.

— Что, мой Лебедь, спрашиваетъ Мила, что ты тамъ увидѣлъ?

Но ничего не говоритъ Лебедь, только смотритъ на Милу своими свѣтлыми, умными глазами. Ближе и ближе подплываетъ бочка къ берегу, и видитъ уже Мила, что бочка не пустая, что въ ней что-то бѣлѣ-

етъ и движется, а впереди плыветъ большая кудлатая собака, и только одна голова ея видна изъ воды. Ближе подплываетъ она вмѣстѣ съ бочкой, пристальнѣе вглядывается Мила, она уже слышитъ, какъ визжитъ и лаетъ собака, и вдругъ по тихой водѣ, сквозь мертвую тишину, прозвенѣлъ въ воздухѣ и долетѣлъ до Милы тонкій голосокъ: Мила, Мила, дорогая моя Мила!

Вся задрожала, услышавъ этотъ голосокъ, Мила. Обезумѣвъ, не помня себя, она бросилась къ морю и упала бы въ него, еслибъ не удержалъ ее Лебедь.

— Нолли! хочетъ закричать Мила, и не можетъ. Нолли, шепчетъ она, и вся дрожитъ, и краснѣетъ, и блѣднѣетъ. Другъ мой милый Лебедь, вѣдь это Нолли, вѣдь онъ не во снѣ къ намъ плыветъ?!... Да! И вдругъ брызнули и полились въ три ручья слезы изъ свѣтлыхъ глазокъ Милы, она припала къ Лебедю, цалуетъ его глаза, шею, крылья, она рыдаетъ и смѣется и гладитъ Лебедя маленькими ручками, а попугаи кричатъ: Нолли плыветъ! Нолли плыветъ, милый Нолли! а Волчокъ визжитъ и лаетъ, и гребетъ изъ послѣднихъ силъ къ берегу, онъ везетъ большую черную бочку, а въ ней стоитъ свѣтлый и радостный Нолли и протягиваетъ руки къ своей милой, ненаглядной Милѣ!...

И столько было тутъ радости при этомъ радостномъ свиданьѣ, и слезъ, и милыхъ словъ, и смѣху, и поцалуевъ, что даже и въ сказкѣ не найдти. И сталъ Нолли разсказывать, какъ онъ спасся отъ по-

топленья и приплылъ къ Голубымъ островамъ. Какъ онъ испугался, когда увидалъ злаго колдуна, чернаго ворона, а когда онъ улетѣлъ, то Нолли вышелъ изъ подземелья, и сталъ искать: нельзя ли спрятаться куда нибудь подальше, или какъ нибудь спастись. Между тѣмъ набѣжали тучи, поднялся сильный вѣтеръ, и вмѣстѣ съ волнами къ берегу начало прибивать множество бревенъ, досокъ и наконецъ прибило старую бочку. Нолли тотчасъ же захватилъ эти бочку, онъ выбилъ у ней камнемъ дно, хоть это ему и было очень трудно. Потомъ посадилъ въ бочку Волчка, захватилъ кусокъ коры и веревку, на которой перевезъ Волчка Лебедь на Зеленый Бархатный островъ, захватилъ также жареныхъ птичекъ и кореньевъ, которые у него остались отъ обѣда, и влѣзъ въ бочку. За тѣмъ, онъ опять, какъ могъ плотнѣе, забилъ изнутри дно бочки, началъ въ ней раскачиваться до тѣхъ поръ пока она не перевернулась и не скатилась въ море. А на морѣ уже разыгривалась буря. Злой колдунъ съ царицей неслись по волнамъ, а съ ними летѣлъ ураганъ, и вотъ захватилъ, завертѣлъ этотъ ураганъ бочку съ Волчкомъ и Нолли, и понесъ ихъ далеко въ открытое море. Цѣлую ночь носилась бочка по волнамъ, и не спалъ въ ней Нолли. Къ утру буря стихла, улеглись волны. Нолли опять выбилъ дно и взглянулъ на бѣлый свѣтъ. Надъ нимъ было голубое небо, подъ нимъ синее море, а кругомъ это море сливалось съ небомъ, и не было ничего видно, кромѣ моря и неба. Когда Нолли провожалъ Милу,

то замѣтилъ, Лебедь понесъ ее на востокъ, въ ту сторону, откуда восходитъ солнце. Вечеромъ онъ замѣтилъ, что въ этомъ мѣстѣ на небѣ зажглись три яркія звѣздочки.

— Ну! Волчокъ, сказалъ онъ, теперь солнце и звѣзды укажутъ намъ путь, а ты, старый другъ, повезешь нашъ пловучій домикъ. —И онъ привязалъ одинъ конецъ веревки къ бочкѣ, а другой обвязалъ вокругъ шеи Волчка, и спрыгнулъ въ холодное море. Долго плыли они; когда Волчокъ уставалъ, онъ влѣзалъ отдыхать въ бочку. Но было очень страшно одному, совершенно одному на широкомъ морѣ: тогда онъ смотрѣлъ на ясныя звѣздочки, и все думалъ про свою милую Милу, про свою далекую звѣздочку. А Волчокъ все плылъ, куда ему указывалъ Нолли, и такъ они плыли семь дней и семь ночей, и наконецъ приплыли къ острову Попугаевъ.

— Хорошо, что ты плылъ въ бочкѣ, сказалъ Лебедь, а то ни лодка, ни корабль не могутъ подойдти къ Голубымъ островамъ. Какъ только они завидятъ эти острова, то тотчасъ идутъ ко дну.

И всѣ замолчали. А ночь давно ужь лежала надъ островомъ и надъ моремъ и на всемъ темносинемъ небѣ горѣли свѣтлыя, яркія звѣзды, и всѣ онѣ отражались въ морѣ, какъ въ зеркалѣ. Словно и тамъ было темносинее небо съ яркими, свѣтлыми звѣздочками. Мила и Нолли сидѣли рядомъ, взявшись за руки, и смотрѣли на эти звѣзды. А всѣ уснули, и Волчокъ давно уже спалъ, и спали, обступивъ его кругомъ, попугаи. И долго въ эту ночь не могла спокойно уснуть Мила. Она дремала, вздрагивала и просыпалась. Она

вспоминала, что ея милый Нолли тутъ, онъ не умеръ, живъ, возвратился и подлѣ нея и сердце у ней такъ сладко замирало. Она шептала: Милый, милый мой Нолли!—и снова тревожно засыпала.

Весело зажили Мила и Нолли на островахъ Попугаевъ. Да и чего же не доставало имъ для ихъ веселья? Они жили безъ нужды, заботъ и горя. У нихъ было постоянно чисто, какъ новое, ихъ платье, потому что у всѣхъ кто жилъ на Голубыхъ островахъ, никогда платья не изнашивались, не рвались и не пачкались. Попугаи приносили имъ множество плодовъ, большихъ, сочныхъ орѣховъ, банановъ, и кокосовъ, они ѣли ихъ сырыми или испечеными въ горячей золѣ, и кормили ими также Волчка. Надъ ними было постоянно голубое, ясное небо, а вокругъ тихое, лазуревое море. Всѣ острова были какъ райскій садъ, и они жили на немъ, какъ въ раю. Они бѣгали, рѣзвились, смѣялись, играли съ Волчкомъ, играли съ попугаями. Они были счастливы и веселы. Чего имъ не доставало?

— Скажи мнѣ, Нолли, говорила разъ Мила, сидя вечеромъ подъ большимъ деревомъ, скажи, мнѣ, когда ты, вотъ такъ, закроешь глаза и долго сидишь молча, и потомъ вдругъ откроешь ихъ, тебѣ не кажется, что ты былъ гдѣ-то далеко, далеко, и что кругомъ тебя все незнакомое, чужое?..

— Нѣтъ, сказалъ Нолли, и закрылъ глаза, и они оба сидѣли такъ долго, молча закрывъ глаза.

— А не кажется тебѣ, Нолли, вдругъ спросила Мила, не кажется тебѣ, когда ты такъ сидишь закрывъ

глаза и сложивъ на груди руки, что ты лежишь въ глубокой, глубокой могилѣ, и тамъ тебѣ хорошо и спокойно?

— Мила! вскричалъ Нолли задрожавъ. Онъ бросился къ ней и схватилъ ее за руки. Дорогая Мила! зачѣмъ ты это говоришь! Развѣ ты не любишь меня, развѣ намъ не хорошо здѣсь?!

Она молча смотрѣла своими ясными голубыми глазами на него, и вдругъ двѣ слезинки выкатились изъ этихъ глазъ и побѣжали по щекамъ.

— Мнѣ скучно, Нолли, прошептала она, мнѣ скучно, дорогой мой! Я живо представляю себѣ, какъ больно было моему сердцу, когда я считала тебя погибшимъ. Ахъ! Я никогда не желала бы, чтобы эта ужасная боль снова вернулась. Я знаю, что я теперь должна быть счастлива... а мнѣ чего-то не достаетъ, Нолли, мнѣ грустно, скучно даже съ тобой, моимъ дорогимъ другомъ. Знаешь ли: я думаю, что это тоскуетъ обо мнѣ мой родной тата, котораго я никогда, никогда не могу забыть. Это тоскуетъ его сердце и издалека шлетъ вѣсть и зоветъ къ себѣ мое сердце. Пойдемъ, милый Нолли, къ Лебедю, поговоримъ съ нимъ.

И, взявшись за руки, они пошли по тропинкѣ между пышныхъ, цвѣтущихъ кустовъ къ берегу моря.

— Другъ мой Лебедь, сказала Мила, ласкаясь къ нему. Мое бѣдное, глупое сердце не даетъ мнѣ покоя, оно зоветъ меня къ моему родному отцу. Я знаю, я чувствую, ты много для меня сдѣлалъ, не откажи, мой дорогой, еще въ одной услугѣ. Слетай къ моему отцу, и скажи мнѣ, что онъ дѣлаетъ!

— Опять! сказалъ Лебедь нахмурясь! Вѣдь я сказалъ тебѣ, что онъ почти позабылъ тебя, а теперь онъ вѣрно объ тебѣ больше не вспоминаетъ.

Другъ мой Лебедь, сказала Мила, еслибъ у меня были крылья, я сама бы полетѣла, чтобъ хоть одинъ разъ, однимъ глазкомъ взглянуть, что дѣлаетъ мой дорогой тата. Мое сердце тоскуетъ, мнѣ не весело посреди чудныхъ деревьсвъ, цвѣтовъ, веселыхъ попугаевъ, вмѣстѣ съ моимъ милымъ Нолли. Сжалься надо мной, дорогой мой Лебедь! и она со слезами протягивала къ нему руки.

Ничего не сказалъ Лебедь. Онъ встряхнулъ крылами, широко размахнулъ ими, и молча полетѣлъ въ ту сторону гдѣ было царство отца Милина. А Мила обняла Нолли, и припала лицомъ къ его груди.

— Милый Нолли, родной братецъ, шептала она, цалуя его, не огорчайся тѣмъ, что мое ребячье сердце не можетъ забыть моего отца, и не можетъ любить только тебя одного, моего дорогаго друга!..

Долго ждали Мила и Нолли Лебедя. Почти по цѣлымъ днямъ сидѣли они на берегу, и Мила вспоминала при этомъ, что она также сидѣла одна и ждала Нолли и Лебедя съ Бархатнаго острова, потомъ она вспоминала какъ она никого не ждала, не могла ждать, а сидѣла съ Лебедемъ на берегу, вся разбитая горемъ о потерѣ своего милаго Нолли. И жутко и весело становилось Милѣ при этомъ воспоминаніи, потому что Нолли теперь сидѣлъ подлѣ нея. Она сжимала его смуглую руку въ своей маленькой ручкѣ, и смотрѣла прямо своими свѣтлыми глазами въ его большіе, черные, умные и добрые глаза.

Наконецъ Лебедь вернулся. Много тяжелаго горя перенесъ онъ въ своемъ лебединомъ сердцѣ, много онъ узналъ и видѣлъ такого, отчего это сердце не разъ готово было разорваться, но многаго онъ не сказалъ Милѣ и Нолли. Онъ узналъ, что злой колдунъ Мухарабъ съ большимъ войскомъ напалъ на владѣнія и столицу царя, отца Милы, что злая его мачиха сильно помогала Мухарабу. Что отецъ Милы давно уже ослѣпъ отъ горя и слезъ, оплакивая потерю своей ненаглядной крошки. Что Мухарабъ съ помощью войска и колдовства овладѣлъ наконецъ царствомъ, и слѣпаго бѣднаго старика отца Милы онъ вмѣстѣ съ царицей выгналъ вонъ въ одну бурную ночь изъ его столицы, и что вмѣстѣ съ старикомъ пошелъ только одинъ честный, старый слуга, и повелъ своего слѣпаго короля. А король не взялъ ничего съ собой изъ своихъ вещей, кромѣ крохотнаго бархатнаго башмачка Милы, что онъ надѣвалъ много разъ на ея ребячью ножку. И ходили эти два старика по разнымъ землямъ. Досталъ старый слуга своему бывшему королю старую арфу, и на этой арфѣ, слѣпой, сѣдой старикъ, проходя по большимъ городамъ — игралъ на широкихъ городскихъ площадяхъ чудную пѣсню о бѣломъ Лебедѣ.

По синему озеру Лебедь плыветъ.
Лебедь, мой Лебедь, серебряный Лебедь!
Онъ чудную пѣсню громко поетъ,
Онъ нѣчто поетъ о свободѣ святой,
Поетъ о далекихъ родимыхъ водахъ,
Поетъ о блестящихъ и яркихъ звѣздахъ,
А рощи и горы полны тишиной,
И ясная зорька горитъ надъ водой.

И когда онъ пѣлъ эту пѣсню, опустивъ на грудь свою бѣлую, какъ лунь голову, то слезы текли изъ его слѣпыхъ старческихъ глазъ, и падали на изсохшую грудь и высохшія руки, на холодную землю. Это старый король поетъ любимую пѣсню своей маленькой дочери. И добрые люди подавали милостыню старому королю.

Лебедь самъ слышалъ, какъ пѣлъ король свою пѣсню, и сердце его сжималось отъ тоски и горя. Когда король со своимъ старымъ слугой Дунканомъ вышелъ изъ города Лебедь подлетѣлъ къ нимъ. Онъ началъ говорить королю про его Милу, что живетъ далеко и счастливо съ маленькимъ братцомъ Нолли на Голубыхъ островахъ. Остановился въ изумленіи король, когда услыхалъ голосъ Лебедя и съ жадностью слушалъ его.—Старый мой, вѣрный Дунканъ, говорилъ онъ, не обманываетъ ли ужъ меня мой умирающій слухъ, вѣдь это кажется Лебедь говоритъ мнѣ про мою Милу.—И король дрожащими руками хваталъ крылья Лебедя, и гладилъ его шею.—Нѣтъ, говорилъ онъ, неправда,—и онъ качалъ сѣдой головой и махалъ руками, это неправда, мой старый Дунканъ, Милы нѣтъ болѣе на свѣтѣ, она умерла, я это знаю, она погребена здѣсь, въ моемъ сердцѣ, и поетъ свою чудную пѣсню про бѣлаго Лебедя. Ахъ! мой добрый Дунканъ, вѣдь и мнѣ давно пора умереть, вѣдь надо же наконецъ похоронить мою милую Милу, что лежитъ въ моемъ сердцѣ!—И онъ хотѣлъ лечь на дорогу, но Дунканъ поднималъ его и говорилъ, что посреди дороги

нельзя умирать, что здѣсь негдѣ похоронить Милу, потому-что никого не хоронятъ среди дороги.

— Ахъ нѣтъ, спорилъ обезумѣвшій старикъ, это неправда, Дунканъ, ты знаешь самъ, что меня уже давно схоронили, потому-что я сталъ для другихъ среди дороги! Пусти же меня, мой вѣрный Дунканъ, мой путь былъ длиненъ и тяжелъ, я усталъ; пора, пора мнѣ оxдохнуть!

Но Дунканъ, обхвативъ его, почти несъ на себѣ, а холодный дождь вмѣстѣ съ вѣтромъ мочилъ ветхую одежду короля и его бѣлые волосы. Довелъ его Дунканъ до бѣдной хижины рыбака, тамъ они вмѣстѣ съ рыбакомъ уложили его на постель, но измученный, больной старикъ долго грезилъ и метался.

Черезъ два дня онъ умеръ. Передъ смертью онъ пришелъ въ себя, узналъ Лебедя, который не отходилъ отъ его постели. Слабѣющими руками прижалъ онъ его шею къ своей груди, поцаловалъ его въ голову и просилъ его, чтобы онъ отнесъ къ Милѣ его послѣдній, прощальный поцалуй. Потомъ онъ все держалъ въ рукѣ и цаловалъ башмачокъ Милы и просилъ, чтобы его положили съ нимъ вмѣстѣ въ могилу, на грудь его. Онъ просилъ, чтобы похоронили его въ чистомъ полѣ и поставили надъ его могилой прочный бѣлый камень, а на этомъ камнѣ вырѣзали-бы такія слова: счастливъ тотъ, кто плылъ по житейскому морю.

Отъ всѣхъ волненій свободный,
Кто какъ камень безстрастный, холодный,
Что стоитъ надъ спокойной могилой,
Не зналъ ни веселья, ни горя.
Ни разлуки съ дорогой, сердцу милой!

И свято исполнилъ старый Дунканъ последнюю волю своего стараго короля.

А Лебедь еще цѣлый день леталъ около дворцоваго замка, гдѣ когда-то жилъ бѣдный король, счастливый и довольный. Теперь въ этомъ замкѣ каждую ночь бушевали страшные пиры. Туда слетались со всѣхъ сторонъ колдуны и колдуньи. Весь замокъ горѣлъ, освѣщенный красными огнями траурныхъ факеловъ. Тамъ гремѣла оглушительная музыка, составленная изъ звона похоронныхъ колоколовъ и тысячи цѣпей. И подъ эту музыку съ дикимъ хохотомъ танцовали колдуны и колдуньи и пили изъ большихъ кубковъ кровь всѣхъ невинныхъ страдальцевъ и маленькихъ дѣтей.

— Здѣсь пируетъ зло, думалъ Лебедь, потому-что нельзя не существовать ему на землѣ, если существуетъ на ней добро. И только тамъ идетъ все ровнымъ, спокойнымъ ходомъ, гдѣ нѣтъ ни того, ни другаго.

И Лебедь вернулся къ Милѣ, и разсказалъ все, что случилось,

Вся не своя, какъ окаменѣлая, слушала Мила разсказъ Лебедя. Блѣдная, какъ будто не живая, стояла она, опершись о Нолли.

— Что съ тобой, сестра моя, опомнись дорогая Мила, говорилъ Нолли, сжимая въ своихъ горячихъ рукахъ ея похолодѣвшія руки.

— Нолли, шептала она, я не знаю, что со мной дѣлается, но мнѣ тяжело, мнѣ очень тяжело, вѣдь я любила, я крѣпко любила моего роднаго тату.

Нолли тихо отвелъ ее подъ тотъ густой навѣсъ широкихъ, густыхъ листьевъ, гдѣ была ея постель. Онъ уложитъ ее на мягкую, шелковистую траву. И долго недвижно, какъ маленькая мраморная статуя, лежала на ней Мила. Потомъ по-немногу румянецъ началъ разливаться по ея лицу, и все ярче и ярче разгорался. Заблестѣли потухшія глазки Милы, заметалась она и застонала.

— Нолли, говорила она, у меня все горитъ въ груди, Нолли, дай мнѣ воды, хоть одну каплю! И Нолли давалъ ей воду, но и вода не могла залить огонь въ ея сердцѣ.

— Нолли, шептала она, я вся горю, но ты не бойся меня, я не сожгу тебя, вѣдь ты мой дорогой тату, и я буду твоимъ бѣлымъ камнемъ могильнымъ, и лягу на твое горячее сердце, и твоему сердцу будетъ такъ хорошо и прохладно подъ этимъ спокойнымъ камнемъ.

Она бормотала непонятныя слова, не узнавала ни Лебедя, ни Нолли, разговаривала съ своимъ отцомъ, и называла его самыми нѣжными именами. Весь растерянный сидѣлъ Нолли съ Лебедемъ и Волчкомъ около Милы, и не знали они, что дѣлать. Проходили дни и ночи. Мила не вставала съ постели. Нѣсколько разъ Лебедь и Нолли думали, что она уже умираетъ; нѣсколько разъ Нолли, прощаясь, целовалъ ея исхудалыя, недвигавшіяся ручки, и желалъ горячо, желалъ одного—превратиться въ холодный безстрастный камень.

Но Мила не умерла. Разъ вечеромъ, истомленная долгимъ бредомъ, она заснула; она спала тихо, спокойно, спала долго и проснулась только черезъ два дня. Она проснулась, и все ей казалось было такъ давно и все давно прошло. Она узнала Нолли, и спрашивала, что съ ней было. А Нолли, самъ себѣ не вѣря, что Мила пришла въ себя и узнала его, цаловалъ ея руки, волосы, и весь трепеталъ, и плакалъ отъ тихой радости.

И стала медленно поправляться Мила. Все ей казалось такъ ново и все такъ хорошо, и голубое ясное небо, и синее море, и эти чудныя деревья, и пахучіе, красные цвѣты, и милые, веселые попугаи, и всѣхъ лучше, и всѣхъ милѣе — дорогой ея другъ Лебедь и милый братъ ея Нолли. Лебедь говорилъ, что она выросла. Да и Нолли также выросъ. И оба, обновленные, зажили по-новому на старомъ островѣ, который былъ постоянно новъ. На немъ было все такъ хорошо, такъ свѣжо и молодо. Старыя деревья смотрѣли вѣчно юными, старые попугаи умирали, и на мѣсто ихъ являлись новые, и никто не замѣчалъ этой замѣны.

Иногда Милѣ казалось, что все зло такъ и должно быть, и что лучше этого ничего быть не можетъ. Но когда она исходила весь островъ вмѣстѣ съ Нолли, когда каждый день и цѣлый день передъ ея глазами было все одно и тоже, были тѣ-же деревья, и цвѣты, и небо, и море, и попугаи, то она закрывала глаза, и невольно спрашивала: неужели все это будетъ вѣчно одно и тоже, одно и тоже?

И ей казались несносными, невыносимо скучными и вѣчно голубое небо, и вѣчно тихое море, и вѣчно зеленыя деревья, и цвѣты, и веселые попугаи. Она сидѣла и думала: отчего все хорошее не можетъ казаться постоянно хорошимъ? Отчего, посреди всѣхъ этихъ дивныхъ красотъ, сердце тоскуетъ, и рвется, и просится куда-то въ далекую даль? Она думала, не манитъ-ли ее туда, гдѣ она жила очень маленькой дѣвочкой съ ея дорогимъ отцомъ, гдѣ была ея родина, гдѣ синѣло широкое озеро въ густой зелени высокихъ деревьевъ, по которому плавалъ другъ ея, бѣлый Лебедь. Но вѣдь и тамъ, думала Мила, все одно и тоже, и даже менѣе красиво, чѣмъ здѣсь, и притомъ, тамъ живетъ и пируетъ теперь ея злая мачиха съ колдуномъ Мурахабомъ. Думала, думала Мила, гдѣ лучше, и не могла придумать; а Нолли спрашивалъ: О чемъ ты думаешь, моя Мила? И Мила не могла сказать, о чемъ ноетъ ея сердце, чего жаждетъ оно. Она не хотѣла сказать, что ей скучно, потому-что боялась огорчить своего милаго Нолли. Онъ придумывалъ разныя новыя игры и занятія; они прокладывали новыя тропинки, строили бесѣдки, устраивали плотины на веселыхъ, серебристыхъ ручьяхъ, строили маленькія мельницы на быстрыхъ, пѣнистыхъ каскадахъ, учили говорить попугаевъ. Но Милѣ было скучно: все одно и тоже, одно и тоже! шептало ея бѣдное тоскующее сердце.

А между тѣмъ, время тихо тянулось. Незамѣтно уплывали годы.

Мила росла и все только хорошѣла. Изъ маленькой, хорошенькой дѣвушки развертывалась чудная дѣвушка. Тонкая, стройная, какъ гибкая рѣчная тростиночка, съ тихой, плавной поступью, съ тихой, пѣвучей рѣчью. Привѣтливо улыбался ея маленькій ротикъ, привѣтливо свѣтились ея свѣтлые, задумчивые глазки. И вся она была такимъ милымъ существомъ, что каждый, кто увидалъ бы ее, невольно остановился бы въ изумленіи, любуясь, дивясь и думая: Есть много всякихъ красотъ на бѣломъ свѣтѣ, но нѣтъ ничего милѣе и лучше такой милой дѣвушки! Но некому было, кромѣ Нолли и Лебедя, любоваться на Милу, за то и любовался и любилъ ее Нолли за всѣхъ людей, какъ только способно любить человѣческое сердце, ее, свою названную, дорогую, ненаглядную сестру Милу.

Онъ вѣдь и самъ ужъ давно выросъ изъ мальчиковъ, и былъ чуть не цѣлой головой выше Милы. На его мужественномъ, смугломъ лицѣ, окаймленномъ черными, густымии волосами, уже пробивались маленькіе усики.

И были забыты ими дѣтскія забавы. По цѣлымъ днямъ, по цѣлымъ вечерамъ, до глубокой ночи, Мила и Нолли сидѣли, держась за руки, безъ дѣла, безъ мысли, всѣ проникнутые еще незнакомымъ, новымъ для нихъ чувствомъ, которое могучей, ласкающей волной обхватило все существо ихъ и несло ихъ: куда?— они и сами не знали.

Разъ они оба пришли утромъ къ Лебедю.

— Лебедь, заговорила Мила, держа Нолли за руку,

и серебряный голосокъ ея дрожалъ и звенѣлъ въ утреннемъ туманѣ, а все лицо сіяло глубокимъ счастьемъ. Лебедь, дорогой другъ мой, говорила она, я привожу къ тебѣ ужъ не братца Нолли, а моего дорогаго жениха. И она, оставивъ руку Нолли, начала ласкать его и припала своимъ покраснѣвшимъ лицомъ къ его лебяжьей груди: Скажи мнѣ, серебряный мой Лебедь, вѣдь мы будемъ счастливы? Да! Да! Да! и она цаловала его голову и его умные, свѣтлые глаза, а Лебедь махалъ крыльями и вырывался отъ ея поцалуевъ.

— Постой! сказалъ онъ, наконецъ освободившись изъ ея мягкихъ объятій: постой! Я самъ не знаю, о чемъ ты меня спрашиваешь, но этотъ вопросъ гораздо важнѣе, чѣмъ ты думаешь. Садитесь вы оба сюда, на этотъ большой камень. Садитесь и выслушайте то, о чемъ я долженъ теперь разсказать вамъ.—И Мила и Нолли сѣли, обнявшись, на камень, а Лебедь началъ свой разсказъ подъ тихій, мирный плескъ морской волны:

Исторія Лебедя.

— Моя родина здѣсь, на Голубыхъ островахъ. Говорятъ, что я вышелъ изъ бѣлой водяной лиліи, другіе разсказываютъ, что въ меня превратился бѣлый цвѣтокъ махровой азаліи, но это все равно. Я былъ такимъ же прекраснымъ юношей, какъ ты, Нолли, я былъ въ средѣ множества сверстниковъ, такихъ же стройныхъ и красивыхъ, какъ ты, я былъ въ толпѣ

чудныхъ дѣвушекъ, если не такихъ милыхъ, какъ Мила, то такихъ же прекрасныхъ и пышныхъ, какъ прекрасныя, махровыя, пышныя розы. И лучше всѣхъ ихъ блестѣла и сіяла ослѣпительной красотой наша царица, наша дивная фея Лазура. Я думаю, она не могла бы казаться такой прекрасной, если-бы вокругъ ея не было толпы красавицъ. Посреди ихъ она была, какъ крупный брильянтъ, который кажется еще крупнѣе и лучше, когда онъ обведенъ ореоломъ столько-же блестящихъ, но мелкихъ алмазовъ. Весело, беззаботно неслась наша жизнь среди безконечнаго ряда пировъ и всякихъ наслажденій; вся она была безконечнымъ весельемъ. Мы рѣзвились, играли, пѣли и танцовали, вѣчно довольные всѣмъ, вольные, какъ воздушныя птицы, веселые, какъ дѣти, беззаботные, какъ мотыльки, что вьются около цвѣтовъ и блестятъ подъ свѣтлыми лучами весенняго солнца. Чего намъ недоставало?! — Ахъ! я тогда не зналъ ни страданія, ни горя людскаго. Теперь, да! только теперь я понимаю всю прелесть этой веселой, беззаботной жизни, безъ труда и потерь, которая вѣчно, неизмѣнно катила свои блестящія волны, какъ свѣтлый, играющій потокъ между смѣющимися, ласкающимися къ нему берегами. Но тогда эти волны казались мнѣ слишкомъ однообразны. Я все чего-то ждалъ, я ждалъ, что вотъ, вотъ, за этою волной будетъ что-то новое, чудное, небывалое. Но за этой волной шла новая, такая же блестящая и безстрастная, праздникъ шелъ за праздникомъ, наслажденье за наслажденьемъ, и волны ка-

тились, катились безъ конца. Ахъ! я не зналъ тогда, что существуютъ на свѣтѣ доброта и злоба, горе и радость, любовь и ненависть. Но я смутно чувствовалъ, что есть что-то за этими блестящими волнами, тамъ, въ глубинѣ, для меня невѣдомой, которую называютъ людскою жизнью.

— Разъ вечеромъ на веселомъ пиру я лежалъ подлѣ Лазуры, въ кругу всей нашей веселой и веселившейся толпы. Лазура ласкала, улыбаясь, мои волнистыя кудри, точно также, какъ она ласкала всѣхъ безъ разбора, и я смѣялся, ловилъ ея маленькія бѣлорозовыя ручки и цѣловалъ ихъ. Потомъ она быстро вскочила и понеслась въ пляскѣ съ другимъ юношей, а я, вмѣсто того, чтобы засмѣяться и точно также броситься вертѣться съ какой-нибудь изъ тѣхъ прекрасныхъ дѣвушекъ, которыя лежали возлѣ меня, я вдругъ почувствовалъ, что я одинокъ, и что всѣ эти дѣвушки не замѣнятъ мнѣ одной Лазуры. Незнаю, почему мнѣ вдругъ показалось, что она должна принадлежать мнѣ и никому больше. Нашъ пиръ былъ на Лебяжьемъ островѣ, мы всѣ танцовали, сидѣли или лежали на берегу, а передъ нами плавали цѣлыя стада лебедей; они также рѣзвились, играли, брызгались и громко кричали. Когда Лазура вернулась на свое мѣсто, я хотѣлъ снова положить голову на ея плечо, хотѣлъ схватить ея хорошенькую ручку и не могъ. Я чувствовалъ, что во мнѣ происходитъ что-то странное, неиспытанное. Она быстро обернулась ко мнѣ и, улыбаясь, посмотрѣла на меня и по-

томъ вдругъ захлопала въ ладоши, такъ-что всѣ къ ней обернулись.

— Смотрите, закричала она, указывая на меня, вотъ чудо! между нами чужой! Онъ вѣрно выросъ изъ какихъ нибудь сѣмянъ, которыя были принесены къ намъ водой или вѣтромъ изъ людского свѣта. Ну, мы сейчасъ будемъ охотиться за нимъ, а чтобы прохладить его, мы его выкупаемъ. Кышъ! ату его, чужой!— И она махнула рукой, и въ тоже время я, весь сконфуженный и перепуганный, полетѣлъ въ видѣ лебедя прямо въ море, а вслѣдъ за мной полетѣли орѣхи, яблоки, апельсины, камешки, каждый бросалъ чѣмъ попало мнѣ въ догонку, и всѣ кричали: ату его, ату, чужой! и всѣ хохотали до упаду.

— И сталъ я жить лебедемъ между множествомъ другихъ лебедей, но они избѣгали и дичились меня. Разъ фея Лазура со всей своей блестящей свитой въ жаркій полдень явилась на Лебяжій островъ. Всѣ стали купаться въ морѣ, всѣ веселились, брызгались, шутили, хохотали, всѣ играли съ лебедями, которые также всѣ были веселы, хлопали крыльями, ныряли, брызгались и кричали, какъ бѣшеные. Мнѣ также было весело, я подплылъ къ феѣ Лазурѣ вмѣстѣ съ другими лебедями, она брызгала воду намъ въ глаза, а мы хлопали ей крыльями по рукамъ. Вся облитая солнечнымъ свѣтомъ, веселая, живая, она вся сіяла неудержимымъ восторгомъ, и все въ хрустальныхъ брызгахъ воды, какъ въ брильянтахъ, ея тѣло сверкало въ голубыхъ волнахъ, какъ блѣдно-розовая мор-

ская пѣна. Я подплылъ къ ней ближе всѣхъ другихъ лебедей, я жадно ласкался къ ней, ловилъ ея брызги, но другіе лебеди постоянно толкали меня и громко кричали. И вдругъ какая-то злоба вспыхнула въ моемъ лебяжьемъ сердцѣ. Я бросился, какъ бѣшеный, на всѣхъ моихъ товарищей, и началъ жестоко бить ихъ сильными крыльями.

— Что ты, что ты! закричала фея Лазура, постой, видно ты и въ лебединой шкуркѣ остался все тѣмъ же человѣчьимъ отродьемъ. Нѣтъ, видно тебѣ не мѣсто между нами! Прощай, ступай въ тотъ старый міръ страстей и пороковъ, добра и зла, лжи и правды, которому ты принадлежишь по натурѣ. Ступай, и не возвращайся къ намъ до тѣхъ поръ, пока ты не узнаешь его и не почувствуешь къ нему полнаго и глубокаго отвращенія. А на прощанье я дарю тебѣ ясное воспоминаніе обо всемъ, что ты испыталъ прежде, чѣмъ сдѣлался лебедемъ. Ступай же и сравнивай твое настоящее и будущее съ твоимъ прошедшимъ.—И какъ бы гонимый невидимой силой, я поднялся съ родимыхъ водъ и полетѣлъ прочь отъ Голубыхъ острововъ черезъ синее море въ невѣдомую даль, въ людской міръ, далеко, далеко!

— Я не буду разсказывать вамъ, что я видѣлъ и сколько страданій я пережилъ. Я видѣлъ смерть и подлость. Не разъ мое бѣдное сердце переставало биться, и мнѣ казалось, что я умираю. Не разъ я прилеталъ къ Голубымъ островамъ съ глубокимъ омерзеніемъ и ненавистью ко всему людскому, съ жела-

ніемъ остаться на нихъ. Но невѣдомая сила снова гнала меня прочь въ этотъ ненавистный и презираемый міръ, гдѣ я принужденъ былъ скитаться. — Наконецъ я поселился на этомъ озерѣ, гдѣ жила ты, Мила, съ твоимъ отцомъ. Я думалъ, что мнѣ удалось тамъ найдти спокойный пріютъ между добрыми, честными и любящими людьми. Злая царица и тамъ уничтожила мое тихое пристанище.

— Сколько разъ мнѣ хотѣлось остановить тебя, Мила, въ неудержимыхъ порывахъ твоего глубокаго чувства. Но развѣ въ моей было власти запретить твоему любящему сердцу любить. Когда я принесъ тебя сюда, я думалъ, что срокъ моего изгнанія не конченъ, и что я буду принужденъ искать снова тихаго убѣжища для всѣхъ насъ. Но я оставался покоенъ, ничто не отгоняло меня отъ Голубыхъ островов, и такъ я прожилъ съ вами цѣлыхъ пять лѣтъ.—Правда, въ моемъ сердцѣ уже не было и нѣтъ никакого враждебнаго чувства, въ немъ нѣтъ ни злобы, ни презрѣнія, ни ревности, но въ немъ нѣтъ также и любви, и мнѣ не жаль васъ потерять, только бы жизнь ваша измѣнилась къ лучшему.

— Вы оба—любящія и дорогія другъ другу взрослыя дѣти. Въ вашихъ дѣтскихъ сердцахъ нѣтъ мѣста никакому тяжелому, враждебному для кого бы то ни было чувству, но эти сердца только тогда будутъ покойны и защищены отъ всякаго горя, когда въ нихъ не будетъ той страсти, которая горитъ въ нихъ теперь такимъ чистымъ, но бурнымъ огнемъ. Эта страсть

тотчасъ падаетъ и превращается въ тихое чувство довольства и веселья, когда она не принадлежитъ двумъ только сердцамъ, а разливается на всѣхъ, кто отвѣчаетъ нашимъ помысламъ. Если такихъ лицъ много, если они окружаютъ насъ цѣлой толпой, то между ними нѣтъ, не можетъ быть, избранниковъ сердца, они всѣ для него равны и оно принадлежитъ имъ всѣмъ. И тогда въ немъ не можетъ быть этого тяжелаго, сосредоточеннаго чувства, которое мы называемъ любовью, оно постоянно ликуетъ, полное довольствомъ, весельемъ и вѣчнымъ, невозмутимымъ счастьемъ.

— Мила! отвѣчай мнѣ: если вокругъ тебя будутъ такіе же юноши, какъ твой Нолли, если они съ такой же любящей, нѣжной лаской будутъ цѣловать твои руки и твои ясные глаза, будешь ли ты отвѣчать имъ на ихъ ласки такъ-же, какъ ты отвѣчаешь Нолли?

Мила молчала, она вся покраснѣла, такъ что слезы выступили на ея глазкахъ. Она смотрѣла на Нолли и гладила его черныя кудри, какъ будто ждала отъ него отвѣта и помощи.

— Нолли! сказалъ Лебедь, если Мила не отличитъ тебя въ толпѣ другихъ юношей, если ея сердце, до сихъ поръ постоянно страдавшее отъ наплыва тѣхъ глубокихъ чувствъ, въ которыхъ нельзя найти границы между наслажденіемъ и страданіемъ, если это сердце, наконецъ, успокоится въ тихихъ радостяхъ, если Мила будетъ постоянно весела, довольна и счастлива,—Нолли! отвѣчай, будетъ ли довольно тѣмъ твое собствен-

ное сердце, и не возмущается ли оно теперь при одной мысли о томъ, что Мила не будетъ принадлежать тебѣ одному, что въ ея сердцѣ не будетъ даже завѣтнаго уголка для тебя!

— Нѣтъ! вскричалъ Нолли, поднявшись съ камня и откинувъ назадъ свои черныя кудри. Нѣтъ! Я не знаю, найдетъ ли мое сердце счастье и довольство въ любви ко мнѣ всѣхъ дѣвушекъ, такихъ же прекрасныхъ, какъ Мила, но я знаю, что мое сердце будетъ вполнѣ довольно счастьемъ дорогой моей Милы, и если она, моя родная, будетъ весела, довольна, счастлива. О! Лебедь! лучше, желаннѣе этого ничего не представляется, ничего не можетъ представиться моему любящему сердцу!

— Нолли! вскричала Мила и крѣпко обняла его, дорогой мой! Я не хотѣла отвѣчать Лебедю, потому что боялась огорчить тебя. Ахъ! если вмѣсто одного тебя, вокругъ меня будетъ много такихъ же точно какъ ты, добрыхъ и милыхъ Нолли, то я ужъ не буду любить ни тебя, ни ихъ такъ сильно, какъ люблю теперь тебя одного. Вѣдь сердце дорожитъ только тѣмъ, что рѣдко и дорого! И если глубокая сильная привязанность исчезнетъ изъ него, тогда чѣмъ же оно будетъ жить, чѣмъ оно будетъ полно?

— Наслажденіемъ, весельемъ, довольствомъ собственнымъ и всѣхъ окружающихъ тебя! отвѣтилъ Лебедь.—И еще не договорилъ онъ послѣдняго слова, какъ вдругъ въ воздухѣ, гдѣ-то вдали, раздалась чудная музыка. Звуки ея росли, разливались; она

приближалась. Лебедь, заслышавъ ее, весь встрепенулся. Онъ радостно закричалъ, поднялся и тихо полетѣлъ ей навстрѣчу. Мила и Нолли пошли за нимъ; за ними тихо побѣжалъ старый, дряхлый Волчокъ, и попугаи, громко крича и каркая, полетѣли всѣ. Когда всѣ они обогнули высокій мысъ и повернули на южную сторону острова, то передъ ними развернулась вся широкая панорама Голубыхъ острововъ, на которую не разъ любовались Мила и Нолли. Цѣлый громадный кругъ этихъ острововъ въ самыхъ прихотливыхъ очертаніяхъ разстилался передъ ними. Они стояли въ синей водѣ, одинъ возлѣ другаго, цѣлой группой, какъ цвѣтники или корзины съ чудными растеніями. Они терялись вдали въ голубомъ туманѣ, и между ними какъ бы царилъ высокій островъ феи Лазуры. Музыка неслась изъ этого голубаго тумана, она какъ-будто плыла между островами, и жадно ловили Мила и Нолли эти звуки и ждали: что́ наконецъ выплыветъ на просторъ синяго моря изъ цѣлой рощи Голубыхъ острововъ?

Показалось наконецъ что-то большое, волнующееся какъ облачко, блестящее, сверкавшее радужными цвѣтами. Больше и больше выплывалъ этотъ чудный предметъ изъ голубого тумана, ближе придвигался онъ къ острову Попугаевъ, и наконецъ Мила и Нолли начали различать, въ этомъ хаосѣ яркихъ пятенъ и сверкавшихъ искръ — группы человѣческихъ образовъ. Длинная вереница прекрасныхъ юношей и дѣвушекъ, перегоняя другъ друга, или сплетаясь и расплетаясь

въ прихотливыхъ хороводахъ, неслась надъ водой, плыла по воздуху, а по морю плыла большая лодка, и впереди ея плыло и летѣло множество лебедей. Ближе и ближе подвигалась эта чудная группа. Громче гремѣла невидимая музыка. Ея звуки дрожали и прыгали, кружились и искрились, и обхватывали каждаго какимъ-то бурнымъ восторгомъ. — Вотъ уже отдѣлилась эта группа отъ всѣхъ и прямо плыветъ къ острову Попугаевъ; уже ясно различаютъ Мила и Нолли чудныя, веселыя лица этого воздушнаго, ликующаго каравана и въ праздничныхъ легкихъ блестящихъ одеждахъ. Они видятъ, какъ группа чудныхъ дѣтей несется впереди всего поѣзда, съ дѣтскими,—радостными, смѣющимися лицами, вся увитая и перепутанная, какъ цѣпями, широкими гирляндами бѣлыхъ розъ. Они видятъ и бѣлую лодку, изукрашенную тонкой золоченой рѣзьбой и всю обвѣшанную густыми фестонами зелени, надъ которыми, широкими волнами, развѣваются по вѣтру розовыя ленты. Стаи бѣлыхъ голубей играютъ и вьются надъ лодкой. Громче и громче несутся радостные звуки, уже можно различить веселый говоръ и смѣхъ и крики лебедей и слова пѣсни, которую хоромъ поетъ, подъ ладъ чудной музыки, толпа дѣтей и нарядныхъ дѣвушекъ:

Мы дѣти природы,
Мы птицы свободы,
Блестимъ и сверкаемъ,
Поемъ и играемъ,
Въ прозрачныхъ, воздушныхъ струяхъ.

***

Безъ думъ и сомнѣній,
Въ чаду наслажденій,
Кружимся, порхаемъ,
И горя не знаемъ
Въ чудныхъ, роскошныхъ садахъ.

Ближе и ближе лодка, громче и громче чудная музыка. Уже Лебедь, весь обновленный и радостный, несется на встрѣчу къ своимъ давно оставленнымъ друзьямъ — лебедямъ. — Летятъ за нимъ съ крикомъ попугаи. Прыгаетъ и радостно лаетъ старческимъ лаемъ Волчокъ, и вотъ подплываетъ лодка къ берегу, гдѣ стоятъ Мила и Нолли и вся смѣющаяся, веселая толпа окружаетъ ихъ. Шумъ, говоръ, смѣхъ. — Чудныя дѣвушки и юноши обнимаютъ, ласкаютъ и цѣлуютъ Милу и Нолли.

— Вы наши, наши, кричатъ они, наши дорогіе, милые гости изъ скучнаго, далекаго отъ насъ, тяжелаго міра!

Они быстро убираютъ цвѣтами и листьями плюща Милу и Нолли, они постоянно говорятъ, поютъ и смѣются, а Мила и Нолли, сами незная какъ, уже сидятъ въ лодкѣ, на высокихъ мѣстахъ, среди цвѣтовъ и смѣющихся лицъ. И лодка плыветъ сама собою назадъ, посреди летящей и ликующей толпы, и снова гремитъ чудная музыка, и снова раздается веселая пѣснь:

Лазурное небо,
Лазурное море,
Прочь страсти и горе!
Вокругъ насъ вѣчная жизни весна —
Придите, вкусите отъ розъ наслажденья —
И страсти волненія,
Раздумье, сомнѣнія,
Замрутъ, въ упоеньи,
Какъ тихаго моря
Нѣмая волна!...

И плыветъ лодка въ голубомъ туманѣ между роскошныхъ цвѣтниковъ. Одинъ другаго причудливѣй и пышнѣе пробѣгаютъ они передъ нею. Вплываетъ она въ протокъ на островъ Бѣлыхъ Слоновъ. Рощи высокихъ пальмъ, ростущихъ по берегамъ его, переплетаются роскошнымъ сводомъ вьющихся растеній. Лодка плыветъ подъ этимъ темнымъ сводомъ, а по бокамъ, сквозь темные стволы блестятъ на солнцѣ зеленыя луговины. Цѣлыя стада бѣлыхъ слоновъ выходятъ изъ этихъ рощъ и входятъ въ воду, и громко ревутъ, подымая кверху длинные бѣлые хоботы, а дѣти сидятъ на нихъ и обвѣшиваютъ ихъ гирляндами изъ малиновыхъ розъ. Чѣмъ дальше плыветъ лодка, тѣмъ роскошнѣе становятся острова, громаднѣе вѣтвистыя деревья... Вотъ уже остался позади островъ Зеленыхъ Обезьянъ, какъ бы весь сложенный изъ цѣлой громадной сѣти перепутанныхъ сучьевъ. Громкимъ крикомъ встрѣтили лодку зеленыя обезьяны, сидѣвшія на этихъ сучьяхъ, и далеко несся вслѣдъ за ней ихъ пронзительный крикъ, заглушавшій му-

зыку и пѣнье. Вотъ уже пробѣжала лодка и мимо острова Синихъ Колокольчиковъ. Широкимъ, густымъ вѣнкомъ поднимались эти колокольчики изъ воды вокругъ острова, и изъ этого вѣнка гордо высились къ синему небу рощи темныхъ громадныхъ кипарисовъ, и цѣлая стая бѣлыхъ какъ снѣгъ, пушистыхъ цаплей летала надъ этой рощей, мелькая бѣлыми снѣжинками на лазурномъ небѣ. Промелькнулъ и островъ Миндальный, весь облитый блѣднорозовыми цвѣтами, отъ которыхъ несся далеко по морю сладкій, ласкающій запахъ. И лодка подплыла къ Лебяжьему острову и стала огибать его. Стада лебедей встрѣтили ее. Они оглушительно кричали, хлопали крыльями, вились надъ лодкой, ныряли, и было что-то увлекающее въ ихъ степенномъ, гордомъ, сосредоточенномъ весельи. Самъ островъ не поражалъ величавой красотой, но въ немъ было столько тихой, кроткой прелести, что Мила невольно схватила Нолли за руку, всплеснула ручками и вскричала: Милый мой, какъ это дивно хорошо!

Рощи плакучихъ, блѣдно-зеленыхъ ивъ поднимались изъ голубаго моря. Прихотливыми группами онѣ разбросаны были по острову; громадныя, поросшія бархатнымъ зеленымъ мохомъ скалы стояли по берегу, и по этимъ скаламъ бѣжали, какъ по лѣстницамъ, журчали и бѣлой пѣной скатывались въ море шумные каскады.—Остался влѣвѣ островъ Бабочекъ. —Точно стѣны громадной корзины были его берега, сложенные изъ странныхъ, изломанныхъ и перепутанныхъ крас-

ныхъ сучьевъ. Изъ этой корзины поднимался цѣлый громадный букетъ: это была гора изъ огромныхъ розъ, и надъ всей этой горой вились цѣлыя тучи разноцвѣтныхъ бабочекъ. Онѣ пестрѣли, играли на солнцѣ, сверкали яркими искрами, и отъ этого постояннаго сверканья рябило въ глазахъ и кружилась голова.— Круто повернула лодка на-право, вдоль голубаго пролива, и за послѣдними кущами деревьевъ, уходившихъ на мысу въ море, открылся громадный островъ феи Лазуры.

Мила и Нолли невольно схватились за руки, вскрикнули и замерли отъ удивленія. И дѣйствительно, ничего величественнѣе, великолѣпнѣе этого острова никто никогда не видалъ ни во снѣ, ни въ сказкѣ.

Это было что-то необъятное, громадное, широко раскинувшееся надъ горизонтомъ и высоко уходившее въ темно-синее небо сверкающими вершинами. Это была громадная гора, горѣвшая разноцвѣтными огнями, блестѣвшая золотыми пятнами, переливавшаяся всѣми цвѣтами радуги, всѣми красками опала и яркаго перламутра. Она ослѣпляла глаза, и только вглядѣвшись въ голубой туманъ, какъ дымкой покрывавшій ее, можно было различить, изъ какого множества чудныхъ предметовъ было собрано это невиданное чудо. Издали нельзя было различить всѣхъ цвѣтовъ, которые окаймляли подножье этого громаднаго острова. Они ярко блестѣли сплошными коврами. Издали нельзя было разобрать и всѣхъ прихотливыхъ рисунковъ, играющихъ башень и узоровъ хрусталь-

наго дворца Лазуры; онъ весь горѣлъ брилліантовыми огнями, разбросанными по свѣтло-голубому фону, и позади всей этой сверкавшей массы, еще блестящѣе поднимались легкія, воздушныя горы, на вершинахъ которыхъ лежали и курились чудныя облака, отливавшія цѣлыми полосками золота, всѣми цвѣтами яхонтовъ, рубиновъ, аметистовъ и топазовъ.

Быстрѣе и быстрѣе плыветъ лодка. Островъ Лазуры какъ-будто идетъ ей на встрѣчу. Музыка гремитъ какой-то фантастическій, веселый маршъ, а въ отвѣтъ ей гремитъ съ острова другая музыка, еще фантастичнѣе и величавѣе.

Въ восторженномъ упоеніи сидятъ Мила и Нолли, сами себѣ не вѣря, какъ будто робѣя и радуясь чуду, которое совершается передъ ними.

Вотъ уже можно различить, что бѣлый поясъ, который окаймлялъ островъ—не морская пѣна, а цѣлая полоса огромныхъ бѣлыхъ водяныхъ лилій. А надъ ними снопы огромныхъ трубчатыхъ цвѣтовъ, то бѣлыхъ, то сиреневыхъ, высятся надъ всевозможными листьями, а еще выше ихъ возносятся кверху громадныя деревья, то округлыми куполами, какъ массы неподвижныхъ зеленыхъ облаковъ, то прямыми, стрѣльчатыми пирамидами, то широко раскиданными и гордо качающимися узорчатыми вѣерами.

Далеко въ море выбѣгаютъ изъ массы этой невиданной зелени два широкихъ выступа изъ голубаго хрусталя, и на нихъ стоятъ высокіе серебрянные канделябры, изъ чашъ которыхъ несется густой,

расходящійся молочно-синими волнами, благоухающій дымъ. Между этими выступами начинается рядъ широкихъ лѣстницъ, ведущихъ прямо къ огромной террассѣ хрустальнаго дворца. Лодка тихо пристаетъ къ подножію этихъ лѣстницъ. Оба хора музыки сливаются въ одинъ общій веселый, торжественный гимнъ, и подъ звуки его, среди блестящей, ликующей толпы, Мила и Нолли, сами не понимая, что съ ними дѣлается, всходятъ по этой лѣстницѣ.

Выше и выше поднимаются они; сильнѣе и блескъ, и шумъ, и говоръ, и громче, громче гремитъ чудная музыка. И вотъ, наконецъ, ступили они на послѣднюю ступень, и широкимъ полукружіемъ развернулась передъ ними блестящая террасса, вся залитая яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, вся горѣвшая брилліянтовыми огнями. Сотни фонтановъ и чудныхъ каскадовъ летятъ по всѣмъ направленіямъ, бьютъ и брызжутъ и сверкаютъ цѣлымъ потокомъ сіяющихъ искръ.

И волны яркаго свѣта переливаются надо всѣми, надъ цѣлыми толпами, группами чудныхъ дѣвушекъ и юношей, и въ этихъ волнахъ носятся, то замирая, то снова возвышаясь, звуки невидимой музыки. Ослѣпленные, пораженные этимъ блескомъ, остановились Мила и Нолли, крѣпко схватившись за руки. Они видятъ, что въ серединѣ всей группы, тамъ, гдѣ сильнѣе блескъ и свѣтъ, на снѣжно-бѣломъ возвышеніи, какъ на свѣтломъ облакѣ, облокотилась фея Лазура. Они смотрятъ на ея дивно-прекрасное, привѣтливо улыбающееся лицо, и какъ будто лучи не-

побѣдимаго веселья выходятъ изъ этого лица и прямо льются къ нимъ въ трепещущія сердца. Тихо поднялась фея Лазура, встала, и, медленно протянувъ руки къ Милѣ и Нолли, пошла къ нимъ на встрѣчу.— Смолкла музыка, затихъ шумъ и говоръ, и среди тишины раздался, какъ чудная музыка, чарующій, ласкающій голосъ прекрасной феи.

— Придите ко мнѣ, говоритъ этотъ голосъ, вы, бѣдные скитальцы скучнаго міра страстей и горя, придите ко мнѣ, добрыя, милыя дѣти, и пусть сердца ваши отдохнутъ въ упоеніи свѣтлыхъ восторговъ, свободныя отъ всѣхъ тяжелыхъ волненій житейскаго моря. Придите въ мирное пристанище, гдѣ горитъ вѣчный огонь наслажденья и льются безконечными волнами веселье и удовольствія!

Она тихо взмахнула руками, и снова раздалась веселая музыка, и подъ тактъ ея аккордовъ медленно выступили изъ толпы четыре прекрасныхъ женщины; это были четыре помощницы феи Лазуры: Наслажденіе, Веселье, Удовольствіе и Забава. Онѣ захлопали въ ладоши и вся толпа закричала:

На лугъ, на лугъ,
На мягкій, душистый коверъ,
Подъ тѣнь дубовъ вѣковыхъ;
Подъ тѣнь виноградной листвы!....

И не успѣли еще замолкнуть звуки послѣднихъ словъ, какъ со всѣхъ сторонъ раздались звуки серебряныхъ колокольчиковъ, послышался топотъ, отъ котораго задрожала земля. И вотъ изъ всѣхъ боковыхъ

аллей и рощъ, примыкавшихъ къ дворцу, прямо на его террассу ворвалось цѣлое стадо бѣлыхъ, какъ снѣгъ, серебристыхъ, стройныхъ антилопъ и газелей. Всѣ онѣ были убраны розовыми лентами и обвѣшаны гремѣвшими серебряными бубенчиками. Онѣ смотрѣли веселыми, большими черными глазами на всѣхъ, онѣ смѣшивались съ толпой, прыгали, ласкались. А юноши и дѣвушки вскакивали на нихъ, смѣясь и цѣлуя ихъ.

Еще не успѣли придти въ себя Мила и Нолли, какъ подхватили ихъ и посадили на бѣлыхъ газелей, и вотъ понеслись они вмѣстѣ, воздушнымъ полетомъ, съ этимъ бурнымъ потокомъ, подъ звуки шумной музыки, подъ пѣнье громкаго хора:

На лугъ, на лугъ,
На мягкій, душистый коверъ!...

Мимо летятъ тѣнистыя рощи, мимо мелькаютъ странныя растенія, мимо несутся шумные водопады, и сквозь огромные дубы уже яснѣетъ, вся облитая солнечнымъ блескомъ, вся усѣянная яркими цвѣтами, широкая поляна, съ бѣлымъ мраморнымъ перистилемъ посрединѣ. Уже видно сквозь вѣтви, какъ передовыя толпы въѣзжаютъ на эту поляну, какъ они спрыгиваютъ, словно птицы, съ легкихъ газелей и, играя, уносятся газели въ темную чащу дубовъ, гремя бубенчиками, а всадники ихъ уже несутся въ легкихъ танцахъ, ловя и перегоняя другъ друга, несутся, не касаясь земли, или, вдругъ поднимаясь на воздухъ, рѣзвятся и порхаютъ, какъ легкія бабочки.

И Мила уже также на лугу, а вокругъ нея щебечутъ, какъ ласточки играютъ, какъ дѣти, ея новые друзья и подруги. Они поднимаютъ Милу на воздухъ, и хохочутъ и радуются, когда у ней кружится голова и замираетъ сердце отъ этого воздушнаго полета. Мила ищетъ своего Нолли между всѣми этими, столько похожими на него, юношами.

— Это ты, мой дорогой Нолли? говоритъ она, обращаясь то къ одному, то къ другому изъ нихъ, а они дивятся и смѣются ея словамъ.

— Мы всѣ Нолли, говорятъ они, потому что у насъ нѣтъ ничего своего, отличнаго отъ другихъ. Мы всѣ, милая Мила, дѣти воздуха и свѣта, и никто изъ насъ не принадлежитъ другому, и мы никому не принадлежимъ: мы также свободны и безразличны, какъ воздухъ и свѣтъ!

И Милѣ становится тяжело среди этой чуждой ей, непонятной, блестящей толпы.

— Нолли, гдѣ ты, дорогой мой? восклицаетъ она.

А Нолли далеко, въ другой сторонѣ громаднаго луга, и вокругъ него также роятся, ликуютъ его новые друзья и подруги. Онъ также ищетъ между ними свою Милу, онъ хочетъ спросить ее: весело ли ей, рада-ли она, дорогая, довольна-ли всѣмъ этимъ блескомъ и неподдѣльнымъ весельемъ. Но напрасно онъ вглядывается въ смѣющіяся, ликующія лица милыхъ дѣвушекъ,—между ними нѣтъ ясныхъ, задумчивыхъ, любящихъ глазокъ и кроткой, нѣжной улыбки его ненаглядной Милы.

— Нолли, Нолли! раздаются нокругъ него серебрянные, ласковые голоса, и его хватаютъ за руки и увлекаютъ въ пестрые хороводы, въ безконечную вереницу, которая, подъ звуки ликующей музыки, какъ сверкающая змѣя, вьется, волнуется, летитъ надъ яркимъ, бархатнымъ лугомъ.

А время быстро несется на крыльяхъ веселья, и снова разбиваются группы подъ постоянный говоръ и гулъ смѣха и пѣсень; они садятся, ложатся громаднымъ вѣнкомъ на мягкій мохъ, на шелковистую траву, и передъ ними невидимыя руки развертываютъ какъ снѣгъ бѣлую скатерть, и сами собою появляются на этой скатерти вкусныя и роскошныя блюда, легкія искрящіяся вина и сладкіе, ароматическіе плоды. И подобно имъ искрится веселье пирующихъ и порхаютъ вокругъ легкія шутки, и шумный говоръ и смѣхъ.

Мила сидитъ возлѣ Лазуры. На ея ласковыя, веселыя рѣчи она хочетъ отвѣтить своей тихой, кроткой улыбкой—и не можетъ.

Улыбка выходитъ грустная, потому-что ея сердце полно однимъ и тѣмъ же вопросомъ: гдѣ же мой дорогой Нолли? Доволенъ ли онъ, счастливъ ли онъ? А Лазура, лаская ее, говоритъ ей о блаженствѣ спокойнаго сердпа, о вѣчныхъ, мирныхъ радостяхъ, чуждыхъ всего страстнаго, волнующаго болѣзненнымъ страданіемъ сердце человѣка. Мила слушаетъ ее, а время летитъ, несется на крыльяхъ веселья, и шумный пиръ уже конченъ. Исчезли всѣ блюда и вина.

Снова расходятся группы. Одни дремлютъ на мягкой травѣ, вокругъ вѣковыхъ дубовъ. Другіе несутся на ихъ вершины, съ которыхъ видно синее море и Голубые острова. Тихая, какъ бы утомленная музыка, поетъ свои нескончаемые аккорды и трели, тихій говоръ и ласковыя рѣчи несутся отовсюду, а солнце ниже и ниже опускается къ горизонту, и голубой туманъ становится розовымъ, а даль алѣетъ и золотится пурпурнымъ заревомъ.

Закатилось солнце. Фосфорическій свѣтъ разливается въ вечернемъ туманѣ, а полный мѣсяцъ выплываетъ изъ-за потемнѣвшихъ вершинъ, освѣщая голубоватымъ свѣтомъ и широкій лугъ, и спящія рощи, и шумные каскады. Мила бродитъ одна по полянамъ.

Мимо нея, какъ легкія тѣни, освѣщенныя мѣсячнымъ блескомъ, проносятся все тѣже веселыя, довольныя толпы и смѣющіяся лица.

Они кружатся подъ безконечные аккорды плавной музыки, тихой, какъ Эолова арфа.

Отовсюду слышится легкій, сдержанный шопотъ, и тихій смѣхъ, и журчащій, отдаленный говоръ... Мила бродитъ, усталая, и вездѣ вглядывается, и ищетъ своего Нолли. Вся утомленная, подходитъ она къ дереву.

— Это ты, Нолли? говоритъ она какому-то призраку, стоящему у дерева, и хочетъ идти мимо. Но призракъ схватываетъ ее за руки.

— Мила, дорогая моя Мила! говоритъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Ты ли это?—и Мила лежитъ уже

на груди Нолли, блѣдная, безъ сознанія, отъ радости и утомленія. Беретъ ее Нолли на руки и несетъ къ холму, гдѣ журчитъ ручей. Онъ третъ холодной водой виски Милы, онъ брызгаетъ ей въ лицо, и Мила тихо открываетъ глаза.

— Нолли, говоритъ она, обнявъ его и цѣлуя, дорогой мой, я тебя вездѣ искала цѣлый день!

— Развѣ тебѣ не весело было, развѣ ты не забыла меня?

— Ахъ, Нолли! Мнѣ кажется, сердце не можетъ забыть того, съ кѣмъ оно сроднилось. Оно ищетъ не ласкъ, не веселья, а глубокой любви!—И Нолли крѣпко поцаловалъ свою Милу. Онъ смотритъ, любуется на ея блѣдное лицо, на ея усталые глаза.

— Усни, дорогая моя, говоритъ онъ, ты утомлена всѣмъ этимъ шумомъ и блескомъ. Усни, и встань завтра, свѣжая какъ утро.

И онъ повелъ ее на небольшую лужайку, на которой росли высокіе тополи. Онъ уложилъ ее на мягкій мохъ, а самъ, весь измученный впечатлѣніями дня, прислонился къ толстому стволу тополя, и такъ сладко задремалъ, что не слыхалъ, какъ скатился на мягкую траву.

А Мила, припоминая все видѣнное и слышанное, долго не могла заснуть. Она смотрѣла на полный мѣсяцъ, блестѣвшій сквозь темныя вершины и на яркія звѣзды.

— Нолли, тихо заговорила она, послушай! Они увѣряли меня, что все знаютъ; они знаютъ, что дѣ-

лается на этомъ свѣтломъ мѣсяцѣ и на этихъ далекихъ звѣздахъ, и вокругъ насъ, и въ глубинѣ океановъ, и въ глубинѣ земли. Они увѣряли, что лучше ничего нѣтъ того беззаботнаго блаженства, въ которомъ проходитъ вся ихъ жизнь. Ахъ, Нолли, неужели это правда? Вѣдь они точно маленькія дѣти: такіе же простые, добрые и смѣшные..... Нолли, ты слышишь?

Но Нолли крѣпко спалъ.

— Спи, дорогой мой, прошептала Мила и закрыла глаза. И долго передъ закрытыми глазами ея сверкали искры, били фонтаны, и все неслись, неслись длинной, нескончаемой вереницей бѣлыя газели, убранныя розовыми лентами, неслись до тѣхъ поръ, пока сонъ не обхватилъ ея усталую голову.

Высоко свѣтило солнце надъ высокими вершинами тѣнистыхъ деревьевъ, когда проснулась Мила. Множество блестящихъ птичекъ носилось вокругъ нея. Онѣ пѣли, щебетали, садились къ Милѣ на плечи и на руки, а Мила улыбалась имъ, протирая глаза. Она встала и пошла къ ручью, который шумѣлъ въ сторонѣ. Вокругъ него росли чудные, невиданные цвѣты. Она умылась холодной водой, нарвала полный букетъ этихъ цвѣтовъ, и положила его передъ глазами Нолли. Потомъ она начала спускаться внизъ съ одного холма на другой. На каждомъ шагу ее поражало какое нибудь чудо изъ міра волшебныхъ растеній.

— Да, думала она, здѣсь дѣйствительно хорошо, но только вдвоемъ съ моимъ милымъ Нолли. Впрочемъ, съ нимъ и вездѣ хорошо! — И она продолжала спу-

скаться. Вдругъ, тихіе, протяжные стоны донеслись до ея слуха.

— Какъ же, думала она, говорили они, что здѣсь нѣтъ страданія: развѣ это стоны веселья?

Она шла къ тѣмъ кустамъ, откуда раздавались эти жалобные стоны, ближе и ближе слышались они, и вдругъ на камняхъ, обросшихъ мохомъ, она увидала: что-то небольшое, черное, косматое, лежитъ и стонетъ. Она сдѣлала еще нѣсколько шаговъ, и вдругъ бросилась къ этому странному предмету.

— Волчокъ! вскричала она. Бѣдный Волчекъ!

Да, это дѣйствительно былъ онъ, бѣдный волчокъ; онъ не ѣлъ цѣлыя сутки. Его забыли вчера на первыхъ ступеняхъ широкой хрустальной лѣстницы. Онъ лаялъ, визжалъ и пытался изо всѣхъ силъ взобраться наверхъ, но старческія, разбитыя ноги скользили по гладкимъ ступенямъ. Нѣсколько разъ онъ взлѣзалъ на первую эстраду, но здѣсь силы измѣняли ему, онъ обрывался и летѣлъ внизъ, стукаясь головой о ступени, и падалъ замертво. Наконецъ ему удалось обойдти и эту лѣстницу и добраться до земли, но и тутъ широкіе стволы громадныхъ высокихъ деревьевъ, перепутанныхъ непроходимымъ лѣсомъ вьющихся растеній, не допускалъ его подняться. Измученный, разбитый, хромая и спотыкаясь, онъ шелъ берегомъ, и тихо и жалобно визжалъ. Его бѣдное собачье сердце надрывалось отъ тоски при мысли что онъ больше не увидитъ тѣхъ дорогихъ людей, съ которыми такъ сроднилось оно и къ которымъ оно привязалось нечеловѣчьей

привязанностью. Цѣлый день и ночь безъ пищи, безъ отдыха бродилъ онъ по острову, отыскивая Милу и Нолли. До него доносились звуки бѣшеной музыки, онъ жалобно визжалъ, лаялъ и вылъ, но веселая музыка заглушала его слабый голосъ. Наконецъ, передъ разсвѣтомъ, онъ выбился изъ послѣднихъ силъ и повалился на землю. Нѣсколько разъ пробовалъ онъ подняться—и не могъ. Безъ силъ и безъ движенія, весь разбитый, полуживой, едва дыша, онъ лежалъ и стоналъ. Наконецъ Мила услыхала его стоны и нашла его.

— Волчокъ, мой добрый Волчокъ, говорила она, что съ тобой?—Онъ узналъ ее, встрепенулся и радостно завизжалъ; онъ смотрѣлъ на нее своими умными, ласковыми глазами и лизалъ ея руки. Мила пробовала поднять его, поставить на ноги, но онъ не могъ стоять, и падалъ какъ мертвый. Онъ весь дрожалъ, судорожно махалъ ногами, какъ будто хотѣлъ бѣжать, хрипѣлъ, и свѣтлые глаза ого затемнились тусклой синевой.

— Нолли! вскричала Мила, чувствуя какъ слезы подступаютъ ей къ горлу и душатъ ее. Нолли, гдѣ ты?... Онъ умираетъ!...

А Нолли былъ уже тутъ, возлѣ Милы. Онъ давно отыскивалъ ее. Онъ прибѣжалъ, наклонился надъ Волчкомъ, и Волчокъ узналъ его своими потухающими глазами. Онъ собралъ послѣднія силы, подползъ къ ногамъ Нолли, и, судорожно вытянувшись, умеръ тутъ.

Нолли смотрѣлъ на него, гладилъ его трупъ и воспоминанія быстро пробѣгали въ его головѣ. Ему пред-

ставлялось, какъ онъ спалъ съ Волчкомъ въ одной конурѣ, какъ никогда онъ не разлучался съ нимъ, какъ Волчокъ везъ его въ бочкѣ по морю, и какъ привезъ наконецъ къ его дорогой Милѣ на островъ Попугаевъ. И вотъ ничего, ничего теперь не осталось отъ этой вѣрной, любящей натуры, кромѣ неподвижнаго трупа. И сердце Нолли сжималось и ныло, а Мила рыдала, припавъ къ плечу его. Слезы ея падали на землю. Это были первыя слезы на островѣ феи Лазуры, и каждая слезинка, падая на землю, превращалась въ черную розу.

А вдали снова раздавалась все та же веселая муселая музыка. Ближе и ближе неслись ея звуки, и вотъ прямо къ тому мѣсту гдѣ стояли, наклонясь надъ трупомъ Волчка, Мила и Нолли, летѣлъ бѣшеный, веселый поѣздъ. Онъ все обхватывалъ кругомъ неудержимымъ весельемъ, и все летѣло за нимъ, въ упоеніи и восторгѣ: летѣли птицы, летѣли бабочки, летѣли цвѣты, которые не могли удержаться на своихъ стебелькахъ, даже листья—упавшіе, мертвые листья, и тѣ не выдержали, крутились и вихремъ неслись вмѣстѣ съ летучимъ поѣздомъ. Впереди его, на золотистомъ громадномъ фазанѣ, неслась Забава, вся убранная разноцвѣтными лентами и серебряными колокольчиками, точно пестрая, блестящая игрушка.

— Мила, Мила, Нолли! кричали, проносясь мимо, ихъ вчерашніе друзья и подруги. За нами, за нами въ золотыя рощи, на Зеленое Озеро!

Вотъ подлетѣла къ нимъ и фея Лазура, лежа на

огромной бѣлой чайкѣ, такая же блестящая и веселая, какъ вчера,—подлетѣла и быстро остановилась.

— Неисправимыя дѣти неисправимаго людскаго рода, вскричалм она и засмѣялась. Вы плачете надъ мертвой собакой! Поймите, что здѣсь, въ моемъ царствѣ наслажденья—нѣтъ, не должно быть ни страданія, ни состраданія. Колесо жизни вѣчно вертится, образы ея мелькаютъ, вѣчно мѣняясь и переливаясь другъ въ друга; жизнь играетъ ими какъ дитя, съ полной, безграничной свободой. Поймите же это и пусть въ вашихъ дѣтскихъ сердцахъ также играетъ безграничное, свободное, безстрастнос веселье!... Этотъ трупъ собаки на вашей землѣ долго бы гнилъ, медленно превращаясь въ новые образы: здѣсь, эти превращенія совершаются мгновенно.

И она махнула длиннымъ шарфомъ, который обвивалъ ея стройную талію—и трупъ Волчка вдругъ превратился въ пышный кустъ розмарина.

— А на мѣсто этой собаки, продолжала фея Лазура, я вамъ дарю цѣлый десятокъ точно такихъ же!... И она снова махнула шарфомъ по цвѣтамъ, которые росли вокругъ, и всѣ эти цвѣты вдругъ превратились въ множество Волчковъ. Всѣ они, какъ двѣ капли воды, были похожи на стараго Волчка: такіе же неуклюжіе, хохлатые, короткомордые и брудастые. Они съ радостнымъ лаемъ рѣзвили и прыгали вокругъ Милы и Нолли. Мила посмотрѣла на Лазуру грустнымъ взглядомъ. Фея Лазура, сказала она, не смущай ни нашей радости, ни нашего горя, которыхъ ты не понимаешь.

Если бы ты обратила всѣ цвѣты, которые цвѣтутъ на твоихъ Голубыхъ островахъ, въ точно такихъ же собакъ, они всѣ не замѣнятъ намъ одного Волчка, потому что съ ними не будутъ связаны, крѣпкимъ узломъ взаимнаго чувства, дорогія для нашего сердца воспоминанія!—И фея Лазура, пожавъ плечами, унеслась вмѣстѣ съ весельемъ поѣздомъ, и вслѣдъ за нимъ унеслись, прыгая и лая, всѣ ея новорожденные Волчки.

А Мила и Нолли, обнявшись, пошли прочь отъ куста розмарина, который для нихъ былъ также чуждъ, какъ и все, что ихъ окружало.

Они ушли въ густую, тѣнистую чащу темныхъ миртовыхъ деревьевъ, и тамъ сѣли подъ раскидистымъ кедромъ.

— Нолли, говоритъ Мила, закрывъ глаза, мои мысли бѣгутъ, бѣгутъ и я никакъ не могу остановить ихъ. Голова моя кружится. Скажи мнѣ, дорогой мой, что такое смерть? И неужели, какъ говорила Лазура, жизнь есть вѣчная перемѣна различныхъ образовъ? Для чего же живемъ мы, волнуемся, страдаемъ, и неужели дѣйствительно нѣтъ ничего лучше, выше, блаженнѣе той жизни, которой живутъ эти веселыя дѣти, окружающія Лазуру?

— Мила моя, говоритъ Нолли, сердце привыкаетъ къ тѣмъ волненіямъ, съ которыми сжилось оно съ дѣтства, ему тяжело разстаться съ этими сильными, но сладкими страстями. Если же оно не сроднилось съ ними, то для него нѣтъ ничего желаннѣе мирныхъ

удовольствій, среди которыхъ такъ легко и свободно живется.

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ, дорогой мой! Это все не то, говоритъ Мила, грустно качая головкой. Я не могу передать того, что думаю, что чувствую — но это все не то!...

И они оба замолчали, и думы ихъ шли разными путями. А время летѣло быстро и незамѣтно, безъ шума, въ этой невозмутимой тиши тѣнистой рощи.

— Мила, другъ мой, говорилъ Нолли. Въ чувствахъ, какъ въ морѣ, есть приливы и отливы, — и въ нихъ есть темныя и свѣтлыя стороны, ночь и день. Потеря Волчка представляетъ тебѣ все въ черномъ туманѣ, и для свѣтлаго чувства нѣтъ теперь мѣста въ твоемъ страдающемъ сердцѣ. Но это чувство пройдетъ, какъ проходитъ все въ этомъ измѣняющемся мірѣ, и его мѣсто займетъ тихая радость. Если бы въ нашемъ сердцѣ волновались постоянно глубокія, сильныя страсти, оно не выдержало бы этого высокаго, могучаго строя, и его тонкія струны должны были бы разорваться. Но жизнь идетъ своимъ мелкимъ, обычнымъ ходомъ, и на ея мелочахъ успокоивается это нѣжное, чуткое сердце, — до новыхъ тревогъ и волненій. Когда же для него открывается міръ тѣхъ мелкихъ восторговъ, которыми наслаждаются эти дѣти Голубыхъ острововъ, тогда оно живетъ постоянно ровной, счастливой жизнью.

— Ахъ нѣтъ, это не то, это все не то, дорогой мой!

— Повѣрь, моя родная, увѣряетъ Нолли, что когда улягутся въ тебѣ грустныя волненія этого дня, ты веселѣе взглянешь на все, тебя окружающее и все покажется тебѣ въ другомъ свѣтѣ.

Мила припала къ груди его и ничего не отвѣчала, потому что чувствовала, что все это не то, и ей было тяжело, что ея дорогой другъ Нолли не понимаетъ ея.

— Мила, говоритъ Нолли, я помню, когда я былъ маленькимъ мальчикомъ, я цѣлый день работалъ, и я помню, какъ говорили, что тотъ доволенъ и веселъ, кто жизнь свою проводитъ въ полезныхъ трудахъ.

— Но для чего же трудиться, Нолли, шепчетъ Мила, когда нѣтъ нужды въ этомъ трудѣ, и тебя окружаетъ полное довольство?...

И какъ бы въ подтвержденіе словъ ея, передъ ними вдругъ развернулась бѣлая скатерть, и вся она уставилась вкуснымъ, роскошнымъ обѣдомъ. А они долго сидѣли молча и смотрѣли на этотъ обѣдъ.

— Мила, сказалъ Нолли, когда голодъ давитъ насъ, то все представляется намъ въ уродливомъ и грустномъ видѣ, а мы съ самаго утра ничего не ѣли съ тобой, дорогой другъ; съѣшь хоть что нибудь, попробуй, и твои тяжелыя думы уснутъ и сердцу станетъ легче.

Мила хочетъ напомнить Нолли, что она по цѣлымъ днямъ ничего не ѣла, когда ждала его, или считала его умершимъ; что человѣкъ не можетъ ѣсть, когда онъ весь переполненъ тяжелымъ волненіемъ... но она не хочетъ тѣмъ огорчить своего дорогого Нолли, и

беретъ сочный, ароматный плодъ. Она вспоминаетъ при этомъ, какъ приносили ей такіе же плоды попугаи. Ахъ! Это было такъ недавно, а ей кажется, что уже цѣлые годы пролетѣли съ тѣхъ поръ, какъ она оставила островъ Попугаевъ, на которомъ протекло ея беззаботное дѣтство. Правда, она испытала тамъ много страданій, но они были легче, да, гораздо легче тѣхъ тяжелыхъ думъ и вопросовъ, которые поглотили теперь все ея сердце, всѣ ея мысли.

— Мила, говоритъ Нолли, выпей немного вина, и въ твоемъ сердцѣ заиграетъ оно и прогонитъ изъ головы тяжелыя думы.

— Нѣтъ, говоритъ Мила, моихъ тяжелыхъ думъ не прогонишь виномъ; и развѣ это счастіе—жить въ какомъ-то опьяняющемъ чаду? Развѣ жизнь—шутка? неужели и мысли также гнать изъ головы, какъ чувства изъ сердца? Ахъ, дорогой мой! Что же тогда останется въ жизни?

И Мила сидитъ съ своими тяжелыми, неразрѣшимыми думами. Нолли цалуетъ ей руки, глаза, голову, но Мила сидитъ неподвижная, какъ бы окованная тяжелымъ, заколдованнымъ сномъ.

— Мила, говоритъ Нолли, и голосъ его дрожитъ, дорогая моя Мила, что съ тобою? Мнѣ страшно за тебя и за себя: мнѣ кажется; что ты не любишь меня больше.

— Нѣтъ, Нолли, нѣтъ, мой милый другъ,—и она крѣпко цалуетъ его,—я люблю тебя, но скажи мнѣ: развѣ любовь не то-же опьяненье? Развѣ рано или

поздно не ослабнутъ ея натянутыя струны? Развѣ не улетятъ всѣ грезы ея и сладкія волненья, какъ милый, обманчивый сонъ, и чувства не завянутъ въ насъ, какъ цвѣты поздней, морозной осенью? И тогда... что же останется въ жизни?... Ахъ Нолли, Нолли! Скажи мнѣ, для чего мы живемъ?...

И она ломаетъ руки, и голова ея, измученная этимъ неразрѣшимымъ вопросомъ, тихо склоняется на грудь.

Она закрываетъ глаза, и ей кажется, что она одна, одна въ какомъ-то громадномъ, темномъ пространствѣ, и рядъ образовъ носится передъ нею. Вонъ летитъ злая мачиха въ золотой коронѣ и вмѣстѣ съ нею отецъ, ея добрый тату, протягивая къ Милѣ руки. Вотъ несется лебедь, и она летитъ вмѣстѣ съ нимъ, обхвативъ его шею, и надъ ними необъятное темносинее небо, а подъ ними безграничная, гладкая какъ зеркало равнина океана, и въ этомъ зеркалѣ отражается темносинее небо. Долго несутся они, и кругомъ ихъ все тоже, все одно и тоже, — небо и море.

— Лебедь, говоритъ Мила, неужели ничего уже нѣтъ кромѣ этого темносиняго неба и моря?

— Ничего, ничего нѣтъ, говоритъ Лебедь, и ничего больше не будетъ, кромѣ вѣчнаго неба и безконечнаго моря...

— Ахъ, думаетъ Мила, отчего же мнѣ не слиться съ этимъ безграничнымъ небомъ и ничего не чувствовать и не думать, —

Безстрастной, какъ камень холодный,
Что стоитъ надъ спокойной могилой......

... И вдругъ кажется ей, что какіе-то блѣдные бѣлые призраки холодными, длинными руками опускаютъ ее въ глубокую, глубокую могилу, и тихо шепчутъ и поютъ надъ ней: Спи, безпокойное сердце, усни, неугомонная дума!—И она опускается все ниже и ниже въ темную землю, и голова ея кружится.....

— Мила, раздается надъ нею знакомый, любящій голосъ, Мила! И она вся вздрагиваетъ и открываетъ глаза. Родная моя Мила, что съ тобою?

Она смотритъ на него, на своего роднаго Нолли, и какъ будто не узнаетъ его, она смотритъ и не видитъ, что на глазахъ его блестятъ слезы, что кругомъ стелется прозрачная, голубая вечерняя мгла и мѣсяцъ смотритъ сквозь вершины деревьевъ.

— Нолли, говоритъ она, закрывъ лицо руками; оставь меня одну, совершенно одну. Ахъ! не сердись на меня, дорогой мой, чѣмъ же я виновата, что у меня такое больное сердце? — Дай отдохнуть ему, Нолли!

И Нолли, грустный, идетъ въ миртовыя рощи дальше и дальше. Кругомъ него мелькаютъ, какъ призраки, группы роскошныхъ дѣвушекъ и слышится тихій лепетъ и сдержанный смѣхъ. А ночь, вся пропитанная ароматами, теплая, благоухающая, обхватываетъ его нѣжащими волнами.

— Нолли, Нолли, шепчутъ ему чудныя дѣвушки, лаская его; летимъ, милый Нолли, вмѣстѣ съ нами, въ ночной хороводъ!

Но Нолли ничего не отвѣчаетъ имъ. Онъ думаетъ

все объ одномъ. Ахъ, думаетъ онъ, окруженный этимъ чарующимъ міромъ, какъ волшебнымъ сномъ, ахъ, какъ могла бы быть спокойна и счастлива моя дорогая Мила. И куда бѣгутъ ея думы и куда просится ея бѣдное, вѣчно тревожное сердце?

А между тѣмъ, это сердце не дремлетъ. Сидитъ Мила, крѣпко обхвативъ руками свою горячую голову, а раскидистый кедръ навѣсилъ надъ нею смолистыя вѣтви и какая-то невидимая птичка поетъ съ этихъ вѣтвей соловьиную пѣсню. Льются, кружатся, порхаютъ безконечныя трели этой пѣсни, и подъ тактъ имъ льются и кружатся безконечныя думы и грезы въ головѣ Милы.....

Быстрѣе и быстрѣе несутся онѣ, горитъ голова, горитъ сердце Милы. Гдѣ-то внутри ея, какъ раскаты грома, раздаются трели невѣдомой птички. Теплый ночной воздухъ жжетъ ея грудь.

— Скорѣй, скорѣй, думаетъ она, скорѣй туда, въ темную, холодную могилу, въ темно-синюю даль безграничнаго неба! — И какія-то черныя, бурныя волны бѣгутъ, плещутъ кругомъ, льются ей черезъ голову, но не могутъ эти волны дать ей прохлады и освѣжить ея горячую грудь.

— Ты раскрыла міровую бездну, говорятъ ей эти волны, и ты должна въ ней погибнуть!...

И кажется ей, что она бросается съ высокаго утеса и падаетъ въ глубокую пропасть, ея голова стучитъ и бьется объ острые камни, сердце остановилось..... Она съ ужасомъ открываетъ глаза.

На мигъ, какъ въ туманѣ, проносится передъ нею миртовая роща, запахъ апельсинныхъ цвѣтовъ, голубая полоса разсвѣта.... и снова черныя волны все застилаютъ, и снова летитъ она стремглавъ въ бездонную бездну, ниже, ниже.....

— Мила, Мила! зоветъ ее какой-то знакомый голосъ, но уже въ ней все замерло и нѣтъ отвѣта въ ея сердцѣ на этотъ ласковый, любящій голосъ. Шумятъ и плещутъ безконечныя черныя волны и—ахъ, какъ глубока эта бездонная міровая бездна!.....

— Мила, Мила дорогая моя! зоветъ снова ласковый голосъ, и она открываетъ глаза. Но ничего не можетъ она различить ими ясно. Блескъ утра, яркіе цвѣты, голубой туманъ, какія-то свѣтлыя, жгучія искры, и нестерпимый жаръ и шумъ въ головѣ, и на груди — тяжелый, горячій камень. Смотритъ на нее Нолли, и также не можетъ узнать своей ненаглядной Милы, до того судорожно исказилось лицо ея и эти дикіе, прыгающіе глаза, обведенные темными кругами. Цѣлую ночь просидѣлъ онъ надъ нею, не смыкая глазъ и не понимая, что съ ней дѣлается. А у него самого сердце горѣло и мысли путались въ какомъ-то туманѣ.

А въ тихомъ туманѣ яснаго утра уже разливаются все тѣ же звуки волшебной, веселой музыки.

— Въ нихъ нѣтъ страданія, нѣтъ состраданія, думаетъ Нолли.

И снова проносится вихремъ воздушный караванъ. Они несутся, эти чудныя дѣти, въ легкихъ,

какъ воздухъ прозрачныхъ, бѣлыхъ одеждахъ на бѣлыхъ, серебристыхъ, длиннорунныхъ ламахъ.

— Мила, Нолли, кричатъ они, летимъ туда, на вершины холодныхъ горъ, купаться въ утреннихъ, серебряныхъ облакахъ!

И Мила вдругъ какъ будто очнулась отъ безумія.

— Нолли, говоритъ она, схвативъ его за руку, что-же, несемся, дорогой мой, туда, туда, въ вышину, въ холодные туманы, мнѣ вѣдь надо умыть мою горячую голову и пылающую грудь!

И они вскакиваютъ на двухъ длинношерстыхъ ламъ съ розовыми ушами, и несутся, несутся вихремъ вмѣстѣ со всѣмъ ликующимъ, воздушнымъ караваномъ.

И какъ птицы, порхаютъ мимо нихъ кусты, деревья, поляны, гигантскіе цвѣты и шумные каскады. Выше и выше встаютъ голубыя горы, круче становятся подъемы, глубже обрывы, громаднѣе разбросанные камни. Ламы летятъ, какъ бѣшеныя. Цѣлый потокъ сверкающихъ искръ брызжетъ изъ подъ ихъ острыхъ копытъ.

Свѣжій горный воздухъ обдаетъ горячее лицо Милы. Ея глаза блестятъ восторгомъ.

— Опьяненье, опьяненье, шепчетъ ей все тотъ же неугомонный внутренній голосъ. Но она старается не слушать его и несется, какъ бѣшеная, на бѣшеной ламѣ......

— Ахъ, кричитъ она, другъ мой Нолли! Не правда-ли, какъ хорошо?

Нолли самъ чувствуетъ воскрешающую силу этого освѣженія. Всѣ муки безсонной ночи и растерзаннаго сердца какъ будто слетѣли съ него. Онъ бодръ и свѣжъ, онъ полонъ вѣры. Да, думаетъ онъ, ея безуміе улетѣло, она отрезвится въ этомъ чистомъ, животворящемъ воздухѣ, и я снова найду мою дорогую, ненаглядную Милу!

— Нолли, Нолли! вскрикиваетъ пронзительно Мила.

Онъ быстро оглянулся, — но Милы уже не было: только легкая пыль поднималась надъ обрывомъ, куда она полетѣла вмѣстѣ съ оборвавшеюся ламой.....

Въ одно мгновеніе Нолли соскочилъ съ ламы. Не помня себя, онъ побѣжалъ къ обрыву и вѣроятно бросился бы въ него, но здѣсь силы ему измѣнили, сердце остановилось и онъ упалъ безъ сознанія. Ламы и всадники съ крикомъ и смѣхомъ неслись мимо него, все выше и выше, и когда онъ пришелъ въ себя и открылъ глаза, то весь блестящій караванъ былъ далеко, подъ облаками.

Медленно поднялся Нолли, и началъ спускаться внизъ, по огромнымъ каменистымъ уступамъ. Нѣсколько разъ ноги его скользили, онъ обрывался и стремглавъ летѣлъ внизъ, падая на камни. Наконецъ, весь израненный, онъ спустился на самое дно пропасти, уставленное огромными скалами, между которыми стремительно бѣжалъ шумный потокъ, весь въ пѣнѣ и брызгахъ. Нолли пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ оборвалась и упала Мила.

Издали онъ уже увидалъ что-то бѣлѣвшееся между

камнями. Онъ подошелъ къ этому бѣлому пятну—это лежала она. Ея бѣлое платье было все въ крови, голова проломлена, грудь разбита..

Онъ подошелъ и поднялъ этотъ безчувственный трупъ. Онъ смылъ кровь съ ея лица, тихо опустился на камни и положилъ ее къ себѣ на колѣна. Онъ смотрѣлъ на это блѣдное лицо, на эти дорогія черты.

Тусклые глаза Милы были полузакрыты, темныя брови приподняты красивыми дугами, сжатыя губы улыбались грустной улыбкой.

Нолли смотрѣлъ на это прекрасное, спокойное лицо и ничего не чувствовалъ. Его сердце окаменѣло, въ головѣ не было мысли. Онъ только смутно сознавалъ, что онъ былъ одинокъ, что вокругъ него необозримая, мертвая пустыня.

Цѣлый день сидѣлъ онъ неподвижно, ничего не слыша и не замѣчая. Вечеромъ онъ очнулся. Поцаловалъ ея холодныя, блѣдныя руки, потомъ всталъ съ этимъ дорогимъ трупомъ и шатаясь пошелъ съ нимъ по берегу широкаго протока.

Къ утру онъ вышелъ въ цвѣтущія равнины, покрытыя зелеными рощами, усыпанныя роскошными цвѣтами. Голубой туманъ носился надъ нимъ, золотые лучи играли съ нимъ—Нолли ничего не замѣчалъ, для него было теперь все—мертвой пустыней.

Онъ вышелъ наконецъ на ту широкую террассу передъ дворцомъ, на которую онъ вмѣстѣ съ Милой всходилъ три дня тому назадъ, весь переполненный трепетнымъ восторгомъ.

Все также стоялъ дворецъ Лазуры, все также били, сверкали и шумѣли кипучіе каскады. Но посреди этого шума и блеска не было ни одного живаго существа, терраса была пуста, какъ мертвая пустыня.

Онъ медленно началъ спускаться по широкимъ ступенямъ къ голубому морю. Колѣна его дрожали, голова горѣла, кружилась и весь онъ былъ переполненъ одной мыслью, одной заботой,—какъ бы не уронить этого блѣднаго трупа, который былъ для него теперь всѣмъ, чѣмъ только дорожило его сердце въ цѣломъ мірѣ.

Около нижнихъ ступеней тихо плескался въ голубой водѣ бѣлый лебедь.

— Лебедь, сказалъ Нолли глухимъ, дрожащимъ голосомъ,—Лебедь! Мнѣ нужно заступъ, мнѣ нужно рыть глубокую, покойную колыбель для моего бѣднаго, милаго ребенка!

Но ни заступа, ни какого другаго орудія для труда не было на Голубыхъ островахъ, потому что на нихъ никто никогда не трудился.

— Лебедь, заговорилъ опять Нолли,—лодку мнѣ! Сжалься, достань мнѣ лодку!

Лебедь замахалъ крыльями и громко закричалъ; и къ берегу подплыла большая бѣлая лодка, вся покрытая позолоченной рѣзьбой и широкими гирляндами зелени,—та самая лодка, на которой приплыли Мила и Нолли на островъ Лазуры. Только гирлянды и цвѣты въ ней теперь поблекли и засохли.

Нолли сѣлъ въ эту лодку съ своей дорогой ношей, и лодка сама отчалила и тихо поплыла по голубому морю.

И возлѣ нея плылъ, грустно опустивъ голову, бѣлый Лебедь, и ему все слышалась его любимая пѣсня:

По синему озеру лебедь плыветъ,
Лебедь мой, лебедь, серебрянный лебедь!

Вотъ ужъ островъ Лазуры подернулся голубымъ туманомъ, и все-таки сквозь этотъ прозрачный туманъ сверкалъ все тѣми же яркими, радужными огнями.

Вотъ показался блестящій островъ Бабочекъ; онъ сіялъ все той-же неизмѣнной красой, также свѣжи были пышныя, громадныя розы, также беззаботно кружились, мелькали нарядныя бабочки.

Лодка плыла мимо Лебяжьяго острова и медленно поворачивалась къ нему. Всѣ лебеди не летѣли, какъ прежде, съ радостнымъ крикомъ ей на встрѣчу, а курлыкали грустно, и быстро уплывали прочь. Только одинъ бѣлый Лебедь, старый другъ Милы, провожалъ ея тѣло.

Блѣдно-зеленыя плакучія ивы острова также красиво были разбросаны между яркихъ лужаекъ; только ихъ вѣтки какъ будто еще, еще ниже опустились къ землѣ, всѣ проникнутыя глубокою скорбью.

Лодка остановилась, причаливъ къ острову.

Медленно, осторожно вышелъ изъ нея Нолли, неся на рукахъ свою дорогую, неподвижную Милу. Лебедь тихо полетѣлъ въ глубь острова и Нолли пошелъ за нимъ.

Недалеко отъ берега была небольшая поляна подъ нависшими вѣтвями ивъ. Тутъ остановился Нолли и

осторожно, какъ спящаго ребенка, положилъ трупъ Милы подъ дерево. Потомъ онъ нашелъ большой сукъ, нашелъ и нѣсколько плоскихъ острыхъ камней и принялся рыть землю, а Лебедь неподвижно сидѣлъ возлѣ тѣла Милы и смотрѣлъ на работу.

Медленно шла она. Усталый, измученный Нолли работалъ черезъ силу. Его ослабѣвшія руки дрожали, съ его лица катились крупныя капли холоднаго пота. Это были первыя капли горькаго, трудоваго пота, упавшія на землю Голубыхъ островoвъ, и эти капли превращались въ черныхъ, безобразныхъ червей, которые боялись свѣта, которые могли питаться только человѣческой кровью, и, извиваясь какъ змѣи, уходили въ землю.

Время тихо тянулось. Плакучія ивы стояли неподвижно. Неподвижно лежала мертвая Мила, какъ бѣлая мраморная статуя. Неподвижно стоялъ надъ ней Лебедь. Нолли, какъ кротъ, работалъ среди мертвой тишины.

Уже спускалось солнце къ морю, когда наконецъ неглубокая могила была готова. Едва дыша, весь истомленный долгимъ трудомъ и безвыходнымъ горемъ, Нолли взялъ трупъ Милы и поцаловалъ его такимъ поцалуемъ, какъ будто хотѣлъ въ немъ передать и свою жизнь, и свои страданія, и всю свою безконечную любовь. Потомъ онъ тихо опустилъ этотъ трупъ на дно могилы.

— Лежи, сказалъ онъ, и медленно разрушайся, чудная, дорогая для меня голова, которую изсушила,

сожгла тяжелая дума. Превращайся въ холодный безстрастный прахъ, чудное сердце, еще недавно полное безграничной любви и не бывшее въ состоянiи найдти себѣ въ жизни невозмутимое счастье!

Потомъ онъ вышелъ изъ могилы и хотѣлъ засыпать ее землею.

— Постой, сказалъ Лебедь. Онъ приподнялся, развернулъ крылья, закинулъ голову къ небу и гордо запѣлъ громкую, лебединую пѣснь. Эта пѣснь разливалась широкимъ, могучимъ потокомъ; торжественно, какъ изъ громаднаго органа, неслись ея звуки, кружились надъ тѣломъ Милы и уносились въ синее небо.

Кончилъ Лебедь, взмахнулъ крылами, полетѣлъ прямо кверху, все выше и выше, и наконецъ потонулъ въ темносинемъ небѣ.

А Нолли забрасывалъ могилу землей. Она съ глухимъ шумомъ катилась, падала на тѣло Милы, засыпала ей глаза, и каждый ударъ, какъ тяжелымъ молотомъ, билъ по сердцу Нолли.

Наконецъ онъ кончилъ работу и, шатаясь, пошелъ. Куда? Онъ самъ не зналъ. Безъ цѣли, безъ желанiй, какъ живой трупъ, бродилъ онъ по острову. Онъ вспоминалъ всѣ послѣднiя рѣчи Милы; онъ задумывался надъ ея словами, и чѣмъ больше вникалъ въ ихъ смыслъ, тѣмъ шире, величавѣе вставалъ передъ нимъ одинъ неразрѣшимый вопросъ: Что же мучило Милу? Чего недоставало для ея счастья?...

Остановился Нолли. Могучая дума охватила все существо его и онъ окаменѣлъ въ ней.

Летѣли часы, дни, годы!
Прошли милліоны лѣтъ.

Давно уже фея Лазура унеслась въ какіе-то надзвѣздные міры со всѣмъ своимъ царствомъ счастливыхъ существъ. Давно уже пропалъ и слѣдъ Голубыхъ островов.

Уцѣлѣлъ только островъ Лебяжій на Тихомъ Океанѣ. Онъ весь окруженъ подводными камнями и неприступными скалами, нѣтъ къ нему ни подхода, ни подъѣзда.

На немъ стоитъ Нолли и думаетъ свою глубокую думу о томъ: Чего недоставало для полнаго счастья его дорогой, ненаглядной Милѣ?...

Да! Чего недоставало?!...

Али-Гафизъ.

Далеко, далеко, тамъ гдѣ на высокихъ тонкихъ башняхъ горятъ золотые полумѣсяцы, гдѣ блестятъ изразцовые купола, гдѣ финиковыя пальмы уходятъ въ синее небо вѣерными вершинами, жилъ былъ, а можетъ быть и теперь живетъ, добрый человѣкъ Али-Гафизъ.

Много было всякаго добра въ его огромныхъ кладовыхъ, и все къ нему какъ съ неба валилось. Шли чуть не каждый день, переваливаясь съ боку на бокъ, цѣлые караваны вьючныхъ верблюдовъ, и привозили къ его кладовымъ изъ далекихъ странъ и тонкія, пестрыя шали, и писанные золотомъ, звонкіе клинки ятагановъ, и яшмовыя чаши, и голубую бирюзу, и красные рубины, и крупный серебристый жемчугъ, и тяжелые, чистаго золота, слитки. Всѣмъ торговалъ Гафизъ, всего у него было вдоволь.

Каждый день вставалъ онъ ранёхонько, творилъ намазъ, глядя на восходящее солнце, и твердилъ стихъ изъ Корана: «Отри слезу вдовицы, помоги неимущему, накорми алчущаго, напои жаждущаго.»

А жаждущіе, алчущіе, хромые, слѣпые, убогіе, всякіе нищіе и факиры давно уже стояли цѣлыми толпами на его широкомъ дворѣ и ждали его выхода.

Выходилъ Али-Гафизъ, садился на широкій пестрый коверъ, на мягкія атласныя подушки, курилъ кальянъ изъ длиннаго чубука. А невольники его и прикащики выносили цѣлые мѣшки цехиновъ и рупій, и щедро одѣляли всѣхъ просящихъ и чающихъ.

И вся толпа кричала: Великъ Аллахъ и пророкъ его! Великъ халифъ Абу-Нассанъ-Альбенасаръ и вѣрный рабъ его Али-Гафизъ, утѣха человѣчества!

А поэты выходили изъ толпы, низко кланялись Али-Гафизу, сложивъ руки на груди, и затѣмъ громко пѣли: «Солнце ласково сіяетъ на всѣхъ людей и грѣетъ ихъ щедро лучами своими. Такъ грѣетъ своими щедротами мудрый Али-Гафизъ всѣхъ убогихъ и страждущихъ! Аллаху слава!

— «Роза изливаетъ ароматъ свой въ долинѣ Гаразэма. Такъ изливаются милости изъ благоухающаго сердца Али-Гафиза на всѣхъ несчастныхъ. Аллаху слава!

«Ключъ утоленія течетъ изъ души его, звѣзды мудрости сіяютъ въ глазахъ его, амбра сostраданія исходитъ изъ устъ его. Онъ великъ! Онъ утѣха человѣчества !Аллаху слава!»

И Али-Гафизъ давалъ каждому поэту по горсти цехиновъ, для вдохновенія.

За тѣмъ выступали дервиши и факиры въ грязныхъ лохмотьяхъ, въ звѣриныхъ шкурахъ, съ бородами до земли. Они кланялись низко въ смиреніи своихъ сердецъ «утѣхѣ человѣчества» и говорили ему:

— Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, а Магометъ пророкъ его! Двери Эдема открыты для праведныхъ. Свѣтлыя гуріи ждутъ ихъ на лонѣ вѣчности. Добрый геній Джебраилъ принимаетъ ихъ души на смертномъ одрѣ. Полное блаженство — удѣлъ всѣхъ скорбящихъ и пекущихся о страдающемъ человѣчествѣ!

И Али-Гафизъ давалъ каждому факиру по горсти рупій, въ видѣ задатка на будущее блаженство.

И онъ думалъ, что онъ дѣйствительно утѣха человѣчества, что изъ него исходитъ ключъ утоленія скорби и исцѣленія всякихъ сердечныхъ ранъ и недуговъ.

Разъ ночью онъ услыхалъ голосъ, который говорилъ ему: Вставай, Гафизъ, идемъ!

Онъ открылъ глаза и увидалъ какой-то черный, волнующійся призракъ.

— Великъ Аллахъ! сказалъ Али-Гафизъ съ изумленіемъ и ужасомъ. Кто ты?! — Я Гардіилъ, духъ скорби, отвѣчалъ призракъ. И Гафизъ увидалъ, что это былъ дѣйствительно духъ въ длинной черной одеждѣ. Тонкія брови его блѣднаго лица были сдвинуты. Изъ подъ опущенныхъ, сжатыхъ вѣкъ катились слезы. Духъ былъ слѣпой.

— Вставай Гафизъ, утѣха человѣчества, летимъ, и ты увидишь, что такое значитъ горе людское!

И онъ взялъ Гафиза за руку, и самъ собою невольно Гафизъ поднялся съ постели и вылетѣлъ вмѣстѣ съ духомъ въ широкое окно, сквозь которое ярко свѣтилъ полный мѣсяцъ.

Быстро летѣли они въ тепломъ ночномъ воздухѣ. Подъ ними темнѣли фиговые сады, кипарисовыя кладбища и сверкали фонтаны. Высоко летѣли они надъ спящими башнями минаретовъ, все мелькало въ прозрачномъ, серебристомъ туманѣ. И наконецъ ничего уже болѣе не видалъ Гафизъ, кромѣ прозрачнаго тумана.

— Смотри, сказалъ духъ, и ты увидишь первые зачатки людскаго горя!

Изъ необъятнаго тумана выступила, подобно картинѣ волшебнаго фонаря, широкая, угрюмая пустыня. Какіе-то странные образы, обросшіе волосами, покрытые звѣриными шкурами, лазали по утёсамъ и прятались въ темныя пещеры. Прислонившись къ искривленному старому дереву, сидѣла женщина, также вся обросшая волосами, болѣе похожая на звѣря, чѣмъ на женщину, и кормила грудью ребенка. Она робко, испуганно оглядывалась по сторонамъ, и вдругъ увидѣла большаго чернаго медвѣдя, который выставилъ изъ-за утеса свою длинную, широколобую голову. Быстро вскочила она, и съ пронзительнымъ воплемъ обхвативъ крѣпко ребенка, побѣжала, спотыкаясь по утёсамъ. Но медвѣдь также быстро бросился за ней. Множество людей въ

звѣриныхъ шкурахъ выскочило изъ пещеръ и побѣжало за ними въ погоню съ какимъ-то страннымъ оружіемъ.

Поскользнулась женщина, покатилась внизъ, выронила ребенка. Стрѣлой бросился на него медвѣдь, схватилъ его широкой пастью и, яростно рыча, въ три прыжка скрылся съ своей добычей, преслѣдуемый стрѣлами и криками странныхъ людей въ звѣриныхъ шкурахъ. А женщина, какъ безумная, дико озираясь, пошла, сѣла опять подъ искривленное, старое дерево, опустивъ голову на колѣна. По временамъ, она поднимала ее, оглядывалась все кругомъ, и протяжный заунывный стонъ вылеталъ изъ éя груди. Въ этомъ воплѣ было столько тоски и безвыходнаго горя, что сердце Али-Гафиза сжималось отъ боли.

— Улетимъ, сказалъ онъ духу. И они улетѣли. Новая картина выплыла передъ ихъ глазами изъ серебристаго тумана.

Цѣлая толпа народа стояла кругомъ и весело смотрѣла, какъ крестьянинъ съ длинной бородой, въ сѣромъ кафтанѣ, водилъ большаго медвѣдя на цѣпи. Медвѣдь прыгалъ, а крестьянинъ заставлялъ его кланяться всѣмъ въ ноги.

— Аллахъ! Аллахъ! сказалъ Гафизъ. Человѣкъ побѣдилъ звѣря.

— Много горя прошло, сказалъ духъ скорби, много пролито крови и слезъ, прежде чѣмъ совершилась эта побѣда. Но еслибъ не было этой крови и слезъ, этой борьбы, то не было-бы и побѣды!

Полетѣли дальше. И новая картина открылась передъ ними. Въ какомъ-то тускломъ сѣромъ туманѣ развернулась большая равнина, скучная, низменная, болотистая. Какая-то приземистая деревушка пріютилась среди болотъ, подъ чахлыми, искривленными ивами и тощими березами. И видитъ Гафизъ, какъ бродятъ люди въ этой деревушкѣ, блѣдные, больные, опухшіе, съ большими зобами. Они ходятъ какъ сонные, или падаютъ и умираютъ, какъ мухи осенью. Видитъ Гафизъ, какъ несутъ, везутъ гроба на кладбища, подъ тощія березы, и слышитъ, какъ стонутъ, плачутъ матери и жены, провожая эти гроба. Онъ видитъ, какъ въ грязи среди улицы лежатъ пьяные, какъ свиньи въ болотѣ, и спятъ мертвецкимъ сномъ.

— Горе, тяжелое горе тяготѣетъ надъ ними, говоритъ духъ скорби. Они идутъ темными, глухими закоулками, пока нужда не выведетъ ихъ на большую, торную дорогу, на широкій, свѣтлый путь. Но не многіе выйдутъ на него. Умираютъ всѣ слабые и нищіе духомъ и тѣломъ. А остаются крѣпкіе, богатые духомъ и мыслью.

И духъ скорби махнулъ рукою. И вдругъ вся картина совершенно измѣнилась. Болота какъ не бывало. Среди цвѣтущей долины, покрытой фруктовыми садами и тучными пажитями, стоялъ большой, красивый городъ. Къ нему шли желѣзныя дороги, множество фабрикъ толпилось вокругъ него и онѣ дымили своими длинными трубами. Тутъ говоръ, бойкая жизнь кипѣла въ немъ и катила впередъ на всѣхъ парусахъ.

— Аллахъ, Аллахъ! сказалъ Гафизъ, неужели маленькая деревушка могла превратиться въ такой большой городъ?..

— Нужда родитъ горе, сказалъ духъ, горе ведетъ къ знанію, а знаніе ведетъ человѣка впередъ. Нужда всему научаетъ!

— Но отчего же, спрашиваетъ Гафизъ, отъ этихъ большихъ домовъ съ длинными трубами, откуда несется сильный стукъ, выходятъ люди такіе блѣдные, изнуренные. А эти женщины,—отчего онѣ плачутъ? А эти дѣти, отчего они такъ худы, и ходятъ, опустивъ голову?

Но ничего не отвѣчалъ на это духъ скорби. Онъ молча полетѣлъ дальше, и Гафизъ за нимъ.

Давно уже исчезъ шумный городъ, а они все летѣли. Широкими волнами разстилалась, клубилась передъ ними какая-то сѣрая угрюмая мгла. Порой откуда-то налеталъ вѣтеръ, разрывалъ, уносилъ клочками этотъ тяжелый, холодный туманъ, и тогда мѣстами въ этихъ просвѣтахъ открывались цѣлыя толпы страшныхъ, темныхъ призраковъ. Они роились, махали руками, неслись куда-то, толкая и опрокидывая другъ друга. Глухой, несмолкаемый гулъ стоялъ надъ ними.

Сильнѣе, порывистѣе становился вѣтеръ, онъ несся вихремъ, онъ вылъ и стоналъ, съ бѣшенствомъ рвалъ волны тумана, и гналъ и уносилъ ихъ далеко. Необозримое пространство развернулось передъ Гафизомъ, пространство, полное все тѣми же волнующимися при-

зраками. Онъ смотрѣлъ на право и на лѣво, онъ оглядывался назадъ, онъ смотрѣлъ на всѣ четыре стороны свѣта и на всѣхъ четырехъ сторонахъ свѣта мелькали, волновались все тѣ же темные призраки, и, казалось, не было имъ нигдѣ ни конца, ни предѣла.

— Это мое царство! Это великое море—горе людское, сказалъ духъ скорби,—и они незамѣтно спустились къ этому морю, и глухой гулъ, слышный издали, превратился въ нескончаемый, оглушительный стонъ, плачъ и вопль.

И видѣлъ Гафизъ, какъ отцы убивали дѣтей своихъ, чтобы не видать, какъ они умираютъ съ голода передъ ихъ глазами. Онъ видѣлъ, какъ матери несли на рукахъ трупы своихъ родныхъ дочерей, изуродованные и облитые кровью. Онъ видѣлъ дикіе, потухшіе глаза этихъ матерей, обезумѣвшихъ отъ сокрушающаго горя.

Онъ видѣлъ, какъ люди дрались и убивали другъ друга изъ-за клочка земли, изъ-за куска хлѣба. Онъ видѣлъ, какъ ѣли землю, чтобъ не умереть съ голоду—и все-таки умирали. Онъ слышалъ со всѣхъ сторонъ звонъ цѣпей и видѣлъ, какъ призраки стонали и метались подъ ихъ тяжестью, и не могли ихъ сбросить.

А вѣтеръ гудѣлъ надъ толпой, и заглушалъ ея вопли, и вылъ, и стоналъ, и пѣлъ заунывную пѣсню:

Горе людское, горе святое!
Ты разлилось какъ широкое море.
Чтоже ты горе, стонешь надъ міромъ?
Плачемъ младенца, старческимъ стономъ
Стонешь надъ бѣднымъ, стонешь надъ сирымъ,
Звенишь надъ могилой тоскующимъ звономъ?

И видѣлъ Гафизъ, какъ изъ всей толпы выдѣлялись призраки и поднимались надъ ея уровнемъ. Они указывали этой толпѣ на какой-то тусклый свѣтъ, который чуть-чуть мерцалъ на дальнемъ горизонтѣ.

— Это тѣ — сказалъ духъ скорби, которые ощутили въ сердцахъ своихъ всю тяжесть людскаго горя и прониклись къ людямъ глубокимъ состраданіемъ и любовью; тѣ, что встали выше толпы и видятъ впереди свѣтъ истины, какъ избавителя отъ страданій. Они указываютъ на него людямъ и — смотри, что будутъ дѣлать съ ними люди! — И Гафизъ увидѣлъ, какъ толпа бросала грязью въ этихъ немногихъ, какъ она побивала ихъ каменьями и топтала въ пыли подъ ногами.

И духъ скорби торопилъ ихъ погибель.

Жгли и мучили ихъ люди. Они ввергли ихъ въ великое точило и давили ихъ, и красный виноградный сокъ лился изъ точила, а брызги его летѣли во всѣ стороны свѣта и пятнали грудь духа скорби.

И все, что дано было людямъ во благо, все захватили сильные міра и князи князей его. И видѣлъ Гафизъ, какъ шли они величественной поступью, помахивая золотыми уборами и блестя багряными плащами. И слышалъ онъ, какъ земля колебалась и стонала подъ ихъ ногами; и былъ шумъ отъ одеждъ ихъ, какъ шумъ отъ водъ многихъ. Онъ видѣлъ, какъ эти сильные міра были сильны своимъ златомъ, и какъ несли этихъ золотыхъ тельцовъ на своихъ плечахъ всѣ тѣ блѣдные изнуренные люди, женщины и дѣти, объ которыхъ онъ спрашивалъ, почему они такъ худы и блѣдны. И по-

нялъ онъ, что ихъ крестъ тяжелъ и велико ихъ горе. И, смотря на ихъ скорбныя, изнуренныя лица, Али-Гафизъ невольно началъ искать у пояса свой кошелекъ. Онъ нашелъ его. Кошелекъ оказался цѣлымъ большимъ мѣшкомъ, полнымъ цехиновъ. Гафизъ жадно захватилъ ихъ цѣлыя пригоршни и началъ бросать въ толпу.

Съ жадностью бросилась она на это золото; призраки, блѣдные, изнуренные, какъ голодные звѣри, ловили, рвали его другъ у друга—и тотъ, кто больше захватилъ, тотъ влѣзалъ на другихъ, и самъ становился золотымъ тельцомъ.

Мигомъ опустѣлъ кошелекъ, а мимо Гафиза шла все та же нескончаемая толпа голодныхъ и трудящихся, она также сгибалась подъ тяжестью золотыхъ тельцовъ, и не было конца этимъ угнетеннымъ и скорбящимъ. У Гафиза опустились руки.

— Аллахъ! сказалъ онъ. Неужели имъ нѣтъ выхода, и одни должны быть вѣчно наверху, а другіе внизу?

— Еще не приспѣло время великой жатвы, сказалъ духъ скорби. Еще долго будутъ волноваться волны людскаго горя и не скоро люди поймутъ его смыслъ. Долго еще будетъ продолжаться мое тяжелое царство. Легче будетъ гнётъ, но сильнѣе будутъ его чувствовать люди, и чѣмъ невыносимѣе будетъ ихъ скорбь, и плачъ, и стенаніе,—тѣмъ быстрѣе и вѣрнѣе будутъ идти они къ истинѣ, и истина наконецъ освободитъ ихъ отъ всѣхъ страданій. Спи же спокойно, Гафизъ, утѣха человѣчества. Дѣлай добрыя дѣла и люби людей, но если бы

камни твоего дома разсыпались въ прахъ, и каждая пылинка превратилась въ горы золота, все ты не засыпалъ бы имъ скорбнаго пути человѣческаго, ты не остановилъ бы великаго дѣла горя людскаго.

И духъ скорби махнулъ рукой, и отъ этого мановенія Гафизъ вдругъ полетѣлъ стремглавъ внизъ въ какую-то громадную бездну, которая вся была полна все тѣми же стонущими изуродованными призраками. Они были въ крови, гремѣли цѣпями, протягивали къ нему свои длинные костлявые пальцы, съ крикомъ, гамомъ и хохотомъ кружились и гнались за Гафизомъ. Онъ летѣлъ прямо внизъ, туда, гдѣ ярко свѣтило какое-то красное пламя. Онъ летѣлъ все глубже и глубже, крики становились громче и громче. Пламя нестерпимымъ свѣтомъ свѣтило ему глаза. Наконецъ, въ ужасѣ, онъ открылъ ихъ и опять зажмурилъ...

Прямо въ нихъ било своими лучами восходящее солнце. Оно свѣтило сквозь окно, изъ котораго ночью вылетѣлъ Гафизъ. И лежалъ онъ на своей постели, а на дворѣ давно уже ждалъ его новый караванъ, и верблюды дрались и неистово кричали.

— Аллахъ, Аллахъ! сказалъ Гафизъ, какая чепуха можетъ присниться человѣку. А все это оттого, что я поѣлъ вчера вечеромъ много рисовой каши съ дамасскими финиками.—И онъ быстро вскочилъ съ постели, сотворилъ омовеніе, сталъ на колѣна на коверъ, и, жмурясь отъ блеска восходящаго солнца, началъ твердить, перебирая четки:

— Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ его! Онъ премудръ, онъ сказалъ: Отри слезы вдовицы, помоги неимущему, накорми алчущаго, напои жаждущаго!

Старый горшокъ.

Вы навѣрное знаете, что на свѣтѣ существуетъ съ незапамятныхъ временъ старый горшокъ. Его всегда вечеромъ ставятъ на столъ. Хорошъ онъ бываетъ въ тихій, ясный вечеръ, когда вокругъ стола собираются всѣ, старые и малые семьи, собираются отдохнуть отъ тяжелыхъ дневныхъ трудовъ, весело поболтать и посмѣяться вволю, и при этомъ можетъ быть никогда никто изъ нихъ не подумаетъ, что лучше этого горшка—нѣтъ ничего въ цѣломъ здѣшнемъ мірѣ. Если въ этомъ горшкѣ нѣтъ той курицы, о которой когда-то мечталъ одинъ добрый французскій король, то навѣрное въ немъ есть добрый кусокъ мяса, того самаго мяса, которое всю свою жизнь работало въ какомъ нибудь волѣ, а теперь снова пойдетъ работать въ человѣкѣ.

Да, этотъ горшокъ—вещь великая, но вѣдь онъ не падаетъ съ неба, а выростаетъ изъ земли.

И вотъ, ради этого горшка, старая бабушка Марта

изъ всѣхъ силъ хлопотала и стряпала. Дѣло шло о большомъ пирѣ на всю деревню, и какъ же было не устроить этого пира, когда бабушка выдавала замужъ свою единственную внучку, милую Розхенъ? А еслибы вы знали, что это была за чудная дѣвушка—Розхенъ! О! Вы навѣрное помогли бы старой бабушкѣ Мартѣ.

Чудная Розхенъ была—сама прелесть. Вы только вообразите себѣ доброе, доброе личико,—котораго добрѣе нельзя придумать. И все это личико, свѣжее, розовое, со вздернутымъ носикомъ и пухлыми щечками, постоянно улыбалось, улыбалось какъ есть—все, начиная съ милыхъ голубыхъ глазокъ и розовыхъ, пухленькихъ губокъ, до кругленькаго подбородка съ хорошенькой ямкой. Даже свѣтлорусые волосы Розхенъ,—и тѣ постоянно смѣялись и заигрывали съ свѣтлыми глазками, падая на нихъ густыми, длинными кудрями, такъ что Розхенъ по-неволѣ должна была завязывать ихъ бѣлой клѣтчатой косынкой, но въ этой-то косынкѣ она и была прелесть.

Какъ же было не любить старой бабушкѣ Мартѣ такую чудную внучку, которую всѣ любили во всей деревнѣ, и даже не въ одной, а въ цѣломъ околодкѣ? За то и внучка любила свою бабушку, которая тоже была хотя и старая, но очень хорошая бабушка.

Притомъ она была похожа, очень похожа на свою внучку, такъ что вся разница между ними была только такая, какая бываетъ обыкновенно между румяными яблоками, свѣжимъ и испеченнымъ. И когда Розхенъ

сидѣла подлѣ своей бабушки, уже старой, но крѣпкой, здоровой и бодрой, то ея глазки всѣмъ какъ-бы невольно говорили: Смотрите, развѣ я буду дурная, когда буду старухой? У меня будутъ такіе же голубые глаза, какъ у бабушки, такія же румяныя щеки и улыбающіяся губы, и ямка на подбородкѣ. Я буду только сѣдая и вся въ морщинкахъ, но за то я буду еще добрѣе, потому что каждая морщинка будетъ складкой, которую мнѣ оставитъ на память доброе старое время.

Но разумѣется, никто не любилъ такъ крѣпко добрую, милую Розхенъ, какъ ея женихъ, славный малый, Жанъ. Вѣдь онъ любилъ ее не только потому, что она была хороша, мила и добра, но еще и потому, что онъ выросъ съ ней. А какъ является эта любовь — объ этомъ, пожалуйста, спросите у тѣхъ двойчатокъ, которыя выростаютъ на орѣшинѣ, ранней весной, подъ теплымъ солнцемъ, и потомъ ужъ не могутъ отдѣлиться другъ отъ друга даже поздней осенью.

Говорили, что добрая бабушка приколдовала ихъ другъ къ другу, и даже обстоятельно разсказывали, какъ и чѣмъ,—но мало-ли что говорятъ люди? Говорили, что бабушка собирала всякія старыя вещи, которыя никому не были нужны, и всякія зеленыя травы, которыя всѣмъ были нужны, потому что ими она вылечивала отъ разныхъ болѣзней. Вѣрно было только одно: бабушка смотрѣла на многое такъ, какъ могутъ смотрѣть только немногіе.

Она понимала, напримѣръ, что вся сила въ хоро-

шемъ кускѣ земли, а этотъ кусокъ земли былъ у Жана, а что всего лучше, онъ самъ купилъ его на собственныя, трудовыя деньги.

Деньги эти были не малыя, потому что всѣ, имѣющіе землю, очень хорошо знаютъ ея силу, и очень хорошо понимаютъ, что для многихъ—земля клиномъ сошлась.

Чтобы добыть эти деньги, Жану было хлопотъ тоже не мало, но вѣдь у него были отличныя, здоровыя руки, а въ головѣ, вмѣсто знанія, былъ толкъ да умѣнье, что порой, бываетъ лучше всякого знанія. Если прибавить ко всему этому доброе сердце и честное лицо, то можно, кажется, безъ особаго труда, понять, почему Розхенъ согласилась выйти за Жана, и почему бабушка Марта была рада этой свадьбѣ. Притомъ все это случилось совершенно просто, какъ-будто само собой.

Когда Жанъ и Розхенъ играли вмѣстѣ еще маленькими дѣтьми, то Жанъ былъ женихъ, а Розхенъ была невѣста. Наконецъ, когда они выросли, то отчего же было имъ не съиграть, какъ слѣдуетъ, и настоящую свадьбу? Правда, въ эту игру многіе проигрываютъ, но Жанъ и Розхенъ крѣпко вѣрили, что въ этой игрѣ имъ выпали хорошія карты, и, кромѣ червонной масти, они никакой другой не будутъ знать и видѣть. Что-же? Если нельзя жить разсчетомъ, то отчего же и не вѣрить въ то, что можетъ быть никогда не случится?

Когда Жанъ сказалъ Розхенъ, что желалъ бы на ней жениться, Розхенъ посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Еще бы ты этого не желалъ: вѣдь я съ дѣтства твоя невѣста, и ужъ конечно никто, кромѣ тебя, не будетъ моимъ женихомъ.—И они поцаловались.

Когда Жанъ сказалъ бабушкѣ, что онъ хочетъ жениться на Розхенъ, то бабушка посмотрѣла на него своими добрыми глазами, приподняла брови и сказала:

— Еще бы ты на ней не женился, вѣдь она съ дѣтства твоя невѣста, и навѣрное у нея, кромѣ тебя, никто женихомъ не будетъ!—И Жанъ снова поцаловался съ Розхенъ.

И вотъ какъ все это сдѣлалось просто, да иначе и быть не могло, потому что и Жанъ и Розхенъ, и даже бабушка Марта—были простые, добрые люди.

И вотъ настал день свадьбы. Сколько собралось на нее народа, и сколько тутъ было веселья—объ этомъ и разсказывать нечего. Повсюду бѣлѣли самыя бѣлыя рубашки, алѣли самыя алыя ленты, и не только весь старый домикъ бабушки Марты, не только новый домикъ Жана, но даже старая кирка и та вся была убрана яркими гирляндами всякой зелени, и тутъ листья винограда—эта необходимая принадлежность веселаго Бахуса — занимали почетное мѣсто. Всѣ люди, добрые и злые, со всего околодка, пришли пировать и веселиться. Даже тѣ, которые много проиграли въ ихъ женидьбѣ, и тѣ пришли радоваться новому узлу семейной жизни: таково ужъ игривое свойство веселаго брака.

И наконецъ свадьба Жана и Розхенъ была сыгра-

на, а какъ это все произошло, пусть каждый представитъ себѣ какъ можетъ.

Когда, на другой день свадьбы, Розхенъ чуть ли не въ третій разъ подумала: Ну, теперь Жанъ мой, и я счастлива, — и только что собралась, принарядившись, идти вмѣстѣ съ Жаномъ къ бабушкѣ Мартѣ, какъ сама бабушка постучалась къ нимъ въ дверь.

Розхенъ хотѣла тотчасъ же броситься къ ней на шею и сказать: Я счастлива! — но бабушка такимъ таинственнымъ шепотомъ три раза проговорила: Не подходи, не подходи, не подходи! — что Розхенъ остановилась, какъ вкопанная. А бабушка торжественной подходкой направилась прямо къ большому шкафу. Она несла обѣими руками горшокъ, простой, старый глиняный горшокъ, покрытый полотенцемъ и завязанный черной лентой.

— Отвори! сказала бабушка, подойдя къ шкафу. Розхенъ отворила его, и бабушка сама, приподнявшись на цыпочки, поставила горшокъ на верхнюю полку.

— Вотъ вамъ, сказала она, поправивъ платокъ на сѣдой головѣ. Вотъ вамъ! Будьте счастливы!

— Что же это такое? вскричала Розхенъ, — что это ты намъ принесла?

— Это... это — ваше счастье. Вѣрьте въ него и не разбейте его. Оно очень непрочно, какъ и все въ бренномъ мірѣ.

Жанъ посмотрѣлъ на бабушку какъ-то двусмысленно. А Розхенъ?.. Но она уже вѣрила прежде, чѣмъ

бабушка сказала: вѣрьте. Она уже обнимала, и цаловала, и благодарила свою милую бабушку. И если кому нибудь покажется странна эта вѣра въ счастье, которое лежитъ въ глиняномъ горшкѣ, то его можно спросить: а развѣ онъ никогда не вѣрилъ въ лѣшихъ, домовыхъ и просыпанную соль?..

Пусть каждый вѣритъ во что хочетъ, только бы не мѣшалъ никому жить на свѣтѣ!..

Впрочемъ, бабушка обо всемъ этомъ думала совершенно иначе, а какъ... мы объ этомъ непремѣнно узнаемъ.—Только не все вдругъ!

Прошло шесть лѣтъ, цѣлыхъ шесть лѣтъ постояннаго семейнаго счастья. И все это благодаря простому глиняному горшку. Вотъ такъ горшокъ! Золотая, завидная вещь!

Что же лежало въ немъ? Неужели онъ былъ пустой? Нѣтъ, лежало въ немъ очень много: много всего, что бываетъ вездѣ въ цѣломъ свѣтѣ, но вѣдь онъ былъ завязанъ крѣпко-накрѣпко, и если Розхенъ не рѣшилась его открыть, то, разумѣется, узнать—что въ немъ лежало—можно было только по прихоти случая. Такова ужъ судьба многихъ великихъ открытій.

И случай явился,—какъ и всегда—некстати и не во́время, все равно что гость, который хуже всякого татарина.

У Розхенъ былъ сынъ, единственный сынъ за всѣ шесть лѣтъ замужства. Многіе сказали бы, что это мало. Другіе, напротивъ, были бы весьма недовольны этимъ малымъ. Но при невозможности потра-

фить на всѣ вкусы, здѣсь, какъ и вообще размноженіемъ всего добраго человѣчества, распорядился безчеловѣчный законъ, котораго мы не знаемъ. Вся сила въ томъ, что Розхенъ любила своего единственнаго маленькаго Луллу, любила такъ, какъ она, понятно, не могла бы любить, если бы вмѣсто одного Луллу—у ней было ихъ четверо или шестеро. Впрочемъ, едва ли въ цѣломъ мірѣ была хотя одна вещь, которую Розхенъ не любила бы хоть немножко, или, по крайней мѣрѣ, не относилась бы къ ней съ состраданіемъ.

Она любила свой домикъ, и даже ревновала его ко всякой пылинкѣ, которая садилась на него. Любила простыя деревянныя стулья, скамьи и столы, потому что они были просты, и не давала ихъ въ обиду ничему, что могло бы ихъ запачкать. Любила каждую вещь, каждую плошку, которую убирала и переставляла чуть ли не по пяти разъ на день,—любила свой маленькій садикъ съ тощими яблонями, гнѣздо аиста на соломенной крышѣ,—и все это любила потому, что самъ этотъ домикъ и садикъ были гнѣздомъ, свитымъ любовью для тихаго, простаго семейнаго счастья.

Иногда по этому гнѣзду проносились разныя невзгоды, какъ проносятся тѣни отъ лѣтнихъ облаковъ по свѣтлому зеркалу спокойнаго пруда. Розхенъ встрѣчала и провожала ихъ съ улыбкой, а если улыбка не выходила, и подступали слезы къ сердцу, то ей стоило только взглянуть на старый горшокъ, въ которомъ лежало ея счастье, и слезы утихали.

— Все это пройдетъ, говорила она съ твердой вѣрой, — и все это дѣйствительно проходило, какъ проходитъ все на свѣтѣ, въ ту неизвѣданную даль, что называется вѣчностью.

И вдругъ, въ одно ненастное утро, все это, вся любовь и вѣра Розхенъ — исчезли. Слѣпой случай явился и раскрылъ горшокъ съ счастьемъ, раскрылъ очень просто и основательно...

До этого горшка давно добирался Луллу, точно также, какъ добирался до всего, что было ему неизвѣстно.

— Что это тамъ въ горшкѣ? допрашивалъ онъ мать.

— Это наше счастье...

— Это сладкое?..

— Очень, очень сладкое! — И въ доказательство, Розхенъ крѣпко поцаловала Луллу.

Ну, и этого было вполнѣ достаточно, чтобы Луллу, улучивъ удобную минутку, отправился на охоту за горшкомъ.

Онъ подмостилъ къ шкафу скамейку, на нее стулъ, на стулъ влѣзъ самъ. Все это совершилось очень благополучно, но все таки до горшка съ сладкимъ счастьемъ оставалось добрыхъ полъ-аршина... Луллу не долго думалъ: онъ схватился одной сильной ручонкой за верхнюю полку, а другой за горшокъ. Въ это время, стулъ подъ нимъ покачнулся, подъ стуломъ покачнулась скамейка, и все это, вмѣстѣ со всѣмъ величіемъ, полетѣло на полъ.

Луллу ушибся довольно сильно, но его занималъ горшокъ, который не только ушибся, но даже разшибся на нѣсколько черепковъ. Онъ подползъ къ нему съ твердой вѣрой въ сладкое,—и что же?... Онъ нашелъ въ немъ то, чего вовсе не ожидалъ, онъ нашелъ — просто ничего, или почти ничего... всякій соръ, хламъ, старыя щепки, старую подошву, соль, которую онъ принялъ за сахаръ, но она оказалась солью... Луллу горько заплакалъ—разочарованіе было полное.

На плачь прибѣжала Розхенъ; что вспыхнуло при этой картинѣ у ней въ сердцѣ—это можетъ каждый себѣ представить. Счастье ея было на полу, разбитое. Разбилъ его ея родной сынъ, ея милый Луллу... Но когда собственное счастье разбито—тутъ не до роднаго сына, и притомъ каждому вѣдь интересно знать, въ чемъ собственно состоитъ его собственное счастье. Если ужъ этого не желательно знать, то скажите пожалуйста, что же послѣ этого можетъ быть интереснаго на свѣтѣ?..

Луллу она наградила доброй затрещиной, а такъ какъ онъ никогда ни отъ кого не получалъ такого подарка во всѣ пять лѣтъ своей жизни, то тотчасъ же пересталъ плакать и задумался.

Потомъ Розхенъ наклонилась къ горшку — любопытство пересилило горе: она начала жадно рыться въ сору... Соръ былъ самый простой и обыкновенный. Въ немъ она нашла длинную, большую булавку, простую бронзовую, позеленѣвшую, съ большой стразой, нашла обрывокъ цѣпочки. Можетъ быть эта цѣпочка была и настоящая золотая, но, очевидно, не

въ ней лежало счастье. Гдѣ-же оно было? Неужели въ этомъ сору, или въ этой старой подошвѣ отъ изношеннаго башмака? Или въ этихъ щепкахъ? Или въ этой соли, которая была смѣшана съ соромъ?...

Нѣтъ, все это было изъ рукъ вонъ. Это все была очевидная, злая насмѣшка, и Розхенъ расплакалась, а Луллу изъ подлобья смотрѣлъ на нее. Въ первый разъ въ жизни онъ со злобой смотрѣлъ на мать и думалъ: А могу я ей дать затрещину, или нѣтъ?...

И вотъ все теперь для Розхенъ стало совсѣмъ другое. Домикъ, который прежде былъ такъ хорошъ, теперь сталъ тѣсенъ. Стѣны его оказались кривыми, полъ въ щеляхъ, столы и скамьи тяжелыми, стулья — неуклюжими. Маленькій садикъ сталъ похожъ на огородъ съ дрянными яблоньками, и потомъ этотъ несносный аистъ, который постоянно кричитъ на крышѣ и не даетъ спать по ночамъ!

— И этотъ Луллу, гадкій, своенравный, избалованный мальчишка, которому и на свѣтъ не слѣдовало бы родиться... И зачѣмъ я родила его, и все на свѣтѣ такъ гадко... Весь вѣкъ сырая, кислая погода... и Розхенъ горько плакала. А этотъ Жанъ?... И съ нимъ она должна жить до самой смерти?!.. Увалень, мужикъ, который только и знаетъ, что работаетъ, да лѣзетъ целоваться съ нею и говоритъ такъ противно:—Милая Роза моей жизни...

А Жанъ какъ разъ вошелъ въ это время совсѣмъ не кстати. Видно, былъ тяжелъ на поминѣ. Разумѣется, онъ тотчасъ-же бросился къ милой, доброй

Розхенъ, началъ распрашивать... но она такъ взглянула на него и такъ толкнула, эта постоянно милая и добрая Розхенъ, что Жанъ отошелъ отъ нея, самъ не свой...

И все это надѣлалъ старый разбитый горшокъ! Ну не глупо-ли устроено все на свѣтѣ? Сами посудите...

Разумѣется, во всемъ была виновата бабушка, и ужъ ей-то всего болѣе доставалось отъ Розхенъ. Этой коварной, хитрой бабушкѣ, которая посмѣялась надъ ней, какъ надъ маленькимъ ребенкомъ... О! если бы только она ее увидала.

И бабушка не заставила долго ждать себя.

Она пришла и застала свою милую Розхенъ въ слезахъ надъ разбитымъ горшкомъ. Она посмотрѣла на нее и... расхохоталась.

Это превосходило всякое терпѣнье.

Розхенъ вскочила. Она всхлипывала. Она хотѣла сказать: —Такъ-то ты, родная моя, которую я такъ любила, посмѣялась надо мной, и только сказала: Горшокъ... счастье мое... все дрянь!..

Бабушка очень храбро обняла ее, поцаловала, и Розхенъ точно обрадовалась этому случаю. Она припала къ груди старой бабушки и долго рыдала, какъ ребенокъ...

— Ну! сказала наконецъ бабушка, теперь будетъ. Поплакала, и будетъ. Послушай, что я тебѣ скажу. Вѣдь ты была счастлива цѣлыхъ шесть лѣтъ.

— Да, была, благодаря твоему гадкому горшку.

— Ну! благодаря моему гадкому горшку и всей дряни, которая въ немъ была. Но если этотъ горшокъ разбился, развѣ что-нибудь измѣнилось отъ этого?

— Жить въ такомъ тѣсномъ, дрянномъ домишкѣ... говорила сквозь слезы Розхенъ.

— Да! Но вѣдь ты жила въ немъ вмѣстѣ съ твоимъ милымъ Жаномъ.

— Хорошъ милый! нечего сказать. Глупый увалень...

— А! а! Но вѣдь ты вышла за этого глупаго увальня. Ты любила его?... А теперь больше не любишь, потому-что старый горшокъ разбился... Ну хорошо! И Жанъ тебя не любитъ. Онъ найдетъ добрую, умную жену, которая его оцѣнитъ...

— Кого это?! вскричала Розхенъ и вскочила. А слезы ея и даже все горе совсѣмъ улетѣли...

— Что тебѣ за дѣло? Ты его не любишь, а безъ любви нельзя жить... Пусть же онъ будетъ счастливъ.

А Жанъ стоялъ тутъ же, опустивъ голову и сложивъ руки. Онъ смотрѣлъ на Розхенъ такими грустными, растерянными глазами, какъ будто хотѣлъ ей сказать: Что мнѣ за дѣло до всѣхъ старыхъ горшковъ, пусть ихъ всѣхъ чортъ разобьетъ, только бы цѣла и крѣпка была наша любовь.

И Розхенъ вдругъ стало совѣстно передъ Жаномъ, и досадно на себя, и жаль его, этого добраго Жана.

А бабушка еще болѣе подтолкнула ее.

— Вѣдь онъ добръ, сказала она, этотъ твой глупый увалень Жанъ.

Розхенъ взглянула на него, какъ маленькій ребенокъ, который капризничаетъ.

— Добръ, призналась она шепотомъ и сама улыбнулась доброй улыбкой.

— Потомъ, онъ честенъ и правдивъ, твой Жанъ, продолжала бабушка. Онъ никогда не солжетъ, и никого ни въ чемъ не обманетъ... этотъ глупый увалень. А главное, онъ любилъ тебя съ дѣтства и будетъ любить до старости... и чего бы онъ только для тебя не сдѣлалъ, на что бы не рѣшился, чтобы только ты была счастлива... Для этого счастья онъ постоянно трудился и трудится... Все, что ты видишь здѣсь кругомъ, все это для тебя... все это отъ чистаго, честнаго сердца... Еще и то разсуди...

Но Розхенъ уже больше ни о чемъ не хотѣла и не могла разсуждать; она бросилась, какъ сумасшедшая, такъ что стулъ, который попался ей на дорогѣ, полетѣлъ на полъ, она бросилась на шею къ Жану, и они обнялись крѣпко, поцаловались, какъ послѣ свадьбы, и слезы ихъ смѣшались.

— Ну! подумалъ Луллу, теперь навѣрное мнѣ дадутъ чего нибудь сладкаго.

И для Розхенъ вдругъ стало все ясно!—Онъ добръ, честенъ, любитъ меня... Что мнѣ за дѣло до всего на свѣтѣ... все это мелочь... И все хорошо, когда есть любовь: она лучше всего на свѣтѣ!

— Что же это такое, бабушка?... вскричала она.

— Что такое?

— Да твой горшокъ... вѣдь это глупость! Зачѣмъ ты мнѣ его принесла?

— А зачѣмъ же ты вѣрила въ эту глупость, и притомъ цѣлыхъ шесть лѣтъ? Или у тебя ума недоставало сразу понять, въ чемъ лежитъ твое счастье?

И Розхенъ засмѣялась — и еще разъ поцаловала Жана.

— А можетъ быть ты захочешь знать, спросила бабушка, что лежало въ разбитомъ горшкѣ? Это я могу тебѣ разсказать, и можетъ быть ты найдешь въ этомъ что нибудь поучительное, хотя тамъ и лежали дрянныя мелочи, но вѣдь изъ мелочей складываются всѣ крупныя вещи.

— Бабушка! это сказка? спросилъ Луллу, который былъ охотникъ до всѣхъ бабушкиныхъ сказокъ.

— Сказка, старая, глупая сказка.

— Ну, послушаемъ, сказалъ онъ и подмостился на стулъ.

— Послушаемъ, сказала и Розхенъ и усѣлась вмѣстѣ съ Жаномъ на одинъ стулъ. Какіе славные, удобные, широкіе стулья, сказала она, и крѣпко обняла Жана.

А бабушка вытащила толстый шерстяной чулокъ, надѣла большіе очки и принялась вязать и разсказывать.

— Давно еще, начала она, при моей прабабкѣ жили мужъ съ женой и очень хорошо жили. Разъ мужу вздумалось подарить женѣ очень хорошенькую булавку съ красивой стразой.

— Какъ! вскричала жена. Развѣ ты не знаешь, что булавку нельзя дарить, что мы навѣрное поссоримся.

— Охота тебѣ вѣрить во всякіе глупые предразсудки.

— А?!.. ты это зналъ, ты нарочно хотѣлъ со мной поссориться, ты нарочно подарилъ мнѣ эту гадкую булавку... И она бросила ее на полъ.

— Какъ! ты бросаешь на полъ мой подарокъ, тебѣ дороже глупый предразсудокъ! Ты послѣ этого дура.

И они поссорились, да такъ основательно, что всю жизнь грызлись, какъ кошка съ собакой.

Вотъ тебѣ одна исторія. Теперь слушай другую.

— Жили-были двое друзей. Разъ они протянули другъ другу руки черезъ порогъ. Одинъ сказалъ: Я вѣрю, а другой сказалъ: Я не вѣрю! и тотчасъ же между ними поднялся такой порогъ, котораго ужъ никакими судьбами нельзя было перешагнуть. Только послѣ ихъ смерти этотъ порогъ сгнилъ и разсыпался въ мелкія щепочки.—Ну, эти щепочки я собрала и положила къ тебѣ въ горшокъ. Вѣдь это очень любопытно.

— Третья исторія очень длинна и похожа на сказку.

— Жили-были два башмака, и прекрасно жили. Когда башмачникъ сдѣлалъ одинъ изъ нихъ, то башмакъ сказалъ:

— Вотъ я первый, значитъ я старше.

— Ну! нѣтъ, сказалъ другой башмакъ: ты лѣвый,

а я правый, значитъ я старше,—и они поссорились, да такъ основательно, что во всю жизнь свою не могли смотрѣть другъ на друга, а смотрѣли въ разныя стороны.—Притомъ оба башмака попали къ очень злой женщинѣ, которая имѣла привычку вставать лѣвой ногой съ постели. Она каждый день бранилась и колотила своего мужа какъ разъ лѣвымъ башмакомъ по правой щекѣ. Поэтому самому башмакъ скоро износился. Подошва его отпала, и выбросили ее на задній дворъ.—Вотъ это отличная вещь, сказалъ маленькій, мальчишка и схватилъ эту подошву. Онъ думалъ, что изъ нея можно было сдѣлать деньги, тѣ деньги, что́ дѣлались когда-то изъ старыхъ шкуръ, прежде чѣмъ догадались, что ихъ можно дѣлать просто изъ бумаги. — Да! это хорошая вещь, закричалъ другой мальчикъ, потому что она моя! — И они вцѣпились сперва въ старую подошву, а потомъ другъ другу въ волоса. На крикъ ихъ прибѣжали матери, разнимать ихъ, и тоже вцѣпились другъ другу въ волоса. Прибѣжали отцы, тетки, шурины, свояки, сбѣжалась вся деревня. Начался шумъ и гамъ. Только къ вечеру догадались идти въ мировой судъ. Въ мировомъ судѣ всѣ перессорились, и пришлось всѣмъ жаловаться въ главный судъ. Но когда и въ главномъ судѣ всѣ перессорились, то совѣтники донесли объ этомъ дѣлѣ «о старой подошвѣ» королю. Онъ разсказалъ объ немъ своей женѣ старой королевѣ.

— Вотъ видишь, сказалъ онъ, правая сторона всегда будетъ права!..

— А! вскричала она, это ты намекаешь на то, что я сижу на тронѣ по лѣвую руку и держусь лѣвой стороны... — Помилуй! вскричалъ король. Я просто говорю о старой подошвѣ! — Какъ! ты меня называешь старой подошвой?!.. — Помилуй!.. — Нечего миловать. Я довольно отъ тебя натерпѣлась. Это выше всякого терпѣнія!—И она тотчасъ же отправилась въ другое королевство, къ другому королю, своему брату. Братъ тотчасъ же принялъ сторону сестры, и два короля подрались, да такъ крѣпко, что въ полгода оба перебили пол-королевства. И все это изъ-за старой подошвы, которая лежала въ какомъ-то старомъ архивѣ за тридевятью печатями. Но все таки я ее добыла оттуда и положила тебѣ въ горшокъ. Да, это очень интересная сказка, а впрочемъ загляни въ исторію, можетъ быть тамъ тоже найдешь что нибудь похожее. Вѣдь мы ее плохо знаемъ, нашу всемірную исторію.

— Ну! больше почти нечего и разсказывать. Кусочекъ золотой цѣпочки—это самая дрянная вещь на свѣтѣ. Этой цѣпочкой старый мужъ приковалъ къ себѣ молодую жену. Онъ сказалъ: Я голова, а ты раба. Бѣдная! она всю жизнь свою билась и не могла порвать этой цѣпи. А всѣ говорили: Видите, какая неблагодарная! она недовольна даже золотой цѣпью. И наконецъ эта цѣпь разорвалась на тысячу кусковъ, разумѣется, когда умерла молодая жена. Одинъ кусокъ я тебѣ положила. Неправда ли, это дрянная вещь! Но вѣдь вы съ Жаномъ никогда ея не знали и не узнаете.

— О! да, да!—вскричала Розхенъ,—мы вовсе не скованы, мы оба знаемъ, уважаемъ другъ друга, мы оба двойчатки съ дѣтства. Не правда ли, Жанъ?

Но Жанъ ничего не отвѣчалъ. Онъ только крѣпко пожалъ руку Розхенъ и поцаловалъ эту маленькую, но крѣпкую, трудолюбивую ручку.

— Наконецъ, сказала бабушка, если ты хочешь знать, что за соль и всякій соръ лежитъ въ горшкѣ, то это очень простая вещь. Соль — простая соль, которой ты можешь, сколько хочешь, просыпать на столъ. Навѣрное изъ-за этого никогда не выйдетъ у васъ ссоры съ Жаномъ. А соръ — тоже простой и самый дрянной соръ, котораго никогда не слѣдуетъ выносить вонъ изъ избы. Ну, вотъ вамъ и весь разсказъ. Теперь вы знаете, что лежало въ горшкѣ; знаете, что когда въ сердцѣ теплый свѣтъ любви, то все на свѣтѣ кажется, тепло, и свѣтло, и всякая мелочь смотритъ великой вещью. А главное, вы больше не вѣрите въ старый горшокъ, потому что зачѣмъ же и вѣра, когда есть знаніе! Стало быть, старый горшокъ можно просто выбросить вонъ со всѣмъ, что въ немъ есть, и дѣлу конецъ!

— Ну, нѣтъ! вскричала Розхенъ и вскочила со стула. Если ты, бабушка, такъ долго хранила весь этотъ старый хламъ, то и мы его сохранимъ. Пусть онъ лежитъ у насъ, какъ воспоминанье... объ нашей глупости.

Бабушка пожала плечами и ничего не отвѣтила.

А Розхенъ тотчасъ же нашла старый коробокъ,

уложила въ него всѣ черепки стараго горшка, уложила все, что въ немъ лежало, весь соръ, весь хламъ, обернула коробокъ тѣмъ же полотенцемъ, которымъ былъ закрытъ старый горшокъ, и завязала его крестъ накрестъ той же черной лентой. Потомъ поставила коробокъ опять на верхнюю полку.

— Ну! сказала она, все похоронено.

Неужели же она все еще вѣрила въ силу стараго горшка?

Кто ее знаетъ! Вѣдь со всякой вѣрой трудно разстаться. Вотъ Луллу! Тотъ ужъ положительно больше не вѣрилъ, чтобы въ этомъ коробкѣ могло лежать что-нибудь сладкое.

А между тѣмъ онъ все-таки открылъ этотъ коробокъ, и распорядился со всѣмъ, что въ немъ лежало— по своему. Онъ надѣлалъ такихъ чудесъ, что вы можетъ быть и не повѣрите. Впрочемъ, вѣдь это случилось очень давно, а что давно случилось, тому какъ же не повѣрить?

Бабушка долго жила и наконецъ умерла. Розхенъ жила еще дольше, и тоже умерла. Жанъ прожилъ немного болѣе, и умеръ. Таковъ удѣлъ всѣхъ смертныхъ. Луллу остался одинъ на своихъ ногахъ. Ноги эти были крѣпкія, а голова еще крѣпче. Онъ былъ еще молодъ, и ко всему старому относился скептически. Онъ выросъ въ той великой первокласной школѣ, которая называется школой жизни. Онъ былъ выше цѣлой головой своего отца и матери, и на все, на что они смотрѣли снизу вверхъ, онъ смотрѣлъ сверху

внизъ. И мать, и отецъ его всю жизнь просто работали, а онъ хотѣлъ переработать самую жизнь.

Послѣ этого, нечего и говорить, что отъ прежней скромной жизни въ захолустьѣ, въ которомъ жили его отецъ и мать, и старая бабушка, онъ не оставилъ ни кола, ни двора. Но чѣмъ больше онъ ломалъ, тѣмъ болѣе было изломано его собственное сердце.

Когда онъ добрался и до коробки, въ которой была разбитая вѣра доброй Розхенъ, онъ открылъ ее все съ тѣмъ же вопросомъ, съ которымъ относился ко всему: А нельзя-ли изъ этого сдѣлать чего нибудь?.... И онъ принялся осматривать старый хламъ.

— Все это дрянь и глупости, сказалъ онъ, но изъ дряни можетъ выйдти хорошее, а во всякой глупости гораздо больше силы, чѣмъ во многихъ умныхъ вещахъ. Притомъ всякое зло должно творить добро.

И онъ принялся за работу. Прежде всего онъ отдѣлилъ соръ отъ соли. Какъ это онъ сдѣлалъ — это его секретъ, на который онъ получилъ привилегію.

Соръ, тотъ самый соръ, который никогда не должно выносить изъ избы, онъ разбросалъ по всему свѣту.

— Пусть все тайное сдѣлается явнымъ! сказалъ онъ.

Сколько вышло изъ этого всякихъ ссоръ — объ этомъ и разсказать нельзя, а онъ радовался: худая ссора лучше добраго мира, говорилъ онъ. Потому-что изъ нея навѣрно что нибудь да выйдетъ. — Вотъ какой чудакъ!

Потомъ онъ взялъ соль и разсыпалъ ее по столу,

за которымъ сидѣлъ писатель, хотя у писателя и безъ того было много соли и горечи въ сердцѣ. И вотъ, въ словахъ его явилось столько соли, что она проѣла даже сердца всѣхъ лордовъ и пэровъ, и они въ испугѣ начали кланяться писателю, хотя онъ и былъ простой суконщикъ.... Впрочемъ, эту исторію вы вѣрно уже слышали.

Потомъ онъ взялъ булавку и сдѣлалъ очень злую штуку. Онъ постоянно кололъ ею сердца всѣхъ тѣхъ людей у которыхъ и безъ того въ сердцахъ лежала отъ рожденья булавка собственнаго самолюбія. Онъ кололъ ею всѣхъ огорченныхъ, озлобленныхъ, завистливыхъ, себялюбивыхъ, кололъ и приговаривалъ: Чѣмъ больнѣе, тѣмъ лучше, чѣмъ больше зла, тѣмъ больше добра!...

Потомъ онъ собралъ изъ всѣхъ щепочекъ цѣлый порогъ, который всталъ высокой стѣною между всѣми вѣрующими и невѣрующими. Пускай трудятся, сказалъ онъ: чѣмъ больше будутъ они отдѣляться другъ отъ друга, тѣмъ скорѣе изъ ихъ трудовъ выйдетъ истина.

Ну, а съ подошвой стараго башмака онъ также сдѣлалъ злую штуку. Онъ ухитрился подложить ее подъ ноги всѣмъ сказочнымъ королямъ, и всѣ они начали драться на смерть. А онъ смѣялся и разсказывалъ во всеуслышанье старую сказку: Два волка встрѣтились въ лѣсу, грызлись, грызлись, другъ друга съѣли—одни хвосты остались. Ну, и хвосты навѣрное пригодятся на что нибудь. Хотя бы выколачивать пыль и плесень изъ всего, что залежалось.

Наконецъ, съ обрывкомъ золотой цѣпочки, съ небольшимъ обрывкомъ, онъ распорядился такъ, что даже страшно разсказывать. Онъ выковалъ и сплелъ изъ него самую тонкую сѣть. Чѣмъ тоньше — тѣмъ лучше, говорилъ онъ,—потому что только все тонкое можетъ проникнуть во все насквозь, во всякую глубину. И онъ крѣпко опуталъ этой сѣтью все человѣчество.

— Авось, сказалъ онъ, оно пойметъ, наконецъ, что его связываетъ, и порветъ всякія сѣти.

Но онъ опуталъ его золотой сѣтью, которая всѣхъ ослѣпляетъ — и человѣчество до сихъ поръ остается скованнымъ.

Онъ злится и трудится изо всѣхъ своихъ злыхъ силъ. Вы навѣрное видѣли его, желчнаго, нервнаго, раздражительнаго. Онъ жалокъ въ своемъ безсиліи.

Ахъ! Не бросайте въ него камнями! Вѣдь онъ трудится, все-таки для того стараго горшка, за которымъ такъ пріятно сидѣть послѣ долгихъ трудовъ въ тихій, ясный вечеръ, и лучше котораго нѣтъ ничего въ этомъ мірѣ!

Колесо жизни.

Старый тряпичникъ умиралъ. Почти всю свою длинную жизнь онъ собиралъ тряпки. Каждый вечеръ выходилъ онъ на поиски. Каждый вечеръ его разбитый старый фонарикъ, на длинной веревкѣ, блестѣлъ около кучъ всякого сора, того, что сгребаютъ съ улицъ. Изъ этого сора вытаскивалъ тряпичникъ длиннымъ крючкомъ старыя бумажки и тряпки. Потомъ онъ продавалъ эти тряпки, и изъ нихъ дѣлали очень тонкую, красивую атласистую бумагу, на которой писались письма къ большимъ, нарядным барынямъ. Барыни съ удовольствіемъ читали эти письма, и никогда не думали, откуда взялись тѣ красивыя бумажки, на которыхъ онѣ написаны. Тряпичникъ тоже объ этомъ не думалъ: онъ только и думалъ о томъ, какъ бы набрать побольше тряпокъ, и когда онъ находилъ большую тонкую тряпку, то маленькіе глаза у него сверкали, какъ у шакала, и беззубый ротъ его открывался отъ радости.

Не будь тряпокъ, старыхъ, выброшенныхъ тряпокъ и бумажекъ—онъ можетъ быть давно бы умеръ съ голоду. И притомъ не онъ одинъ, а вмѣстѣ съ нимъ и его внучекъ, очень хорошій, крѣпкій, здоровый и умный мальчикъ. Онъ очень любилъ этого мальчика, и звалъ его: мой котеночекъ! тогда какъ всѣ другіе звали его просто Васькой, а самаго тряпичника Гужомъ. И хотя настоящее имя его было Жеромъ Гранжо, но отъ этого имени даже самъ тряпичникъ отвыкъ, и откликался только тогда, когда кричали ему: Гужъ! эй, Гужъ, поди сюда!

И вотъ, старому Гужу пришелъ конецъ, какъ и всему на свѣтѣ. Онъ умеръ ночью, въ то время, когда Васька преспокойно спалъ, и видѣлъ во снѣ, что Гужъ далъ ему большой кусокъ вареной печенки. Онъ проснулся голодный, на дворѣ былъ уже день.

Васька подошелъ къ дѣду, и сталъ звать его, но дѣдъ не откликался. Онъ лежалъ вытянутый, блѣдный, холодный, окоченѣлый, съ широко раскрытыми, мутными, неподвижными глазами. Васька закричалъ неистово, и съ дикимъ крикомъ, весь перепуганный, выбѣжалъ на улицу. На крикъ тотчасъ сбѣжались сосѣдки, и начали кричать и тараторить на всѣ лады, громче Васьки. Покричавши, онѣ рѣшили, что надо послать за священникомъ и похоронить стараго Гужа. И всѣ ушли, за исключеньемъ старой тетки Маланьи. Она была охотница всюду совать свой носъ и рыться во всемъ. Она обшарила конуру стараго Гужа, и ничего не нашла, кромѣ старыхъ деревянныхъ башмаковъ,

дырявой корзины, разбитаго фонарика и крючка на длинной палкѣ. Она покачала головой и посмотрѣла на мертваго Гужа. Его разорванная рубашка была распахнута на груди, и на этой груди, покрытой сѣдыми волосами, что-то лежало, зашитое въ мѣшочекъ, а мѣшочекъ висѣлъ на шеѣ, на старой тесьмѣ, которая была во многихъ мѣстахъ связана узлами. Тетка Маланья покосилась на Ваську, который хныкалъ въ углу, потомъ разорвала тесьму, растеребила мѣшочекъ, и вытащила оттуда кусокъ стараго пергамента, весь истлѣвшій и исписанный. Она осмотрѣла его со всѣхъ сторонъ, опять покачала головой и бросила его, вмѣстѣ съ мѣшочкомъ, на полъ. Потомъ она взяла крючокъ, старые башмаки, и, оглядываясь во всѣ стороны, тихонько ушла во-свояси. Васька подползъ къ мѣшочку. Онъ тщательно свернулъ пергаментъ, вложилъ его въ мѣшочекъ и повѣсилъ себѣ на шею. Почему онъ это сдѣлалъ, онъ и самъ хорошенько не понималъ. Мѣшочекъ висѣлъ на шеѣ у дѣда: дѣдъ умеръ, и Васька повѣсилъ мѣшочекъ себѣ на шею, какъ-будто такъ и слѣдовало сдѣлать.

Стараго Гужа похоронили. Васька остался одинъ на цѣломъ свѣтѣ, какъ щенокъ, котораго выбросили въ оврагъ. Онъ пошелъ къ теткѣ Маланьѣ, но у нея было своихъ семь ребятъ, и все-таки она дала ему кусокъ черстваго хлѣба.—На, пострѣленокъ, сказала она, да больше ко мнѣ не ходи, не то всѣ бока тебѣ обломаю.

— Видишь, какая злющая, подумалъ Васька; а небось, дѣдушкины башмаки и крючокъ стащила.

Изъ конуры, гдѣ онъ жилъ со старымъ дѣдомъ, его тоже выгнали. Спать ему было негдѣ, ѣсть ему было нечего, — это онъ хорошо понималъ, не смотря на то, что ему было всего только семь лѣтъ. — Что же, подумалъ онъ, я сильный мальчикъ, я буду работать. Буду, какъ дѣдушка, шевыряться въ кучахъ, отыскивать тряпки и продавать ихъ. Фонаря у меня нѣтъ и крючка тоже, — я буду руками работать, ощупью. И онъ дождался вечера и пошелъ на работу. Но только что онъ принялся за первую попавшуюся ему кучу, какъ къ ней подошли два тряпичника съ фонарями.

— Ты что тутъ дѣлаешь, дьяволенокъ? закричали они. Ты пришелъ у насъ тряпки таскать? Намъ самимъ ѣсть нечего, а ты еще у насъ хлѣбъ отбивать? Вонъ, вонъ, вонъ! — и одинъ тряпичникъ такъ затопалъ и застучалъ своимъ крюкомъ о каменную плиту, что Васька, хотя былъ и изъ храбраго десятка, а пустился бѣжать опрометью, куда глаза глядятъ.

Цѣлую ночь онъ прошлялся по улицамъ. Сонъ клонилъ его. Онъ—было улегся на большомъ камнѣ передъ воротами, но полицейскій солдатъ согналъ его.

— Пошелъ, пошелъ, закричалъ онъ, на улицѣ никто не спитъ!

— Гдѣ же мнѣ спать, подумалъ Васька, не сквозь землю же мнѣ провалиться! — И онъ опять пошелъ бродить. Ножонки у него были крѣпкія, но и тѣ едва таскали его.

Рано утромъ, онъ наткнулся на толпу ребятъ. Они всѣ были такіе же грязные, оборванные, какъ и онъ самъ.

— Откуда вылетѣлъ? закричали они; видишь какой морской котъ!

— Я спать хочу, сказалъ Васька.

— Ха! ха! ха! А мы выспались, теперь ѣсть хотимъ!

Васька поплелся за ними.

Они пришли на большую площадь, на которой былъ рынокъ. Около лавочекъ были набросаны дынныя корки, гнилыя яблоки и груши. Всѣ ребятишки съ жадностью накинулись на нихъ. Они рвали другъ у друга гнилыя яблоки и царапались изъ за нихъ, какъ кошки.

Васька былъ голоденъ. Одно большое яблоко, почти все черное и заплеснѣвшее, ему очень понравилось. Онъ схватилъ за руку мальчишку, который сосалъ это яблоко.

— Давай добромъ, сказалъ онъ, а то силой возьму!

Мальчишка, вмѣсто отвѣта, хватилъ Ваську кулакомъ прямо въ глазъ. Васька кинулся на него, смялъ, насѣлъ на него и вырвалъ яблоко.

Потомъ онъ принялся сосать его. Но яблоко было горькое, оно все насквозь было пропитано гнилью. Васька бросилъ его и при этомъ подумалъ: Дѣдушка меня все хлѣбомъ кормилъ, гдѣ бы мнѣ хлѣба добыть?

Онъ оглянулся. Не вдалекѣ на прилавкѣ были разложены грудами хлѣбы, большіе и маленькіе. Васька подошелъ къ прилавку.

— Дядюшка, сказалъ онъ лавочнику, дай мнѣ одинъ маленькій хлѣбецъ: я не могу ѣсть гнилыя

яблоки, а ѣсть-то мнѣ хочется! Дѣдушка меня все хлѣбцами кормилъ. Дай мнѣ одинъ хлѣбецъ!... и онъ протянулъ руку.

— Видишь, какой попрошайка сыскался, закричалъ сердито лавочникъ.—Много васъ здѣсь шляется потаскушекъ, ха, ха, ха! А деньги есть у тебя, а? Не припасено еще для васъ хлѣбцевъ. Проваливай!

— Погоди же, подумалъ Васька, я и безъ тебя добуду хлѣбецъ... и онъ началъ вертѣться около прилавка и поглядывать. Какъ только лавочникъ отвернулся въ сторону, такъ тотчасъ же онъ хвать одинъ хлѣбецъ, и бросился съ нимъ бѣжать безъ оглядки, упрятывая на лету хлѣбъ въ ротъ; но тотчасъ же за нимъ бросился и лавочникъ въ погоню, а такъ какъ ноги у него были вдвое длиннѣе, чѣмъ у Васьки, то не прошло и секунды, какъ онъ схватилъ Ваську.

— Ага, воришка поганый! кричалъ онъ. Ты хлѣбъ таскать, а? хлѣбъ таскать? и поймавъ Ваську за волосы, онъ потащилъ его къ прилавку.

— А ты его въ судъ, въ судъ представь, кричалъ ему другой лавочникъ, а то повадится онъ таскать, такъ съ нимъ ладовъ не будетъ. Въ судъ представь, тамъ его упрячутъ куда слѣдуетъ.

— Это ты правду сказалъ. И лавочникъ жестоко оттеребилъ Ваську за волосы, потомъ далъ ему затрещину, отъ которой тотъ слетѣлъ съ ногъ, и наконецъ уже схватилъ его за руку и потащилъ въ судъ. Васька хныкалъ и шелъ ни живъ, ни мертвъ.—Что такое судъ?

что съ нимъ сдѣлаютъ? Онъ ничего не понималъ и страшно боялся.

Въ судѣ лавочникъ разсказалъ, какъ Васька стащилъ хлѣбъ и какъ онъ его поймалъ.

— Тебя какъ зовутъ? спросилъ судья.

— Васькой, пробормоталъ, всхлипывая, Васька.

— Кто твой отецъ?

— У меня не было отца. У меня былъ дѣдушка, да и тотъ умеръ.

— Гдѣ же ты живешь?

— А нигдѣ не живу.

— Просто бродяга, жуликъ, пояснилъ лавочникъ.

— Я прежде жилъ съ дѣдушкой, объяснялъ Васька, хныкая; а какъ онъ умеръ, такъ мнѣ негдѣ стало жить и ѣсть нечего. Я хотѣлъ ветошки собирать, да тряпичники такъ на меня закричали, такъ закричали... Ты, говорятъ, дьяволенокъ, хлѣбъ у насъ отбивать хочешь.... Другіе мальчишки, вонъ, яблоки гнилыя ѣдятъ,—а я не могу ѣсть, яблоки-то вѣдь гнилыя, а меня дѣдушка все хлѣбцемъ кормилъ. Я попросилъ у лавочника хлѣбца, а онъ мнѣ не далъ: Ты, говоритъ, попрошайка. Ну, я и стащилъ одинъ хлѣбецъ, всего одинъ—маленькій.

— А ты не знаешь, что бываетъ за воровство, а? Не знаешь? За это вашего брата въ тюрьму сажаютъ, въ рабочій домъ.

— Мнѣ вѣдь ѣсть-то было нечего, говорилъ, всхлипывая, Васька. А у лавочника хлѣбцевъ-то много. Не помирать же мнѣ съ голоду....

— И помирай, а воровать не смѣй, говоритъ строгій судья. Воровать не позволяется.

— А помирать съ голоду позволяется? подумалъ Васька, и потомъ вдругъ заговорилъ, указавъ на лавочника: Вотъ онъ, поколотилъ меня, а теперь жалуется. За волосы меня оттаскалъ и по затылку меня ударилъ, съ ногъ меня сшибъ, а теперь вонъ жалуется!

— Врешь ты, врешь, поганый воришка, закричалъ на него лавочникъ. Пальцемъ я тебя не тронулъ.

— Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ вретъ, этакій маленькій плутъ, подумалъ судья, и тутъ же велѣлъ своему розсыльному разыскать: гдѣ живетъ Васька и какъ его фамилія, а писцу сказалъ, чтобы онъ приготовилъ ему паспортъ.

— Ну, сказалъ онъ потомъ Васькѣ, по закону слѣдуетъ посадить тебя въ рабочій домъ, слышишь, маленькій воришка? Это слѣдуетъ сдѣлать съ тобой по закону, и будешь ты тамъ сидѣть цѣлыя три недѣли, будешь воду таскать, соръ мести.

— А ѣсть мнѣ тамъ дадутъ? спросилъ Васька.

— Дадутъ, сказалъ судья и улыбнулся.

— Гнилыя яблоки? опять спросилъ Васька. Но судья ничего не отвѣтилъ, — онъ принялся писать бумагу.

Черезъ часъ Ваську отвели въ рабочій домъ, что былъ на краю города. Тамъ было черно и грязно, но Васька былъ самъ черенъ и грязенъ. Ваську заставили мыть полъ, таскать воду. Онъ работалъ съ усердіемъ.

Его кормили черствымъ хлѣбомъ, но ему и тотъ казался очень хорошъ, потому что лучше этого хлѣба онъ рѣдко ѣдалъ, а голодъ не тетка. Другіе большіе работники, которые содержались въ рабочемъ домѣ, полюбили Ваську. Они называли его смышленымъ, потѣшались надъ нимъ, и подчасъ давали ему толчки и затрещины. Черезъ три недѣли Ваську отпустили на свободу. Ему дали паспортъ. Кармана у него не было, онъ положилъ его за пазуху и крѣпко подтянулся поясомъ.

— Куда же я теперь пойду? подумалъ онъ, когда очутился въ полѣ. Ѣсть мнѣ опять нечего, — развѣ опять украсть что нибудь?

Недалеко отъ рабочаго дома стояло нѣсколько большихъ домовъ съ длинными трубами. Всѣ они были обведены каменной стѣной. Это была фабрика, на которой пряли бумагу и дѣлали изъ нея разныя матеріи. Въ длинной стѣнѣ было много воротъ. Васька остановился передъ одними воротами. Они были отворены; сквозь нихъ былъ видѣнъ маленькій дворикъ, чисто выметенный. Посреди этого дворика стояло два котелка, около нихъ сидѣли кружками большіе работники и мальчишки, и всѣ они ѣли изъ котелковъ похлебку, отъ которой шелъ горячій паръ,—ѣли и закусывали хлѣбомъ.

Васька постоялъ, посмотрѣлъ, подумалъ и подошелъ къ мальчишкамъ.

— Откуда явился? спросилъ одинъ мальчишка. Али жуликъ оборванный?

— Нѣтъ, я теперь не жуликъ, сказалъ Васька, и сѣлъ, поджавъ ноги, около мальчишки. Мнѣ ѣсть было нечего и я стащилъ хлѣбецъ; за это меня посадили въ рабочій домъ. Ну, тамъ мнѣ было хорошо, а теперь мнѣ опять нечего ѣсть и дѣлать нечего, — вотъ и все. А я не жуликъ!

— Такъ ты пришелъ сюда работы искать? Ну, братъ, проваливай дальше, здѣсь и безъ тебя народу много.

Въ это время къ нимъ подошелъ надсмотрщикъ. — Вотъ, сказалъ мальчишка, указывая на Ваську, — работникъ явился: ѣсть, говоритъ нечего. Вонъ какой оборванный!

— Нѣтъ работы, сказалъ надсмотрщикъ; комплектъ, понимаешь, все полно. Пошелъ вонъ!

Васька всталъ. Похлебка такъ хорошо пахла. Всѣ ребятишки съ такимъ аппетитомъ ѣли хлѣбъ. Онъ посмотрѣлъ на всѣхъ.

— Я, дядинька, сказалъ онъ робко надсмотрщику, у васъ бы полы мёлъ, да воду таскалъ, а вы бы мнѣ каждый день давали этакій маленькій кусочекъ хлѣба. Мнѣ вѣдь что? Только бы съ голоду не помереть! А воровать не велятъ, говорятъ и собака стыдится воровать.

Надсмотрщикъ пристально посмотрѣлъ на Ваську. Васька прямо смотрѣлъ на него своими большими сѣрыми глазами.

— А паспортъ у тебя есть?

— Есть, торопливо сказалъ Васька и тотчасъ же вытащилъ паспортъ изъ за пазухи.

Надсмотрщикъ посмотрѣлъ паспортъ, потомъ еще разъ посмотрѣлъ на Ваську, на его хмурое, но умное личико съ большимъ выпуклымъ лбомъ.

— Ну, оставайся, сказалъ онъ, сверхкомплектнымъ, безъ жалованья! Дайте ему мѣсто, пусть поѣстъ... Да только смотри, плутъ, если ты что нибудь стащишь или съозорничаешь, такъ я тебя туда упрячу, куда Макаръ телятъ не гонялъ.

— Ладно, подумалъ Васька.

Ему дали хлѣба, дали ложку. Отъ радости онъ себя не помнилъ. Онъ уплеталъ хлѣбъ и похлебку, какъ настоящій котъ-Васька, поглядывая на всѣхъ изъ подлобья.

— Вишь—жуликъ, сказалъ мальчишка, подлѣ котораго онъ сидѣлъ. Видно у тебя въ брюхѣ-то сухотка!

Васька молчалъ и торопливо ѣлъ, обжигая ротъ.

— Сверхкомплетный! продолжалъ мальчишка; кромѣ корма, значитъ, тебѣ ничего не дадутъ, какъ ни старайся. А мы всѣ вонъ по цѣлковому въ мѣсяцъ получаемъ!

Васька молчалъ и ѣлъ.

Потомъ, ихъ всѣхъ погнали на работу. Ваську заставили отбирать хлопокъ и чесать его большой щеткой. Онъ принялся съ усердіемъ за работу, и такъ теребилъ и чесалъ хлопокъ, что всѣ другіе мальчишки только дивились.

— Вишь какой забористый, говорили они, сверхкомплетный!

Подлѣ Васьки сидѣлъ маленькій мальчишка, однихъ лѣтъ съ нимъ, но худой, желтый. Его сухія, костлявыя ручонки едва двигались. Щетка не слушалась его, холодный потъ выступилъ у него на маленькомъ личикѣ. Вечеромъ пришелъ надсмотрщикъ.

— Это ты все начесалъ? спросилъ онъ Ваську, указывая на большую кучу хлопка.

— Я, сказалъ Васька, и обтеръ оборваннымъ рукавомъ потъ съ раскраснѣвшагося лба.

— А ты что?! Ты что!? закричалъ надсмотрщикъ на худенькаго мальчишку; ты опять не кончилъ урока?

— У меня, господинъ, силъ нѣтъ, проговорилъ чуть слышно мальчишка.

— А! Силъ нѣтъ? А я тебѣ сказалъ, прогоню, сказалъ? А?... Ну, пошелъ же теперь вонъ, пошелъ вонъ!

Мальчишка заплакалъ.

— Видишь какой! Силъ нѣтъ, а на фабрику работать идетъ... Пошолъ, пошелъ! Чтобъ и духу твоего здѣсь не было!

— А ты, продолжалъ надсмотрщикъ, обращаясь къ Васькѣ, будешь на его мѣстѣ. Изъ тебя, видно, выйдетъ прокъ. Съ завтрашняго числа, если будешь также хорошо работать, будешь получать по гривеннику въ день.

— А ты—вонъ, вонъ, вонъ, сейчасъ же вонъ! И надсмотрщикъ погналъ худенькаго мальчишку. Онъ

былъ такой же сирота, какъ и Васька, но у него не было силъ. Ѣсть ему было нечего, работать онъ не могъ, онъ долженъ былъ умереть съ голоду.

Васька поселился на фабрикѣ. Ему было очень хорошо. Каждый день ему, какъ и всѣмъ другимъ работникамъ, задавали уроки. Васька скоро кончалъ свой урокъ и потомъ ходилъ смотрѣть, что дѣлаютъ другіе.

Разъ онъ кончилъ свой урокъ очень рано. Проходилъ надсмотрщикъ.

— Ты что безъ дѣла шляешься, лѣнтяй? закричалъ онъ на Ваську.

— Да у меня, господинъ, дѣла нѣтъ. Я урокъ-то свой кончилъ.

— Кончилъ, такъ теперь шляешься безъ дѣла, шабалы бьешь?... На тебѣ еще! И онъ отвалилъ Васькѣ хлопку чуть не на цѣлый урокъ. Чеши, лѣнтяй!

— А что, господинъ, спросилъ нахмурясь Васька, мнѣ за это больше дадутъ, чѣмъ другимъ? Вѣдь это ужъ сегодня будетъ какъ будто другой урокъ.

— Больше?! Ахъ ты, дармоѣдъ поганый! Силы у тебя больше, чѣмъ у другихъ, ну и работай, сколько можешь. Видишь, какой лѣнтяй!

— Ладно, подумалъ Васька, и на другой же день работалъ не торопясь, и кончилъ какъ разъ свой урокъ въ одно время съ другими мальчиками.

— На, вотъ! подумалъ онъ. За ту же цѣну тебѣ вдвое работай?! Видишь, какой ловкій! На-ко, вотъ тебѣ урокъ! Больше ничего не получишь.

Жили и спали всѣ работники въ большой, низкой комнатѣ, въ подвальномъ этажѣ. Лѣтомъ тамъ было душно, осенью сыро, зимой холодно.

Каждую осень почти всѣ мальчики хворали. Въ три года ихъ много перемерло. Одинъ Васька не хворалъ. Онъ привыкъ къ сырости, къ холоду, къ труду. Онъ былъ крѣпче всѣхъ и работалъ, какъ сильная собака, которую съ утра до вечера заставляютъ возить тяжелую телѣжку.

Онъ осмотрѣлся, обжился на фабрикѣ. Онъ узналъ теперь, въ какомъ домѣ была прядильная, въ какомъ шпульки разматывали, гдѣ была ткацкая, гдѣ былъ складъ, и даже гдѣ была главная контора. Но тамъ, въ серединѣ фабричнаго двора, онъ никогда не бывалъ. Тамъ, за желѣзной рѣшеткой, былъ большой паркъ, и въ этомъ паркѣ былъ домъ самого хозяина. Во всѣ три года фабричной жизни, Васька и трехъ разъ не видалъ этого хозяина. Это былъ толстый, низенькій человѣчекъ, съ краснымъ лицомъ, съ пухлыми щеками, низенькимъ лбомъ и маленькими, черными глазками.

Разъ, хозяинъ обходилъ все заведеніе. Мальчики работали. Васька изъ всѣхъ силъ чесалъ хлопокъ и поглядывалъ изъ подлобья на хозяина.

— Этотъ ужъ большой и должно быть сильный мальчикъ, сказалъ хозяинъ, остановясь противъ Васьки. Который ему годъ?

— Должно быть ужъ лѣтъ десять будетъ, больше, отвѣтилъ надсмотрщикъ.

— Его бы въ мотовильну перевести, сказалъ хозяинъ.—И Ваську перевели въ мотовильну.—Посмотримъ, подумалъ онъ, что-то здѣсь будетъ.

Въ мотовильнѣ на большихъ мотовилахъ разматывали бумагу, съ мотовилъ ее наматывали на челноки, а съ этихъ челноковъ большая машина наматывала ее на катушки, или на шпульки.

— Зачѣмъ это ее три раза мотаютъ? подумалъ Васька.

Ему дали сотню катушекъ. На нихъ бумага была запутана, порвана. Такихъ катушекъ на машинѣ оказывалось каждый день, до двухъ тысячь. Ихъ нужно было снова перематывать на челноки, и при этомъ стращивать концы съ концами. Мальчики работавшіе вмѣстѣ съ Васькой, клали каждую катушку въ корзинку и мотали съ нея; катушка прыгала въ корзинкѣ, зацѣплялась, задѣвала, надо было ее отцѣплять, отпутывать, а время шло, и каждый мальчикъ могъ только къ вечеру кончить свой урокъ. Васька нѣсколько дней разматывалъ катушки въ корзинкѣ, разматывалъ, присматривался и раздумывалъ: нельзя-ли какъ нибудь это устроить такъ, чтобъ было легче и скорѣй?

Сначала онъ придумалъ мотать не къ себѣ, какъ обыкновенно дѣлали другіе мальчики, а отъ себя. Дѣло пошло скорѣе.

Потомъ онъ нашелъ проволоку, воткнулъ ее въ щель на полу, насадилъ на проволоку шпульку, и началъ разматывать. Дѣло пошло еще скорѣе. Только

шпулька то и дѣло соскакивала съ проволоки. Васька и тутъ ухитрился, нашелъ кусокъ пробки, насадилъ шпульку на проволоку, а на конецъ ея воткнулъ пробку. Шпулька вертѣлась, прыгала, но съ проволоки не соскакивала.

Надсмотрщикъ подошелъ къ Васькѣ, и посмотрѣлъ на его работу. Шпулька вертѣлась какъ на машинѣ. Васька моталъ такъ проворно, что въ глазахъ рябило.

— Это кто тебя научилъ? спросилъ надсмотрщикъ.

— Самъ, господинъ, догадался.

— Видишь, какой дошлый! Только не самъ ты умудрился, а Богъ тебя умудрилъ, понимаешь-ли, Богъ! и онъ потрепалъ Ваську по плечу.

Надсмотрщикъ былъ старый сѣденькій старичокъ. Онъ уже тридцать лѣтъ жилъ на фабрикѣ. Въ воскресные дни онъ училъ мальчиковъ читать и закону Божію. Васька учился съ сильной охотой, и давно ужъ бойко читалъ, тогда какъ другіе бились надъ складами.

— Ну, говорилъ надсмотрщикъ,—мальчишки, теперь читайте за мною: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ!.. И всѣ за нимъ повторяли. А когда доходили до словъ: Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь... то старый надсмотрщикъ крестился и всѣ, смотря на него, крестились и повторяли великія слова святой молитвы...

Потомъ учили нравоученія:

Науки юношей питаютъ.

— Какъ же, спрашивалъ Васька, развѣ наука — хлѣбъ?...

— А ты учи—не разсуждай! замѣчалъ надсмотрщикъ.

— Вотъ дурака нашелъ; какъ не разсуждать?—думалъ Васька. Вѣдь на то Богъ и умъ далъ, чтобъ разсуждать, вѣдь ты же говорилъ: Богъ премудръ...

И онъ думалъ. Все замѣчалъ, надъ всѣмъ наблюдалъ и все обдумывалъ.

Онъ думалъ: почему одни люди бѣдны а другіе богаты?—Надо быть сильнымъ и умнымъ, рѣшилъ онъ. Будешь силенъ и уменъ, не будешь хворать и съ голоду не пропадешь, а денегъ наживешь много. Ну, и лѣниться не надо. Лѣнивый—все равно что хворый или дуракъ. А отчего же бываютъ дураки богатые? А что, на томъ свѣтѣ, будутъ дураки или нѣтъ?...

Одинъ разъ надсмотрщикъ послалъ его къ главному управителю, но главнаго управителя не было дома, онъ былъ въ главной кассѣ и Ваську послали въ главную кассу. Онъ увидѣлъ тамъ такія чудеса, какихъ еще никогда не видалъ. Тамъ за рѣшотками сидѣли, господа и все писали или считали, а около одного изъ нихъ стоялъ большой шкафъ, весь окованный желѣзомъ, и изъ этого шкафа онъ вынималъ свертки и развертывалъ ихъ. Въ этихъ сверткахъ были все золотыя деньги. Золото тихо звенѣло, точно тонкія струнки играли. Кассиръ считалъ, считалъ его. Васька смотрѣлъ во всѣ глаза, разинувъ ротъ: Батюшки, сколько тутъ денегъ-то! думалъ онъ... въ каждомъ золотомъ—двадцат франковъ, а тутъ ихъ этакая пропасть, и не сочтешь...

Цѣлую ночь ему мерещились столбики изъ золотыхъ денегъ; утромъ онъ вынулъ изъ-за пазухи новый кожаный кошелекъ. Въ этомъ кошелькѣ лежалъ мѣшочекъ съ пергаментомъ, который остался ему отъ дѣда. Здѣсь лежали Васькины деньги. У него было сорокъ франковъ и пятьдесятъ восемь сантимовъ, — все, что онъ скопилъ за все время житья на фабрикѣ, и хотя берегъ, сильно берегъ деньги,—но больше скопить не могъ: дорого стоила одёжа. Ее выдавали съ фабрики и брали за нее много, а на сторонѣ покупать не позволяли.

И онъ началъ думать, какъ бы ему добыть много денегъ.—Воровать не велятъ, думалъ онъ, мошенничать тоже—какъ тутъ быть? Онъ долго думалъ, ходя по двору. Никто не мѣшалъ ему думать, потому что былъ праздникъ; мальчишки играли въ бабки и орлянку: Васька былъ одинъ.—Вотъ что надо сдѣлать, наконецъ рѣшилъ онъ. Надо сдѣлаться мастеромъ, главнымъ мастеромъ, что живетъ въ томъ домѣ и работаетъ въ ткацкой.—Васькѣ казалось, что у этого мастера было много денегъ,—но денегъ-то у него именно и не было, хотя онъ и былъ главный мастеръ, то есть, пускалъ въ ходъ все ткацкое заведеніе и зналъ такъ свое дѣло, какъ не зналъ его самъ хозяинъ. Васька ходилъ около рѣшотки хозяйскаго парка.

— Мальчикъ, мальчикъ! Подыми мнѣ мячикъ! Васька оглянулся и остолбенѣлъ. За рѣшоткой стояла дѣвочка, бѣлая, розовая, вся въ локонахъ, вся въ бѣломъ, въ кружевахъ, въ лентахъ. Это была хозяйская дочка.

— Подыми мнѣ мячикъ, повторила дѣвочка, смотря прямо на Ваську. Вонъ онъ!.. видишь, тамъ, въ травѣ.

Васька подошелъ къ мячику, поднялъ его и подалъ черезъ рѣшотку дѣвочкѣ. Она взяла мячикъ, посмотрѣла на Ваську большими голубыми глазами, улыбнулась, прыгнула и убѣжала въ садъ.

Васька долго смотрѣлъ на кусты, за которыми она скрылась.—Видишь, какія они бываютъ, хозяйскія-то дѣти, сказалъ онъ и встряхнулъ волосами. Да! Точно куколки, хорошенькія куколки, или херувимчики, что на вербахъ бываютъ... и онъ вернулся домой, и, чуть-ли не въ первый разъ въ жизни, посмотрѣлъ въ зеркало, что висѣло у надсмотрщика на стѣнкѣ.

— А я вонъ какой желтый да черный, подумалъ онъ; это должно быть отъ хорошаго житья.

И еще крѣпче сталъ онъ думать:—что надо сдѣлать чтобъ нажить много денегъ.....

Одинъ разъ онъ стоялъ передъ большой машиной, которая разматывала шпульки. Машина работала, вертѣлись шестерни и валики, вертѣлись шпульки, вертѣлись челноки,—шумъ и гулъ шелъ по всей залѣ. Вокругъ машины ходили работники, то и дѣло снимали спутанныя, порванныя шпульки и насаживали новыя. Васька ходилъ за ними и замѣчалъ, въ какое время шпулька путается и рвется, и раздумывалъ, отчего это бываетъ. Вотъ поднялся валикъ, на которомъ насажены челноки, быстро поднялся и быстро опустился, и точно также быстро оборвалось нѣ-

сколько шпулекъ. Васька всматривался, опять и опять та же исторія. Вонъ чуть не цѣлыя десять шпулекъ сряду разомъ оборвались.—Видишь ты, подумалъ онъ, какая штука!—Онъ улыбнулся: онъ понялъ, въ чемъ дѣло.....

Въ это время, какъ нарочно, подошелъ самъ мастеръ.—Ты что тутъ дѣлаешь? спросилъ онъ Ваську.

— А я, господинъ, урокъ свой кончилъ, такъ вотъ теперь смотрю, почему это шпульки рвутся.

— Почему же рвутся?

— Да челночки не такъ ходятъ какъ слѣдуетъ. Вотъ вамъ, примѣчайте: который челнокъ тише вертится, который скорѣе. Когда они подымутся, имъ бы надо было всѣмъ въ разъ — перевернуться, а они нѣтъ,—и который задержится, у того нитка вкось пойдетъ, а шпулька-то запутается, а то и нитка оборвется.

Мастеръ усмѣхнулся.

— Это, братъ, и безъ тебя давно знали. Да пособить этому нечѣмъ.

— Какъ нечѣмъ? А вотъ еслибы челночки-то ходили на такихъ же прутьяхъ какъ и шпульки.

— Тогда бы они прыгали и еще больше путали.

Васька задумался.

— Дошлый ты—да не совсѣмъ, сказалъ мастеръ. Сперва поучись, да выrости, а потомъ ужъ и думай. А то тебѣ безъ году недѣля, и совсѣмъ еще ты глупехонекъ.

— А если бы, сказалъ Васька, не слушая его, каж-

дый челночекъ такъ насадить, чтобы сверху у него была проволочка винтомъ свернута и снизу также. Онѣ бы не давали ему прыгать, а онъ бы только приноровлялся какъ шпулька вертится, и нитка-то ровно бы шла.

Теперь мастеръ задумался.

— Ну, сказалъ онъ, можетъ быть ты и въ самомъ дѣлѣ дошлый. Попробуемъ завтра—увидимъ.

Попробовали; насадили сперва два челночка, какъ Васька указалъ—шпульки не рвались. Потомъ насадили всѣ также,—шпульки почти совсѣмъ перестали рваться. Ихъ перестали носить въ мотовильню. Десяти мальчикамъ стало нечего дѣлать—ихъ прогнали съ фабрики. Можетъ быть, нѣкоторые изъ нихъ умерли съ голода — за то Васька торжествовалъ: его перевели въ ткацкую.

Въ ткацкой былъ другой мастеръ, самый главный мастеръ. Тамъ была работа мудреная и трудная. Тамъ ни одному мальчику не было менѣе шестнадцати лѣтъ— одному только Васькѣ было тринадцать. Тамъ рисовали, выводили и наводили узоры. Ставили узорчатыя карты подъ тканье, и ткали по нимъ большими машинами.

Каждый день и цѣлый день-деньской тамъ шла суматоха; машины страшно шумѣли и стучали, потому что въ то время (это было очень, очень давно) еще никто не зналъ, какъ сдѣлать такъ, чтобы онѣ не стучали. Васька скоро сталъ чуть не набольшимъ

надъ всѣми работниками: чуть не каждый шелъ къ нему за помощью.

— Вася, просилъ одинъ, какъ мнѣ нарисовать эту штуку, покажи! и Вася показывалъ, какъ нарисовать какой нибудь цвѣтокъ или каракульку.

— Вася, говорилъ другой, какъ намъ уставить прессъ? Онъ не дѣйствуетъ, а мастеръ увидитъ, заругается... и Вася показывалъ, какъ уставить прессъ, такъ чтобъ онъ дѣйствовалъ, а мастеръ не ругался.

— Вася, говорилъ третій, покажи какъ намъ карту на станокъ поставить: она все вкось идетъ,—и Вася показывалъ, какъ уставить карту, чтобы она вкось не шла. И большой и малый, — всѣ къ Васѣ, а онъ всѣмъ указывалъ и вездѣ поспѣвалъ. Работа такъ и кипѣла у него, какъ на хорошей машинѣ. Онъ трудился, наблюдалъ, думалъ, а время шло, годы уходили и колесо жизни неизмѣнно вертѣлось.

Прошло больше десяти лѣтъ. Многое перемѣнилось. Много мальчиковъ и большихъ работниковъ перемерло или смѣнилось. Сильно перемѣнился и Васька. Онъ сталъ уже цѣлымъ Василіемъ, и даже иногда называли его г. Гранжо. Онъ былъ рослый, здоровый, краснощекій и загорѣлый малый. Его выпуклый лобъ выступалъ надъ бровями, его темные волосы слегка вились и раскидывались во всѣ стороны. Его тонкія губы почти никогда не улыбались. Онъ говорилъ не торопясь, громко, толково, какъ бы обдумывая каждое

слово. Его загорѣлыя руки были ловки и крѣпки. Онъ уже высоко взобрался на ободъ колеса жизни, и все думалъ: какъ бы взобраться еще выше...

Сильно измѣнилась и хозяйская дочка, та самая дочка, которую Василій Гранжо видѣлъ только разъ въ своемъ дѣтствѣ, которая промелькнула передъ нимъ, какъ хорошенькая бабочка. Она уже стала взрослой барышней, невѣстой, она хорошо играла на фортепьяно и еще лучше наряжалась.

Разъ, это было лѣтомъ, ей захотѣлось имѣть особенное кисейное платье. Она сама нарисовала узоры цвѣтовъ на это платье. Эти узоры надо было выткать на матеріи, и, кромѣ того, между ними тоже выткать ажурныя рѣшетчатыя арабески.

— Папа, сказала она, ласкаясь къ толстому старому отцу, мнѣ нужно непремѣнно такое платье; нужно къ балу; какой же ты фабрикантъ, если не съумѣешь выткать мнѣ такого платья!

— Дурочка! сказалъ, улыбаясь, папа. Я никогда не ткалъ и не тку никакого платья; я этому не учился.

И онъ послалъ за главнымъ мастеромъ. Мастеръ посмотрѣлъ па узоры, узналъ, что нужно, и сказалъ: Этого никакъ нельзя сдѣлать, положительно невозможно!

Дочка надула губки.

— Вы не умѣете, потому и невозможно, сказала она, и потомъ еще прибавила про себя: Старый и глупый, потому и не умѣетъ.

Черезъ день она опять пристала къ отцу съ тѣмъ же. — Папа, милый, добрый, говорила она, у тебя, говорятъ, есть на фабрикѣ подмастерье, то есть, помощникъ главнаго мастера, зовутъ его Василій Гранжо. Позови его, онъ вѣрно съумѣетъ.

Папа поморщился, но все-таки послалъ за Василіемъ Гранжо. Пришелъ Василій Гранжо и папа сказалъ: Ну, толкуй съ нимъ сама, все это вздоръ! и ушелъ въ кабинетъ.

— Послушайте, г. Гранжо, обратилась къ нему она; вѣдь вы можете сдѣлать мнѣ этакое платье, то есть, матерію на платье?.. и она разсказала, какую. Неправда ли, вы можете? прибавила она, и при этомъ подумала: Какой онъ славный; онъ должно быть умный и добрый.

— Это можно сдѣлать, сказалъ Гранжо, только.....

— Что же?

— Для этого необходимо, чтобы я самъ былъ главнымъ мастеромъ. И онъ посмотрѣлъ прямо своими умными сѣрыми глазами ей въ глаза.

— Почему же это такъ необходимо? спросила она и потупилась.

— А по многому, и прежде всего потому, что главный мастеръ этого не можетъ сдѣлать, а я могу. Стало быть, я знаю больше главнаго мастера. А потомъ, я хочу получать столько, сколько стоитъ моя работа, а до сихъ поръ я получалъ, какъ простой работникъ, тридцать франковъ въ мѣсяцъ. Да, наконецъ, мнѣ пора и вылѣзть изъ грязи. Вамъ вонъ хо-

чется имѣть хорошее, красивое платье, и мнѣ тоже хочется многаго, тоже хорошаго и красиваго. А я съ семи лѣтъ тружусь, какъ машина. Я самъ пробилъ себѣ дорогу. Я хочу идти дальше, и былъ бы дуракъ, если бы не воспользовался теперешнимъ случаемъ.—Не сдѣлаютъ меня главнымъ мастеромъ, не будетъ у васъ платья, а я останусь простымъ работникомъ и ничего не потеряю.—Вотъ и все.

Она посмотрѣла на него.

— Я поговорю съ папа, сказала она шепотомъ, покраснѣла, улыбнулась и быстро вышла изъ комнаты.

Чрезъ два дня самъ хозяинъ пришелъ въ ткацкую. Онъ смотрѣлъ сердито, выбранилъ нѣсколькихъ работниковъ, на все ворчалъ, ко всему придирался, и, наконецъ, началъ говорить главному мастеру, что онъ ничего не дѣлаетъ, что фабрика съ каждымъ годомъ идетъ хуже, и что онъ желалъ бы, чтобы у него ткались ажурныя кисеи.

— Это невозможно, сказалъ главный мастеръ и пожалъ плечами. А я стараюсь!....

— Вы говорите, что это невозможно, невозможно?... Василій Гранжо, подите сюда!

Василій Гранжо подошелъ.

— Можете вы ткать ажурную кисею?

— Могу, сказалъ Гранжо.

— Тките, распоряжайтесь; берите сколько нужно денегъ изъ кассы, а черезъ недѣлю принесите мнѣ образчики. Если они будутъ хороши,—вы будете глав-

нымъ мастеромъ. Слышите: вы будете главнымъ мастеромъ, и онъ поднялъ палецъ кверху.

— А если онъ не сдѣлаетъ? спросилъ главный мастеръ, поблѣднѣвъ.

— Тогда я его прогоню вонъ изъ фабрики, сказалъ хозяинъ, прогоню, какъ лгуна и самохвала.... и.... больше нечего и разсуждать.—И онъ ушелъ.

Главный мастеръ и Василій Гранжо стояли другъ противъ друга, и смотрѣли другъ другу прямо въ глаза.

— Не сдѣлаешь, лгунъ и самохвалъ, подумалъ мастеръ.

— Сдѣлаю, старый дуракъ, подумалъ Василій. И они разошлись, не говоря другъ другу дурнаго слова.

Гранжо работалъ днемъ, работалъ ночью; дѣло было трудное и для другого невозможное. Задача была не только въ томъ, чтобы изобрѣсти способъ ткать машинныя кружева, объ которыхъ въ тѣ времена еще никто и не думалъ,—но надо было, чтобы эти кружева были вотканы въ другую матерію, гдѣ, кромѣ того, были бы вытканы цвѣты, и притомъ окрашенные. Однимъ словомъ, работа была сказочная, фантастическая, невозможная, а Гранжо все-таки принялся за нее.

Черезъ недѣлю онъ принесъ образчики.—Хозяинъ прищурился, посмотрѣлъ на нихъ и улыбнулся.

— Хорошо, очень хорошо! сказалъ онъ; совсѣмъ въ новомъ родѣ.—Онъ соображалъ, почемъ можно продавать аршинъ такой кисеи, хотя и не зналъ, сколько она ему будетъ стоить.

— Али, Али, закричалъ онъ, Али, поди сюда!

Вошла дочка.

— Вотъ въ томъ родѣ, что ты желала. Какъ тебѣ понравится?

— Ахъ, какая прелесть! Ахъ! Просто милка! —и она чуть не поцѣловала кисею. Знаешь ли, папа, это даже лучше, чѣмъ я воображала, даже узоръ лучше, чѣмъ я нарисовала. Когда же будетъ готова матерія?

— Черезъ недѣлю послѣ того, какъ меня сдѣлаютъ главнымъ мастеромъ, сказалъ спокойно Гранжо.

— О, да! сказалъ хозяинъ. Вы будете главнымъ мастеромъ сегодня же. Эй! позвать ко мнѣ главнаго управителя!

— Позвольте, хозяинъ, сказалъ Гранжо. Вы можете это сдѣлать очень скоро,—но вѣдь для этого необходимо и мое согласіе.

— Развѣ вы не желаете?

— Напротивъ, очень желаю, только подъ двумя условіями.

— Какими? и хозяинъ нахмурился. Ему было очень непріятно, что его собственный работникъ начинаетъ предлагать ему условія.

— Во-первыхъ, я желалъ бы получать не жалованье, а два процента со всего, что будетъ выткано на фабрикѣ.

Хозяинъ взялъ карандашъ и разсчиталъ.

— Этого я не могу, сказалъ онъ, не могу-съ. Вы, такимъ образомъ, будете получать вдвое больше, чѣмъ теперь получаете.

— Да вѣдь и вы будете за то получать вдвое.

— Это мы еще посмотримъ! Объ этомъ надо подумать. Я объ этомъ подумаю... А какое же ваше второе условіе?

— А второе условіе, чтобы вы дали пенсію прежнему главному мастеру. Эта пенсія васъ не раззоритъ, а онъ старъ, у него семейство, и онъ останется безъ куска хлѣба.—Хозяинъ вскочилъ.

— Этого я не могу, этого я совершенно не могу-съ, вскричалъ онъ, сильно махая руками. Этакъ мнѣ придется всѣмп работникамъ давать пенсію, этакъ мнѣ придется кормить всѣхъ нищихъ, и наконецъ самому пойдти по міру. Этого я не могу-съ. Этого я положительно не могу-съ. У меня фабрика, а не богадѣльня.

— Какъ вамъ угодно, сказалъ Гранжо. А быть у васъ работникомъ я тоже не могу-съ, и сегодня-же пойду на фабрику къ г. Ронвону.

Хозяинъ разставилъ руки и вытаращилъ свои маленькіе глаза, на сколько онъ могъ ихъ вытаращить. Фабрика Ронвона подкапывалась подъ его фабрику. Хозяинъ тотчасъ сообразилъ, что если Гранжо перейдетъ туда и будетъ тамъ ткать тѣ отличныя ажурныя кисеи, которыхъ образчики лежали у него теперь передъ глазами,—то его фабрика быстро падетъ. Потомъ онъ также сообразилъ, что если онъ уступитъ теперь Гранжо, то этотъ самый Гранжо возьметъ его въ руки.

Холодный потъ выступилъ у него на лбу и онъ сейчасъ-же вытеръ его тонкимъ батистовымъ платкомъ.

— Позвольте мнѣ подумать, сказалъ онъ мягкимъ, тихимъ голосомъ. Кажется, я имѣю право подумать... Это все ты съ своими ажурными кисеями, закричалъ онъ на дочь, и вышелъ изъ комнаты.

Она вспыхнула и прямо посмотрѣла на Гранжо.

— Послушайте, сказала она. Зачѣмъ вы обижаете папà? Развѣ хорошо угрожать и... дѣлать насиліе?

Гранжо пристально посмотрѣлъ на нее. Въ его глубокихъ сѣрыхъ глазахъ промелькнулъ огонекъ.

— Вы не знаете того, о чемъ вы говорите, сказалъ онъ рѣзко. Развѣ вашъ папа не пользуется своей силой? Вы слышите, что ему дѣла нѣтъ, что люди умираютъ съ голоду. Я точно также умеръ бы съ голоду, если бы не помогли мнѣ: случай, руки мои да голова. Но вѣдь не у всѣхъ же такія крѣпкія руки, какъ у меня, не всѣ могутъ работать головой, и очень немногіе могутъ воспользоваться случаемъ. Вокругъ меня умирали дѣти, мои сверстники, на той же самой фабрикѣ вашего папа, умирали отъ холода, отъ сырости, отъ дурной пищи. Я, и вмѣстѣ со мной очень немногіе, перенесли все это. Я перенесъ всѣ невзгоды, лишенія, щелчки. Вы не знаете, вы даже не можете себѣ представить той жизни, которую я прожилъ, и которую многіе проживаютъ теперь здѣсь, на фабрикѣ у вашего отца. Вы никогда не заглядывали ни въ темные подвалы, ни въ душныя мастерскія; вы никогда не думали, какимъ трудомъ, лишеніями и даже горькими слезами выработанъ тотъ кусокъ красивой кисеи, въ которую вы наряжаетесь. Я все это знаю,

злишкомъ хорошо испыталъ, я все это вытерпѣлъ, вынесъ на своихъ плечахъ. Я имѣю право, да, полное право идти выше, дальше, и поступать такъ, какъ я поступаю.

Она слушала его со вниманіемъ и невольно любовалась на него. Онъ въ эту минуту былъ очень хорошъ, потому что высказывалъ съ жаромъ то, что глубоко прочувствовалъ и передумалъ. Она была смущена; съ ней никто никогда не говорилъ такъ прямо, свободно и такъ серьезно, и притомъ она даже вовсе не знала, что дѣлается на фабрикѣ у ея отца.

— Я вамъ очень благодарна, сказала она съ смущеньемъ, благодарна за вашу... откровенность. Я дѣйствительно этого ничего не знала... Ахъ!.. и она провела по лбу своей хорошенькой ручкой, — мнѣ вѣдь объ этомъ никто никогда не говорилъ... Мы еще вѣрно увидимся, сказаля она, помолчавъ, и протянула эту маленькую, хорошенькую ручку Василію Гранжо.— И онъ пожалъ своей крѣпкой, жесткой, рабочей рукой эту нѣжную ручку.

Потомъ онъ быстро собралъ образчики кисеи, и поклонившись неловко, какъ-то бокомъ, вышелъ изъ комнаты.

Чрезъ два дня за нимъ прислалъ опять хозяинъ.

— Я обдумалъ, сказалъ онъ, то, о чемъ мы говорили. Я, и онъ всталъ съ креселъ во весь ростъ, я предлагаю вамъ слѣдующія условія: вы будете получать то жалованье, которое получалъ до сихъ поръ главный мастеръ, и квартиру, также какъ онъ. А по-

томъ, со временемъ, когда вы будете вводить новыя улучшенія, и доходъ фабрики увеличится, то съ этого чистаго дохода вы будете получать по два процента.

Гранжо подумалъ, сообразилъ, и сказалъ: я согласенъ.

— Что касается до другаго условія, сказалъ хозяинъ... потомъ онъ помолчалъ, сѣлъ на кресло и началъ говорить тихо:—я право удивляюсь, сказалъ онъ и замигалъ глазами,—что вамъ за дѣло до стараго мастера, какая такая у васъ тутъ забота? Вѣдь онъ вамъ не другъ, не братъ, не сватъ,—что вы за него хлопочете?! Онъ работалъ, пока былъ въ силахъ, а теперь, если онъ ни на что не годенъ, пусть идетъ въ богадѣльню. И хозяинъ махнулъ рукой. На это есть богадѣльни, прибавилъ онъ внушительно.

— Зачѣмъ же, сказалъ Гранжо, богадѣльня будетъ содержать его, тогда какъ онъ почти всю жизнь на васъ однихъ работалъ? Если бы онъ не былъ работникомъ и не дошелъ бы до главнаго мастера, я объ немъ бы и хлопотать не сталъ. Точно также, если бы я не былъ работникомъ, я опять хлопотать бы не сталъ. Вѣдь со мной можетъ то же случиться, что и съ нимъ. И я могу подъ старость остаться безъ куска хлѣба, если не буду стараться нажить себѣ побольше денегъ. А теперь, если вы дадите ему пенсію, то и у г. Роньона главный мастеръ тоже запроситъ себѣ пенсіи, и онъ долженъ будетъ ему дать, и другіе тоже. Понимаете—это войдетъ въ обычай.

— Я подумаю, сказалъ хозяинъ, который вообще

не очень скоро думалъ.—Я подумаю, и пришлю вамъ сказать.

Гранжо поклонился и вышелъ.

Въ тотъ же день вечеромъ, главный управитель пришелъ въ ткацкую и сказалъ Гранжо, что онъ можетъ, если ему угодно, на дняхъ перейти въ квартиру главнаго мастера, что уже сдѣлано распоряженье объ ея очисткѣ, и что старый главный мастеръ, въ видѣ пенсіи, будетъ до своей смерти получать половину того содержанія, которое онъ получалъ до сихъ поръ у своего хозяина, г. Мескина.

Гранжо пожалъ плечами, но все таки сказалъ: хорошо! А главный мастеръ даже пришелъ поблагодарить его за пенсію.

— Ну и хорошо, если остался доволенъ, сказалъ самъ себѣ Гранжо, и сдѣлался самъ главнымъ мастеромъ.

Три дня сряду хозяинъ приходилъ въ ткацкую, ходилъ по всей фабрикѣ и смотрѣлъ, какъ распоряжается главный мастеръ, г. Гранжо. А новый мастеръ распоряжался такъ хорошо, что хозяинъ только дивился и постоянно спрашивалъ: да къ чему же это? Да для чего же это? И главный мастеръ толковалъ ему, къ чему и для чего, и такъ толковалъ, что хозяинъ и возразить ничего не могъ. Онъ только слушалъ и думалъ при этомъ: ну, голова! Съ нимъ дѣйствительно пойдетъ у меня фабрика на славу! Онъ даже согласился увеличить рабочимъ порціи кушанья, хотя и сильно поморщился при этомъ.

Прошло около недѣли. Гранжо работалъ, какъ и всегда, безъ устали. Отъ работы у него даже какъ будто прибавилось силы, по крайней мѣрѣ, такъ ему казалось. Разъ онъ хлопоталъ около машины, на которой ткалась ажурная кисея.

— Здравствуйте, г. Гранжо! прозвучало позади его. Онъ обернулся. Позади его стояла она, — хозяйская дочка, Алиса и вмѣстѣ съ ней ея гувернантка, или, правильнѣе, компаньонка.

— Что же, кисея моя готова?

— Вы видите, указалъ онъ на машину, торопимся и кончимъ къ завтрашнему дню.

Она посмотрѣла, подивилась, полюбовалась, поблагодарила его и потомъ сказала:

— А у меня къ вамъ просьба!

— Что вамъ угодно?

— Мнѣ угодно, чтобы вы мнѣ показали фабрику. Я хочу все видѣть, понимаете-ли, все, своими глазами.

— Извольте, сказалъ Гранжо. Онъ понялъ, что она хочетъ видѣть, какъ живутъ на фабрикѣ работники. И онъ распорядился съ машиной, указалъ, какъ и что надо было дѣлать и повелъ ее.

— Вотъ, указывалъ онъ, дворикъ, на который я пришелъ шестнадцать лѣтъ тому назадъ, голоднымъ, оборваннымъ мальчишкой—Васькой. Меня тогда выпустили, или, правильнѣе говоря, вытолкнули изъ рабочаго дома. На этомъ дворикѣ тогда обѣдали работники и теперь, черезъ шестнадцать лѣтъ, они обѣ

даютъ на немъ же, потому что лѣтомъ, въ хорошую погоду, трудно обѣдать въ ихъ квартирѣ.

И онъ повелъ ее въ ихъ квартиру; это былъ большой подвалъ, черный, грязный и сырой, гдѣ жило десятка два работниковъ. Двое изъ нихъ, двое мальчишекъ, лежали больные въ лихорадкѣ, въ жару, лежали подъ худыми одѣялами въ этомъ сыромъ и холодномъ подвалѣ.

— Въ прошломъ году, сказалъ Гранжо, здѣсь умерло двадцать мальчиковъ, третьяго года—двѣнадцать, а четыре года тому назадъ, когда была эпидемія, здѣсь умерло сорокъ человѣкъ.

Потомъ Гранжо повелъ Али въ другіе подвалы, повелъ въ мастерскія, мрачныя и душныя. Онъ много показывалъ ей и разсказывалъ. Въ одной изъ чесаленъ сидѣлъ худой мальчикъ, у него была чахотка; пыль отъ машины, которая трепала хлопокъ, летѣла во всѣ стороны и попадала ему въ горло. Онъ поминутно кашлялъ и хваталъ себя за грудь костлявыми руками. И вездѣ, гдѣ они проходили, они встрѣчали или блѣдныхъ мальчиковъ, которые спѣшили кончить свои уроки, или сумрачныхъ работниковъ, которые сидѣли за машинами и смотрѣли угрюмо на Гранжо и Али. И чѣмъ больше показывалъ и толковалъ Гранжо, тѣмъ сумрачнѣе становилась сама Али. Наконецъ она устала. Ей хотѣлось поскорѣе на чистый воздухъ, въ садъ,—она задыхалась.

— Довольно! сказала она. Я вамъ очень, очень благодарна; я увидала то, что я никогда, во всю мою

жизнь не забуду.—Ахъ! зачѣмъ я не знала этого раньше? Теперь мнѣ всѣ кисеи кажутся гадкими, даже та, которую вы для меня теперь ткете. Мнѣ кажется, я никогда, никогда больше не буду носить нарядныхъ платьевъ... Они такъ дорого обходятся... бѣднымъ людямъ.

— Это вы дурно сдѣлаете, сказалъ Гранжо: если вы не будете носить нарядныхъ платьевъ, то многимъ работникамъ нечего будетъ дѣлать и они умрутъ съ голоду. А мнѣ кажется, умирать съ голоду гораздо хуже, чѣмъ умирать отъ работы или отъ холоду и сырости. Нѣтъ! Пусть будетъ больше работы, но пусть работнику будетъ лучше жить, а главное, пусть всѣ работаютъ, всѣ, кто только можетъ, хотя и не хочетъ: вотъ въ чемъ задача!

Но Али почти не слушала его; она была блѣдна и едва стояла, опираясь на руку компаньонки.

Когда вошли они въ садъ, на чистый, влажный воздухъ,—она всей грудью вдохнула въ себя этотъ воздухъ и при этомъ подумала;—имѣю-ли я право на то, имѣю-ли я право дышать чистымъ воздухомъ, когда тутъ, возлѣ меня, люди задыхаются въ тѣсныхъ мастерскихъ, люди, которые всю свою жизнь работали на меня и до сихъ поръ работаютъ?...

Она оглянулась кругомъ. Кругомъ была роскошь: старый, тѣнистый паркъ, садъ, весь въ цвѣтущихъ розанахъ, мраморныя вазы, сверкающіе фонтаны, а вдали, сквозь деревья, блестѣлъ большой домъ—дворецъ, въ которомъ она жила.

Она съ ужасомъ оглянулась назадъ, на фабрику.

Тамъ, изъ длинной паровой трубы валилъ густой черный дымъ и большимъ столбомъ поднимался прямо къ небу, точно коптилъ его...

Прошло болѣе четырехъ лѣтъ; Гранжо почти не измѣнился, то есть, наружно. За то многое измѣнилось внутри его, а фабрика такъ измѣнилась, что ее узнать нельзя было. Она стала образцовой. Нѣсколько новыхъ зданій было выстроено. Подъ нихъ пошла часть земли, что была подъ хозяйскимъ садомъ. Хозяинъ, разумѣется, долго не соглашался уступить эту землю, но Гранжо, наконецъ, добился своего, разумѣется съ помощью Али. Завелись большія, свѣтлыя мастерскія, были выстроены теплыя, просторныя и сухія помѣщенія для рабочихъ. За то между рабочими не было ни хилыхъ, ни больныхъ, ни лѣнивыхъ. Эти рабочіе были, такъ сказать, выборные со всего околодка, потому что со всѣхъ фабрикъ всѣ стремились на фабрику г. Мескина. Тамъ, говорили, не заставляютъ работать до упаду, кормятъ хорошо,—да и жить хорошо. Само производство фабрики сильно разширилось. На ней ткались уже не однѣ бумажныя ткани, а выдѣлывались также полотна и шерстяныя одѣяла. Завелась на фабрикѣ воскресная школа, подъ непосредственной заботой и трудами Али. Завелось даже не большое ремесленно-учебное заведеніе. Все это устроилъ Василій Гранжо. Онъ сталъ душой фабрики и правой рукой хозяина. Главный управитель попробовалъ съ нимъ потягаться, и слетѣлъ съ мѣста, слетѣлъ съ

позоромъ, уличенный во многихъ кражахъ, за что и былъ посаженъ въ тюрьму, какъ и слѣдовало.

— Не воруй, сказалъ при этомъ Гранжо, и у тебя не будутъ воровать! и онъ посмотрѣлъ при этомъ на всѣхъ работниковъ и на хозяина.

Въ квартирѣ Гранжо въ послѣдніе три года произошла небольшая, но очень существенная перемѣна: въ комнатѣ, которая была прежде его спальней и въ которой прежде лежали разные ткацкіе инструменты, образчики и всякій хламъ, въ этой комнатѣ вдоль стѣны стояли теперь простые, но чистые и красивые шкафы, полные книгъ. Гранжо въ эти три года накупалъ ихъ съ жадностью. Онъ давно уже добирался до этой, какъ онъ называлъ, жизненной сути и наконецъ добрался. Наконецъ у него накопилось денегъ настолько, что онъ былъ обезпеченъ на всю жизнь. Онъ могъ жить процентами съ капитала, а главное— онъ могъ теперь покупать тѣ самыя книги, которыхъ одни названія прежде соблазняли его, когда онъ прочитывалъ ихъ сквозь окна, въ богатыхъ книжныхъ магазинахъ, на большихъ улицахъ.—«Трудъ и капиталъ», «Рабочія ассоціаціи», «Прогрессъ и наука», прочитывалъ онъ и думалъ, догадывался о чемъ говорится въ этихъ книгахъ. Теперь онъ зналъ это, все зналъ — и надъ многимъ задумывался.

Читалъ онъ по праздникамъ, по вечерамъ, а цѣлый день съ ранняго утра работалъ на фабрикѣ и не замѣчалъ какъ проходятъ дни. И жизнь его проходила очень хорошо, если не считать мелкихъ неудачъ и

непріятностей, которыя порой встрѣчались на фабрикѣ, да столкновеній изъ-за разныхъ улучшеній съ хозяиномъ. Къ первымъ онъ привыкъ. Къ столкновеніямъ приладился. Онъ замѣчалъ, что хозяинъ старѣетъ и и вмѣстѣ съ старостью становится мелочнымъ и придирчивымъ. Онъ уступалъ ему въ мелочахъ, а за то выигрывалъ тамъ, гдѣ былъ крупный вопросъ.

Одинъ разъ фабрикѣ представился огромный заказъ. Была война и Г. Мескину была заказана отъ правительства поставка на армію полотнянныхъ простынь, бумажныхъ и шерстянныхъ одѣялъ и попонъ. Заказъ необходимо было представить къ извѣстному сроку и за неисполненіе этого условія, или за дурное качество поставленныхъ вещей, хозяинъ фабрики отвѣчалъ капиталомъ, который равнялся стоимости половины фабрики. Г. Мескинъ былъ очень радъ. Выгода была громадная. Тотчасъ были сдѣланы необходимыя распоряженія и было приступлено къ исполненію. Хозяинъ долго толковалъ и высчитывалъ съ г. Гранжо, но и послѣ ухода Гранжо онъ опять принялся за счеты, онъ соображалъ и высчитывалъ цѣлый день, два дня и на третій опять позвалъ къ себѣ Гранжо, а когда тотъ вошелъ къ нему въ кабинетъ, то онъ заглянулъ въ сосѣднія комнаты и тщательно приперъ всѣ двери. Потомъ онъ обратился къ Гранжо съ самымъ таинственнымъ видомъ.

— Знаете ли что? сказалъ онъ,—я вотъ тутъ,—и онъ указалъ на бумагу, всю исписанную цифрами,—я тутъ немного соображалъ, сравнительно, цѣнность льна,

бумаги и шерсти, т. е. разумѣется въ пряжѣ. Что же оказывается? Это очень любопытно. Если пустить одну пятую, замѣтьте, только одну пятую бумаги въ утокъ въ полотно, то выходитъ разсчетъ, на весь заказъ, въ тридцать пять тысячъ, а если пустить въ шерстяныя одѣяла и попоны тоже одну четвертую, то разсчетъ-то выходитъ въ сто восемьдесятъ тысячъ на весь заказъ. — А?! какъ это вамъ нравится? А если пустить одну треть?!—и хозяинъ подмигнулъ лѣвымъ глазомъ и усмѣхнулся. — Подпустить одну треть?!.. спросилъ онъ таинственнымъ шопотомъ, и не дожидаясь отвѣта, онъ взялъ со стола листъ и внизу его показалъ крупными цифрами начерченныя триста пятьдесятъ восемь тысячъ.

— Вѣдь вы получите со всего заказа, сказалъ спокойно Гранжо, двѣсти тысячъ чистаго дохода, за исключеніемъ, разумѣется, двухъ процентовъ мнѣ.

— Такъ что же изъ этого? Двѣсти тысячъ такъ и останутся двѣсти тысячъ, а тутъ еще чистыхъ получимъ триста пятьдесятъ восемь тысячъ. Понимаете ли—чистыхъ?

— Нѣтъ, не понимаю, сказалъ прямо и громко Гранжо, эти триста пятьдесятъ восемь тысячъ будутъ весьма нечистыя. Вѣдь вы затѣваете мошенничество, казнокрадство.

— Ахъ! ахъ! закричалъ хозяинъ, замахалъ руками и завертѣлъ головой.—Къ чему вы такъ скоры, такъ скоры на сужденія? И что это за сужденіе такое странное, а я еще считалъ васъ умнымъ человѣкомъ. Вотъ что значитъ молодость-то. И что за слова вы

употребляете? Ну, что такое мошенничество? Правительству нужны простыни, одѣяла и попоны. Срокъ имъ полагается для носки три года. Въ три года никакая изъ нашихъ простынь, попонъ и никакое одѣяло не износится. Даже если мы пустимъ не одну треть, а почти весь утокъ бумажный. Потомъ, черезъ три года, ихъ назначатъ въ продажу, какъ старыя и продадутъ за безцѣнокъ, а тутъ еще примите въ разсчетъ и военное время, пожары, непріятельскій захватъ и т. д. Такъ они пожалуй и году не прослужатъ. А что касается до теплоты, то разница тутъ выйдетъ самая ничтожная. Кому же, я спрашиваю васъ, тутъ убытокъ? Кого я обижу? Вѣдь эта лишняя шерсть, которую я пущу въ одѣяла и этотъ лишній ленъ въ простыняхъ пропадутъ даромъ, не принося никому пользы. А мы потеряемъ триста пятьдесятъ восемь тысячъ чистой прибыли. Изъ-за чего? Да изъ-за того, что будемъ держаться буквы закона, будемъ формалистами; взялись поставить столько-то изъ чистой шерсти и поставимъ, какъ глупые бараны, не разсуждая, и поставимъ. Вѣдь согласитесь, что это невообразимо глупо? Не правда ли?

Гранжо ничего не отвѣчалъ.

— А изъ трехсотъ пятидесяти восьми тысячъ, продолжалъ хозяинъ, понизивъ еще болѣе голосъ,—вы получите пятьдесятъ восемь тысячъ, даже больше. Я оставлю себѣ только двадцать восемь тысячъ, а вы получите кругленькихъ шестьдесятъ. — Капитальчикъ? Какъ вы думаете?

Гранжо хотѣлъ сказать:—Не надувай и тебя не надуютъ, таковъ мой принципъ и основаніе кредита и общественности. Но ему вдругъ пришла въ голову таже мысль, только на выворотъ. Онъ даже слегка покраснѣлъ.—Если ты надуваешь, то и тебя надуютъ, подумалъ онъ, ибо поднявшій мечъ, отъ меча и погибнетъ.

— А если заказъ не примутъ! вдругъ спросилъ онъ.

— Примутъ, примутъ—сдадимъ!—вскричалъ хозяинъ, отпихивая отъ себя руками воздухъ, какъ будто этотъ воздухъ былъ уже самый заказъ, который онъ сдавалъ.—Не такіе товары сдавали! Примутъ!

— Я согласенъ! сказалъ Гранжо, какъ-то угрюмо и строго смотря на хозяина, такъ что тотъ потупился и отвернулся.

Весь заказъ надо было исполнить въ два мѣсяца и только одна фабрика Г. Мескина могла исполнить такой большой заказъ въ такой короткій срокъ. Всѣ машины были пущены въ ходъ, увеличили число работниковъ. Хозяинъ каждое утро ходилъ по мастерскимъ и приглядывался.

— Это съ бумагой, спрашивалъ онъ шопотомъ у Гранжо.

— Съ бумагой, отвѣчалъ громко Гранжо,—сами видите— и онъ указывалъ на шпульки, на которыхъ дѣйствительно была бумага.

— А вы потише! говорилъ хозяинъ опять шопотомъ, съ испугомъ оглядываясь кругомъ. Надо быть

осторожными, какъ разъ бѣды наживемъ.... А нельзя-ли въ шесть нитокъ? спрашивалъ онъ еще тише, подмигивая. Но Гранжо ничего не отвѣчалъ, какъ будто не слыхалъ, и отходилъ прочь. Въ послѣднее время онъ былъ особенно задумчивъ, даже разсѣянъ. Это многіе замѣтили. Онъ вообще былъ смѣлъ, рѣшителенъ, уменъ, это всѣ знали. Но очевидно что-то, что онъ задумалъ, нельзя было взять ни смѣлостью, ни рѣшительностью, ни умомъ. Онъ сомнѣвался, сомнѣвался глубоко въ первый разъ въ жизни. Онъ взвѣшивалъ, соображалъ, но эти соображенья висѣли на такихъ тонкихъ ниточкахъ, которыя могъ порвать случай самый ничтожный; дѣло было сложное, запутанное.

Весь заказъ былъ почти готовъ,—оставалось два дня до его сдачи. Гранжо сообразилъ, высчиталъ: необходимо было двадцать-двадцать пять часовъ—немного болѣе сутокъ и работа будетъ кончена. Онъ очевидно усталъ. Часа два онъ ходилъ у себя по комнатѣ, все что-то обдумывая, глубоко обдумывая. Насталъ вечеръ, тихій и ясный лѣтній вечеръ. Онъ надѣлъ шляпу и пошелъ прямо въ хозяйскій садъ. Онъ свернулъ съ большой аллеи въ сторону и пошелъ узенькой дорожкой въ чащу парка, къ небольшой группѣ изъ старыхъ каштановъ, которые свѣсились надъ прудомъ. Тамъ, на скамейкѣ, кто-то сидѣлъ въ бѣломъ платьѣ. Это была Али; она увидала Гранжо, встала и пошла прямо, радостно ему на встрѣчу.

— Это вы? сказала она, пожимая ему крѣпко ру-

ку. Цѣлую недѣлю я васъ не видала. Вы были заняты, сильно заняты?

— Да, сказалъ Гранжо. Я пришелъ теперь обо многомъ поговорить съ вами и прежде всего спросить васъ: любите-ли вы меня?

Али слегка поблѣднѣла, но этого нельзя было замѣтить въ темнотѣ вечера, подъ тѣнистыми каштанами. Она никакъ не ожидала такого смѣлаго, прямого вопроса, который, впрочемъ, для себя собственно, она давно ужъ рѣшила утвердительно. Вотъ уже болѣе трехъ лѣтъ, какъ Гранжо сталъ для нея болѣе, чѣмъ другомъ. Онъ давалъ ей много книгъ, онъ разсказывалъ ей много о той жизни, темной, полной тяжелаго, могучаго труда, о которой она вовсе не знала. Она постоянно работала подъ его руководствомъ, подъ его совѣтомъ. Она много трудилась и порой съ отчаяньемъ хватала себя за голову.

— Ахъ, говорила она, я слишкомъ слаба, слишкомъ испорчена съ дѣтства, я изнѣжена, избалована, — я скоро устаю.

Она напечатала нѣсколько статей; онѣ были безъ подписи. Въ нихъ говорилось о правѣ труда, о правѣ личныхъ способностей на возраграждeнie. Статьи были дѣльны, написаны толково, съ любовью. Отецъ Али читалъ эти статьи и бранилъ ихъ.

И вотъ всей этой жизнью, совершенно новой, порядочной, умной и трудолюбивой, Али была обязана Василію Гранжо. Она чувствовала это, и ей пріятно было сознавать это чувство глубокой благодарности

къ нему,—а какъ перешло оно мало по малу въ любовь—она сама этого не знала. Никогда, никогда не высказала она объ этомъ новомъ для нея чувствѣ Гранжо, не высказала даже взглядомъ. И вотъ теперь онъ самъ вдругъ неожиданно поставилъ этотъ вопросъ, и такъ прямо и такъ просто.

— Сядемте здѣсь, сказалъ онъ, взявъ ее за руку,—и они сѣли на скамью.—Если вы теперь не можете разрѣшить этого вопроса, то подумайте хорошенько, обдумайте его со всѣхъ сторонъ. Вы знаете мои взгляды, мои убѣжденія, знаете всю мою жизнь, мой характеръ, даже мои привычки. Вы знаете также, что намъ предстоитъ впереди, знаете, что жизнь наша не измѣнится. Она будетъ посвящена тѣмъ же заботамъ, тому же труду, какъ и теперь. Въ этой жизни—я не боюсь за мои чувства къ вамъ: они слишкомъ обдуманы со всѣхъ сторонъ. Я очень хорошо изучилъ васъ, даже, можетъ быть, лучше, чѣмъ вы меня. Вы знаете, вѣроятно, что я неспособенъ къ сильной, безотчетной страсти, но я могу отвѣчать, вполнѣ отвѣчать за глубокую, умную привязанность,—и въ этомъ, именно въ этомъ, мнѣ кажется, мы сошлись съ вами,—а это и есть самое главное. Вотъ почему я теперь прямо спрашиваю васъ: любите-ли вы меня, то есть ко всѣмъ вашимъ разсудочнымъ отношеніямъ примѣшивается ли еще чувство, которое вызывается, можетъ быть, моей наружностью, можетъ быть моей натурой,—не знаю чѣмъ; но подумайте,—если оно есть, это неразгаданное чувство,—то вы любите меня.

— Я люблю васъ, сказала Али съ какимъ-то восторгомъ.—Я отвѣчаю вамъ тотчасъ-же, не думая, потому что давно объ этомъ все передумала и рѣшила. Я раньше васъ догадалась спросить себя, люблю-ли я васъ,—прямого, умнаго, честнаго работника,—и сердце мнѣ подсказало, что я люблю въ васъ еще что-то, что я люблю самихъ васъ, люблю вашъ взглядъ, задумчивый и прямой. Я знаю,—онъ не измѣнится, онъ останется навсегда такимъ, до глубокой старости. Я люблю этотъ взглядъ съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ я подмѣтила его, помните, тогда, пять лѣтъ тому назадъ, когда въ первый разъ вы говорили со мной такъ искренно, съ такой силой, и разбудили во мнѣ то, что можетъ быть безъ васъ никогда бы не проснулось. Да, я люблю васъ, именно васъ, Василій Гранжо.

Она проговорила все это скоро, отрывисто, со слезами на глазахъ, съ краской въ лицѣ, она дышала тяжело, неровно, и все таки ей было такъ хорошо, легко, въ глазахъ блестѣла такая сильная радость.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Гранжо, будемте больше, чѣмъ друзьями; свяжемте себя, безъ дальнѣйшаго раздумья, на всю жизнь—и не будемте бояться этой связи!

Онъ всталъ.

— Я уйду теперь, сказалъ онъ, я усталъ, у меня голова кружится... и онъ взялъ ее за руку и въ первый разъ въ жизни крѣпко пожалъ ее и поцѣловалъ.

— Чрезъ два дня, прибавилъ онъ, вы будете моей невѣстой. До свиданья! И онъ тихо удалился.

Она смотрѣла ему вслѣдъ; у ней тоже кружилась голова. Она просидѣла на скамейкѣ до поздней ночи.

— У него нѣтъ никого, кромѣ меня, думала она, и я больше для него, чѣмъ другъ: я буду женой его. И у меня тоже, да, у меня будетъ только одинъ близкій, родной... вѣдь не могу же я любить моего отца также сильно, какъ его.

И вотъ насталъ великій вечеръ, канунъ того торжественнаго дня, въ который весь заказъ надо было доставить въ казенный складъ, для пріемки. Хозяинъ долго не спалъ, была уже за пóлночь. Онъ то садился, то ходилъ неровными, быстрыми шагами по кабинету, вытягивалъ руки, сжималъ ихъ и говорилъ: Господи! Господи!

Вошелъ слуга и доложилъ, что его желаетъ видѣть Василій Гранжо.

— Впусти!—и Василій Гранжо вошелъ. Онъ поклонился и почтительно сѣлъ на указанный ему стулъ.

— Что вы? Не случилось-ли чего нибудь спросилъ испуганно хозяинъ.

— Нѣтъ, я пришелъ поговорить съ вами объ одномъ очень серьезномъ дѣлѣ и для васъ и для меня. Будьте столь добры выслушать меня до конца, не перебивая. Вы знаете, что я поступилъ на вашу фабрику ребенкомъ, оборваннымъ нищимъ, уличнымъ мальчишкой. Я дошелъ самъ, одинъ, до того мѣста, на которомъ стою, и это пустякъ, главное въ томъ, что я,

собственно я, работая одинъ, я болѣе чѣмъ утроилъ вашъ доходъ; и этого мало: сама фабрика, которая, до моего поступленія въ главные мастера, стоила всего восемь милліоновъ, теперь она стоитъ полтораста милліоновъ. Вы получили много почетныхъ отличій. Я спрошу теперь васъ, съ вашего позволенія, кто все это сдѣлалъ?

— Положимъ,—вы, при помощи моихъ денегъ,— но что же изъ этого?

— То есть, при помощи тѣхъ денегъ, которыя я вамъ доставлялъ моимъ трудомъ. А изъ этого слѣдуетъ, что я желалъ бы вести фабрику самъ, одинъ, распоряжаться въ ней такъ, какъ мнѣ будетъ угодно, съ полной свободой и безъ всякаго отчета кому бы то ни было; я желалъ бы вести ее на тѣхъ основаніяхъ, на которыя вы никогда, ни за что не согласитесь,—а для всего этого, вы вѣроятно понимаете, мнѣ необходимо быть самому хозяиномъ, быть владѣльцемъ фабрики, и я... полагаю что вы мнѣ ее отдадите безъ денегъ, такъ какъ у меня не на что купить ее у васъ: я жилъ всегда собственнымъ трудомъ и капиталовъ не скопилъ себѣ...

— Да вы пьяны, или, можетъ быть, больны? вскричалъ хозяинъ.

— Ни то, ни другое, отвѣчалъ Гранжо, и вынулъ изъ кармана сюртука черный портфель, а изъ него сложенную вчетверо бумагу;—прочтите вотъ это, сказалъ онъ, подавая ее хозяину.

Хозяинъ и половины не дочиталъ, руки его затряслись.

— На меня донесли! вскричалъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Нѣтъ, еще не донесли,—а могутъ донести каждый часъ.

— Кто же будетъ доносчикомъ, кто будетъ этотъ...

— Не горячитесь, прервалъ его рѣзко Гранжо:—припомните какъ вы оправдывали, два мѣсяца тому назадъ, вашъ поступокъ въ моихъ глазахъ. Вы оправдывали мошенничество изъ за лишнихъ трехсотъ тысячъ, которыя могутъ вамъ достаться,—я оправдываю теперь доносъ изъ за полутораста милліоновъ. Что гаже—я предоставляю судить вамъ, а я самъ беру право суда надъ вами лично, надъ вашими отношеніями къ фабричному труду и дѣлу — и говорю прямо: ни у одного изъ вашихъ работниковъ, самаго честнаго, не дрогнетъ ни языкъ ни рука подать на васъ доносъ, какъ мошенника и казнокрада!

— Вы меня обманули, прошепталъ хозяинъ,—вы меня жестоко обманули!...

— Вы сами себя обманули, прервалъ его строго Гранжо. Вы всю жизнь обманывали свою совѣсть всякими софизмами, вы жили на счетъ другихъ и обманывали себя, думая, что живете на ваши деньги; вы обманывали работниковъ, вы хотѣли обмануть и правительство: поднявшіе мечъ—мечемъ и погибнутъ.

— Но вы, ты, вскричалъ вдругъ неистово хозяинъ и глаза его заблестѣли;—ты тоже пойдешь со

мной на каторгу... Ага! ты этого не разсчиталъ!... Я донесу, я самъ донесу и на себя и на тебя, какъ на моего сообщника и помощника. Мало того, я донесу что ты, ты одинъ все устроилъ безъ моего вѣдома...

— Напрасно вы такъ горячитесь, сказалъ спокойно Гранжо, Я не былъ ни вашимъ помощникомъ, ни вашимъ сообщникомъ: я просто исполнялъ ваши приказанія,—это подтвердятъ всѣ на фабрикѣ, отъ мала до велика. Вы одинъ — отвѣтчикъ предъ правительствомъ, и вы одни будете наказаны, а я преспокойно останусь здѣсь... Да вы поймите, пожалуйста, что вамъ выхода нѣтъ, что я бью на вѣрняка и вамъ остается только благоразумно выбрать между двумя одинаково справедливыми для васъ наказаніями одно:— или идите на каторгу, или лишайтесь фабрики и подпишите этотъ документъ.

И онъ съ тѣмъ же самообладаніемъ опять вынулъ изъ портфеля другую сложенную вчетверо бумагу и положилъ ее передъ хозяиномъ. Это былъ актъ на передачу фабрики въ вѣчное, потомственное владѣніе Гранжо.

— А если я не подпишу? спросилъ хозяинъ, весь дрожа.

— Я донесу на васъ. — И Гранжо смотрѣлъ на него такъ же строго, какъ смотрѣлъ когда-то на прежняго управляющаго, говоря ему: не воруй—и у тебя не будутъ воровать.

Нѣсколько минутъ хозяинъ молчалъ, съ надувшимися жилами на лбу, весь красный, съ открытымъ

ртомъ. Онъ походилъ на бульдога, посаженнаго на цѣпь и надъ которымъ занесли палку. Онъ хотѣлъ кусаться—и не могъ, онъ только скалилъ зубы.

Потомъ онъ вдругъ перемѣнилъ физіономію.

— Но вѣдь это неблагородно, вѣдь это черная несправедливость! вскричалъ онъ и ударилъ кулакомъ по столу. Вы лишаете меня моего родоваго капитала. Вы пускаете меня по міру. Ну, возьмите часть, половину, зачѣмъ же всё?..

— Стыдитесь! сказалъ Гранжо. Вы, кажется, хотите обмануть и меня. Вы, можетъ быть, думаете, что я не знаю, что у васъ кромѣ фабрики и фабричной кассы — пять сотъ тысячь чистаго капитала, не считая дома и земли подъ садомъ, которыхъ я не беру у васъ.

— Но я не могу, я не могу же! вскричалъ онъ въ отчаяніи, хватая себя за волосы. Это неслыханно, баснословно—лишиться всего, всего дохода! Это разбой, грабежъ! Да наконецъ—дайте же мнѣ подумать, я долженъ же посовѣтоваться съ дочерью,—вѣдь это ея фабрика, она единственная наслѣдница.

Гранжо пожалъ плечами и нахмурился.

— Полноте, пожалуйста, ребячиться, сказалъ онъ. Никогда, ни въ чемъ вы не совѣтовались съ дочерью,— и только иногда,—къ сожалѣнію очень рѣдко—поступали по ея совѣтамъ, по ея инициіативѣ. Рѣшайтесь, сказалъ онъ, рѣшайтесь на единственное, можетъ быть, во всей вашей жизни доброе дѣло, хотя оно и вынуждено.

Хозяинъ ничего не отвѣчалъ; онъ читалъ документъ, губы у него дрожали, углы рта подергивались. Онъ медленно наконецъ дочиталъ его,—нѣсколько разъ руки у него опускались. Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, какъ-то судорожно потеръ холодный лобъ рукою, онъ соображалъ — нельзя ли вывернуться, и ничего не могъ сообразить. Быстро схватилъ онъ перо и подписалъ.

— На-те! вскричалъ онъ, бросивъ документъ Гранжо. Васъ Богъ накажетъ! Онъ справедливъ!.. и онъ зарыдалъ.

Гранжо медленно взялъ и сложилъ бумаги. Онъ постоялъ съ полминуты, прямо смотря на хозяина.

— Что же вамъ? — вскричалъ онъ. — Вамъ мало моего униженія, разоренія?.. Убирайтесь вонъ!..

— Я хотѣлъ, сказалъ Гранжо, теперь указать вамъ, что у меня былъ еще другой, можетъ быть, безобидный для васъ способъ получить тоже самое, но я выбралъ тотъ, который мнѣ болѣе нравится. Я теперь имѣю честь покорнѣйше просить у васъ руки вашей дочери, Алисы де-Мескинъ. И онъ почтительно поклонился.

Хозяинъ вскочилъ, какъ ужаленный. Глаза его сверкали, онъ пересталъ дрожать. Онъ гордо поднялъ голову и смѣрилъ презрительно Гранжо съ головы до ногъ...

— Да вы кто,—ты кто? вскричалъ онъ съ хохотомъ. Нищій, безродный бродяга, плутъ...

— Я? отвѣчалъ спокойно Гранжо, —я графъ Василій де-Гранжо.

И прежде чѣмъ хозяинъ могъ подумать, не сошелъ ли онъ съ ума, Гранжо вынулъ изъ того же чернаго портфёля большой листъ пергамента съ огромной государственной печатью. На этомъ листѣ Герольдія удостовѣряла, что Василій Гранжо есть потомокъ и единственный наслѣдникъ стариннаго рода графовъ де-Гранжо.

Хозяинъ зашатался. Онъ протиралъ глаза.

— Не надуваетъ ли онъ опять? промелькнуло въ его усталой головѣ. А графъ Василій де-Гранжо стоялъ передъ нимъ прямо, спокойно и смотрѣлъ на него, не мигая. Онъ медленно сложилъ пергаментъ, спряталъ его въ портфёль и опять почтительно поклонился бывшему хозяину.

— Я уйду теперь, сказалъ онъ; вамъ надо подумать и отдохнуть. Я желалъ бы, чтобы вы были совершенно спокойны на счетъ завтрашней сдачи заказа. Онъ готовъ, и, будьте увѣрены, въ немъ нѣтъ никакой фальши. Все полотно изъ чистаго льна, а одѣяла и попоны изъ чистой шерсти. Моимъ обманомъ я спасъ васъ отъ мошенничества. Если вы можете успокоиться на той мысли, что ваша фабрика перешла теперь въ честныя руки и что каждая копейка, добытая на ней, принесетъ пользу очень многимъ, — то успокойтесь на этомъ.

Старикъ ничего не отвѣчалъ. Онъ смотрѣлъ испуганными, потерянными глазами на Гранжо, хотѣлъ

что-то сказать и не могъ. Тихо, съ полнымъ изнеможеніемъ онъ опустился на кресло и махнулъ рукой.

Гранжо вышелъ въ залу. Тамъ, подлѣ камина, сидѣлъ молодой человѣкъ, весь въ черномъ.

— Докторъ, сказалъ ему Гранжо, подождите еще немного, прошу васъ. Ваша помощь вѣроятно будетъ необходима.

И онъ пожалъ ему руку и вышелъ вонъ. Онъ былъ молодъ, силенъ, бодръ. Его свѣжая голова работала, въ ней было много широкихъ плановъ и надеждъ. Онъ былъ теперь на самомъ верху колеса жизни,—и стоялъ на немъ твердо.

На другой день Гранжо сдалъ весь заказъ и получалъ деньги, которыя онъ всѣ отослалъ хозяину. Вмѣстѣ съ ними онъ отослалъ и тотъ актъ на передачу фабрики въ его владѣніе, который вчера такъ смѣло отнялъ у хозяина.

Всѣ пріемщики, принимая заказъ, подивились: такихъ прочныхъ, теплыхъ одѣялъ и попонъ, сказали они, мы никогда не принимали. И полотно на простыняхъ тоже было отличное.

Хозяинъ ничего этого не зналъ: онъ лежалъ больной въ постели; подлѣ него сидѣла Алиса.

— Ты не знала, спросилъ онъ слабымъ голосомъ, что онъ — графъ?

— Нѣтъ, не знала, сказала она.—И дѣйствительно не знала. Да не зналъ объ этомъ и самъ Гранжо назадъ тому еще мѣсяца четыре.

Разъ, вечеромъ, онъ разбиралъ старый хламъ и нашелъ въ немъ мѣшечекъ съ пергаментомъ, который носилъ на груди его дѣдъ, старый тряпичникъ—Гужъ. Онъ вынулъ пергаментъ изъ мѣшечка и началъ его разсматривать. Пергаментъ былъ исписанъ старинными, пожелтѣвшими буквами, многое стерлось, такъ что Гранжо не могъ разобрать, многаго онъ не понялъ. Но онъ понялъ, что это — какой-то старинный актъ, что въ немъ говорится о земляхъ, которыя были жалованы однимъ изъ королей, еще триста лѣтъ тому назадъ, сьеру графу Гейнриху—Людовику-де-Гранжо.

Гранжо задумался.

— А можетъ быть?... подумалъ онъ.—Все таки этотъ титулъ — теперь сила и былъ бы мнѣ кстати. И онъ отнесъ пергаментъ къ одному ученому юристу и при его помощи началъ хлопотать, отыскивать графское достоинство. Случай и здѣсь помогъ ему. Въ старыхъ книгахъ Герольдіи нашли записанными фамиліи и генеалогію графовъ де-Гранжо. Но генеалогія обрывалась слишкомъ за сто лѣтъ. Начали искать тамъ, гдѣ жилъ старый тряпичникъ Гужъ, — и въ одной метрической книгѣ, противъ того мѣста, гдѣ былъ записанъ Василій Гранжо, родившійся отъ башмачника Жака Гранжо,—противъ этого мѣста, на поляхъ, стояла отмѣтка карандашемъ, рукою стараго священника:

«Оный башмачникъ, упокой Господь его душу, открылся мнѣ графомъ де-Гранжо, и сообщилъ мнѣ нѣкую тайну.

Священникъ церкви св. мученика Марцелла. Sic transit gloria mundi!»

Объ этой замѣткѣ много спорили юристы и наконецъ всѣ рѣшили, что она должна имѣть достовѣрность и силу акта, потому хотя и написана карандашемъ на поляхъ метрической книги, но написана духовнымъ лицомъ, священникомъ, который, хотя и нарушилъ тайну исповѣди, но, очевидно, нарушилъ ее не считая себя въ правѣ хранить ее и тѣмъ лишить потомковъ Гранжо графскаго достоинства. Вслѣдствіе того, обнаружившаяся тайна теперь уже должна имѣть законную силу письменнаго документа.

Вотъ почему Василій Гранжо—сдѣлался графомъ де-Гранжо.

Чрезъ недѣлю послѣ сдачи заказа, его прежній хозяинъ, г. де-Мескинъ, прислалъ ему письмо съ просьбой посѣтить его.

Графъ де-Гранжо явился.

Старикъ сидѣлъ въ большомъ креслѣ; онъ былъ еще очень слабъ. Ему ставили горчичники, піявки, его исповѣдывали и пріобщали. Онъ весь былъ обложенъ подушками, окутанъ одѣяломъ;—былъ блѣденъ, желтъ, худъ, волосы его сильно посѣдѣли: его нельзя было узнать. Позади его кресла стояла, опершись на спинку, блѣдная Алиса.

Графъ вошелъ и почтительно поклонился. Старикъ протянулъ ему руку.

— Садитесь, графъ, сказалъ онъ, указывая на стулъ, и Гранжо сѣлъ,—я лишился многаго, но прі-

обрѣлъ за то гораздо больше: спокойную, чистую совѣсть и другой взглядъ на жизнь, котораго не зналъ до сихъ поръ. Я теперь — снова человѣкъ: этимъ я вамъ обязанъ. Я старъ, — съ меня будетъ довольно, слишкомъ довольно того, что оставили... того, что осталось мнѣ, хотѣлъ я сказать, – даже много. Я не виню васъ, ни въ чемъ не виню; зачѣмъ только вы прислали мнѣ обратно этотъ актъ и эти сто тысячъ? И онъ взялъ дрожащей рукой пакетъ съ деньгами и документомъ, который прислалъ ему Гранжо.— Этотъ документъ я отдаю вамъ добровольно, слышите, добровольно, и эти деньги не мои.

— Ваши, г. де-Мескинъ, сказалъ Гранжо, взявъ документъ и передавая ему деньги.—Какже не ваши? Вѣдь заказъ былъ сдѣланъ въ то время, когда фабрика принадлежала вамъ,—вы и должны получить его цѣнность.

Мескинъ ничего не отвѣтилъ. Онъ сидѣлъ съ полминуты, опустивъ голову и держа деньги въ рукахъ. Гранжо и Алиса молчали.

— Ну, сказалъ онъ наконецъ тихо и слабымъ голосомъ,—стало быть, эти деньги спорныя. Али, возьми ихъ себѣ, ты здѣсь третье лицо, третейскій судья, и если графъ де-Гранжо не измѣнилъ своего намѣренія быть твоимъ супругомъ, то пусть эти деньги пойдутъ на твои свадебные расходы: сдѣлай съ ними что хочешь.

Гранжо быстро всталъ—и остановился.—Онъ хотѣлъ сказать: благодарю васъ за ваше согласіе, и тот-

часъ-же подумалъ: за что же я буду благодарить его? Вѣдь онъ соглашается, вѣроятно, потому что этотъ бракъ ему нравится.—Онъ хотѣлъ поблагодарить за довѣріе, но подумалъ опять: за что-же? Вѣдь еслибы онъ мнѣ не довѣрялъ счастье его Али—то не согласился бы и отдать ее за меня.

Но, прежде чѣмъ все это промелькнуло у него въ головѣ, Али была на колѣнахъ передъ старикомъ; она цѣловала его руки и плакала, не разсуждая зачѣмъ, почему. Она была взволнована, довольна, счастлива; ей хотѣлось кого нибудь за что нибудь благодарить,—и она благодарила отца.

— Ну, теперь, сказалъ съ трудомъ старикъ, отнимая руки у Али,—оставьте меня, уйдите оба. Вамъ, можетъ быть, нужно поговорить о чемъ нибудь, а мнѣ надо отдохнуть.

И они оставили его одного.

— Боже, шепталъ онъ, закрывъ глаза—благослови ихъ и подкрѣпи меня!...

— Василій, сказала она, когда они остались одни. Зачѣмъ вы... зачѣмъ ты это сдѣлалъ?

— Что?

— Зачѣмъ ты обманулъ его? Зачѣмъ ты отнялъ у него фабрику обманомъ?... и потомъ возвратилъ опять... что это такое?

— Неужели ты до сихъ поръ не догадалась, сказалъ Гранжо. Развѣ ты не видишь перемѣны въ немъ? Развѣ это тотъ гордый, самолюбивый, безчеловѣчный богачь, какимъ онъ былъ до катастрофы? Правда, онъ

и теперь, остальную всю свою жизнь, не принесетъ никому пользы — я въ этомъ почти увѣренъ, но, по крайней мѣрѣ, съ нимъ можно будетъ встрѣчаться и говорить, какъ съ человѣкомъ.

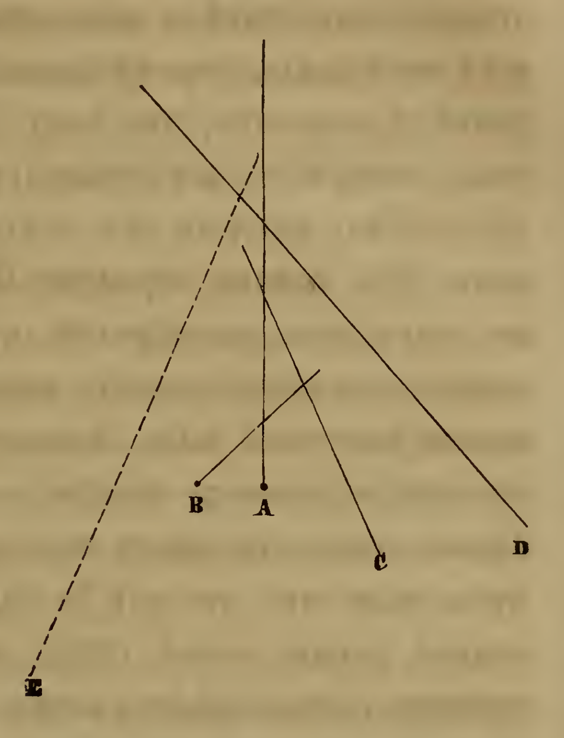
— Но вѣдь ты могъ убить его, сказала съ ужасомъ Али.

— Да, это могло случиться, отвѣчалъ Гранжо. И вотъ почему я долго не рѣшался, обдумывая, достанетъ-ли у него силъ перенести это. Да! это сложная исторія. Я рисковалъ. Но, еслибы даже и случилось то, чего я вовсе не желалъ, чего боялся,—я все таки расчитывалъ, что моя Али, добрая и умная, проститъ меня. Проститъ меня, потому что я не желалъ зла: я искалъ только выхода. Онъ обнялъ ее за талію и хотѣлъ поцѣловать—но она отшатнулась отъ него.

— Постой, сказала она. Мнѣ кажется, едва-ли ты былъ правъ. Въ этомъ свѣтѣ такъ много случайнаго, что едва-ли мы можемъ расчитывать въ такихъ сложныхъ и... тонкихъ, если можно такъ выразиться, дѣлахъ.

— Это правда, согласился Василій, но только отчасти. Я много объ этомъ думалъ, но, мнѣ кажется, всѣ случайности могутъ подчиняться разсчету разсудка и силѣ индивидуальности. Посмотри сюда, сказалъ онъ, садясь на кресло и придвигая къ себѣ кусокъ бумаги, что лежалъ передъ нимъ на письменномъ столѣ. Онъ взялъ карандашъ и началъ чертить.

— Вотъ, посмотри здѣсь, (онъ поставилъ точку А) началась моя жизнь гдѣ-то въ потьмахъ, чутъ не подъ землей, въ помойной ямѣ. Случайно попалъ я на фабрику твоего отца, но, если-бы я молча ушелъ, когда меня гнали съ нея при первой же встрѣчѣ, я, можетъ быть, пропалъ бы. У меня нашлось на столько соображенья и умѣнья, чтобы не смолчать — и я остался. А вотъ (и онъ поставилъ другую точку, В) начало жизни другаго, такого же бѣднаго, несчастнаго мальчика, какимъ былъ я. Онъ сталъ поперекъ моей дороги, (и Гранжо провелъ отъ точекъ А и В линіи, такъ что онѣ пересѣклись) моя жизнь столкнулась съ его, и, можетъ быть, уничтожила ее, потому что она была крѣпче. У меня были голова и руки. Столкновеніе это было случайно, но и при этомъ случаѣ я не остался бы на фабрикѣ, если-бы у меня не было сильныхъ рукъ и головы. И вотъ эта голова повела меня дальше. Меня перевели въ ткацкую. Тамъ случай поставилъ мнѣ на дорогѣ главнаго мастера (и Гранжо поставилъ опять точку С и провелъ отъ нея линію, такъ-что она пересѣкла линію А) и моя линія пере-

сѣкла его линію, пересѣкла потому что моя голова была сильнѣе его головы. Вотъ еще линія Д. Это жизнь твоего отца. Развѣ я виноватъ, что она встала на дорогѣ моей линіи, что онѣ должны были встрѣтиться,—развѣ я виноватъ, что вижу дальше и глубже, чѣмъ твой отецъ и что я съумѣю лучше распорядиться тѣми средствами, которыя онъ считалъ своими. А вотъ еще линія, Е,—темная, странная линія моихъ предковъ. Я не зналъ ихъ, да вѣроятно и никто ихъ теперь не знаетъ,—и вдругъ, въ то время когда мнѣ было необходимо подняться выше, попадается старый документъ, клочекъ пергамента—и черезъ триста лѣтъ графы де-Гранжо снова выходятъ изъ земли. Какимъ образомъ произошли они—что мнѣ за дѣло? Можетъ быть, миловидная рожица какой нибудь моей прапрабабушки доставила титулъ графа какому нибудь прапрадѣдушкѣ. Я подобралъ теперь этотъ титулъ, забытый, заброшенный въ пыли, и безъ сожалѣнія снова брошу его, какъ только онъ мнѣ станетъ не нуженъ. Ты видишь, что въ жизни—постоянная борьба, что надо постоянно быть на сторожѣ. Теперь у меня фабрика въ полтораста милліоновъ, у меня титулъ графа, а главное, теперь какъ и всегда,—хорошая голова и здоровыя руки. Я крѣпокъ и силенъ, и всѣ мои силы, всѣ мои средства теперь будутъ употреблены на то, чтобы жизнь не была битвой, чтобы слабый не падалъ въ ней, чтобы никакія линіи не пересѣкали одна другую и чтобы развитіе общества шло легко и свободно. Успѣю-ли въ этомъ, или нѣтъ, и много-ли сдѣлаю—не знаю, но те-

перь я вѣрю въ мои силы, и болѣе всего потому что я не одинъ, что теперь подлѣ меня другъ, умный и любящій, который раздѣлитъ мои стремленія, отгонитъ сомнѣнія прочь, раздѣлитъ мои труды, а главное, согрѣетъ ихъ любовью, теплымъ сочувствіемъ, глубокимъ участіемъ, къ которому можетъ быть способна только женщина.

И онъ смотрѣлъ ей прямо въ глаза и держалъ ея руку въ своихъ рукахъ. Въ его открытыхъ глазахъ блестѣла вѣра въ хорошее будущее и сильная любовь къ ней. Она не могла сдержать себя. Она нагнулась къ нему, взяла его за голову обѣими руками и крѣпко поцѣловала его умный лобъ, его блестящіе, добрые глаза.

Опять пошли перемѣны на фабрикѣ, перемѣны крупныя, радикальныя, и снаружи и внутри. Фабрика сдѣлалась маленькимъ городомъ въ большомъ городѣ; въ ней были школы, госпитали, большая библіотека и маленькій театръ. Прежній хозяинъ, г. де-Мескинъ, продалъ почти за безцѣнокъ свою землю фабрикѣ и прежній садъ его сдѣлался публичнымъ садомъ, то-есть садомъ всѣхъ живущихъ на фабрикѣ. А самъ де-Мескинъ поселился совсѣмъ въ другой, уединенной части города, поселился въ маленькомъ домикѣ съ крохотнымъ садикомъ. Онъ жилъ затворникомъ и молился; къ нему только ходили и ѣздили разныя католическія духовныя особы, всѣ въ черномъ, и брали у него деньги на церкви, богоугодныя заведенія, а

больше для себя. Онъ рѣдко бывалъ на фабрикѣ. Еще рѣже былъ у него Гранжо съ Алисой, его женой.

— Все это, говорилъ Мескинъ, всѣ ваши начинанія и хлопоты—дѣло дьявольской гордости и обольщенія. Гранжо не спорилъ съ нимъ и примирялся съ мыслью, что онъ могъ быть и хуже.

На фабрикѣ Гранжо оставилъ однѣ только бумажныя производства, остальныя всѣ уничтожилъ, за исключеніемъ ремеслъ, и то въ малыхъ размѣрахъ. Вслѣдствіе этого, фабрика выиграла: она достигла такихъ громадныхъ размѣровъ, что убила почти всѣ другія фабрики, уничтожила всякую конкурренцію. Къ чему эта конкурренція, думалъ Гранжо, — это все изъ прошлаго, изъ битвы жизни. Пусть колесо ея вертится свободно, безъ борьбы, не раздавливая безсильныхъ и не возвышая глупыхъ. Каждый долженъ стараться все дѣлать какъ можно лучше, дѣлать такъ, чтобы его дѣло, его работа ему нравилась — и тогда все будетъ выходить очень хорошо! Но чѣмъ сильнѣе старался онъ провести эту простую и, какъ ему казалось, глубокую мысль, тѣмъ труднѣе становилось ея примѣненіе. Вмѣстѣ съ конкурренціей падало и то, что вызывало дѣятельность: самые талантливые работники становились лѣнивыми.

Разъ онъ зашелъ къ одному изъ нихъ, въ чистую, красивую и теплую квартирку. Въ ней было довольство, комфортъ, хорошенькое фортепьяно, красивая мебель, на стѣнахъ изящныя гравюры, но что всего лучше, тамъ была хорошенькая, добрая женщина, хо-

зяйка дома и у ней двое дѣтей, съ которыми она постоянно занималась.

— Послушайте, г. Леро, сказалъ Гранжо хозяину квартирки, — я пришелъ къ вамъ съ предложеніемъ: не возьмете-ли вы на себя трудъ быть помощникомъ главнаго мастера? Ему одному тяжело ладить съ дѣломъ. Если вы согласны, то я завтра-же предложу этотъ вопросъ на общемъ собраніи. Вы вѣроятно получите это мѣсто.

— Нѣтъ, я не согласенъ, сказалъ Леро, набивая хорошимъ табакомъ бѣлую пѣнковую трубочку.

— Да вы что-же не садитесь? спросилъ онъ, и подвинулъ къ Гранжо мягкое, покойное кресло.

— Почему же не согласны? спросилъ Гранжо, опускаясь на кресло.—Вѣдь вы будете получать больше денегъ, вы будете получать почти столько-же, какъ главный мастеръ. Притомъ, кромѣ васъ, некого и выбрать на это мѣсто. Идя къ вамъ, я навѣрно разсчитывалъ на ваше согласіе, то-есть, на ваше желаніе помочь общему дѣлу.

— Напрасно, сказалъ Леро, закуривая свою трубочку и разваливаясь на мягкомъ диванѣ,—я своимъ положеніемъ доволенъ, мнѣ больше ничего не надо. А общее дѣло—не мое дѣло.

— Какъ, удивился Гранжо, неужели вы не желаете лучшей обстановки?

— Не желаю.

— Не желаете хорошаго, отличнаго фортепьяно,

картинъ хорошихъ художниковъ, настоящихъ гаванскихъ сигаръ, и проч. проч.?

— Желалъ-бы, но вовсе не такъ страстно, чтобы не могъ жить безъ этого. Все это, чѣмъ вы меня соблазняете, будутъ навѣрно имѣть дѣти мои, по дешевымъ цѣнамъ; тогда это будетъ не въ диковинку. А теперь я желаю жить такъ, какъ живетъ всякій простой работникъ на нашей фабрикѣ, ни лучше, ни хуже. И онъ съ удовольствіемъ потянулъ и выпустилъ дымъ изъ своей хорошенькой трубочки.

— Если вы не желаете этого для себя, то сдѣлайте для другихъ, для общей фабричной кассы. Вѣдь у насъ дѣло пойдетъ гораздо успѣшнѣе, если главный мастеръ будетъ имѣть помощника.

— Такъ почему же это именно я долженъ быть этимъ помощникомъ?

— Потому что вы способнѣе занять эту должность, чѣмъ другіе.

— Благодарю покорно! Этакъ мнѣ придется прикидываться дуракомъ, чтобы не быть козлищемъ отпущенія и не качать воду на другихъ!

Гранжо замолчалъ. Онъ вспомнилъ, какъ онъ тихо управлялся съ своимъ урокомъ, когда былъ мальчикомъ, за тѣмъ только, чтобы ему не навязали другой урокъ.

Онъ простился съ Леро и задумчиво ушелъ къ себѣ.

Такія неудачи и сюрпризы онъ встрѣчалъ постоянно. Разъ онъ былъ глубоко пораженъ и огорченъ: на собраніи всѣ почти единогласно порѣшили, чтобы

на фабрикѣ выдѣлывать матеріи только средняго, дешеваго разбора, что это будетъ выгоднѣе. Гранжо употреблялъ всѣ доводы, доказывая, что фабрика должна улучшаться, что небольшой запросъ на хорошіе и высшіе сорта матерій зависитъ отъ дороговизны ихъ, что надо удешевить самое производство и для этого затратить капиталъ, что безъ этого фабрика вѣчно останется на матеріяхъ средняго достоинства и не пойдетъ впередъ. Все было напрасно: поддерживали Гранжо очень немногіе и поддерживали только потому, какъ они признавались потомъ, чтобы, введя хорошія дешевыя матеріи въ употребленіе и сбивъ конкурренцію,—повысить затѣмъ цѣны на нихъ.

Однимъ словомъ, все стремилось къ застою, къ дешевому комфорту, къ посредственности. Гранжо становился сумрачнымъ. Онъ работалъ такъ, какъ никогда не работалъ, никогда во всю свою жизнь и чувствовалъ, какъ каждый шагъ его на новомъ пути выдвигалъ неожиданно новыя путы.

— Неужели-же, думалъ онъ, мечта останется мечтой и прогрессъ невозможенъ безъ борьбы и жертвъ? Неужели-же даромъ потрачено столько упорнаго, тяжелаго труда?

А съ другой стороны давило его и семейное горе: было у него нѣсколько дѣтей, но почти всѣ они умерли и изъ всѣхъ нихъ остался одинъ старшій сынъ, худой, больной и глупый. Онъ уродился въ дѣда, въ стараго Гужа. Такой же низкій, покатый лобъ, большой носъ крючкомъ и длинный, выдавшійся подбородокъ.

— Этого я не разсчиталъ, думалъ Гранжо,—этого не предвидѣлъ: не передумаешь, не предугадаешь всего, что вертится въ колесѣ жизни.

Они вмѣстѣ съ Алисой всѣми силами старались научить, развить ихъ маленькаго Жерома — но Жеромъ не развивался. Въ немъ было что-то обезьянье,— тупое, жесткое. Ни чувства, ни ума.

Отъ всѣхъ неудачъ,—Гранжо отдыхалъ на одной привязанности: она одна не измѣнила ему,—на привязанности его единственнаго друга, сильно любимой и любящей жены. Она работала также много, какъ и онъ. Точно также, какъ и прежде, когда она хлопотала надъ школами на фабрикѣ отца, она трудилась и теперь и случалось иногда, странное дѣло, она увлекала своей дѣятельностью и Гранжо. Когда онъ отчаявался въ исходѣ и готовъ былъ бросить работу, она еще искала какихъ нибудь нетронутыхъ сторонъ, гдѣ еще были сомнѣнія, тѣнь надежды — и находила ихъ, и Гранжо снова принимался за трудъ.

Но и здѣсь, въ этой привязанности—онъ не разсчиталъ. Повидимому крѣпкое здоровье Али — вдругъ начало хилѣть. Легкая простуда, тоже непредвидѣнная, не разсчитанная, подвернулась не кстати: у Али явился быстро легочный катарръ и еще быстрѣе перешелъ въ легочную чахотку.

— Другъ мой, говорила она слабымъ голосомъ, лежа въ большихъ креслахъ;—жизнь—борьба. Мы боролись съ тобой противъ монополіи, насилія—и мало ли противъ чего. Можетъ быть, теперь тебѣ придется

бороться долго противъ того, что люди не захотятъ идти дальше и остановятся на томъ немногомъ, что ты далъ имъ... Борись и не падай въ безсиліи!

Она крѣпко, обѣими худыми ручками пожала ему руку и чрезъ нѣсколько минутъ ее не стало.

И цѣлыхъ двадцат лѣтъ Василій Гранжо прожилъ одинъ, совершенно одинъ, безъ друга, безъ участія, безъ поддержки, и никогда не падалъ онъ въ безсиліи. И чѣмъ болѣе было препятствій, тѣмъ упорнѣе преслѣдовалъ онъ все одну и ту же мысль: какъ бы устроить такъ, чтобы колесо жизни вертѣлось свободно, не возвышая ни умныхъ, ни глупыхъ и не раздавливая безсильныхъ.

На фабрикѣ, то есть въ фабричномъ городкѣ, завелись гадости, завелось ростовщичество. Нѣкоторые изъ рабочихъ начали копить деньги и отдавать ихъ за большіе проценты молодымъ рабочимъ — гулякамъ и лѣнтяямъ: Гранжо созвалъ собраніе.

Никогда онъ не говорилъ съ такой силой, такъ логично, съ такой неотразимой убѣдительностью.

— Зачѣмъ собрались мы здѣсь, говорилъ онъ, зачѣмъ взялись за трудъ, свободный и честный трудъ? Не за тѣмъ ли, чтобы снова придти къ тому, къ чему пришло оно, каждое испорченное городское общество? Мы сознали, что только въ трудѣ — сила и благо, и сами идемъ противъ этого убѣжденія. Между нами завелась лѣнь, мотовство, пьянство, ростовщичество.

Завелось все, что губитъ, грызетъ, какъ червь, разлагаетъ, какъ плѣсень, каждое, самое сильное, крѣпкое общество. Мы опять попали въ прежнюю колею, вышли на старую дорогу. Въ средѣ насъ—опять двѣ половины, два лагеря; опять завелись съ одной стороны—хищные эксплуататоры, міроѣды, а съ другой стороны, жертвы ихъ — и снова входитъ къ намъ, какъ страшная моровая язва, — борьба жизни.

Когда кончилъ Гранжо, всталъ одинъ изъ работниковъ, г. Виленъ.

— Всему злу причиной, сказалъ онъ, сынъ г. Гранжо,—Жеромъ Гранжо. Онъ первый завелъ безпутства и кутежи на сторонѣ. Онъ—коноводъ всѣхъ этихъ сорви-головъ. Отправятся съ вечера въ городъ цѣлой ватагой, точно на разбой, и пьянствуютъ и кутятъ, такъ что никакой рабочій домъ ихъ не остановитъ. Разумѣется, что дѣло имъ на умъ не идетъ. Они затѣмъ только и трудятся, чтобы добыть денегъ на кутежъ. Но на это надо много денегъ, и вотъ завелось попрошайничество: дай въ займы! А ужъ отсюда само собой вышло ростовщичество.

— Вонъ ихъ всѣхъ! закричали многіе изъ членовъ собранія. Надо отсѣчь ихъ, какъ зараженныхъ членовъ; они развращаютъ наше учрежденіе. Сейчасъже надо приступить къ голосованію объ ихъ изгнаніи изъ общества.

Гранжо началъ доказывать, что гораздо важнѣе здѣсь вопросъ о развитіи хищничества, ростовщичества, поползновеніе на свой собственный капиталъ,

что это преступленіе противъ основнаго правила общества и что члены, старые члены сами виноваты если они потеряли нравственное вліяніе на молодежь, что, исключая всѣхъ провинившихся поголовно, можно погубить нѣсколько талантливыхъ, честныхъ работниковъ, и погубить за пустякъ.

— Это онъ своего сынка защищаетъ, шепнулъ Виленъ сосѣду и потомъ всталъ и сказалъ:

— Мы будемъ обсуждать, г. Гранжо, вопросъ о капиталѣ,—послѣ, онъ очень серьезенъ. А теперь, не отклоняясь отъ дѣла, позвольте предложить на голосованіе вопросъ настоятельной важности: исключить—или нѣтъ? А то, пока мы будемъ собираться засѣдать, да обсуждать—зараза не будетъ ждать.

Поднялся безконечный споръ, и въ концѣ всего,—все собранье значительнымъ большинствомъ голосовъ постановило: исключить всѣхъ пьяницъ, изгнать изъ общества. И около десятка молодыхъ людей были изгнаны. Нѣкоторые изъ нихъ были дѣйствительно талантливые и фабрика вмѣстѣ съ ними много потеряла.

Гранжо крѣпко задумался. Новое колесо жизни выбросило ихъ, думалъ онъ. Тамъ въ этой глупой, безпутной жизни стараго колеса, это колесо нерѣдко выбрасываетъ и давитъ слабыхъ, глупыхъ, бездарныхъ,—выбрасываетъ не разсуждая. Здѣсь оно выбросило нѣсколько умныхъ, талантливыхъ головъ и сильныхъ рукъ, выбросило обдуманно, сознательно. И тамъ и здѣсь распорядился случай,—дурацкій и полновластный.

О своемъ сынѣ, родномъ сынѣ онъ не только не жалѣлъ—онъ не думалъ о немъ.

Еще угрюмѣе, сумрачнѣе сталъ Гранжо послѣ этого случая. Онъ не упалъ, но опустился. Мало того—онъ постарѣлъ. Такой сильный, крѣпкій человѣкъ постарѣлъ до времени. Ему не было пятидесяти лѣтъ, а волосы его были почти совсѣмъ сѣдые, брови сдвинулись въ тяжелыя, рѣзкія складки, губы судорожно сжались, на всемъ пожелтѣломъ лицѣ выступили морщины. Труды, думы, горе, неудачи сдѣлали свое дѣло. И все таки онъ еще крѣпился, онъ утѣшалъ и поддерживалъ самъ себя,—со всей силой упрямой старости.

— Все это перемѣнится, думалъ онъ; надо дѣйствовать только исподоволь, не торопясь, только пользоваться случаемъ. Многіе изъ нихъ, изъ этихъ членовъ фабрики, забыли свою прежнюю жизнь и вспомнили старыя привычки: инстинкты берутъ свое. А для другихъ эта новая жизнь, которую я для нихъ создалъ, — кажется некрасивой, потому что они не испытали, не знали другой: не отвѣдавъ горькаго, не узнаешь сладкаго! И онъ толковалъ, убѣждалъ, ловилъ случай, преслѣдовалъ все одно и тоже и упорно вѣрилъ.

А подъ него уже рыли яму. Тотъ самый г. Виленъ, который оспаривалъ его на послѣднемъ собраніи, точно также ловилъ случай, и толковалъ, и убѣждалъ и притомъ гораздо успѣшнѣе Гранжо. Это былъ человѣкъ, постоянно недовольный всѣмъ, завистливый,

самолюбивый, въ одно время заносчивый и низкопоклонный, скряга и мелочной деспотъ, въ немъ умъ — замѣняла хитрость, а дерзость и нахальство—отвагу.

— Все оттого скверно, говорилъ онъ одному члену, выбравъ для того удобный случай, — что много дали мы силы этому господину учредителю общества. Онъ—между нами точно благодѣтель какой: обо всемъ печется и все опекаетъ. Точно безъ него—мы пропали.

И самолюбивый, глупый и молчаливый членъ общества соглашался съ этимъ.

— Все оттого скверно, говорилъ Вилень другому члену,—что правила общества сильно стѣсняютъ: нѣтъ намъ простору. Иной хотѣлъ бы завести какую нибудь свою операцію на сторонѣ,—кому до этого дѣло? Нѣтъ, не смѣй! Ты нарушаешь принципъ, основу благосостоянія цѣлаго общества.

И членъ-аферистъ—по склонности, сильно одобрялъ этотъ взглядъ и приходилъ въ ярость на г. Гранжо.

— Все оттого скверно, говорилъ Вилень третьему члену,—что нѣтъ въ насъ самодѣятельности. Все парализовано господиномъ учредителемъ. Снаружи—какъ будто полная свобода, а посмотрите-ка поглубже—это полная неволя, хуже всякой кабалы. Вы сына, дочь не можете дома воспитывать, нѣтъ! отдавайте ихъ въ школу: на это-де существуютъ ученые педагоги. А если дочь, помимо вашей воли, выйдетъ за господина, вамъ не по нраву,—это можно. Это должно, того требуетъ свобода! Нѣтъ, этакую свободу я послалъ-бы къ тридцати чертямъ въ болото!

И членъ, у котораго вышла дочь за господина не по его нраву, поддакивалъ и даже удивлялся мудрости Виленя.

И если не всѣмъ, то очень многимъ онъ нашелъ, что сказать, что припомнить. Одному вспоминалъ, что въ третьемъ году зимой всѣ они, все общество мерзло, или покупало дрова по дорогой цѣнѣ, потому что г. Гранжо, съ его умомъ и распорядительностью, не изволилъ предусмотрѣть, что дрова вздорожаютъ. Другому онъ напоминалъ, что тотъ долженъ былъ внести при вступленіи въ общество, свой капиталъ, согласно правиламъ, придуманнымъ г. Гранжо.

— Конечно, говорилъ онъ, вашъ капиталъ былъ не великъ, но вы нажили его своимъ трудомъ, а теперь онъ пропалъ, пропалъ безъ слѣда и для васъ и для дѣтей вашихъ!

Третьему онъ припоминалъ, какъ Гранжо воспротивился, чтобы употребляли на фабрикѣ линючія краски, и при этомъ высчитывалъ, сколько отъ этого потеряло общество.

— Все это — какое-то идеальничанье, говорилъ онъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ—деспотизмъ, тоже идеальный. Ну, скажите, какое я имѣю право запрещать кому-бы то ни было носить линючія кисеи? Мнѣ это нравится—я и ношу,—а тутъ вдругъ не смѣй!

— Да наконецъ, говорилъ онъ почти всѣмъ, это какая-то тюрьма, какія-то цѣпи на всемъ и вездѣ. Тутъ поневолѣ будетъ застой. Вы, человѣкъ умный, трудолюбивый, способный, — вы хотите пользоваться

вашими трудами, способностями. Нѣтъ, вы этого не можете. Все, что вы добудете вашимъ умомъ,—все это въ общество, все это пойдетъ на какого-нибудь дурака, на то, чтобы лечить его въ госпиталѣ!

И такимъ подстреканіямъ и внушеніямъ не было конца. Виленъ сѣялъ ихъ направо, налѣво. Ихъ подхватывали на лету, толковали, развивали. Все это росло, множилось. Глубокая яма вырывалась, черная туча собиралась надъ сѣдой головой Гранжо, а онъ не замѣчалъ ее. Въ цѣломъ обществѣ не нашлось ни одного живого человѣка, который бы предупредилъ его, намекнулъ ему. Всѣ сторонились отъ него, точно онъ трудился только на злое дѣло для нихъ всѣхъ.

И ничего не подозрѣвая, не думая, весь переполненный только одной мыслью: какъ-бы уничтожить коренное зло, которое разъѣдаетъ общество, онъ созвалъ общее собраніе и предложилъ вопросъ о правѣ на собственный капиталъ. Онъ говорилъ долго, доказывая, что человѣкъ, стремящійся къ захвату чего бы то ни было — слѣдуетъ животнымъ инстинктамъ, что трудно оцѣнить только предметы искуства, ума, фантазіи, да и здѣсь существуютъ цѣны,—а все остальное можетъ быть оцѣнено и раздѣлено по ровну между членами общества, сообразно ихъ семейнымъ и другимъ потребностямъ.—Членъ общества, говорилъ онъ, имѣющій двѣ серебряныя ложки, тогда какъ онъ можетъ довольствоваться одной, допускаетъ уже роскошь, въ ущербъ всѣхъ другихъ членовъ общества; онъ бережетъ мертвый капиталъ, потому что на цѣну дру-

гой ложки можетъ быть куплена книга для общей библіотеки, которая всѣмъ принесетъ пользу...

— А если вмѣсто ложекъ, я заведу два ножа, прервалъ его вдругъ Виленъ изъ заднихъ рядовъ, — если я привыкъ мясо рѣзать однимъ ножомъ, а рыбу другимъ, это тоже будетъ ущербъ для общества? А сколько-же, позвольте васъ спросить, я долженъ имѣть носовыхъ платковъ и носковъ? Это ужъ вы тоже потрудитесь опредѣлить и внести въ уставъ общества, а то, пожалуй, мы и этого безъ васъ не съумѣемъ рѣшить!

Вслѣдъ за этимъ вскочилъ другой членъ, и въ азартѣ, не слушая никого, не слушая колокольчика, которымъ звонилъ Гранжо, началъ неистово кричать и махать руками.

— Это ни на что не похоже, голосилъ онъ, это изъ рукъ вонъ, это деспотизмъ, доктринерство! Я завтра-же, я сейчасъ-же выхожу изъ вашего пресловутаго общества. Вы меня ничѣмъ, ничѣмъ не удержите въ вашихъ тискахъ. Я жить хочу, я хочу имѣть свой горшокъ, десять моихъ горшковъ, моихъ собственныхъ горшковъ, — и вы меня ничѣмъ не остановите!

И поднялся шумъ и гвалтъ, — общій.

— Это абсолютизмъ! кричалъ одинъ.

— Это красивыя слова! кричалъ другой.

— Онъ насъ вздумалъ исправлять: мы не дѣти, кричалъ третій.

— Къ чорту опекуновъ и дядекъ! кричали уже многіе — мы хотимъ свободы труда и капитала!

— Составимте правила, совѣтовали другіе, составимте новый, свободный уставъ,—и всѣ они столпились около Гранжо и наперерывъ кричали, требовали, чтобы сейчасъ-же было приступлено къ пересмотру устава общества.

Гранжо стоялъ, какъ ошеломленный. Онъ не ожидалъ, не предвидѣлъ этой бури. Онъ стоялъ и ждалъ, чтобы все это море изъ нѣсколькихъ сотъ головъ успокоилось, чтобы между этими головами нашлись благоразумные, которые выступили бы ему на помощь. Но этихъ благоразумныхъ не оказывалось, или они молчали, а море волновалось и шумѣло. Даже самые тихіе начали роптать.

— Господа! вскричалъ наконецъ Гранжо изъ всей силы своихъ сильныхъ легкихъ, и покрылъ своимъ голосомъ всѣ другіе.

— Ого, какъ покрикиваетъ! — проговорилъ Виленъ;—видно, что учредитель и распорядитель.

Собраніе смолкло.

— Въ первый разъ, сказалъ внятно Гранжо, среди нашего собранія — является безпорядокъ. Въ первый разъ мы забыли правила, забыли уваженіе другъ къ другу, къ чужому мнѣнію, забыли, что тамъ, гдѣ крикъ, тамъ существуютъ страсти, а не разсудокъ.—Кто желаетъ возражать мнѣ—говорите по очереди.

— Я, я, я, я, я, раздалось со всѣхъ концовъ залы, изъ всѣхъ рядовъ креселъ. —Гранжо записалъ всѣхъ. Начались возраженья и дебаты. Гранжо опро-

вергалъ сильно, убѣдительно, но никакіе доводы не дѣйствовали.

— Господа, сказалъ Гранжо, я обращаюсь ко всѣмъ вамъ: вотъ уже болѣе половины моей жизни, болѣе тридцати лѣтъ я посвятилъ одному дѣлу,—я старался добиться, чтобы жизнь текла свободно, чтобы способности возникали не изъ борьбы и столкновеній, — но изъ прямыхъ, прирожденныхъ каждому силъ, чтобы то, что дано каждому человѣку природой, — не погибало, а развивалось и приносило плодъ.

— Видишь, какія фразы отпускаетъ, шепталъ Виленъ сосѣдямъ. Намъ-то что за дѣло, чѣмъ онъ тамъ занимался? Потѣшайся-себѣ, да насъ-то оставь въ покоѣ!

— Около пятидесяти лѣтъ тому назадъ, продолжалъ Гранжо,—я пришелъ сюда, на фабрику г. Мескина, нищимъ, оборваннымъ мальчишкой. Случай оставилъ меня на фабрикѣ. Я и всѣ другіе работники жили въ подвалахъ, многіе умирали отъ холода, сырости, дурной пищи,—всѣ и все зависѣло отъ каприза хозяина, главнаго мастера, даже простого надсмотрщика. — У всѣхъ было одно смутное желаніе, одинъ инстинктъ—самосохраненіе: какъ-бы не прогнали съ фабрики, какъ-бы не пришлось умереть съ голоду. Вы поймете и оцѣните сколько было уродливаго, искажающаго всякую, самую талантливую личность въ этой безобразной жизни, которая давила насъ всѣхъ тяжелымъ кошемаромъ.

— Видишь, какой краснобай, — замѣтилъ опять Вилень: — точно соловей поетъ!

— Прошелъ этотъ кошемаръ. Благодаря мнѣ (я не хочу этимъ ни хвалиться, ни гордиться), начался новый періодъ. Людей уже не третировали на фабрикѣ, какъ дойныхъ животныхъ: — у насъ было хорошее помѣщеніе, хорошій, здоровый столъ, были даже школы,—была даже библіотека. Снаружи—жизнь была очень хороша, но дѣло, въ сущности, не измѣнилось. Въ сущности была таже іерархія личности и тѣ, что стояли на верху, по усмотрѣнію распоряжались тѣми, которые были внизу. Связи, общей, крѣпкой связи не было между работниками. Каждый продолжалъ смотрѣть на другого, на товарища, какъ на соперника, котораго надо устранить, которому надо подставить ногу и перешагнуть черезъ него, чтобы самому идти дальше. Я долго думалъ, отчего это могло быть и пришелъ къ заключенію, что все это—дѣло собственности, желанія имѣть больше денежныхъ средствъ. Пока деньги играютъ роль защиты, пока они одни гарантируютъ свободу личности, до тѣхъ поръ нельзя устранить этой печальной конкурренціи, этой самолюбивой борьбы жизни, въ разныхъ ея проявленіяхъ. И только тогда, когда всѣ поддерживаютъ другъ друга, когда всѣ равно обезпечены въ средствахъ жизни, когда всѣ равно пользуются тѣмъ, что она даетъ въ среднемъ уровнѣ,—только тогда является и для всѣхъ равная, безобидная возможность развиваться и наслаждаться жизнью.

— Ну, нѣтъ, вскричалъ Виленъ и всталъ съ кресла во весь свой длинный ростъ... Да вы, можетъ-быть, не кончили?

— Ничего, говорите, позволилъ Гранжо.

— По моему, такъ это все—мечта, утопія, иллюзія, — и вотъ изъ этакихъ фантазій и является застой общества. Хорошо вамъ тамъ проповѣдывать о прирожденныхъ стремленіяхъ и способностяхъ. А вотъ у меня стремленіе и способность лежать на мягкомъ канапе, да трубочку сосать,—я и буду лежать и буду сосать. Отбуду свой урокъ на фабрикѣ, отбуду по заведенному порядку и старой манерѣ, да и завалюсь себѣ, ни о чемъ не думая, трубочку сосать. И ничѣмъ вы меня не поднимете и не сманите, потому что я знаю очень хорошо, что какъ я тамъ ни старайся на фабрикѣ, — въ концѣ концовъ мнѣ за это ничего не прибавятъ. Для меня лучше ничего не будетъ, какъ лежать, да трубочку сосать...

— Это только показываетъ, что у васъ односторонніи, чисто чувственныя наклонности, сказалъ Гранжо,—а еслибы...

— Ну-нѣтъ, прервалъ его опять грубо Виленъ,— не откуда мнѣ взять другихъ-то великихъ, безчувственныхъ наклонностей, да и всѣ, я полагаю, такъ думаютъ... и онъ оглянулся назадъ.—А если-бы у меня была возможность набрать капиталъ, свой капиталъ, хотя и не такой большой, какъ вы себѣ нажили, или, правильнѣе говоря, пріобрѣли, — если-бы у меня была такая возможность, говорю я, то я сталъ-

бы тоже мечтать и фантазировать,—какъ-бы устроить какую нибудь школу, въ которой бы самъ распоряжался, или тамъ какое нибудь гуманное заведеніе; вѣдь быть благодѣтелемъ человѣчества—такъ пріятно! и онъ ухмыльнулся и подмигнулъ.

Одобрительный шепотъ пробѣжалъ по собранію, въ дальнихъ рядахъ раздался подавленный, сдержанный смѣхъ.

Гранжо поблѣднѣлъ, — Виленъ попалъ въ больное мѣсто его теоріи. Онъ коснулся того распутья, гдѣ власть разсудка и фактическіе доводы кончаются и начинается область чувствъ, которыя могутъ перетянуть и направо и налѣво.

— Господа, началъ Гранжо, какимъ-то глухимъ голосомъ,—въ мірѣ нѣтъ совершенства, это каждому извѣстно и одно изъ самыхъ сложныхъ явленій въ этомъ мірѣ — это жизнь общества. Наслажденья въ ней могутъ быть только относительныя, только условныя. Я не спорю, что жизнь въ нашемъ обществѣ, до извѣстной степени, можетъ связывать личный просторъ, но если она связываетъ съ одной стороны, то съ другой стороны даетъ свободу развитія многому,— она даетъ свободу развиваться способностямъ, а главное, она устраняетъ возможность той жестокой, безсмысленной борьбы, которая кончается съ одной стороны—баснословной роскошью, развращенной прихотью,—а съ другой—голодной смертью.—Что вамъ болѣе нравится, что хуже—выбирайте сами, но помните, что, разъ допустивъ возможность пріобрѣтеній,

вы встанете на тотъ склонъ, по которому прямая дорога къ прежнему порядку. Для страсти, и въ особенности такой сильной, какъ страсть къ захвату,—нѣтъ границъ, нѣтъ узды. Она все оправдаетъ и все погубитъ!

— Позвольте, вскричалъ Виленъ, опять вставъ во весь ростъ, — это ужъ предоставьте намъ судить, — что намъ больше нравится. А намъ больше нравится свобода капитала, при ней и руки и голова развязаны.—А то съ вашей системой, если мы и не попадемъ въ прежніе порядки, какъ вы предостерегаете, то наконецъ всѣ заснемъ. Не будетъ между нами ни сильныхъ головъ, ни талантовъ, будемъ мы со скуки пьянствовать, да кутить, какъ всѣ тѣ несчастные сорви-головы, которые первые подверглись этому тлетворному вліянію и были исключены изъ общества.— Вы насъ все пугаете борьбой жизни, а мы не боимся ее. Давайте намъ ее! Да здравствуетъ она, эта борьба жизни! Вѣдь благодаря ей и вы, можетъ быть, вышли въ люди, а не закисли на дешевомъ трудѣ да братолюбивыхъ сладостяхъ. Я предлагаю, господа, поднять на голоса вопросъ о правѣ на собственность, правѣ полномъ, неограниченномъ; толковать и спорить объ этомъ больше нечего: и такъ ужъ скоро третій часъ ночи.

— Да! да!—вскричали многіе, вскакивая съ креселъ,—пора рѣшить этотъ вопросъ голосованіемъ.

— Всѣ съ этимъ согласны, спросилъ Гранжо усталымъ голосомъ,—никто не возражаетъ противъ этого?

Отвѣтомъ было полное молчаніе, всѣ усѣлись. — И среди этого молчанія, среди мертвой тишины ночи, Гранжо спросилъ, внятно, твердо выговаривая каждое слово:

— Я прошу встать съ своихъ мѣстъ тѣхъ изъ васъ, господа, кто не раздѣляетъ мнѣніе г. Виленя, тѣхъ, кто согласенъ со мной, кто не желаетъ, не сочувствуетъ борьбѣ жизни!...

Онъ не разсчитывалъ на то, что поднимутся съ своихъ мѣстъ многіе, онъ не разсчитывалъ на половину, даже на третью часть,—но онъ былъ увѣренъ, твердо увѣренъ, что хотя нѣсколько голосовъ откликнутся на его призывъ,—что въ средѣ, которую онъ самъ создалъ, найдется хотя нѣсколько человѣкъ, которые отзовутся на стремленіе всей его жизни. Онъ искалъ не поддержки: онъ искалъ просто участія.

Всѣ молчали и неподвижно сидѣли на своихъ мѣстахъ. — Прошло нѣсколько мучительныхъ мгновеній. Стѣнные часы громко пробили три раза. Гдѣ-то вдали звонко пропѣлъ пѣтухъ.

Гранжо всталъ,—холодный потъ выступилъ на его вискахъ.

— Итакъ, господа, вопросъ рѣшенъ, сказалъ онъ тихо,—жребій брошенъ. Засѣданіе наше кончено. Мнѣ остается только заявить вамъ о своемъ желаніи завтра-же выйти изъ общества. Можетъ быть, вы на это разсчитывали, или, можетъ быть, вы полагали, что мое убѣжденіе пошатнется передъ убѣжденіемъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ?.. — Вы ошиблись: я

умру вмѣстѣ съ нимъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ, когда я основалъ наше общество, я внесъ въ него движимаго и не движимаго имущества сто мильоновъ пятьсотъ десять тысячъ.—Изъ нихъ полтораста милліоновъ мною были почти отняты у прежняго владѣльца фабрики, г. Мескина. Я могъ бы получить ихъ добровольно, какъ приданое за его дочерью (голосъ его слегка дрогнулъ),—я не захотѣлъ этого,—почему—говорить долго и неумѣстно. Теперь фабрика—общества и всѣ ея имущества, движимыя и недвижимыя, дошли до цѣнности почти двухъ милліардовъ. Я думаю и высказываю это не стѣсняясь, я во многомъ помогъ здѣсь. Но я, разумѣется, ищу не благодарности. Изъ всего этого капитала, я предъявляю право на десять тысячъ, которыя я нажилъ на фабрикѣ г. Мескина, бывши на ней главнымъ мастеромъ. Болѣе я ничего не желаю, хотя имѣлъ бы право расчитывать на гораздо большее; но то, что я потерялъ сегодня (голосъ его опять дрогнулъ), того не купишь никакими капиталами. А теперь, позвольте проститься и пожелать дальнѣйшаго успѣха дѣламъ общества.—Я радъ буду если оно пойдетъ впередъ, а не назадъ.

И, проговоривъ послѣднія слова скороговоркой, онъ поклонился и быстро вышелъ вонъ невѣрными шагами.

Выйдя на свѣжій ночной осенній воздухъ, онъ глубоко вздохнулъ; на глазахъ его стояли слезы. Онъ вошелъ въ садъ и, опуставъ голову, въ глубокой думѣ,

тихо побрелъ по извилистой дорожкѣ.—Дорожка привела его къ берегу пруда, къ небольшой группѣ старыхъ каштановъ.—Онъ тихо опустился на скамейку, на ту самую скамейку, гдѣ, болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, онъ въ первый разъ спросилъ свою Али — любитъ ли она его? Онъ облокотился обѣими руками на колѣна и опустилъ на нихъ сѣдую голову. Все было разбито, похоронено...

— Али, Али! прошепталъ онъ.—Я до сихъ поръ не падалъ въ безсиліи, — но на что мнѣ теперь, къ чему мнѣ онѣ, эти ненужныя силы!

И онъ зарыдалъ какъ ребенокъ....

На другой день, чадъ и призраки ночнаго собранья немного разсѣялись. Нѣкоторые пожалѣли о сдѣланномъ и въ раздумьи покачали головами. Нашлось даже нѣсколько человѣкъ, которые отправились къ Гранжо съ благодарностью и оправданіями. Онъ никого не принялъ и цѣлый день укладывался, стараясь поскорѣе разстаться съ фабрикой, гдѣ все его раздражало, все напоминало прошлое, вездѣ были слѣды его мысли или его рукъ. Только поздно вечеромъ онъ собрался, отправилъ вещи, и самъ садился въ телѣжку, чтобы ѣхать въ городъ. Къ нему подошелъ г. Леро.

— Прощайте, г. Гранжо, сказалъ онъ,—вы много сдѣлали,—отдохните отъ трудовъ,—имѣете на это полное право. А я хотѣлъ вамъ указать адресъ квар-

тиры, если вы еще не имѣете.... А? Имѣете?—А всетаки возьмите на всякій случай, квартирка хорошая, теплая. Меня просили. Тамъ жилъ одинъ аббатъ; возьмите адресъ, можетъ быть и пригодится.

И онъ подалъ адресъ.

Гранжо взглянулъ мелькомъ, машинально и приподнялъ брови.

— Странно играетъ случай человѣкомъ, подумалъ онъ. Адресъ былъ въ домѣ, бывшемъ г. Мескина. Тамъ онъ жилъ, и жилъ именно въ тѣхъ комнатахъ, на которыя теперь указывали ему. Гранжо подумалъ, и распорядился чтобы везли вещи туда.

— Можетъ быть и меня оставили за штатомъ, такъ же какъ я его, и моя роль съиграна. Больше ненуженъ. Можетъ быть они дѣйствительно думаютъ найдти какое нибудь средство, чтобы не упасть въ яму. Остановятся на той золотой срединѣ, при которой таланты будутъ развиваться, а борьбы и гнета не будетъ. Да гдѣ имъ?... Или они правы? Или пусть гибнутъ слабые, пусть сильнѣе будетъ гнетъ, только бы вырабатывалось хотя немного самаго сильнаго, широкаго, геніальнаго, которое дѣлаетъ гигантскіе шаги впередъ!....

И поселился онъ въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, гдѣ жилъ и умеръ г. Мескинъ, и тихо, скучно проходили дни его. Не было цѣли, не было дѣла ему. Писалъ онъ записки, — думалъ подмѣтить, прослѣдить какъ развивался рабочій трудъ, подъ вліяніемъ различ-

ныхъ формъ, но для такой задачи не нашлось матеріаловъ.

Съ участіемъ слѣдилъ онъ за дѣлами общества.

— Можетъ быть, думалъ онъ, прійдетъ оттуда что нибудь неожиданное, новое, успокоительное, на чемъ бы я могъ отдохнуть. Но ничего новаго и успокоительнаго не доходило до его слуха, а почти все шло такъ, какъ онъ предвидѣлъ. Страсти дѣлали свое дѣло. Общество падало, разрушалось медленно и неотразимо. Самымъ сильнымъ въ борьбѣ, которая теперь шла въ немъ, оказался г. Виленъ. Не даромъ онъ и хлопоталъ о новомъ, или, правильнѣе говоря, старомъ принципѣ. Онъ быстро все подобралъ къ рукамъ. Онъ былъ главный распорядитель и руководитель. Ловко онъ эксплуатировалъ и средства и страсти общества, игралъ на самолюбіи, завелъ поощренія, биржу. Начались разныя подделки, удешевленія, кредитъ фабрики быстро падалъ; давно уже явилось раздвоеніе, — явились хозяева и работники, и притомъ много хозяевъ, которые грызлись изъ-за каждой копѣйки, изъ грошоваго дивиденда рыли другъ другу ямы и торопили гибель общества. Самые кроткіе и безобидные давно его оставили и унесли капиталы. Наконецъ, явились несомнѣнные зловѣщіе признаки мерзости запустѣнія: ремонтъ зданій былъ брошенъ, на многомъ явились, какія-то случайныя, заплаты. Положеніе рабочихъ ухудшалось, поднялся ропотъ. Г. Виленъ ужъ разсчитывалъ общую ликвидацію и свой барышъ, — и за этими раз-

счетами, одинъ разъ, въ темную, октябрьскую ночь, засталъ его пожаръ фабрики. Зарево далеко разлилось. Два дня и двѣ ночи горѣли зданія общества, и сгорѣли до тла. Пострадали самые бѣдные и невинные. Земля, зданія и все что можно было продать — было продано, и все исчезло, какъ дымъ, безъ слѣдовъ....

Гранжо не дожилъ до этой катастрофы. Разъ, поздней осенью, онъ по обыкновенію гулялъ по берегу рѣки за городомъ и издали смотрѣлъ на зданія общества. Можетъ быть—и дѣйствительно я идеалистъ и романтикъ, думалъ онъ,—а они идутъ впередъ. Положимъ—ихъ дѣло рухнетъ, но что же нибудь выработается изъ этого. Найдутся-же въ будущемъ силы и стороны, которыхъ мы до сихъ поръ не знаемъ, которыя прячутся въ неуловимыхъ свойствахъ души человѣческой. Вѣдь не дойдутъ-же они до того, до чего дошли Спартанцы, не будутъ-же убивать слабыхъ дѣтей....

Пронзительный крикъ ребенка заставилъ его обернуться. На большомъ плоту женщины мыли бѣлье; у одной упалъ въ воду четырехлѣтній мальчикъ. Не думая, не разсуждая, забывъ всѣ свои мысли, Гранжо опрометью сбѣжалъ къ рѣкѣ и бросился въ воду; онъ вытащилъ ребенка и отдалъ его матери, потомъ, весь мокрый, быстро, почти бѣгомъ отправился домой. Все это онъ считалъ пустякомъ. Не то, не такіе случаи пережилъ онъ въ молодости, — но теперь ему было больше шестидесяти лѣтъ, и трудомъ, горемъ — здоровье его было сильно расшатано.

Въ ту же ночь открылись признаки сильной горячки съ бредомъ. Докторъ разсчитывалъ на спасенье,—но форма бреда сильно смущала его. Въ ней было что-то странное, небывалое, такъ что иногда онъ спрашивалъ себя: да не сумасшествіе-ли это?

Въ этомъ бредѣ что-то было связное, даже логичное, а потомъ онъ вдругъ обрывался и больной, сильно ослабѣвшій, разсуждалъ очень здраво и покойно. Въ бреду ему все представлялось, что надъ нимъ летаетъ его Али, свѣтлая, лучезарная, въ какомъ-то сіяющемъ, бѣломъ платьѣ изъ ажурной кисеи.

— Я—прогрессъ, говорила она Гранжо, — но ты не думай, мой дорогой другъ, чтобы я все вела къ лучшему,—я дѣлаю только все сложнѣе, и дурное и хорошее, и умъ и глупость и мнѣ дѣла нѣтъ до людей: я—дитя природы.

И видѣлъ Гранжо, какъ она тихо плыла передъ нимъ по воздуху, и въ той свѣтлой полосѣ, которую она оставляла за собой, что-то сильно волновалось, боролось. Это борьба жизни, думалъ Гранжо. Потомъ это волненіе утихало, Али становилась еще блестящѣе, но вслѣдъ затѣмъ, она темнѣла, а свѣтъ отъ нее разливался ровными волнами по всей полосѣ.

— Видишь-ли, говорила она,—отъ борьбы я становлюсь свѣтлѣе, но утихнетъ борьба — и весь мой свѣтъ расплывается въ общей массѣ, и нѣтъ во мнѣ яркихъ, сверкающихъ искръ!

Но что же это темное поднимается тамъ? Оно идетъ

на встрѣчу Али. Это хозяинъ, его прежній хозяинъ и за нимъ темная масса рабочихъ.

— Берегись, берегись, шепчетъ Гранжо, — берегись, Али,—они пересѣкутъ твою линію.

Холодный потъ выступаетъ у него на лбу. Онъ сильно мечется, бормочетъ несвязныя слова, приподнимается, машетъ руками и снова въ изнеможеніи, безъ чувствъ падаетъ на подушки.

Потомъ онъ снова приходитъ въ себя. Передъ нимъ его кабинетъ, его книги, у изголовья сидитъ докторъ. Гранжо пристально смотритъ на стѣну и вотъ она, опять она, ея сіянье ослѣпляетъ, нельзя смотрѣть на ея платье, на ея улыбающееся лицо — глазамъ больно, ихъ рѣжетъ, какъ ножами, голова горитъ.

— Другъ мой, дорогой мой другъ!—шепчетъ Али. Ты напрасно думалъ, что я погибну—я не могу погибнуть. Я приняла въ себя всю темную массу и стала еще блестящѣе. Но вглядись въ этотъ блескъ: онъ только ослѣпляетъ, а внутри — тамъ много темнаго, гораздо больше, чѣмъ было. И Гранжо дѣйствительно видитъ это темное, страшное, отталкивающее, въ немъ кишатъ черные черви людскихъ страстей и прихотей. Онъ снова мечется, мучительно мечется и падаетъ безъ памяти.

Три дня и три ночи не отходилъ докторъ отъ его постели. На третье утро, усталый, не выспавшійся, онъ подошелъ къ нему.

Гранжо лежалъ въ тихомъ забытьи. Докторъ посмотрѣлъ на его лицо, на которомъ выступили тем-

ныя пятна, на его тусклые глаза, пощупалъ его пульсъ, махнулъ рукой и вышелъ изъ дому.

Гранжо очнулся; онъ тихо повернулся и уставился на одинъ предметъ неподвижно. Кто-то стоялъ и хныкалъ передъ нимъ. Гранжо долго всматривался, и наконецъ узналъ. Это былъ сынъ его, Жеромъ Гранжо. Онъ былъ худъ, оборванъ и пьянъ.

— Отецъ мой, отецъ мой! бормоталъ онъ, всхлипывая, нетвердымъ языкомъ.

— Зачѣмъ ты пришелъ, спросилъ Гранжо, съ трудомъ дыша, что тебѣ нужно?

— Ты умираешь, мнѣ вѣдь жалко тебя, съ крикомъ проговорилъ сынъ и еще сильнѣе заплакалъ.

— Если бы ты былъ не дуракъ, ты не жалѣлъ бы меня, ясно и съ полнымъ сознаніемъ сказалъ Гранжо. — Каждый старикъ долженъ умереть и чѣмъ меньше стариковъ въ обществѣ, тѣмъ оно скорѣе идетъ впередъ, потому что въ немъ больше остается молодыхъ, свѣжихъ и свѣтлыхъ головъ, только не такихъ, какъ твоя, и этого ты не поймешь.

И онъ съ презрѣньемъ отвернулся отъ него, полежалъ съ минуту и вдругъ быстро приподнялся, глаза его заблестѣли.

— Али, Али! вскричалъ онъ, протянувъ впередъ руки — къ свѣту, гдѣ нѣтъ червей!

И такъ же быстро снова упалъ онъ на подушки, захрипѣлъ и скончался....

Жеромъ Гранжо еще съ полчаса похныкалъ надъ его трупомъ, потомъ принялся шарить во всѣхъ шка-

фахъ. Онъ нашелъ золотой медальонъ съ портретомъ Али, взвѣсилъ его на рукѣ и сунулъ въ карманъ. Въ одномъ бюро нашелъ онъ мелкіе клочки пергамента: это былъ изорванный дипломъ на графское достоинство. Затѣмъ все, всю мебель, вещи, книги онъ забралъ къ себѣ, все продалъ и все по немногу пропилъ.

Прошло около десяти лѣтъ. Въ томъ кварталѣ гдѣ когда-то, больше полувѣка назадъ, жилъ старый тряпичникъ Гужъ, недалеко отъ его каморки поселился новый тряпичникъ, потомокъ Гужа и послѣдній въ родѣ графовъ де-Гранжо,—Жеромъ Гранжо. Одинъ разъ, его нашли на улицѣ мертваго, окоченѣлаго. Колесо жизни раздавило его и продолжало вертѣться по прежнему, и вертится до сихъ поръ, не думая ни о чемъ, ничего не чувствуя, и повинуясь законамъ, сложнымъ, запутаннымъ и до сихъ поръ неразгаданнымъ.

Два вечера.

Вѣтеръ билъ дождемъ въ окна. На дворѣ было темно, сыро и холодно.

Но въ большой, чистой комнатѣ тепло и уютно. Свѣтло горитъ лампа на кругломъ столикѣ, передъ мягкимъ, большимъ диваномъ. Тихо теплится лампадка передъ большимъ распятіемъ, что виситъ въ углу надъ диваномъ.

Распятіе старинной итальянской работы изъ слоновой, уже пожелтѣвшей кости. Ровный свѣтъ лампадки пробѣгаетъ легкими, нѣжными тонами по всей фигурѣ и мягкимъ свѣтомъ освѣщаетъ голову Распятаго. И вся фигура рѣзко отдѣляется отъ креста изъ чернаго дерева.

— Мама! говоритъ шестилѣтній кудрявый ребенокъ матери, что сидитъ на диванѣ и быстро вяжетъ длинный, теплый шарфъ. Мама? — Вѣдь это Христосъ распятъ?

— Да! Христосъ! — и она мелькомъ оглядывается на распятіе и снова погружается въ свою работу.

— Какъ же онъ распятъ? Разскажи мнѣ, мама, что значитъ распятъ.

— Это значитъ, что его прибили гвоздями къ кресту.

— Какъ прибили гвоздями?!

— Такъ!—она оставляетъ работу и беретъ за ручку ребенка,—приложили Его руки вотъ такъ, къ деревянному кресту, и въ каждую руку вколотили гвоздь молоткомъ, гвозди пробили руки насквозь и вошли въ дерево. Потомъ сложили ему ноги и сквозь нихъ тоже вбили большой гвоздь въ дерево, потомъ крестъ врыли въ землю и такъ висѣлъ Онъ на этомъ крестѣ цѣлый день, пока не умеръ.

Ребенокъ поблѣднѣлъ. Его чуткое, воспріимчивое впечатлѣніе живо нарисовало весь ужасъ страшной, кровавой казни.

— Мама! Вѣдь Ему было очень больно, спросилъ онъ, стараясь не вѣрить этому впечатлѣнію,—больно... до крови!

— Да! очень, очень больно.

— Зачѣмъ же это съ Нимъ сдѣлали? Развѣ Онъ былъ злой?!

— Нѣтъ! Онъ былъ добрый, очень добрый,—Онъ былъ добрѣе всѣхъ людей, которые были и будутъ когда нибудь на землѣ, потому-что Онъ былъ не только человѣкъ,—Онъ былъ Богъ!

— Зачѣмъ же Его такъ убили?

— Затѣмъ, что Онъ всѣмъ желалъ добра, Онъ говорилъ, что Богъ, Его Отецъ, добръ и затѣмъ послалъ его на землю, чтобы всѣ узнали, какъ Онъ добръ. И Онъ дѣлалъ много добрыхъ дѣлъ, и много народа ходило постоянно за нимъ. А злые завидовали Ему. Онъ уличалъ ихъ во лжи, зависти, въ злыхъ дѣлахъ. И вотъ за все за это схватили Его и казнили.

— И за это имъ ничего не дѣлали?.. И на лицо мальчика набѣжала краска, и слезы засверкали на глазахъ его... Я бы ихъ всѣхъ прибилъ гвоздями къ деревьямъ. И онъ сжалъ маленькіе кулаки.

— Зачѣмъ-же! говоритъ мама. Ты сдѣлалъ бы очень дурно. Никогда не должно платить зломъ за зло. Это говорилъ Онъ, Христосъ, и когда Его распяли, какъ ни больно было Ему, но онъ, умирая, молился за тѣхъ, которые Его распяли, молился, потому что Онъ любилъ всѣхъ людей, и добрыхъ и злыхъ, потому что каждый злой человѣкъ не былъ бы злымъ, если-бы вокругъ его не было ничего злого и если-бы онъ самъ не могъ дѣлать зла.

Мальчикъ долго смотрѣлъ на распятіе, на Его опущенную голову, на искаженное страданьемъ лицо, на полуоткрытыя уста, которыя, казалось, шептали молитву и повторяли одно и тоже великое слово любви къ человѣку.

— Мама! сказалъ онъ наконецъ, я буду добръ, я буду всѣхъ любить, и добрыхъ и злыхъ.

— Да, сказала мама, будь добръ и люби всѣхъ, всѣхъ людей.—Если ты будешь любить всѣхъ, то ты

будешь хорошо учиться, потому что только тотъ, кто много знаетъ, можетъ сдѣлать много добра всѣмъ людямъ и тотъ дѣйствительно любитъ всѣхъ людей.

И она пристально посмотрѣла на него, она сдвинула кудрявые волосы съ его лба и поцѣловала этотъ, еще не большой, но уже высокій и крутой лобикъ.

— Можетъ быть, подумала она, въ тебѣ дѣйствительно выростетъ любовь къ знанію, истинѣ, на пользу и благо всѣхъ людей. Можетъ быть Онъ уже отмѣтилъ тебя и вложилъ въ твое сердце эту великую любовь. И она съ тихой, безмолвной молитвой взглянула на распятіе....

И тихо теплится лампадка. Свѣтло, тепло, уютно въ большой, теплой комнатѣ. А вѣтеръ бьетъ дождемъ въ окна. На дворѣ темно, сыро и холодно.

Прошло чуть не цѣлое столѣтіе. Цѣлая длинная человѣческая жизнь, полная постоянными долгими трудами, улеглась въ этотъ промежутокъ.

Былъ опять вечеръ. Вѣтеръ билъ дождемъ въ окна. На дворѣ было темно, сыро и холодно.

Въ большой комнатѣ, на большомъ диванѣ лежалъ больной, дряхлый, умирающій старикъ. Странно было всё въ этой темной, пыльной комнатѣ. Тусклый свѣтъ лампы чуть-чуть освѣщалъ ея углы и всѣ набросанныя въ ней вещи: книги въ стѣнныхъ шкафахъ съ полу до потолка, книги на столахъ, на креслахъ, на полу въ грудахъ, въ столбцахъ—развернутыя, ра-

зорванныя, разбросанныя. Разные инструменты, снаряды и аппараты.

Да! это былъ кабинетъ ученаго, и самъ хозяинъ его лежалъ тутъ же на старомъ, мягкомъ диванѣ. Онъ едва двигался. Онъ зналъ что дни его сочтены и въ его умѣ, еще здоровомъ и крѣпкомъ, въ его памяти, еще свѣтлой и сильной, какъ-бы сама собою развёртывалась длинная панорама жизни, полной тревогъ и трудовъ. Онъ перевертывалъ страницу за страницей изъ прожитаго.—Онъ искалъ итоговъ, и чѣмъ дальше искалъ онъ, тѣмъ тревожнѣе становилось блѣдное лицо его. Мучительная дума давила его.

Вонъ лежитъ цѣлый толстый свертокъ всякихъ дипломовъ на разныя почетныя званія и отличія...

— Vanitas vanitatum et omnia vanitas, шепчетъ старикъ.—Благородная конкурренція. Погремушки, которыми хочетъ свѣтъ выразить уваженье къ тебѣ и тѣшитъ и себя и тебя, какъ ребенка.

Вонъ стоитъ длинный рядъ мемуаровъ, его мемуаровъ. Сколько въ нихъ собрано новыхъ фактовъ, сколько открытій!

— Все мелочи, мелочи, шепчетъ старикъ. И ему чудится, какъ развертывается передъ нимъ длинный рядъ всякихъ спеціальныхъ тонкостей, которыя онъ изучалъ съ любовью и описывалъ съ такимъ наслажденіемъ.

Изъ всѣхъ этихъ копотливыхъ трудовъ ни одного вывода. Все проходитъ длинной вереницей мелкихъ, микроскопическихъ фактовъ.

— Вѣдь все это ради великаго знанія, — когда

нибудь все это пригодится, шепчетъ старикъ. Все это ради тебя, о святая истина, къ которой вѣчно будетъ стремиться человѣчество. Все это твое, о великое дѣло самосознанія!

И лицо старика становится спокойно восторженнымъ, его глаза блестятъ, губы шепчутъ что-то въ родѣ молитвы.

И вдругъ испугъ, страданіе пробѣжали по этому лицу. Старикъ приподнялся, онъ прямо смотритъ въ одинъ уголъ. Что-то бѣлѣетъ тамъ. Какая-то головка блѣдная, блѣдная, выглядываетъ изъ-за грудъ книгъ, изъ-за рычаговъ инструментовъ.

Старикъ узналъ эту голову. Въ памяти его ярко нарисовалась сцена изъ давно прошедшаго, далекаго дѣтства. Вотъ сидитъ его мать, сидитъ на томъ самомъ большомъ, мягкомъ диванѣ, на которомъ онъ лежитъ теперь больной, умирающій. Вотъ онъ смотритъ на туже самую голову, на которую смотритъ и теперь.—Мама! вспоминаетъ онъ, вѣдь это Христосъ распятъ?—Да Христосъ, отвѣчаетъ мать... Только тотъ... вспоминается старику, только тотъ, кто много знаетъ, можетъ сдѣлать много добра всѣмъ людямъ и тотъ дѣйствительно любитъ всѣхъ людей!...

— Какія простыя и великія слова! Неужели они когда нибудь звучали въ моемъ сердцѣ?!

Старикъ вздрогнулъ. Онъ снова оглянулъ комнату. Книги,—книги,—книги безъ конца.

— Ни одна изъ васъ не подсказала мнѣ великое

слово любви! — Ни одна не указала святой, вѣчной цѣли.

— О! что мы, что все человѣчество будетъ дѣлать на широкой свободѣ всѣхъ сознанныхъ фактовъ, — если не будетъ въ насъ любви?

— Ты любилъ истину, утѣшалъ его внутренній голосъ. Изъ мелкихъ трудовъ складываются крупныя вещи. Пусть каждый идетъ туда, куда влекутъ его прирожденныя или воспитанныя привязанности. Свобода, свобода, полная вездѣ и во всемъ.

— Laissez faire, laissez aller! прошепталъ онъ и горько улыбнулся. Иди туда, куда влекутъ тебя страсти, живи для самоудовлетворенія e sempre bene.

Онъ долго сидѣлъ, опустивъ голову на руки. Потомъ вдругъ приподнялся. Тихо всталъ съ дивана, шатаясь и переступая съ трудомъ, онъ подошелъ къ распятью и дрожащими руками вынулъ его изъ старой корзины куда былъ сложенъ всякій хламъ. Онъ отеръ съ него пыль, онъ съ любовью смотрѣлъ на чудную, артистическую работу. Въ ней сила красоты и сила чувства сливались безраздѣльно.

— Да! Ты, одинъ Ты умѣлъ любить человѣка, шепталъ онъ, — любитъ беззавѣтно, со всей вѣрой энтузіазма!...

Въ глазахъ у него темнѣло. Сердце переставало биться.

— О! не Ты-ли одинъ, шепталъ онъ, вѣдалъ, что выше въ этой туманной, таинственной жизни, —

что выше любовь-ли къ истинѣ, или любовь къ человѣку!....

Голова его тихо склонилась на пыльный ящикъ, руки крѣпко сжали распятье и закостенѣли. Сердце перестало биться, голова перестала работать.

Порывистый вѣтеръ распахнулъ окно и загасилъ лампу...

ОПЕЧАТКИ

Введеніе.			*Напечатано:*	*Должно быть.*
СТРН.	СТРОКА.			
III	II	снизу	сознанной фактъ	сознаннаго факта
2	8	»	нарви	не рви
24	1	снизу	выступила веселая ямка	выступали веселыя ямки
29	6	сверху	цвѣточкомъ	цвѣтикомъ
30	9	снизу	словъ	слезъ
33	6	сверху	визглый	визгливый
49	11	сверху	кивнувъ	кивнулъ
»	»	»	вышелъ	и вышелъ
55	6	»	и	или
57	6	снизу	побрелъ	пожелалъ
69	6	сверху	Мышка	И Мышка
70	16	»	плечахъ	плечѣ
75	2	»	говорилъ	сказалъ
78	5	»	1-й сортъ	Сортъ 1-й
79	6	»	давай	давать
72	1	»	съ серебряными	серебрянными
94	2	»	полныя	впалыя
112	7	»	лентовъ	лентъ
113	6	»	Фанииной	Фанни
114	3	снизу	Насъ	Насъ половины
120	2	сверху	идетъ и полемъ	идетъ полемъ, идетъ и
120	2	снизу	и не много	не много
123	10	»	побои всѣ	набольшій ихъ
124	15	»	бабой былъ, каткомъ	каткомъ
126	7	»	поворотила	поворожила

Стр.	Строка.		*Напечатано:*	*Должно быть:*
133	1	сверху	веселый	весенній
135	12	снизу	и маіоръ	маіоръ и
145	4	сверху	работники	ребятишки
150	4	»	травѣ	землѣ
172	7	снизу	колышекъ	камешекъ
175	2	»	вѣдь	вѣрь
176	11	сверху	въ землѣ	къ землѣ
193	8	»	Жеромъ	Генрихъ
»	11	»	Жеромъ	Генрихъ
196	6	снизу	на другоя	къ другой
208	8	сверху	серебристый	серебрянный
208	14	»	подъ	надъ
213	2	»	безталантная	безталанная
214	10	снизу	красныя	красивыя
»	1	»	красныя	красивыя
227	6	»	брату	тàту
229	13	»	среди Лазури	феи Лазуры
233	8	сверху	и спрыгнулъ	и Волчокъ спрыгнулъ
»	10	»	Но	Нолли
236	13	»	Милина	Милы
237	5	снизу	нѣчто	пѣсню
238	4	сверху	и высохшія руки	на холодную землю
»	6	»	дочери и	дочери говорили
»	»	»	добрые люди	добрые люди и
239	8	снизу	прочный	простой
242	»	»	зло	это
244	1	сверху	и все только хорошѣла	и хорошѣла
253	8	снизу	облачко	облако
259	6	сверху	полосками	потоками
298	2	сверху	все ты	ты все-таки
315	4	снизу	прекрасно	прескверно
362	3	»	двадцать восемь	двѣсти девяносто восемь

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS
WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa.
Sept.-Oct. 1988
We're Quality Bound

